

Научно-методический журнал

Гуманитарные науки и образование

16+

ТОМ 16, № 2. 2025

УЧРЕДИТЕЛЬ ЖУРНАЛА:

ФГБОУ ВО «Мордовский
государственный
педагогический университет
имени М. Е. Евсевьева»

Издается с января
2010 года

Выходит
1 раз в квартал

Фактический адрес:

430007, Республика
Мордовия, г. Саранск,
ул. Студенческая, 13б,
каб. 325

Телефоны:

(834-2) 33-92-54
(834-2) 33-93-09

Факс:

(834-2) 33-92-67

E-mail:

gumanitarnie.nauki@yandex.ru

Сайт:

<http://www.mordgpi.ru>
he.mordgpi.ru

Подписной индекс
в каталоге «Почта России»
ПР 718

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Т. И. Шукшина (главный редактор) – доктор педагогических наук,
профессор

Л. П. Водясова (зам. главного редактора) – доктор филологических
наук, профессор

И. Б. Буянова (отв. секретарь) – кандидат педагогических наук, доцент

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

А. З. Абдуллаев – доктор философских наук, профессор
(Азербайджан, Баку)

Е. А. Александрова – доктор педагогических наук, профессор
(Россия, Саратов)

Н. М. Арсентьев – доктор исторических наук, профессор
(Россия, Саранск)

Е. В. Бережнова – доктор педагогических наук, профессор
(Россия, Москва)

М. В. Богуславский – доктор педагогических наук, профессор
(Россия, Москва)

Е. С. Гриценко – доктор филологических наук, профессор
(Россия, Нижний Новгород)

А. В. Мартыненко – доктор исторических наук, профессор
(Россия, Саранск)

В. И. Меньковский – доктор исторических наук, профессор
(Республика Беларусь, Минск)

Т. Д. Надькин – доктор исторических наук, доцент
(Россия, Саранск)

И. С. Насипов – доктор филологических наук, профессор
(Россия, Уфа)

О. Е. Осовский – доктор филологических наук, профессор
(Россия, Саранск)

В. И. Рогачев – доктор филологических наук, доцент
(Россия, Саранск)

В. В. Рубцов – доктор психологических наук, профессор
(Россия, Москва)

Н. В. Рябова – доктор педагогических наук, доцент
(Россия, Саранск)

С. В. Сергеева – доктор педагогических наук, профессор
(Россия, Пенза)

А. В. Торхова – доктор педагогических наук, профессор
(Республика Беларусь, Минск)

М. А. Якунчев – доктор педагогических наук, профессор
(Россия, Саранск)

*Журнал включен ВАК при Министерстве науки и высшего образования
Российской Федерации в перечень ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней
кандидата и доктора наук*

**Scientific and
methodological
journal**

**Vol. 16, no. 2. 2025
(april – june)**

(Continuous issue – 62)

JOURNAL FOUNDER:
FSBEIHE “Mordovian State
Pedagogical University named
after M. E. Evseyev”

Has been published
since January 2010

Quarterly issued

Actual address:
Room 325, 136
Studencheskaya Street,
the city of Saransk,
The Republic of Mordovia,
430007

Telephone numbers:
(834-2) 33-92-54
(834-2) 33-93-09

Fax number:
(834-2) 33-92-67

E-mail address:
gumanitamie.nauki@yandex.ru

Website:
<http://www.mordgpi.ru>
he.mordgpi.ru

**Subscription index
in the catalogue
“Russian Post”
PR 718**

EDITORIAL COUNCIL

T. I. Shukshina (editor-in-chief) – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
L. P. Vodyasova (editor-in-chief assistant) – Doctor of Philological Sciences, Professor
I. B. Buyanova (executive secretary) – Candidate of Pedagogical Sciences, Docent

EDITORIAL COUNCIL MEMBERS

A. Z. Abdullaev – Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Azerbaijan, Baku)
E. A. Alexandrova – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Saratov)
N. M. Arsentiev – Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia, Saransk)
E. V. Berezhnova – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
M. V. Boguslavskiy – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
E. S. Gritsenko – Doctor of Philological Sciences, Professor (Russia, Nizhny Novgorod)
A. V. Martynenko – Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia, Saransk)
V. I. Menkouski – Doctor of Historical Sciences, Professor (Belarus, Minsk)
T. D. Nadkin – Doctor of Historical Sciences, Docent (Russia, Saransk)
I. S. Nasipov – Doctor of Philological Sciences, Professor (Russia, Ufa)
O. E. Osovski – Doctor of Philological Sciences, Professor (Russia, Saransk)
V. I. Rogachev – Doctor of Philological Sciences, Docent (Russia, Saransk)
V. V. Rubtsov – Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)
N. V. Ryabova – Doctor of Pedagogical Sciences, Docent (Russia, Saransk)
S. V. Sergeeva – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Penza)
A. V. Torhova – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Belarus, Minsk)
M. A. Yakunchev – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Saransk)

The Journal is included by HCC of the Ministry of Education and Science of the RF in the list of the leading peer-reviewed scientific journals and publications, which should issue the main scientific results of the candidate's and doctoral theses

ISSN 2079-3499

© “Gumanitarnye nauki
i obrazovanie”, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИКА

О. И. Бирюкова Междисциплинарность как основа образовательной модели предметной дисциплины.....	7
Н. С. Дикарев Роль дополнительного образования в формировании социальной ответственности у подростков.....	12
Г. В. Китайгородская Методические подходы к проектированию Федеральной основной образовательной программы основного общего образования по региональной литературе.....	16
Е. А. Кожемякина, Н. П. Сенченков А. Е. Кондратенков о роли внеклассных занятий в системе трудового воспитания сельских школьников.....	22
Т. А. Маркова, В. Л. Попова, А. Д. Горева Обучение латинскому языку с применением интерактивных технологий.....	30
Н. В. Матюшина Новый взгляд на лингвокультурологический подход в преподавании РКИ: к постановке задачи.....	35
Л. М. Перминова Предпосылки и методологические ориентиры подготовки учителя в условиях перехода к стабилизации развития образования.....	42
Д. А. Прусакова Определение сущности понятия «гражданская идентичность» посредством сравнительного анализа сопутствующих понятий.....	50
Ж. И. Сорокина Закономерности формирования социокультурной компетентности детей старшего дошкольного возраста.....	56
В. М. Струговец Формирование экономических компетенций у медиаспециалистов.....	61
С. П. Черкашина Научно-методические аспекты освоения терминосферы специальности «Интеллектуальные интегрированные системы».....	68
Р. А. Эльмурзаева, Э. С. Одаева, М. З. Газиева Осознанность выбора профессии в школе как предиктор трудоустройства выпускников вузов.....	72
Л. М. Boyarkina, E. A. Davydova, I. A. Glukhova Developing communicative competence of students through WebQuest technology in English lessons in secondary school.....	79

ИСТОРИЯ

В. Н. Горлов Градостроительный план «Новая Москва» 1918–1920-х гг.: проблемы процесса проектирования....	84
Д. М. Демидович, С. В. Подгорнова Повседневная жизнь детей Петербурга: игрушки второй половины XIX – начала XX в.....	90
А. В. Малов Православный воинский идеал в русской культуре: историческая ретроспектива.....	97
А. В. Мартыненко, Т. Д. Надькин, Д. А. Гунин Власть и общество Республики Мордовия в условиях специальной военной операции: историко-культурный анализ.....	104
В. В. Мирошкин Исторические факторы формирования традиции добрососедства в этнокультуре мордвы.....	110
С. И. Шукшин Иудаизм и евреи Ленинграда и Петербурга Новейшего времени: возвращение религиозных традиций.....	115

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

А. К. Булатова

Лексико-семантические особенности западного диалекта татарского языка (на примере говоров Пензенской области)..... 119

Л. П. Водясова, Е. А. Кашкарева

Невербальные жанры туристического дискурса (на материале текстов туристической тематики о Тунисской Республике)..... 125

Л. М. Гареева

Вербализация кинесических средств общения в прозе Гузель Яхиной..... 132

Г. С. Иванова, Н. В. Иванова, К. И. Сайгутина

Фонетическая система рузаевских говоров перхляйского типа (сравнительный аспект)..... 137

Ли Сыюй, Ван Дэндэн

Сравнительно-сопоставительный анализ фразеологизмов и пословиц с зооморфными компонентами в русской и китайской культурах..... 144

С. А. Оборская

О некоторых особенностях словообразования в современном хмерском языке..... 150

Е. С. Чудаев

Габитусный анализ в роли способа достижения эквивалентности при переводе текста научной тематики..... 156

РЕЦЕНЗИИ, ИНФОРМАЦИЯ, МНЕНИЯ

Т. И. Шукшина

Научное измерение проблем профессиональной ориентации и профессионального самоопределения обучающихся: подводя итоги всероссийской научно-практической конференции «Профессиональная ориентация и профессиональное самоопределение обучающихся: вызовы времени», посвященной памяти академика РАО, доктора педагогических наук, профессора С. Н. Чистяковой..... 161

CONTENTS

PEDAGOGY

O. I. Biryukova Interdisciplinarity as a basis for the educational model of a subject discipline.....	7
N. S. Dikarev The role of additional education in the formation of social responsibility among adolescents.....	12
G. V. Kitaygorodskaya Methodological approaches to the design of the Federal Basic Educational Program of Basic General Education in Regional Literature.....	16
E. A. Kozhemyakina, N. P. Senchenkov A. E. Kondratenkov on the role of extracurricular activities in the system of labor education of rural schoolchildren.....	22
T. A. Markova, V. L. Popova, A. D. Goreva Teaching Latin with interactive technologies.....	30
N. V. Matyushina A new look at the linguistic and cultural approach in teaching Russian as a foreign language: task setting.	35
L. M. Perminova Prerequisites and methodological guidelines for teacher training in the context of the transition to stabilization of educational development.....	42
D. A. Prusakova Defining the essence of the “civil identity” concept through a comparative analysis of related concepts.....	50
Zh. I. Sorokina Patterns of the formation of socio-cultural competence of older preschool children.....	56
V. M. Strugovets Formation of economic competencies among media specialists.....	61
S. P. Cherkashina Scientific and methodological aspects of mastering the terminology sphere of the professional field “Intelligent integrated systems”.....	68
R. A. Elmurzaeva, E. S. Odaeva, M. Z. Gazieva Profession choice awareness at school as a predictor of employment of university graduates.....	72
L. M. Boyarkina, E. A. Davydova, I. A. Glukhova Developing communicative competence of students through WebQuest technology in English lessons in secondary school.....	79

HISTORY

V. N. Gorlov Urban development plan “New Moscow” in 1918-1920s: problems of the design process.....	84
D. M. Demidovich, S. V. Podgornova Everyday life of children in Saint Petersburg: toys of the second half of the 19th to early 20th centuries.....	90
A. V. Malov Orthodox military ideal in Russian culture: historical retrospective.....	97
A. V. Martynenko, T. D. Nadkin, D. A. Gunin The government and society of the Republic of Mordovia in the context of the Special Military Operation: historical and cultural analysis.....	104
M. V. Miroshkin Historical factors of good neighborliness tradition formation in the ethnoculture of the Mordvins.....	110
S. I. Shukshin Judaism and the Jews of Leningrad and Saint Petersburg in contemporary history: the return of religious traditions.....	115

LINGUISTICS

A. K. Bulatova

Lexical-semantic features of the Western dialect of the Tatar language (on the example of subdialects of the Penza Region)..... 119

L. P. Vodyasova, E. A. Kashkareva

Non-verbal genres of tourist discourse (based on texts on tourism topics about the Tunisian Republic)..... 125

L. M. Gareeva

Verbalisation of kinesic means of communication in the prose by Guzel Yakhina..... 132

G. S. Ivanova, N. V. Ivanova, K. I. Saygutina

Phonetic system in Ruzaevka subdialects of Perkhlyay type (comparative aspect)..... 137

Li Siyu, Wang Dengdeng

Comparative and contrastive analysis of idioms and proverbs with zoomorphic components in Russian and Chinese cultures..... 144

S. A. Oborskaia

On certain features of word formation in the modern Khmer language..... 150

E. S. Chudaev

Habitus analysis as a method for achieving equivalence in the translation of scientific texts..... 156

REVIEWS, INFORMATION, OPINIONS

T. I. Shukshina

Scientific dimension of the problems of professional orientation and professional self-determination of students: summing up the results of the All-Russian scientific and practical conference “Professional orientation and professional self-determination of students: challenges of the time”, dedicated to the memory of the academician of the Russian Academy of Education, doctor of pedagogical sciences, professor S. N. Chistyakova..... 161

ПЕДАГОГИКА

Научная статья

УДК 8(045)

doi: 10.51609/2079-3499_2025_16_02_07

Междисциплинарность как основа образовательной модели предметной дисциплины

Ольга Ивановна Бирюкова

Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева, Саранск, Россия,
olgbirukova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9904-9602>

Аннотация. Статья является продолжением исследования специфики реализации междисциплинарного изучения историко-литературных дисциплин в вузовской практике. Ее цель – доказать важность междисциплинарности, отвечающей в образовательном пространстве за качество и целостность знаниевой парадигмы, мобильность и профессиональную адаптивность будущего учителя-филолога. Междисциплинарность рассматривается как основа образовательной модели предметной дисциплины, позволяющей, с одной стороны, интегрировать несколько научных дисциплин с целью показа связи между ними и достижения единого результата, а с другой – изучать объект исследования комплексно, не нарушая логику отдельной учебной дисциплины. Реализация междисциплинарности рассматривается на примере содержания дисциплины «История русской литературы», традиционно преподаваемой на филологическом факультете Мордовского государственного педагогического университета имени М. Е. Евсевьева (МГПУ). Предлагаемые задания позволяют студентам выйти за рамки отдельной дисциплины, осуществить интеграцию (с историей, философией, живописью, музыкой, театром, кинематографом, искусственным интеллектом (ИИ)), продемонстрировать осознанное видение единой картины мира и высокий уровень междисциплинарной рефлексии.

Ключевые слова: междисциплинарность, дисциплина, образовательная модель, интеграция, студент, механизм, задание

Благодарности: исследование выполнено в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнеров по сетевому взаимодействию (Чувашский государственный педагогический университет имени И. Я. Яковлева и Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева) по теме «Междисциплинарность как базовая стратегия современного филологического образования в педагогическом вузе».

Для цитирования: Бирюкова О. И. Междисциплинарность как основа образовательной модели предметной дисциплины // Гуманитарные науки и образование. 2025. Т. 16, № 2 (62). С. 07–11. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_07.

PEDAGOGY

Original article

Interdisciplinarity as a basis for the educational model of a subject discipline

Olga I. Biryukova

Mordovian State Pedagogical University, Saransk, Russia, olgbirukova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9904-9602>

Abstract. The article continues the research of the specifics of the implementation of interdisciplinary study of historical and literary disciplines in university practice. The purpose of the article is to prove the importance of interdisciplinarity, which is responsible for the quality and integrity of the knowledge paradigm, mobility and professional adaptability of the future teacher-philologist in the educational space. Interdisciplinarity is considered as the basis of the educational model of the subject discipline, which allows, on the one hand, to integrate several scientific disciplines in order to show the connection between them and achieve a single result, and on the other hand, to study the object of research in a comprehensive manner, without violating the logic of a separate academic discipline. The implementation of the principles of interdisciplinarity is considered on the example of the content of the discipline “History of Russian Literature”, traditionally taught at the Philological Faculty of Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseiev. The proposed assignments allow students

to go beyond the boundaries of a single discipline, to implement integration (with history, philosophy, painting, music, theatre, cinema, artificial intelligence (AI)), to demonstrate a conscious vision of a single world picture and a high level of interdisciplinary reflection.

Keywords: interdisciplinarity, discipline, educational model, integration, student, mechanism, assignment

Acknowledgments: the research was carried out within the framework of a grant for conducting research in priority areas of scientific activity of partner universities in network interaction (Chuvash State Pedagogical University and Mordovian State Pedagogical University) on the topic “Interdisciplinarity as a basic strategy for modern philological education in a pedagogical university”.

For citation: Biryukova O. I. Interdisciplinarity as a basis for the educational model of a subject discipline. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education. 2025; 16(2-62):07-11. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_07

Введение

Высшее филологическое образование сегодня в реалиях цифрового пространства кардинально меняется, как и гуманитарная сфера в целом, пытаюсь достойно «пережить» университетскую оптимизацию, настойчивое погружение в мир технической инноватики и интернет-пространства, которые постепенно лишают «его ценности живого общения, сотворчества преподавателей и учащихся, спонтанности сопереживания нового опыта, сопричастности к интерпретации фактов культуры» [1, с. 196]. С другой стороны, когда оказывается недостаточно для рынка труда традиционной подготовки будущих учителей, преподавателей высшей школы и научных работников, т. е. выпускников, освоивших узкопрофильное направление подготовки, возникает необходимость внутренних методологических и методических изменений в реализации высшего образования. Такая образовательная концепция должна представлять собой, с одной стороны, адаптированный к современным требованиям и активно развивающийся научно-образовательный комплекс с определенными принципами и технологиями, а с другой – быть пространством, проявляющим готовность к трансформации традиционной образовательной деятельности в инновационный ее формат. В этом контексте необходимо рассматривать междисциплинарность как базовую стратегию современного филологического образования, овладение которой позволит будущим специалистам быть готовыми к решению профессиональных задач.

Междисциплинарность интегрирует несколько научных дисциплин с целью показа связи между ними и достижения единого результата, что позволяет изучать объект комплексно, не нарушая логику отдельной учебной дисциплины.

Обзор литературы

Научный интерес к проблеме междисциплинарности в образовании с годами только усиливается. Согласно результатам опроса «Института статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ)» НИУ ВШЭ¹, междисциплинарность лидирует в рейтинге значимости трендов развития науки в перспективе до 2030 г., опережая цифровизацию в научных исследованиях. Наиболее высокие ожидания наблюдаются у представителей гуманитарных и социальных наук (84 % и 78 % опрошенных соответственно), а также у россий-

ских респондентов в целом и экспертов из университетов (по 75 %). Научная электронная библиотека только за 2022–2025 гг. предлагает читателю более 300 статейных источников по обозначенной проблеме.

Ведущие ученые-педагоги, с одной стороны, подтверждают методологическую и методическую значимость междисциплинарности для современного образования, с другой – отмечают факты этого процесса, требующие своего обоснования. Согласимся с Л. М. Перминовой: «Многообразие тематики опубликованных материалов о междисциплинарности и ее высокая дифференциация, а также сложность самой проблемы, не позволяют сгруппировать имеющиеся работы и выделить онтологические линии междисциплинарности кроме общезначимых, отвечающих интересам самой науки» [2, с. 531]. Современные исследования междисциплинарности подтверждают выдвинутый выше тезис. Так, О. А. Лихарева и Д. Ю. Плетнева комментируют междисциплинарность как «взаимообусловленную систему интеграции знаний» [3, с. 49], И. И. Калина, В. А. Нехамкин, Л. П. Киященко и В. И. Моисеев – как процесс интеграции двух и более дисциплинарных областей в едином пространстве междисциплинарного взаимодействия².

О. Р. Нерадовская, З. А. Скрипко, М. Г. Минин правы в том, что пространство междисциплинарного взаимодействия «не исключает дисциплинарных делений и может осмысливаться в свете теории переходности на качественно новый пространственный уровень» [4, с. 65], в результате чего меняются обыденные представления на тот или иной объект познания.

Л. А. Шестакова указывает на важную роль междисциплинарной интеграции для образовательного процесса в «создании единого образовательного пространства, обладающего целостным потенциалом развития с помощью использования инновационных педагогических и дидактических методов и организационных форм обучения и формирования компетенций» [5, с. 49]. Л. Н. Синельникова доказывает, что сегодня «установка на междисциплинарность... становится маркером

¹ Будущее науки: междисциплинарность. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1013764424.pdf> (дата обращения: 10.04.2025)

² Калина И. И. Междисциплинарность: учителям легче, ученикам полезнее // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 5 (128). С. 8–17; Нехамкин В. А. Междисциплинарность в современном гуманитарном познании: тенденции, итоги и перспективы развития // Социум и власть. 2019. № 2 (76). С. 96–105; Киященко Л. П., Моисеев В. И. Философия трансдисциплинарности. М. : ИФРАН, 2009. 205 с

смены методологического и образовательного дискурса, смены типов профессионализма» [6, с. 103].

Таким образом, обобщая определения междисциплинарности, можно утверждать, что сегодня она является необходимым научным и методическим навигатором образовательного процесса, «ломающим» границы отдельных дисциплин, обеспечивающим «концептуальность, системность, управляемость, эффективность, результативность» [7, с. 8] обучения, влияющим на качество междисциплинарной рефлексии обучающихся.

Материалы и методы

Проблематика настоящего исследования была ориентирована, во-первых, на теоретический анализ научных публикаций по обозначенной теме, во-вторых, на анализ содержания учебного плана направления подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), профиль «Русский язык. Литература», реализуемого на филологическом факультете МГПУ, и отдельных рабочих программ дисциплин.

Результаты исследования

Образовательная модель вузовского обучения в целом и отдельной дисциплины в частности сегодня продолжает демонстрировать свою междисциплинарную недоработку, отсутствие взаимодействия и взаимовлияния между различными дисциплинами и привлечение знаний из разных научных областей в пределах одного курса. И это несмотря на то, что рабочие программы акцентируют внимание на взаимосвязях исходной дисциплины с предшествующими и последующими, в которых используются аналогичные методы, средства, формы работы и которые содержательно дополняют исходную дисциплину, т. е. вузовское образование имеет компоненты (например, исследовательский), для которых «междисциплинарность является неотъемлемой характеристикой» [8, с. 89]. Считаем, что междисциплинарность необходимо рассматривать как основу образовательной модели предметной дисциплины, позволяющей, с одной стороны, интегрировать ряд дисциплин с целью показа связи между ними и достижения единого результата, а с другой – изучать объект исследования, не нарушая логику отдельной учебной дисциплины.

Учебный план³ филологического факультета МГПУ направления подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), профиль «Русский язык. Литература», демонстрирует следующую траекторию реализации междисциплинарности в образовательном процессе. Уже на первом – третьем курсах вузовская дисциплинарная парадигма позиционируется как междисциплинарная. Студенты параллельно изучают предметы социально-гуманитарной, коммуникативно-цифровой, здоровьесберегающей, психолого-педагогической и профессиональной направленности («История России», «Основы российской государственности», «Технологии цифрового образования», «Системы искусственного интеллекта», «Возрастная анатомия, физиология и культура здо-

ровья», «Основы медицинских знаний», «Психология», «История русской литературы», «Практикум по русскому языку» и др.). Подобное наполнение учебного плана ориентировано на повышение общеобразовательного уровня студентов, формирование их мировоззренческой позиции. На старших курсах заметно увеличиваются учебные часы на изучение профессиональных дисциплин, усиливается профессионализация учебного процесса. В учебном плане на четвертом – пятом курсах студенты продолжают изучать в социально-гуманитарном модуле такие дисциплины, как «Финансово-экономический практикум», «Нормативно-правовые основы профессиональной деятельности», в психолого-педагогическом – «Педагогику», «Психологию», «Обучение лиц с ОВЗ и особыми образовательными потребностями». В предметных модулях «Русский язык» и «Литература» названия основных дисциплин не отражают принципа междисциплинарности, в их содержательном наполнении не присутствует, например, принцип бинарного или интегрированного предметно-модульного обучения, оценочные средства не всегда отвечают требованиям включенности в них учебного материала, связанного с междисциплинарным взаимодействием. Исключение составляют дисциплины по выбору («Интеграция в сфере филологического образования», «Историческое комментирование фактов русского языка», «Психологизм русской литературы», «История России в зеркале русской литературы» и др.).

На наш взгляд, сегодня «слабым звеном» образовательной модели конкретной предметной дисциплины является отсутствие взаимопроникновения и взаимодействия ее с другими дисциплинами, что не позволяет у будущего учителя формировать единую картину мира и предметно его готовить к требованиям школьного образовательного пространства.

Дисциплина «История русской литературы» занимает важное место в образовательной программе подготовки учителя-филолога. Она изначально предполагает интеграцию, развитие и обогащение литературных знаний за счет усвоения прежде всего общегуманитарных дисциплин, что позволяет формировать целостное представление о литературе как социокультурном конструкте. В задачи дисциплины входят знакомство студентов с многочисленным корпусом художественных произведений, освоение литературоведческой базы на основе формирования и развития аналитических компетенций обучающихся, активизация их познавательной деятельности, чему способствует в том числе междисциплинарный характер изучаемого материала. Для примера предлагаем несколько вариантов заданий, апробированных в процессе преподавания обозначенной дисциплины, отражающих диалог между различными предметными отраслями, необходимый для формирования нового знания:

– Изучите исторические источники и особенности их интерпретации в трагидокомедии «Владимир» Ф. Прокоповича (трагедии «Борис Годунов» А. С. Пушкина, романе-эпопее «Война и мир» Л. Н. Толстого и др.). Рассмотрите диалог филосо-

3 Учебный план. URL: <https://www.mordgpi.ru/activities/education/orop/158/4241/> (дата обращения: 25.03.2025).

фии и литературы на примере творчества А. Белого (И. Бунина, А. Блока, Ф. Достоевского и др.).

– Выявите общее и различное в интерпретации героев в комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» и в постановке комедии в Малом театре (реж. В. Н. Иванов, 1996);

– Обратитесь к научным исследованиям, посвященным изучению диалогических отношений литературы и кинематографа (например, Ю. Тынянова, В. Шкловского, Б. Эйхенбаума и др.), а также статьям И. Андроникова, Я. Белинкиса, У. Гуральника по вопросам экранизации художественных текстов. Используйте сравнительный анализ произведения и фильма в целях сопоставления средств создания конфликта литературного произведения автором и режиссером-интерпретатором: «Война и мир» (роман-эпопея Л. Н. Толстого) // «Война и мир» (кинофильм, режиссер С. Ф. Бондарчук, 1965–1967 гг.), «Тихий Дон» (роман М. А. Шолохова) // «Тихий Дон» (кинофильм, режиссер С. А. Герасимов, 1957 г.), «Преступление и наказание» (роман Ф. М. Достоевского) // «Преступление и наказание» (кинофильм, режиссер Л. А. Кулиджанов, 1969 г.), «Отцы и дети» (роман И. С. Тургенева) // «Отцы и дети» (кинофильм, режиссер А. А. Смирнова, 2008 г.), «Мертвые души» (поэма Н. В. Гоголя) // «Мертвые души» (кинофильм, режиссер М. А. Швейцер, 1984 г.), «Обломов» (роман И. А. Гончарова) // «Несколько дней из жизни И. И. Обломова» (кинофильм, режиссер Н. С. Михалков, 1980 г.) и др. Обратите внимание на сохранение или трансформацию словесного образа в экранный при условии воссоздания художественного мира произведения во всей его подлинности и неискажении авторского замысла.

– Найдите и определите роль музыкальных цитат в драматургии А. П. Чехова (в повести «Собачье сердце» М. А. Булгакова, лирике А. Блока и А. Ахматовой, Б. Пастернака и др.).

– Рассмотрите цветопись как миромоделирующий прием в творчестве Г. Р. Державина (творчестве Ф. Сологуба, С. Есенина, В. Маяковского, Ю. Казакова, Д. Рубиной и др.), проанализируйте соотношение выразительных возможностей слова и его визуализации.

– Создайте архив иллюстраций к художественному произведению, используя ИИ, приложения Shidevrum.ai, Kandinsky 3.1, Midjourney и др. Для этого внимательно прочитайте текст и выберите описательные фрагменты, которые характеризуют ключевые эпизоды, персонажей или атмосферу сцен и могут быть использованы для создания иллюстраций.

Таким образом, ведущим принципом достижения междисциплинарности должна стать практико-ориентированность образовательной программы в целом и отдельной дисциплины в частности с опорой на фундаментальное университетское образование.

Обсуждение и заключения

Представленный анализ научных исследований по обозначенной теме и опыт филологического факультета МГПУ позволяет прийти к следующему

заключению:

Во-первых, междисциплинарность на современном этапе должна оставаться или стать важнейшей составляющей образовательного процесса, благодаря которой меняется качество обучения, расширяется общекультурное, личностное и познавательное развитие студентов, запускается механизм подготовки будущих учителей, имеющих предметную подготовку по смежным дисциплинам и готовых к решению сложных профессиональных задач, «адаптации образовательного процесса к индивидуальным потребностям каждого ребенка» [9, с. 34].

Во-вторых, меняется образовательная модель предметной дисциплины, которая изначально базируется на междисциплинарности, т. к. закладывается траектория, отвечающая за ее связь с предшествующими и последующими предметами на основе изучения смежных тематик, использования общих технологий, средств и форм обучения.

В-третьих, приведенная в качестве примера дисциплина «История русской литературы», реализуемая на филологическом факультете МГПУ в течение всего срока обучения студентов, демонстрирует междисциплинарные возможности, связь с историей, философией, психологией, русским языком, живописью и кинематографом, современными цифровыми ресурсами и др., что позволяет готовить новые педагогические кадры с высоким уровнем междисциплинарной рефлексии, со сформированными компетенциями для ситуации функционально-смысловой неопределенности, обладающих видением единой картины мира.

Список источников

1. Оболенская Ю. Л. Филологическое образование в новом социокультурном и технологическом контексте // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2020. № 5. С. 195–205.

2. Перминова Л. М. Полидисциплинарность и междисциплинарность в педагогике и дидактике: методологический анализ, пути решения // Осовские педагогические чтения «Образование в современном мире: Новое время – новые решения»: сборник научных трудов. Саранск : МГПУ, 2023. С. 529–537.

3. Лихарева О. А., Плетнева Д. Ю. Междисциплинарное обучение в школе: теория и практика // Концепт. 2021. № 5. С. 42–55.

4. Нерадовская О. Р., Скрипко З. А., Минин М. Г. Междисциплинарность в высшем педагогическом образовании: из опыта преподавания естественно-научных дисциплин // Научно-педагогическое обозрение. 2024. № 6 (58). С. 63–71.

5. Шестакова Л. А. Теоретические основания междисциплинарной интеграции в образовательном процессе вузов // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. 2013. № 1 (2). С. 47–52.

6. Синельникова Л. Н. Междисциплинарность как базовая стратегия современного образовательного процесса // Гуманитарные науки. 2016. № 3 (35). С. 101–109.

7. Бирюкова О. И. Междисциплинарность как

инструмент обеспечения качества современного филологического образования // Гуманитарные науки и образование. 2024. Т. 15, № 3 (59). С. 7–12.

8. Сенашенко В. С. Междисциплинарность образования как отражение многообразия окружающего мира // Университетское управление : практика и анализ. 2017. Т. 21, № 1. С. 88–95.

9. Кизрина Н. Г., Елисеева О. Р. Моделирование профессиональной компетентности будущего учителя иностранных языков в процессе обучения в педагогическом вузе // Образование: путь в профессию. 2025. Т. 2, № 1. С. 33–42.

References

1. Obolenskaya Yu. L. Philology-centred education in a new social cultural and technological context. *Vestnik Moskovskogo universiteta* = Lomonosov Philology Journal. 2020; 5:195-205. (In Russ.)

2. Perminova L. M. Polydisciplinarity and interdisciplinarity in pedagogy and didactics: methodological analysis, solutions. *Osovskie pedagogicheskie chteniya "Obrazovanie v sovremennom mire: novoe vremya – novye resheniya"* = Osovskie Pedagogical Readings "Education in the Modern World: New Times – New Solutions": collection of scientific papers. Saransk, Mordovian State Pedagogical University, 2023. Pp. 529-537. (In Russ.)

3. Likhareva O. A., Pletneva D. Yu. Interdisciplinary education at school: theory and practice. *Kontsept* = Concept. 2021; 5:42-55. (In Russ.)

4. Neradovskaya O. R., Skripko Z. A., Minin M. G. Interdisciplinarity in higher pedagogical education: from the experience of teaching natural science disciplines. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie* = Pedagogical Review. 2024; 6(58): 63-71. (In Russ.)

5. Shestakova L. A. Theoretical foundations of interdisciplinary integration in the educational process of universities. *Vestnik Moskovskogo universiteta im. S. Yu. Vitte* = Moscow Witte University Bulletin. 2013; 1(2):47-52. (In Russ.)

6. Sinelnikova L. N. Interdisciplinarity as a basic strategy of the modern educational process. *Gumanitarnye nauki* = The Humanities. 2016; 3(35):101-109. (In Russ.)

7. Biryukova O. I. Interdisciplinarity as a tool for ensuring the quality of modern philological education. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education. 2024; 15(3-59):7-12. (In Russ.)

8. Senashenko V. S. Interdisciplinarity of education as a reflection of the diversity of the surrounding world. *Universitetskoe upravlenie : praktika i analiz* = University Management: Practice and Analysis. 2017; 21(1):88-95. (In Russ.)

9. Kizrina N. G., Eliseeva O. R. Building professional competence of a future foreign language teacher in the process of studying at pedagogical university. *Obrazovanie: put' v professiyu* = Education: Path to Career. 2025; 2(1):33-42. (In Russ.)

Информация об авторе:

Бирюкова О. И. – профессор кафедры литературы и методики обучения литературе, д-р филол. наук, доц., Заслуж. работник высшей школы РМ.

Information about the author:

Biryukova O. I. – Professor of the Department of Literature and Methods of Teaching Literature, Dr. Sci. (Philology), Doc., Honored Worker of Higher School of the RM.

Статья поступила в редакцию 25.04.2025; одобрена после рецензирования 29.04.2025; принята к публикации 30.04.2025.

The article was submitted 25.04.2025; approved after reviewing 29.04.2025; accepted for publication 30.04.2025.

ПЕДАГОГИКА

Научная статья

УДК 316.6

doi: 10.51609/2079-3499_2025_16_02_12

Роль дополнительного образования в формировании социальной ответственности у подростков

Никита Сергеевич Дикарев

Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева, Саранск, Россия,
dikarevshow@gmail.com, <http://orcid.org/0009-0000-7016-2783>

Аннотация. Одной из ключевых задач системы дополнительного образования является формирование социальной ответственности подростков. В статье раскрыта роль дополнительного образования в воспитании качеств личности, составляющих основу социальной ответственности, в развитии способности осознавать последствия своих действий для окружающих, принимать решения с учетом интересов других людей, а также активно участвовать в жизни общества. Автор исходит из представления о социальной ответственности подростка как способности осознавать влияние своих действий на окружающих, принимать решения с учетом интересов общества и активно участвовать в общественно значимой деятельности. В работе описаны результаты экспериментального исследования, подтверждающие предположение о том, что важную роль в формировании социальной ответственности подростков играет дополнительное образование, которое предоставляет возможности для самореализации и развития гражданских качеств.

Ключевые слова: социальная ответственность, подростки, формирование социальной ответственности, дополнительное образование, программы дополнительного образования

Для цитирования: Дикарев Н. С. Роль дополнительного образования в формировании социальной ответственности у подростков // Гуманитарные науки и образование. 2025. Т. 16, № 2 (62). С. 12–15 https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_12

PEDAGOGY

Original article

The role of additional education in the formation of social responsibility among adolescents

Nikita S. Dikarev

Mordovian State Pedagogical University, Saransk, Russia, dikarevshow@gmail.com, <http://orcid.org/0009-0000-7016-2783>

Abstract. One of the key tasks of the additional education system is the formation of social responsibility for adolescents. The article reveals the role of additional education in fostering personality traits that form the basis of social responsibility, in developing the ability to realize the consequences of their actions for others, make decisions taking into account the interests of other people, and actively participate in the life of society. The author proceeds from the idea of adolescents' social responsibility as the ability to realize the impact of their actions on others, make decisions taking into account the interests of society and actively participate in socially significant activities. The paper describes the results of an experimental study confirming the assumption that additional education plays an important role in the formation of social responsibility of adolescents, which provides adolescents with opportunities for self-realization and the development of civic qualities.

Keywords: social responsibility, adolescents, formation of social responsibility, additional education, additional education programs

For citation: Dikarev N. S. The role of additional education in the formation of social responsibility among adolescents. *Gumanitarnye nauki i obrazovaniye* = The Humanities and Education. 2025; 16(2-62):12-15. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_12

Введение

В современных условиях социальной нестабильности и быстрой трансформации общественных норм, глобализации и цифровизации, когда молодое поколение сталкивается с новыми вызовами и возможностями, всё большее значение приобретает проблема формирования социальной ответственности личности, которая включает в себя способность осознавать последствия своих действий для окружающих, принимать решения с учетом интересов других людей, а также активно участвовать в жизни общества. Этот аспект особенно актуален в отношении детей подросткового возраста. В это время человек активно строит свое мировоззрение, осваивает основные принципы взаимодействия с окружающим миром, формирует свою социальную идентичность.

Современная система образования нацелена не только на формирование у подростков академических знаний, но и на воспитание качеств личности, составляющих основу социальной ответственности. В этом контексте важную роль играет дополнительное образование, предоставляя подросткам возможности для самореализации, социализации и развития социальной ответственности.

Цель исследования – определение возможностей дополнительного образования в формировании социальной ответственности у подростков.

Обзор литературы

Проблема формирования ответственности является предметом многочисленных исследований в области философии, психологии и педагогики. С 70-х гг. XX в. внимание исследователей обращено на такой вид ответственности, как социальная.

В работах российских ученых (Л. А. Барановская, И. Е. Булатников, С. Т. Евсеева, Н. А. Позднякова, Д. И. Фельдштейн) социальная ответственность определяется как интегративное качество личности, выражающееся в реализации социально ответственного поведения, выполнении общественных норм, готовности нести ответственность за себя, общее дело и других людей. Она является необходимым качеством человека, находящегося в социуме и взаимодействующего с другими людьми.

В социально-педагогических исследованиях Н. Ф. Басова, В. М. Басовой, А. В. Мудрика, Т. А. Ромм социальная ответственность рассматривается через призму теории социального воспитания. Изменение характера общественной деятельности, расширение возможностей выбора поведения в социуме, необходимость налаживать социальные контакты с большим количеством людей в первую очередь присущи детям подросткового возраста. Именно этот период большинство исследователей (Л. И. Божович, И. С. Кон, А. Н. Леонтьев, В. Н. Мясищев, Д. И. Фельдштейн) выделяют как сенситивный для формирования социальной ответственности.

В исследованиях последних лет внимание ученых обращено к изучению различных аспектов проблемы формирования социальной ответственности подростков. О. А. Лаврентьева делает акцент на возрастных особенностях формирования социальной ответственности, подчеркивая, что подрост-

ковый возраст является критическим периодом для развития гражданских качеств и самосознания [1]. С. О. Ларионова и Н. М. Булычева отмечают, что образовательные программы, ориентированные на развитие социальной активности, помогают подросткам осознать свою роль в обществе и способствуют развитию социальной ответственности [2]. Влияние социальной рекламы на формирование социальной ответственности подростков рассматривают Г. В. Сорокоумова и Н. В. Савельев, подчеркивая при этом позитивное восприятие детьми данной возрастной группы социально-ориентированного содержания подобных видеороликов [3]. Л. П. Карпушина, Н. Ф. Пупкова, С. В. Баранова обращают внимание на важность социально ориентированных инициатив в системе дополнительного образования, утверждая, что именно вовлечение в общественно значимую деятельность способствует формированию социальной ответственности подростков [4].

А. В. Коротун отмечает, что одной из ключевых проблем в формировании социальной ответственности у подростков является недостаточная интеграция концепции социальной ответственности в основную образовательную практику. Он указывает, что для достижения устойчивых результатов требуется более системный подход, который бы включал не только участие подростков в социальных проектах, но и создание специальных образовательных модулей, направленных на развитие этих качеств. Проведенное им исследование подтверждает, что сочетание правового и педагогического подходов позволяет наиболее эффективно воспитывать социальную ответственность у подростков, формируя у них осознание своих прав и обязанностей в обществе [5].

В контексте проанализированных работ представляется важным рассмотрение проблемы формирования социальной ответственности подростков в организации дополнительного образования.

Материалы и методы

Основными методами исследования выступили анализ психолого-педагогической литературы, теоретическое обобщение, опрос, интервьюирование, анкетирование, анализ экспертных оценок.

В опросе участвовали 150 подростков в возрасте 13–17 лет, разделенных на две группы – экспериментальную и контрольную, что позволило выявить различия в уровне социальной ответственности среди обеих групп.

Результаты исследования

Исследование проходило в несколько этапов, каждый из которых позволил получить важные данные о формировании социальной ответственности у подростков в рамках программ дополнительного образования.

На первом этапе были проанализированы образовательные программы, реализуемые в различных учреждениях дополнительного образования. Изучались программы, содержащие элементы проектной деятельности, волонтерских инициатив, а также коллективных мероприятий. Основное внимание уделялось методам и формам работы, направ-

ленным на развитие социальной ответственности у подростков.

Результаты анализа показали, что программы, включающие участие в социальных проектах, командную работу и волонтерскую деятельность, имеют наибольший потенциал в развитии у подростков таких качеств, как эмпатия, инициативность и осознание своей роли в обществе. В то же время было выявлено, что не все программы целенаправленно формируют социальную ответственность, в ряде случаев развитие этого качества носит скорее косвенный характер.

На втором этапе исследования был проведен опрос среди подростков (150 человек в возрасте 13–17 лет), участвующих в программах дополнительного образования, а также среди их родителей и педагогов. Вопросы анкеты были направлены на выявление восприятия подростками своей социальной ответственности, их мотивации к участию в общественных инициативах, а также оценку влияния образовательных программ на формирование этих качеств. Для количественного анализа использовались анкеты с закрытыми и открытыми вопросами. Среди ключевых показателей, оцениваемых в опросах, были:

- осознание своей роли в обществе (по шкале от 1 до 10);
- готовность участвовать в социальных и волонтерских инициативах;
- уровень эмпатии и коллективной ответственности.

Анализ интервью с педагогами и родителями позволил получить качественные данные о том, как подростки изменяются в процессе участия в программах дополнительного образования. В частности, было отмечено, что подростки, активно вовлеченные в коллективные проекты, становятся более инициативными и ответственными в повседневной жизни.

На заключительном этапе исследования была проведена сравнительная оценка уровня социальной ответственности у подростков, задействованных и не задействованных в программах дополнительного образования. Участники эксперимента были разделены на две группы:

- экспериментальная группа (75 человек) – подростки, задействованные в социальных проектах, волонтерской деятельности и других инициативах в рамках дополнительного образования;
- контрольная группа (75 человек) – подростки, не принимающие участие в подобных программах.

Для оценки уровня социальной ответственности использовались следующие методики: тест на уровень социальной ответственности подростков (авторская методика) – оценивалось осознание подростками своих обязанностей перед обществом; методика диагностики эмпатии (Бойко) – определялся уровень способности к сопереживанию; анкетирование на выявление социальной активности – измерялись частота и характер участия подростков в общественно значимых мероприятиях.

Результаты анализа показали, что подростки

из экспериментальной группы демонстрировали более высокий уровень социальной ответственности (в среднем 7,8 из 10 баллов против 5,2 у контрольной группы), большую готовность участвовать в волонтерской деятельности (65 % подростков экспериментальной группы активно участвовали в социальных проектах против 30 % в контрольной группе), более выраженные навыки коллективной работы и взаимопомощи. Результаты исследования также показали, что подростки, активно вовлеченные в программы дополнительного образования с акцентом на социальную ответственность, демонстрируют более высокий уровень социальной адаптации, навыков коллективной работы и готовности к принятию на себя ответственности за результаты коллективной деятельности. В частности, в группе подростков, участвующих в волонтерских и социальных проектах, был зафиксирован значительно более высокий уровень осознания своей роли в обществе и ответственности за общественные процессы.

Как подтверждают исследования С. В. Пазухиной, К. С. Шалагиновой и Е. В. Декиной, воспитание социальной ответственности особенно важно для подростков группы риска. Они отмечают, что участие в специально разработанных программах позволяет этим подросткам адаптироваться в обществе и развивать чувство принадлежности к социальной среде [6].

На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что социальная ответственность подростков – это их способность осознавать влияние своих действий на окружающих, принимать решения с учетом интересов общества и активно участвовать в общественно значимой деятельности.

Дополнительное образование обладает значительным потенциалом в формировании социальной ответственности подростков [6]. Программы, включающие волонтерскую деятельность, социальные проекты и коллективную работу, оказывают позитивное влияние на развитие гражданских качеств у молодежи. Однако для достижения устойчивых результатов необходимо усиление системного подхода, включающего интеграцию принципов социальной ответственности в основную образовательную программу, а также активное взаимодействие семьи, школы и общества.

Обсуждение и заключения

Анализ результатов исследования позволяет сделать вывод, что программы дополнительного образования, направленные на развитие социальной ответственности, оказывают значительное влияние на социализацию подростков и развитие у них гражданских качеств. Однако для достижения наилучших результатов требуется комплексный подход, включающий как образовательные программы, так и активную социальную поддержку, участие в социальных проектах, волонтерскую деятельность, а также активное участие родителей и общества.

Формирование социальной ответственности у подростков – сложный и многогранный процесс, требующий участия как образовательных, так и со-

циальных институтов. Важную роль в этом процессе играет дополнительное образование, которое предоставляет подросткам возможности для самореализации и развития гражданских качеств.

Программы, направленные на формирование социальной ответственности, оказывают значительное влияние на развитие подростков, однако требуются их дальнейшее совершенствование и интеграция в основную образовательную практику. Только при активном взаимодействии всех участников воспитательного процесса можно достичь устойчивых результатов в формировании социальной ответственности у подростков.

Список источников

1. Лаврентьева О. А. Особенности формирования социальной ответственности в подростковом возрасте // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2015. Т. 21, № 2. С. 33–36.

2. Ларионова С. О., Булычева Н. М. Воспитание социальной ответственности подростков в организации дополнительного образования : учебно-методическое пособие. Екатеринбург : УрГПУ, 2018. 106 с. URL: <https://e.lanbook.com/book/182703> (дата обращения: 14.02.2025).

3. Сорокоумова Г. В., Савельев Н. В. Формирование социальной ответственности у подростков с помощью социальной рекламы // Гуманизация образования. 2021. № 6. С. 140–156.

4. Карпушина, Л. П., Пупкова Н. Ф., Баранова С. В. Формирование социальной ответственности у подростков в организациях дополнительного образования // Гуманитарные науки и образование. 2022. Т. 13, № 1 (49). С. 52–56.

5. Коротун А. В. Воспитание социальной ответственности старших подростков в образовательной организации: правовой и педагогический аспекты // Педагогическая перспектива. 2021. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospitanie-sotsialnoy-otvetstvennosti-starshih-podrostkov-v-obrazovatelnoy-organizatsii-pravovoy-i-pedagogicheskiy-aspekty> (дата обращения: 20.02.2025).

6. Пазухина С. В., Шалагинова К. С., Декина Е. В. Воспитание социальной ответственности у подростков группы риска // Концепт. 2021. № 8. С. 1–13. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46487712&ysclid=m7kh3izxye68407610> (дата обращения: 18.02.2025).

7. Шукшина А. Н., Яшкова А. Н. Гендерные особенности эмоционального интеллекта в юношеском возрасте // Учебный эксперимент в образовании. 2023. № 3 (107). С. 35–41. https://doi.org/10.51609/2079-875X_2023_3_35..

References

1. Lavrentyeva O. A. Features of the formation of social responsibility in adolescence. *Vestnik Kostromsk-*

ogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota. Yuvenologiya. Sotsiokinetika = Bulletin of Kostroma State University named after N. A. Nekrasov. Series: Pedagogy. Psychology. Social work. Juvenology. Sociokinetics. 2015; 21(2):33-36. (In Russ.)

2. Larionova S. O., Bulycheva N. M. Fostering social responsibility among adolescents in additional education organizations: study guide. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University, 2018. 106 p. URL: <https://e.lanbook.com/book/182703> (accessed 14.02.2025) (In Russ.)

3. Sorokoumova G. V., Savelev N. V. Formation of social responsibility among adolescents through social advertising. *Gumanizatsiya obrazovaniya* = Humanization of Education. 2021; 6:140-156. (In Russ.)

4. Karpushina L. P., Pupkova N. F., Baranova S. V. Social responsibility formation in adolescents in organizations of additional education. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education. 2022; 13(1-49):52-56. (In Russ.)

5. Korotun A. V. Education of social responsibility of older adolescents in an educational organization: legal and pedagogical aspects. *Pedagogicheskaya perspektiva* = Pedagogical Perspective. 2021; 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospitanie-sotsialnoy-otvetstvennosti-starshih-podrostkov-v-obrazovatelnoy-organizatsii-pravovoy-i-pedagogicheskiy-aspekty> (accessed 20.02.2025). (In Russ.)

6. Pazukhina S. V., Shalaginova K. S., Dekina E. V. Cultivating social responsibility in adolescents at risk. *Kontsept* = Concept. 2021; 8:1-13. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46487712&ysclid=m7kh3izxye68407610> (accessed 18.02.2025). (In Russ.)

7. Shukshina A. N., Yashkova A. N. Gender features of emotional intelligence in adolescence. *Uchebnyy eksperiment v obrazovanii* = Teaching experiment in education. 2023; 3(107):35-41. https://doi.org/10.51609/2079-875X_2023_3_35.. (In Russ.)

Информация об авторе:

Дикарев Н. С. – аспирант кафедры педагогики.

Information about the author:

Dikarev N. S. – Postgraduate of the Department of Pedagogy

Статья поступила в редакцию 11.02.2025; одобрена после рецензирования 19.02.2021; принята к публикации 20.02.2025.

The article was submitted 11.02.2025; approved after reviewing 19.02.2021; accepted for publication 20.02.2025.

ПЕДАГОГИКА

Научная статья

УДК 372.8

doi: 10.51609/2079-3499_2025_16_02_16

Методические подходы к проектированию Федеральной основной образовательной программы основного общего образования по региональной литературе

Галина Владимировна Китайгородская

Коми республиканский институт развития образования, Сыктывкар, Россия, galina_vladim@mail.ru, <http://orcid.org/0009-0006-9255-9021>

Аннотация. В статье актуализируются методические подходы к преподаванию региональной литературы на примере проектирования Федеральной основной образовательной программы «Родная (коми) литература. Литература Республики Коми» на уровне основного общего образования (далее – программа). В программе литература Республики Коми рассматривается как синтез национальной (коми), русскоязычной и инонациональной литературы, является региональным культурным феноменом, обладающим воспитательным духовно-нравственным и патриотическим потенциалом для формирования региональной идентичности обучающихся. В статье обозначены цель и задачи программы, проектируемой для методической поддержки педагогов, представлены методические основания для отбора содержания программы, в которой фольклорные и литературные тексты являются отражением этнокультурного и исторического концепта диалога культур и национальностей. Выделяемый в программе круг планируемых результатов связан с методической стратегией формирования читателя-школьника, ориентированного на гражданскую позицию, а именно уважение к традициям и истории, малой родины. Уделяется внимание раскрытию проблемно-тематических линий в содержании программы, обозначенных для каждого класса на основе историко-хронологического, лингвокультурологического и проблемно-тематического принципов.

Ключевые слова: литература Республики Коми, родная (коми) литература, русскоязычная литература республики, инонациональная литература, федеральная основная образовательная программа, основное общее образование, региональная идентичность, методические подходы, планируемые результаты, диалог культур и национальностей, литературное развитие школьников

Для цитирования: Китайгородская Г. В. Методические подходы к проектированию Федеральной основной образовательной программы основного общего образования по региональной литературе // Гуманитарные науки и образование. 2025. Т. 16, № 2 (62). С. 16–21. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_16

PEDAGOGY

Original article

Methodological approaches to the design of the Federal Basic Educational Program of Basic General Education in Regional Literature

Galina V. Kitaygorodskaya

Komi Republican Institute for Education Development, Syktyvkar, Russia, galina_vladim@mail.ru, <http://orcid.org/0009-0006-9255-9021>

Abstract. The article updates methodological approaches to teaching regional literature, using the example of designing the Federal Basic Educational Program “Native (Komi) Literature. Literature of the Komi Republic” at the level of basic general education (hereinafter referred to as the program). In the program, the literature of the Komi Republic is considered as a synthesis of national (Komi) literature, Russian-language literature and literature by authors from other ethnic groups or nations, and is a regional cultural phenomenon with educational, spiritual, moral and patriotic potential for the formation of regional identity of students. The article outlines the goal and objectives of the program designed to provide methodological support to teachers, presents methodological grounds for selecting the content of the program, in which folklore and literary texts are a reflection of the ethnocultural and historical concept of dialogue between cultures and nationalities. The range of planned results identified in the program is associated with the methodological strategy for the formation of a schoolchild-

reader focused on a civic position, namely respect for traditions and history, folklore and literature of the small motherland. Attention is paid to the disclosure of problem-thematic lines in the content of the program, designated for each class on the basis of historical-chronological, linguacultural and problem-thematic principles.

Keywords: literature of the Komi Republic, native (Komi) literature, Russian-language literature of the republic, literature of other ethnic groups, federal basic educational program, basic general education, regional identity, methodological approaches, expected results, dialogue of cultures and nationalities, literary development of schoolchildren

For citation: Kitaygorodskaya G. V. Methodological approaches to the design of the Federal Basic Educational Program of Basic General Education in Regional Literature. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education. 2025; 16(2-62):16-21. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_16

Введение

Формирование единого образовательного пространства определяет необходимость проектирования методических подходов к изучению региональной литературы в системе общего образования как историко-культурного наследия народов, проживающих в многонациональных республиках, являющихся субъектами Российской Федерации. Рассматривая литературу Республики Коми как феномен, синтезирующий национальную, инонациональную и региональную русскоязычную литературу, можно проследить закономерную связь процесса формирования региональной идентичности личности обучающегося и изучения литературы региона [1]. В основе методических подходов к преподаванию литературы Республики Коми – раскрытие воспитательного духовно-нравственного и патриотического потенциала фольклорных текстов коми народа и литературных произведений писателей, чья творческая судьба связана с Коми краем, Республикой Коми.

Воспитательное значение учебного предмета «Родная (коми) литература. Литература Республики Коми» заключается в формировании региональной идентичности на основе ценностей общероссийской гражданской идентичности (гражданского самосознания). Региональная литература позволяет обучающимся принять и освоить важный ценностный концепт исторического и культурного диалога национальностей, проживающих в республике (по данным 2024 г.: 65 % – русские, 24 % – коми; 11 % – представители других национальностей) и объединенных в единый народ республики общими полиэтническими установками на социально-экономическом и культурно-историческом пространстве, осознать глубинную связь с малой родиной в процессе изучения литературы. Данное положение является основополагающим для проектирования методических подходов к изучению региональной литературы и доминантой для построения модели преподавания литературы Республики Коми на уровне основного общего образования в общеобразовательных организациях региона.

Предметная область «Родной язык и родная литература» приобретает особое научно-методическое значение в контексте государственной политики, ориентированной на «создание условий для сохранения и популяризации нематериального этнокультурного наследия, культурных ценностей и традиций народов Российской Федерации и использование их в качестве ресурса духовного и экономического развития

страны»¹. А значит, методические возможности учебного предмета «Родная (коми) литература. Литература Республики Коми» должны быть отражены в содержании программы по данному предмету и раскрывать историко-гражданский, литературно-культурологический потенциал сюжетов, персонажей, образов для воспитания личности обучающихся.

Программа спроектирована с целью оказания методической помощи учителю-словеснику в создании рабочей программы по учебному предмету «Родная (коми) литература. Литература Республики Коми», в центре методической идеи – ключевой концепт современной отечественной методики преподавания литературы – литературное развитие школьника-читателя [2].

Обратим внимание, что субъектом разработанной федеральной рабочей программы по учебному предмету «Родная (коми) литература. Литература Республики Коми» являются обучающиеся основного общего образования, не владеющие или слабо владеющие родным (коми) языком, что предполагает возможность преподавания данного предмета в каждой общеобразовательной организации республики.

В Республике Коми русский язык и коми язык имеют статус государственного языка, и в этой связи важным методическим подходом является отбор произведений для изучения на уровне основного общего образования. В программу включены произведения коми прозаиков и поэтов (в переводе на русский язык) и русскоязычных писателей, отражающие самобытную культуру, историю и традиции Коми края, а также инонациональную литературу. С учетом того, что литературу Республики Коми следует рассматривать «как совокупность и синтез национальной коми литературы и русскоязычной литературы, при этнокультурном взаимодействии на литературном пространстве XX–XXI веков» [3], деятельность педагога должна быть направлена на формирование региональной идентичности обучающихся как осознанного отождествления индивида с малой родиной – Республикой Коми. Основанием данного процесса является отражение в фольклорных текстах и художественных произведениях психотипа коми человека, духовно-нравственных и культурных символов, исторических реалий, создающих образ Коми края в прошлом и настоящем. Читательские стратегии обучающихся при изучении литературы Республики Коми создают эмоциональную сопричастность с судьбой малой родины и эмоционально-аффективное

1 Распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 февраля 2024 г. № 206-р «Концепция сохранения и развития нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации на период до 2030 года».

отношение к истории и судьбе республики. В этой связи методически важно включение в содержание программы начиная с 5-го класса произведений, отражающих процесс культурно-духовной консолидации двух народов – коми и русского, что определяет в программе синтез общероссийской и региональной идентичности. Введение историко-хронологического принципа изучения региональной литературы демонстрирует в программе полиэтническую основу исторических процессов, отражающих общую хозяйственную деятельность и государственно-политическую регуляцию отношений в Коми крае начиная с XIV века, что раскрывает становление литературных связей и влияние русских писателей на коми литературу. Так, в программу 9-го класса входит инациональная (коми) тема в русской литературе XIX в. как одно из проявлений ее открытости миру зырян («Старец» М. Е. Салтыкова-Щедрина, «На краю света» Н. С. Лескова, «Зыряне» В. И. Немировича-Данченко, «Ижма» С. В. Максимова, «Зырянка» А. О. Ишимова и др.). Закономерно, что значительное место во включенных в программу произведениях отводится раскрытию психотипа коми человека, его образа жизни, а также этнокультурной специфики мироздания в произведениях как коми, так и русскоязычных писателей. Например, в 7-м классе изучается повесть коми писателя В. В. Тимина «Мальчик из Перми Вычегодской», в которой создается этнокультурная историческая модель путешествия мальчика Тикэ с включением в произведение этнокультурных формул: портретного описания коми-зырянина, элементов языческой веры, знаков жизнедеятельности коми охотника, оформления дома и т. д. В 8-м классе рассказ русскоязычного писателя П. М. Столповского «Замор» затрагивает проблему сохранения не тронутого человеком озера Эткаты как символа единения бытийного мира девственной природы и коми охотника Захария, для которого источником жизни является родная тайга-парма.

Концептуальный методический подход к проектированию программы связан с утверждением, что изучение региональной литературы обеспечивает способность обучающегося ориентироваться в культурно-историческом пространстве республики как семиотической системе, в которой текст – это культурный и исторический код эстетической реальности. Содержание программы побуждает обучающегося читать и интерпретировать фольклорный или художественный текст, реализуется методическая стратегия литературного развития школьника – формирование читательского интереса и навыка анализа текста на уровне основного общего образования. Так, читатель-школьник, изучая в 5-м классе коми фольклорные сказки (например, «Старуха Йома и две девушки», «Про бедняка Момэта и богатого барина»), коми предания о Яг-морте, Пере-богатыре, Корт Айке, Йиркапе и литературные сказки, основанные на этнокультурной традиции коми народа (И. В. Избюров «Колечко Бурморта», А. С. Клейн «Волшебный камень и книга Белой Совы» и др.), житийную литературу Архимандрита Макария «Сказание о жизни и трудах святого Стефана, епископа Пермского» о христианизации

земли Коми, становится творческим субъектом, в сознании которого литературный процесс литературы Республики Коми – это диалог эпох и поколений Коми края. Данный методический подход прослеживается с 5-го по 9-й классы на уровне содержания программы, отбора произведений и авторов.

Обзор литературы

Концептуальные подходы к проектированию модели преподавания региональной литературы связаны с актуальной проблематикой развития современного школьного литературного образования. Вопросы содержания читательской подготовки школьников и закономерности их литературного развития наиболее детально рассматриваются в трудах классиков методики преподавания литературы Г. А. Гуковского, В. Г. Маранцмана и их последователей Е. Р. Ядровской, Г. Н. Иониной, Е. И. Целиковой, Ю. Б. Борева. Следует отметить, что методической школой В. Г. Маранцмана [4] была создана и реализована на практике система развития диалога читателя с художественным произведением, автором, миром и самим собой. Обозначенный методический подход является основополагающим для проектирования программы по литературе Республики Коми. И в этом случае опора на труды методических школ второй половины XX в. (О. Ю. Богданова, Т. Г. Браже, В. Г. Маранцман, Н. Д. Молдавская и др.) находит отражение в принципах построения программы по региональной литературе, опирающихся на методологию школьного анализа фольклорных и литературных текстов как стержневой компонент каждого урока литературы.

Вопросы формирования основных образовательных программ в соответствии с требованиями Федеральных государственных образовательных стандартов и Федеральных основных образовательных программ в условиях единого образовательного пространства является предметом научно-педагогического анализа в работах И. М. Осмоловской [5], Т. П. Афанасьевой, Г. С. Ковалевой, И. М. Логвиновой [6]. Они указывают, что единое образовательное пространство предъявляет требования, основанные на государственной политике в области аксиологических подходов в деятельности педагогов, особенно учителей, преподающих родные языки и родные литературы народов России.

В работах Е. Ш. Галимовой [7], Н. Л. Кольчиковой [8] рассматриваются методические стороны изучения региональной литературы в процессе формирования сознания школьника и понимания литературы «как одной из основных национально-культурных ценностей народа, как особого способа познания жизни»².

Материалы и методы

В качестве методов исследования при

2 Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 31.05.2021 № 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» (зарегистрирован 05.07.2021 № 64101). URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2023/08/Приказ-№-287-от-31.05.2021-ФГОС_ООО.pdf (дата обращения: 15.03.2025).

проектировании и разработке программы по предмету «Родная (коми) литература. Литература Республики Коми» использовался источниковедческий анализ методической литературы и текстов федеральных основных образовательных программ (далее – ФООП)³. На основе изучения методических основ действующих ФООП были определены структура, цель, задачи и содержание программы. Обратим внимание, что общетеоретические методы, такие как анализ, синтез, проектирование и эпистомология, позволили обосновать структуру и содержание программы по региональной литературе.

Результаты исследования

В ходе проектирования программы было определено, что доминантой построения является выделение проблемно-тематических линий содержания, направленных на формирование общероссийской и региональной идентичности обучающихся. Содержание программы строится на основе сочетания историко-хронологического, литературно-культурологического, жанрово-родового и проблемно-тематического принципов. Общим критерием при отборе произведений, включаемых в программу, является их репрезентативность для культурно-исторической традиции. Принципы построения программы удовлетворяют духовно-нравственным, культурно-образовательным потребностям обучающихся в изучении самобытной культуры и истории Коми края на основе закрепления представлений о единстве всех народов республики. Локализация важнейших духовно-нравственных ценностей и смыслов в сознании обучающегося осуществляется вокруг устойчивых фольклорных и литературных образов, входящих в состав или постепенно приобретающих значение для региональной литературной и культурной топики.

В программу включены произведения, в которых актуализируются и интерпретируются фольклорные, литературные образы и сюжеты, претендующие на роль или уже имеющие статус – ценность, код, символ культуры Коми края. Например, это яркие архетипические мифопоэтические образы в поэме К. Ф. Жакова «Биармия» или поэтический образ пармы в творчестве поэтов И. А. Куратова, В. А. Савина (9-й класс).

В программе представлены произведения, определяющие важнейшие характеристики региональной и национальной картины мира, отражающие жизнь человека Коми края в различные исторические эпохи, его мужество и стойкость в эпоху трагических событий в истории России. Так, особое значение приобретают художественные произведения, посвященные Великой Отечественной войне, в которых раскрывается единство и мужество народов на полях сражения и в

тылу. Сложные трагические годы потерь и стойкости советского народа раскрываются в произведениях П. Столповского «Дай доброты его сердечку» (5-й класс), И. Торопова «Шуркин бульон» (6-й класс), С. Попова «Сколько у нас героев?», В. Тимина «Хлеб военной поры» (7-й класс) и др.

Интерпретация, литературный анализ фольклорных текстов и художественных произведений писателей Республики Коми, включенных в программу, способствует пониманию, освоению и личностному присвоению региональной культурной традиции обучающимися.

Стратегический методический подход определяет, что в содержание программы включены планируемые результаты, в основе которых литературоведческий анализ особенностей творчества автора – концепции творческого пути, стиля, места творчества писателя в историко-литературном процессе Коми края и Республики Коми, а также формирование личностных результатов через постижение обучающимися таких духовно-нравственных ценностей, как патриотизм, долг, справедливость, честь, родина, дом, семья.

Основная методическая тактика преподавания предмета – это чтение произведений региональной литературы, представленных в программе, их целостное восприятие и понимание, что влияет на уровень литературного развития обучающихся.

Обращаем внимание, что весь литературный материал в программе скомпонован вокруг планируемых результатов, распределенных по классам для обеспечения последовательности изучения проблемно-тематических линий, раскрывающих специфику литературы республики. Личностные и метапредметные результаты в программе представлены с учетом особенностей предметной области на уровне основного общего образования, а предметные результаты распределены по годам обучения, что способствует углублению представления о литературе республики как регионально-культурном феномене.

В образовательном процессе содержательные линии программы неразрывно взаимосвязаны и интегрированы. В программе выделяются следующие содержательные (проблемно-тематические) линии:

5-й класс – Фольклор и литература (фольклор народа коми; литература народа коми как историко-культурное национальное достояние; искусство устного и письменного слова; литературные сказки, житийная литература; прозаические произведения о детстве, о сверстниках);

6-й класс – Художественный образ в литературе (поэтические образы народной жизни в лирических произведениях XIX века; красота родины – родной земли в лирике первой половины XX века; духовно-нравственные ценности народа в лирике второй половины XX века; образ семьи в коми прозе XX века);

7-й класс – Человек как объект изображения в литературе (поиски нравственного и духовного идеала в поэтических произведениях поэтов Республики Коми; исторические этапы развития

³ Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 18.05.2023 № 370 «Об утверждении федеральной образовательной программы основного общего образования» (зарегистрирован 12.07.2023 № 74223). URL: <https://static.edsoo.ru/projects/fop/index.html#/sections/2> (дата обращения: 15.03.2025).

Коми края в эпических произведениях писателей Республики Коми; духовно-нравственное взросление и становление личности в эпических произведениях писателей);

8-й класс – Литература и традиции (историко-культурные традиции в произведениях русских писателей о Коми крае; морально-этические традиции в драматическом произведении; традиции психологизма в эпических произведениях писателей Республики Коми; Духовно-нравственные традиции и гражданская позиция личности в эпических и лирических произведениях писателей Республики Коми);

9-й класс – Автор и реальность (историко-хронологические этапы развития коми литературы) (развитие литературы Коми края во второй половине XIX в.; русские писатели и ученые XIX в. о Коми крае; становление коми литературы в начале XX в.; преобразования и развитие литературы в 20–30-х гг. XX в.).

Таким образом, методическая структура и содержание программы позволяют педагогам выйти на следующие образовательные цели: формирование историко-культурной картины мира обучающихся, развитие читательской стратегии и тактики школьника-читателя в процессе становления общероссийской и региональной идентичности; формирование духовно-нравственных основ признания культуры и истории малой родины; овладение знаниями об историко-литературных этапах развития литературы Республики Коми.

Перед педагогами стоят задачи, связанные как с литературным развитием школьника-читателя в процессе региональной самоидентификации, так и с воспитательной функцией литературы:

развитие региональной идентичности на основе российской гражданской идентичности, чувства гордости за свою малую родину – Республику Коми, развитие ценностей многонационального российского общества на основе духовно-нравственных качеств личности;

развитие представлений о родной региональной литературе как о духовно-нравственном и культурном феномене;

осмысление литературы республики как особой формы присвоения региональной культурной традиции;

развитие читательского вкуса как основы читательской стратегии обучающихся;

развитие эмоционального интеллекта личности и ценностного отношения к литературе Республики Коми;

развитие осознанной мотивации к чтению, изучению и анализу фольклорных текстов и художественных произведений;

активное участие в культурной жизни республики в качестве юного исследователя книжной культуры Коми края;

формированием умения анализировать прочитанное на основе историко-культурного контекста.

Общее число часов, рекомендованных для изучения литературы Республики Коми, – 170 (34

недели в год).

Представленные методические подходы рассматриваются как основание для формирования региональной идентичности обучающихся, при этом используется потенциал фольклорного и литературного наследия региональной литературы и актуализируется поликультурное единство населения республики, включая и позиционирование этнокультурных ценностей коми народа, что влияет на литературное развитие обучающихся 5–9-го классов.

Обсуждение и заключения

Таким образом, программа направлена на оказание методической поддержки педагогическому сообществу в процессе преподавания учебного предмета «Родная (коми) литература. Литература Республики Коми». Методические подходы к проектированию программы позволяют выработать тактический результат по достижению личностных, метапредметных и предметных результатов обучения, сформулированных в ФГОС ООО, и разработать календарно-тематическое планирование.

Программа отражает интегративную связь с федеральными основными образовательными программами по «Литературе», «Родному (коми) языку», «Истории». Методические подходы к проектированию программы основаны на важном принципе изучения литературы как синтеза русскоязычной, инонациональной и родной (коми) литературы на разных этапах развития в историко-хронологическом и культурологическом аспекте. Отбор содержания программы раскрывает обширную по значимости и символике общекультурную и историческую панораму становления и развития республики начиная с XIV в., что способствует формированию у обучающихся на уровне основного общего образования духовно-нравственных ценностей, историзма мышления и способствует практической реализации принципа присвоения символов и топики литературы республики как основы региональной идентичности.

Список источников

1. Головнева Е. В. Региональная идентичность и идентичность региона // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2017. Т. 12, № 3 (167). С. 182–189.
2. Целикова Е. И., Ядровская Е. Р. Вопросы методики преподавания литературы и новая актуальность // Мир русского слова. 2021. № 4. С. 73–81.
3. Болотова Г. В. Проблемы психологизма в современной русскоязычной прозе Коми литературы : дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2002. 243 с.
4. Маранцман В. Г. Цели и структура курса литературы в школе : программы общеобразовательных учреждений. Литература. 5–9 классы. М. : Просвещение, 2005. С. 3–15.
5. Осмоловская И. М. Научно-педагогическое исследование внедрения Федеральных образовательных программ общего образования в условиях единого образовательного пространства // Юбилейный форум с международным участием «Формирование единого образовательного пространства: задачи, решения, перспективы», 16 ноября 2023 г. : сборник на-

учных трудов / под ред. С. В. Ивановой, И. М. Логвиновой. М. : Институт стратегии развития образования, 2023. С. 236–251.

6. Потенциал обновленного ФГОС основного общего образования: оценка и позиция педагогического сообщества / Т. П. Афанасьева, Г. С. Ковалева, И. М. Логвинова и др. / под науч. ред. Ю. С. Тюнникова. М. : Институт стратегии развития образования РАО, 2022. 102 с.

7. Галимова Е. Ш. К вопросу о методологии исследования локальных (городских и региональных) литературных текстов (на примере Северного текста русской литературы) // Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX–XX вв. / отв. ред. Н. В. Ковтун. М. : Флинта : Наука, 2015. С. 365–380

8. Кольчикова Н. Л. Современные читательские практики в изучении региональной литературы // Чтение и литературное образование в цифровую эпоху : материалы Международных научно-практических видеоконференций, Москва, 24–25 октября 2023 года. М. : Московский педагогический государственный университет, 2024. С. 71–77..

References

1. Golovneva E. V. Regional identity and identity of a region. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Series 3. Obshchestvennye nauki* = Ural Federal University Journal. Series 3. Social Sciences. 2017; 12(3-167):182-189. (In Russ.)

2. Tselikova E. I., Yadrovskaya E. R. Questions of methods of teaching literature and new relevance. *Mir russkogo slova* = World of the Russian word. 2021; 4:73-81. (In Russ.)

3. Bolotova G. V. Problems of psychology in modern Russian-language prose of Komi literature: dis. ... Cand. Philol. Sci. Saransk, 2002. 243 p. (In Russ.)

4. Marantsman V. G. Objectives and structure of the literature course at school: programs of general education institutions. Literature. Grades 5-9. Moscow, Prosveshchenie, 2005. Pp. 3-15. (In Russ.)

5. Osmolovskaya I. M. Scientific and pedagogical research on the implementation of Federal educational programs of general education in a single educational space. *Yubileyny forum s mezhdunarodnym uchastiem "Formirovanie edinogo obrazovatel'nogo prostranstva:*

zadachi, resheniya, perspektivy" = Jubilee forum with international participation "Formation of a single educational space: tasks, solutions, prospects", November 16, 2023: collection of scientific papers / ed. by S. V. Ivanova, I. M. Logvinova. Moscow, Institute of Educational Development Strategy, 2023. Pp. 236-251. (In Russ.)

6. The potential of the updated Federal State Educational Standard for Basic General Education: assessment and position of the pedagogical community / T. P. Afanasyeva, G. S. Kovaleva, I. M. Logvinova [et al.]; ed. by Yu. S. Tyunnikov. Moscow, Institute of Educational Development Strategy of the Russian Academy of Education, 2022. 102 p. (In Russ.)

7. Galimova E. Sh. On the issue of the methodology of research of local (urban and regional) literary texts (on the example of the Northern text of Russian literature). *Sibirskaya identichnost' v zerkale literaturnogo teksta: tropy, toposy, zhanrovye formy XIX–XX vv.* = Siberian identity in the mirror of the literary text: tropes, toposes, genre forms of the 19th – 20th centuries / ed. by N. V. Kovtun. Moscow, Flinta; Nauka, 2015. Pp. 365-380. (In Russ.)

8. Kolchikova N. L. Modern reading practices in the study of regional literature. *Chтение i literaturnoe obrazovanie v tsifrovuyu epokhu* = Reading and literary education in the digital age: Materials of International scientific and practical videoconferences, Moscow, October 24–25, 2023. Moscow, Moscow Pedagogical State University, 2024. Pp. 71-77. (In Russ.)

Информация об авторе:

Китайгородская Г. В. – ректор, канд. филол. наук, доц.

Information about the author:

Kitaygorodskaya G. V. – Rector, Ph.D. (Philology), Doc.

Статья поступила в редакцию 19.03.2025; одобрена после рецензирования 29.03.2025; принята к публикации 31.03.2025.

The article was submitted 19.03.2025; approved after reviewing 29.03.2025; accepted for publication 31.03.2025.

ПЕДАГОГИКА

Научная статья

УДК 373.1

doi: 10.51609/2079-3499_2025_16_02_22

А. Е. Кондратенков о роли внеклассных занятий в системе трудового воспитания сельских школьников

Елена Алексеевна Кожемякина^{1*}, Николай Петрович Сенченков²

¹Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия kozhemjak@autorambler.ru*, <https://orcid.org/0000-0002-2850-3705>

²Смоленский государственный институт искусств, Смоленск, Россия nikolay.sen4enkov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3332-0380>

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена тем, что в современной России при организации учебно-воспитательной работы с сельскими школьниками происходит активное обращение к наследию выдающихся педагогов прошлого. В статье авторами представлен вклад А. Е. Кондратенкова в решение проблем организации внеклассной работы в сельской малокомплектной школе. Показано, что внеклассные занятия играли важную роль в системе трудового воспитания школьников. Доказано, что внеклассная работа ориентировала детей и подростков на сельскохозяйственные профессии. Представленные в статье материалы могут быть использованы педагогическими коллективами сельских школ при организации внеклассных занятий с учащимися, а также при разработке учебно-методических комплексов, чтении лекционных курсов по педагогике и истории педагогики в педвузах и колледжах.

Ключевые слова: А. Е. Кондратенков, сельская школа, внеклассные занятия, трудовое воспитание, сельские школьники

Для цитирования: Кожемякина Е. А., Сенченков Н. П. А. Е. Кондратенков о роли внеклассных занятий в системе трудового воспитания сельских школьников // Гуманитарные науки и образование. Т. 16, № 2 (62). С. 22–29. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_22

PEDAGOGY

Original article

A. E. Kondratenkov on the role of extracurricular activities in the system of labor education of rural schoolchildren

Elena A. Kozhemyakina^{1*}, Nikolay P. Senchenkov²

¹Smolensk State University, Smolensk, Russia, kozhemjak@autorambler.ru*, <https://orcid.org/0000-0002-2850-3705>

²Smolensk State Institute of Arts, Smolensk, Russia, nikolay.sen4enkov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3332-0380>

Abstract. The relevance of the study is due to the fact that in modern Russia, when organizing educational work with rural schoolchildren, there is an active appeal to the heritage of outstanding teachers of the past. In the article, the authors present the contribution of A. E. Kondratenkov in solving the problems of organizing extracurricular activities in a rural small school. It is shown that extracurricular activities played an important role in the system of labor education of schoolchildren. The article proves that extracurricular activities oriented children and adolescents towards agricultural professions. The materials presented in the article can be used by pedagogical teams of rural schools when organizing extracurricular activities with students, also when developing educational and methodological complexes, reading lecture courses on pedagogy and the history of pedagogy in pedagogical universities and colleges.

Keywords: A. E. Kondratenkov, rural school, extracurricular activities, labor education, rural schoolchildren

For citation: Kozhemyakina E. A., Senchenkov N. P. A. E. Kondratenkov on the role of extracurricular activities in the system of labor education of rural schoolchildren. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education. 2025; 16(2-62):22-29. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_22

Введение

Актуальность поднятой в статье проблемы обусловлена тем, что в современной России, по мнению З. Б. Ефловой, «сельские школы являются первичными звеньями отечественной системы образования и представляют ее значительную часть, которая составляет от 19 % (Магаданская и Мурманская области) до 88 % (Республики Алтай и Дагестан) общеобразовательных организаций в региональных системах образования субъектов РФ. В целом по стране, как отмечается в Статистическом сборнике Росстата, в них обучается четверть школьников и работает почти 50 % педагогов России. Традиционно сельской школе предопределено быть локальным центром цивилизации – “очагом”, “форпостом” культуры и образования сельской территории и, помимо образовательной функции, выполнять миссию возрождения и развития российского села, сохраняя тем самым целостность нашего государства. Позиция сельского учителя в социокультурной образовательной ситуации сельского поселения была и остается ключевой» [1, с. 24].

Разработаны федеральные и региональные программы, направленные на модернизацию и развитие образования на селе. Так, программа «Земский учитель», реализуемая Министерством просвещения РФ с 2020 г. в соответствии с перечнем поручений Президента Российской Федерации от 27 февраля 2019 г. № Пр-294, не только направлена на преодоление дефицита педагогических кадров в сельской местности, но и преследует цель «обеспечения высокого качества преподавания в общеобразовательных организациях, расположенных в сельской местности, совершенствования методов обучения и воспитания»¹.

В настоящее время происходит научное переосмысление содержания, целей, методов и форм организации учебно-воспитательного процесса в сельской школе и активное возвращение к лучшим наработкам отечественной педагогики прошлого.

Обзор литературы

Проблемам организации внеклассной работы в сельской школе посвящен ряд трудов отечественных и зарубежных ученых советского и постсоветского периода. Так, в работах А. Е. Кондратенкова («Проблемы управления внеклассной и внешкольной воспитательной работой с учащимися в сельском районе» (1979), «Опыт и перспективы организации внеклассной работы в сельской школе» (1979), «Сельская общеобразовательная школа (Проблемы подготовки учащихся к общественно полезному труду)» (1976), «Сельская общеобразовательная школа на современном этапе: Вопросы трудового воспитания учащихся» (1979)), П. Сальберга («Финские уроки. История успеха реформ школьного образования в Финляндии» (2015)), Т. Уоткера («Финская система обучения: Как устроены лучшие школы в мире» (2018)) представлены основные педагогиче-

ские подходы, нацеленные на подготовку сельских школьников к дальнейшей самостоятельной жизни в обществе, совершенствование учебно-воспитательного процесса в сельской малокомплектной школе; выявлены и проанализированы методы, формы и средства организации внеклассной работы с учащимися в сельской малокомплектной школе.

Материалы и методы

Важнейшими методами исследования выступили общетеоретические (анализ, синтез, актуализация, систематизация, реконструкция, эпистемология) и историко-педагогический (выявление основных методов, форм и средств организации внеклассной работы в сельских школах советского периода).

Результаты исследования

Вопросам организации учебно-воспитательной работы в сельской малокомплектной школе огромное внимание уделял видный отечественный ученый и педагог, член-корреспондент Академии педагогических наук СССР, профессор, заслуженный учитель школы РСФСР, заслуженный деятель науки России, директор Кобылкинской средней школы Хиславичского района Смоленской области (1951–1956), директор Сафоновской школы-интерната (1960–1968); заведующий кафедрой педагогики, проректор Смоленского педагогического института (1968–1992) А. Е. Кондратенков (1921–1992).

Работая в высшем учебном заведении, педагог основал новое направление в педагогической науке – изучение процесса обучения и воспитания детей в сельской малокомплектной школе [2; 3]. Данной проблеме он посвятил монографии «Сельская общеобразовательная школа» (1976), «Сельская общеобразовательная школа на современном этапе» (1979) и ряд статей [4–11].

Рассмотрим основные педагогические подходы А. Е. Кондратенкова по организации внеклассных занятий с сельскими школьниками.

В одной из своих книг «Сельская общеобразовательная школа на современном этапе» автор отмечает, что «одна из важнейших задач школы – дать учащимся серьезную политехническую подготовку, т. е., во-первых, вооружить их системой научных понятий, отражающих общие основы современного производства и принципы управления ими, и, во-вторых, сформировать у учащихся не статические, а динамические умения и навыки, способствующие быстрому освоению новых трудовых процессов и техники» [12, с. 32].

Именно «политехническая подготовка молодого поколения, – отмечал А. Е. Кондратенков, – должна осуществляться всем содержанием учебно-воспитательного процесса общеобразовательной школы. Чрезвычайно важное место занимают в этой системе внеклассные занятия. Они значительно расширяют возможности школы в трудовом воспитании учащихся, в подготовке их к производительному труду. Внеклассные занятия делают более гибкой и подвижной всю систему школьного обучения и воспитания» [12, с. 35]. Ученый считал, что «нескованные жесткими рамками программы, они создают широкие возмож-

1 Национальный проект «Сельское хозяйство» на 2022–2030 годы. Утв. решением Правительства РФ от 23 декабря 2021 г. № ММ-П11-19122 // Система ГАРАНТ. URL: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения: 20.05.2024).

ности для развития творческого мышления, формируют у школьников навыки самостоятельного пополнения знаний» [12, с. 36]. По мысли А. Е. Кондратенкова, «в условиях сельской школы большое влияние оказывают внеклассные занятия на формирование у детей интереса к тому или иному учебному предмету, на сознательный выбор ими своей будущей профессии и на подготовку к ее освоению. Кроме того, углубляя и расширяя знания сельских школьников, формируя их разнообразные интересы, навыки и умения, внеклассная работа создает дополнительные предпосылки для накопления опыта коллективной жизни, для развития у учащихся общественной и политической активности» [12, с. 36].

При ориентации школьников на сельскохозяйственные профессии ученый предлагал учитывать, что, наряду с широкой общеобразовательной и политической подготовкой, человек, вступающий в ряды тружеников социалистического сельского хозяйства, должен быть вооружен многими умениями общетрудового характера. В этот комплекс он включал расчетные, организационно-экономические, наладочные и регулировочные умения, планирование своей деятельности, чтение чертежей, схем и другой технической документации, уход за механизмами и их обслуживание, контрольно-измерительные, чертежно-графические, определения и устранения неисправностей, управление техникой, умение соблюдать правила безопасности в процессе работы и др. И, соответственно, А. Е. Кондратенков делал заключение: обеспечить профессиональную подготовку своих воспитанников, т. е. вооружить их многими из указанных знаний, умений и навыков, сельская школа не сможет, если деятельность учительского коллектива будет ограничена только уроками по предметам учебного плана. С точки зрения А. Е. Кондратенкова, «внеклассная работа создает дополнительные возможности и условия для приобретения учащимися новых сведений, умений и навыков, требуемых от человека ходом развития производства, для более глубокого и полного усвоения школьниками научных основ сельского хозяйства и укрепления интереса к нему, для выявления и успешного формирования индивидуальных склонностей и способностей каждого воспитанника» [12, с. 36].

Исходя из своей практики работы в сельской школе и используя накопленный опыт коллег — сельских учителей, А. Е. Кондратенков обосновал ряд педагогических требований, предъявляемых к внеклассным занятиям как составной части учебно-воспитательного процесса в сельской школе: «1. Внеклассные занятия строятся на основе общепедагогических принципов, строго и последовательно соблюдаемых учительским коллективом. Это принципы: коммунистической идеологии и целеустремленности; тесной связи с жизнью, трудом, практикой коммунистического строительства; единства и целостности воспитательного процесса; активности и самостоятельности учащихся; воспитания в коллективе; сочетания высокой требовательности с глубоким уважением к личности; учета инте-

ресов, возрастных особенностей и индивидуальных различий учащихся. 2. Необходимая действенность внеклассных занятий может быть обеспечена при условии, когда не только массовыми, но также групповыми и индивидуальными формами эти занятия будут охватывать из года в год всех воспитанников сельской школы, начиная с младшеклассников; когда внеклассная работа, развивая интересы и индивидуальные склонности учащихся, готовит их к продолжению изучения полюбившейся области знаний на школьных факультативах и составляет вместе с занятиями на факультативных курсах единую образовательно-воспитательную систему педагогической деятельности. 3. Внеклассная работа всем своим содержанием должна отвечать требованиям, обусловленным общей целью коммунистического воспитания, т. е. все ее массовые и групповые формы в своей совокупности и единстве должны представлять строго продуманную педагогическую систему морально-политического, эстетического и физического воспитания, углубления и расширения научно-образовательных знаний учащихся, а также знаний в области труда, техники и проведения сельскохозяйственной опытнической работы. 4. Весь разработанный школой комплекс внеклассных занятий должен функционировать систематически и деятельно, всемерно способствуя упражнению детей в приобретении нужного опыта практической работы; результаты труда ребят должны быть наглядными, полезными и оцениваться достаточно широким кругом людей» [12, с. 38]. Таким образом, по мнению автора, при условии выполнения всех этих требований внеклассная работа должна стать важным фактором формирования реальных жизненных планов учащихся, в том числе и подготовки молодежи к активному труду в сельскохозяйственном производстве.

Исходя из анализа передового опыта школ Смоленской и ряда других областей страны, А. Е. Кондратенков показывает, что внеклассные занятия, имеющие целью подготовку учащихся к сельскохозяйственному труду, включают в себя: «а) широкую сеть кружков юных натуралистов и сельскохозяйственного опитничества, охватывающую большинство учащихся. Содержание работы таких кружков, усложняющееся по мере перехода воспитанников из класса в класс, постепенно все более сближается с потребностями развития различных отраслей местного сельскохозяйственного производства; б) не менее широкую сеть кружков технического творчества, начиная с кружка «Умелые руки» и заканчивая кружками юных механизаторов сельского хозяйства, где учащиеся уже занимаются более регулярной рационализаторской деятельностью, а также моделированием различных приспособлений, машин и механизмов сельскохозяйственного назначения; в) ученические общества и клубы, объединяющие (на правах секций) кружки сельскохозяйственного опитничества и технического творчества; г) массовые формы: тематические вечера, конференции, общешкольные выставки, праздники урожая, конкурсы, олимпиады, недели сельского хо-

зайства, экскурсии, встречи с передовиками производства, учеными, ветеранами колхозного движения и др.» [12, с. 42].

Необходимо отметить, что в систему внеклассных занятий входит и индивидуальная работа учащихся по избранным темам, которую, с точки зрения А. Е. Кондратенкова, «правомерно рассматривать не как предпосылку организации кружков или этап на пути к созданию групповых форм внеурочных образовательно-воспитательных занятий, а как одно из неперемных условий успешного функционирования самого кружка, устойчивости его состава. Над избранной темой школьники нередко работают в одиночку, но в конечном итоге даже в таком случае деятельность школьника никоим образом не изолируется от жизни коллектива. Надо так направить развитие личности и коллектива, чтобы происходило их взаимообогащение – интеллектуальное, нравственное, социальное» [12, с. 44].

Таким образом, все представленные А. Е. Кондратенковым формы внеклассных занятий являлись одним из важных путей развития у учащихся интереса к научным основам сельскохозяйственного производства и в то же время выступали в роли средства расширения политехнического кругозора, воспитания у школьников потребности в знаниях, желания упорно и настойчиво учиться.

Отметим, что в советский период в опыте сельских школ в системе внеклассных занятий широко были представлены кружки, организующие работу учащихся в растениеводстве и животноводстве, по охране природы. «Это кружки юных натуралистов, юных садоводов, цветоводов и полеводов, кружки друзей леса, кружки умелого ухода за животными, кружки краеведения, кружки информаторов по вопросам сельскохозяйственной науки и др.» [13, с. 38].

Ученый утверждал, что с переходом учащихся в 8–9-й классы ряд сельскохозяйственных кружков мог получить более ярко выраженную научно-практическую направленность. Так, изучение школьниками физики, химии, новых разделов биологических дисциплин давало возможность заниматься постановкой опытов и другой исследовательской работой, тесно связанной с производственными потребностями местного колхоза или совхоза. Такие кружки научно-практического характера обычно носили названия агро-биологического, агрохимического, биохимического, агротехнического, химико-краеведческого. По мысли А. Е. Кондратенкова, цель этих кружков – «расширение и углубление знаний учащихся по дисциплинам естественнонаучного цикла, вооружение молодежи опытом применения научных знаний в работах, связанных с сельскохозяйственным производством, обеспечение взаимосвязи общеобразовательных, прикладных и специальных знаний» [14, с. 12]. А это значит, что «систематическое функционирование таких кружков способствовало формированию у школьников умений самостоятельной работы в лаборатории, на учебно-опытном участке и на полях колхоза и

совхоза, развивало интерес к сельскохозяйственному опытничеству» [14, с. 13].

А. Е. Кондратенков отмечает, что «целям формирования у учащихся навыков сельскохозяйственного труда и интереса к нему, целям воспитания любви к родной земле и уважения к сельским труженикам служат, собственно, не только перечисленные нами формы внеклассных занятий с политехническим содержанием, но и многие другие занятия, связанные с жизнью сельского края. Это, например, такое направление краеведения, как изучение истории местных колхозов и совхозов, истории династий лучших хлеборобов и написание родословных книг. Это и художественная самодеятельность, широко использующая песни и танцы местного края, изученные школьниками в результате фольклорных экспедиций и другой работы по исследованию развития духовной культуры в конкретной сельской местности. Поэтому очень важно, чтобы школа имела не один-два кружка, как это порой можно встретить в практике работы некоторых учительских коллективов, а такое количество и столько направлений, чтобы каждый учащийся мог приобщиться через внеклассную работу к многообразным делам своего колхоза или совхоза и затем сознательно выбрать профессию, удовлетворяющую потребностям сельскохозяйственного производства и соответствующую его индивидуальным интересам и способностям» [12, с. 48]. Для этого А. Е. Кондратенков предлагал объединять усилия учительского коллектива и производственного окружения школы. Во-первых, в такой школе каждый педагог должен обязательно руководить кружковой работой, быть непосредственным организатором внеклассных занятий (причем не только по своему предмету – это само собой разумеется, но и по одному из направлений, связанных с задачей приобщения детей к сельскохозяйственным делам и воспитания у них чуткого и бережного отношения к природе). Ученый подчеркивал, что «это требует от каждого учителя дополнительных усилий для приобретения знаний и умений по руководству кружком, содержание работы в котором подчас не связано с профилем вузовской подготовки. Во-вторых, сельская малокомплектная школа должна как можно более полно использовать для этих целей производственно-техническую базу местного хозяйства (его мастерские, лаборатории, опытные участки и др.), а также привлекать к организации и проведению внеклассных занятий с учащимися специалистов и новаторов сельского хозяйства: агрономов, зоотехников, инженерно-технический персонал, квалифицированных механизаторов, управляющих сложной техникой, изобретателей и рационализаторов, наставников, обладающих опытом работы с молодежью, местных умельцев» [12, с. 50].

Таким образом, сочетание этих двух путей организации внеклассной работы способно дать исключительно большой эффект. Так, А. Е. Кондратенков приводит следующий пример: «в сравнительно небольшой Верховье-Мальшкинской восьмилетней

школе (Холм-Жирковский район Смоленской области), где учительский коллектив состоит всего из 9 человек, вот уже на протяжении 10 лет работает в среднем около 20 различных кружков, включая сельскохозяйственного и технического творчества. Наряду с учителями работой учащихся руководят главный агроном, инженер, зоотехник, заведующий лабораторией и механик совхоза, управляющий отделением, бригадир тракторной бригады, шофер, директор клуба, председатель родительского комитета. Учебно-материальной базой для проведения внеклассных занятий служат здесь не только помещения самой школы, но и совхозный клуб, производственные мастерские хозяйства, животноводческий комплекс, гараж, теплица. Вопросы организации разумного досуга школьников регулярно обсуждаются не только на заседаниях педагогического совета, но и партийной организацией совхоза, его местным комитетом профсоюза. Не случайно в этой школе нет ни одного учащегося, который не посещал бы занятий в кружке, как не случайна и та высокая активность, с которой трудятся многие воспитанники этой школы в совхозном производстве после окончания школы, училища или вуза. Однако следует подчеркнуть, что главенствующая роль в организации сотрудничества школы и ее производственного окружения принадлежит все-таки школе; степень использования потенциальных возможностей этого сотрудничества зависит от учительского коллектива, его инициативы, активности» [12, с. 52].

Из приведенного примера мы видим, что повышение уровня педагогического руководства внеклассной работой являлось одной из актуальных задач сельской школы, действенным средством совершенствования системы трудового обучения и воспитания школьников.

Именно педагогическое руководство внеклассными занятиями и предполагало «систематическую работу директора школы и его помощников с непосредственными организаторами кружковой деятельности – учителями, специалистами колхоза (совхоза) и др. – по общепедагогической тематике, по вопросам методики проведения занятий, их содержания, повышения уровня воспитательной эффективности. Большую роль здесь играл тщательный анализ посещаемых занятий, периодическое обсуждение состояния внеклассной работы и путей ее дальнейшего развития всем учительским коллективом с участием руководителей хозяйства – на педагогическом совете, производственном совещании, методической секции и пр.» [12, с. 53].

А. Е. Кондратенковым были разработаны рекомендации к педагогическому руководству кружковой работой, которые не потеряли своей актуальности и в наше время: «самый тщательный предварительный анализ руководителем учительского коллектива всех реальных возможностей, которыми располагают или могут – при известных условиях – располагать школа и ее производственно-культурное окружение для развертывания внеклассных занятий» [12, с. 55].

Сюда входят следующие вопросы: состояние и уровень подготовленности учительских кадров, способность каждого конкретного педагога к руководству определенным видом самостоятельной творческой работы учащихся; пути и формы вооружения учителей необходимыми знаниями и умениями; определение состава организаторов кружковых занятий или их помощников (в том числе консультантов) из числа специалистов сельского хозяйства, лучших производителей, работников учреждений культуры и других жителей школьного микрорайона, включая активистов родительской общественности; определение форм работы с данной категорией организаторов воспитательных занятий; возможный фонд помещений и оборудования в колхозе или совхозе для организации работы того или иного кружка. Такой учет реальных возможностей, по мысли ученого, может осуществляться только при наличии постоянных контактов между руководством школы и хозяйства, при тесной связи учительского и производственного коллективов. На основе данных о возможностях, которыми располагают школа и местное производство, и должны составляться перечень кружков, определяться направленность и примерная тематика их работы, а также отмечаться строго определенное время и место занятий (школьные, колхозные или совхозные помещения, участок поля, сад и т. п.). Все это этапы предварительной работы директора школы и учительского коллектива по организации системы самостоятельной творческой деятельности учащихся очень важные и необходимые. К ним относится также работа школы с будущими руководителями кружков и их помощниками – «индивидуальные беседы, инструктирование, семинары, помощь в составлении проекта плана кружка и расписания занятий, уточнение тематики и др.» [12 с. 55]. Затем, констатирует А. Е. Кондратенков, «перечень организуемых кружков и их тематика (с возможно более полным раскрытием содержания) объявляются всем учащимся школы на общей линейке, классных собраниях, по радио, в стенной печати, специально подготовленными плакатами, и в течение первых недель учебного года производится запись в кружки – пока только предварительная, так как до проведения двух-трех занятий в кружке невозможно точно определить постоянный состав его участников» [12, с. 55].

По мнению А. Е. Кондратенкова, в основе организации групповых форм внеклассных занятий должен лежать принцип добровольности. Поэтому школьнику надо дать время и возможность выбрать кружок, наиболее соответствующий его интересам. При этом, утверждает ученый, на закрепление школьника в том или ином кружке, на быстрее перерастание интереса ситуативного в устойчивый, постоянный влияет не только тематика кружка и содержание его работы, но и формы организации и проведения, ритм работы, общая обстановка, наконец, стиль отношений руководителя кружка и учащихся.

А. Е. Кондратенков отмечает и тот факт, что не-

редко учителя рассматривают кружковую работу лишь как «преддверие» факультативной и поэтому полагают, что с 7-го класса, когда у учащихся начинаются факультативные занятия, кружки им уже не нужны. Такую позицию ученый считает ошибочной. Факультатив открывает новые возможности для активизации кружковых занятий, имеющих, как известно, более выраженную практическую направленность; для перевода этих занятий на качественно новый уровень теоретического осмысления практических дел школьников; в свою очередь, хорошо организованная работа старшекласников в кружке, имеющем сходную с факультативом тематику, является одним из важных условий эффективности факультативных занятий, расширения их связи с практической деятельностью школьников. Так, «в Шумячской средней школе почти 90 % слушателей факультативов, имеющих сельскохозяйственную направленность, являются членами агротехнического, агрохимического и биологического кружков. Факультативные занятия, на которых изучаются отдельные темы курса химии, в основном посещают учащиеся IX–X классов, состоящие в агрохимическом кружке. Главная дидактическая цель этого кружка примерно та же, что и факультатива, – расширить и углубить знания учащихся в области химической науки, вооружить их знаниями основ агрохимии. Но кружок имеет и ряд других задач более практического характера, реализация которых намного повышает эффективность теоретической подготовки, получаемой учащимися на факультативных занятиях и на уроках химии. В частности, в программу кружка входит осуществление следующих задач: изучить со старшекласниками ряд вопросов почвоведения, имеющих важное значение в подготовке к работе в растениеводстве, познакомить их с техникой и методикой проведения основных агрохимических анализов, вооружить умениями для самостоятельной работы по анализу почв, пропагандировать агрохимические знания среди местных жителей» [12, с. 63].

Таким образом, из приведенных выше примеров можно заключить, что при осуществлении педагогического руководства внеклассными занятиями важной задачей являлось обеспечение тесной связи работы кружков технического творчества и сельскохозяйственного опытничества с производством. Приобретаемые школьником знания были ценны для него прежде всего своей функциональной стороной, глубиной и качеством политехнических знаний и умений, их систематизация зависела от воспитанной у школьника потребности пользоваться ими практически и теоретически при решении технических задач, и прежде всего потребности успешного решения доступных производственно-технических задач. Опыт работы передовых школ убеждал А. Е. Кондратенкова в том, что «образовательно-воспитательный эффект практической, учебной и исследовательской деятельности учащихся в кружках значительно возрастает, если эта деятельность носит общественно полезный характер, т. е., если учащийся знает, что результаты

его труда могут оказать определенную помощь местному производству, колхозу или совхозу, будут способствовать практическому решению задач его развития» [12, с. 63].

С точки зрения А. Е. Кондратенкова, «непременным условием расширения и укрепления связей кружковой работы с сельскохозяйственным производством, как и активизации этой работы вообще, является всемерная популяризация деятельности каждого кружка, его реальных достижений. Для этого необходимо, чтобы работа любого кружка регулярно оценивалась широкими массами населения сельского микрорайона, общественностью, всем ученическим коллективом. Формы популяризации, по мысли ученого, могли быть самыми разнообразными: периодические вечера-отчеты кружковцев перед учащимися школы и тружениками села, выставки работ кружковцев за тот или иной период деятельности» [12, с. 65]. «Большой воспитательный эффект, – замечает А. Е. Кондратенков, – давали организуемые членами кружков ежегодные недели, посвященные состоянию и перспективам развития отдельных отраслей сельскохозяйственного производства, например: неделя новой сельскохозяйственной техники, неделя достижений агробиологии, неделя животноводства, неделя химизации сельского хозяйства и т. п. В этих массовых мероприятиях, наряду с членами соответствующих кружков, участвовали обычно все школьники средних и старших классов. Такая неделя, как правило, включала в свою программу специальные вечера по теме, встречи с передовиками и специалистами производства, выставки, экскурсии, выпуск бюллетеней, плакатов и стенных газет, организацию радиопередач о развитии сельскохозяйственной науки и успехах производства местного колхоза (совхоза), района, области, края. А это все, вместе взятое, способствовало активизации интереса школьников к научным основам сельского хозяйства и повышало эффективность всей профориентационной работы сельской школы» [12, с. 67]. Кроме того, по мнению автора, «положительно влияет на работу кружков их взаимодействие и централизация, которая осуществляется через секции, а затем и более крупные объединения – клубы или общества. Наличие таких объединений позволяет координировать деятельность различных кружков, организовывать их совместную работу, способствует обмену знаниями и опытом, налаживанию взаимопомощи» [12, с. 70].

Необходимо отметить, что именно эти формы организации внеклассных занятий синтезировали и направляли деятельность отдельных кружков по укреплению и расширению связей их работы с потребностями и перспективами развития сельскохозяйственного производства. Общества и клубы открывали перед учащимися сельской школы новые возможности для научно-практической работы в области земледелия, животноводства и технического творчества, для развития активности, инициативы и самостоятельности, для привлечения к участию в решении своих актуальных проблем крупных специалистов сельского хозяйства,

инженеров, ученых. В качестве примера удачной организации такой работы А. Е. Кондратенков приводит деятельность общества друзей природы Селезневской средней школы Смоленской области, объединяющего до 200 учащихся 4–10-го классов. Как отмечает автор, «в него входят на правах коллективных членов кружки юных натуралистов, сельскохозяйственного опыта, школьное лесничество, зеленый патруль (IV–V классы), агробиологический и зоологический кружки. Общество организует ежегодные выставки, демонстрирующие богатство природы родного края и результаты практической деятельности каждого класса по охране и умножению их; подготавливает и проводит общешкольные трудовые десанты по расширению и очистке лесных массивов и озеленению улиц населенных пунктов микрорайона, по борьбе с оврагами и приведению в образцовое состояние водоемов, а также организует праздник урожая, праздник даров природы (на нем демонстрируются букеты полевых и лесных цветов, коллекции ягод, фруктов, грибов, лекарственных растений и др.), день птиц, день леса и другие мероприятия» [12, с. 75].

А. Е. Кондратенков отметил и тот факт, что в ряде сельских школ СССР активно действуют научные общества учащихся, различные конструкторские бюро, общества технического прогресса, юных исследователей природы и т. д. Такое развитие внеклассных занятий было обусловлено постоянным поиском сельскими учителями наиболее рациональных средств развития детской инициативы и условий для формирования у школьников самостоятельного мышления, отвечающего требованиям научно-технического прогресса. Здесь, несомненно, сказывалось также влияние на школу тенденции все большего привлечения рядовых тружеников и родителей сельских школьников к творческому поиску, к активному участию в разработке новых научно-технических решений, в рационализации производственных процессов, в создании новой техники и технологии.

Обсуждение и заключения

Таким образом, анализ трудов А. Е. Кондратенкова позволил сделать вывод о том, что внеклассные занятия способствовали формированию системы политехнической подготовки учащихся и развитию у них интересов и индивидуальных склонностей. Занимаясь внеклассной работой, школьники осваивали новые теоретические знания, постигали научную информацию, не входившую в учебники.

Тесное сотрудничество с производственным коллективом колхоза или совхоза позволяло сельской малокомплектной школе охватить учащихся работой, направленной на расширение их политехнического кругозора. Такая работа, безусловно, открывала большие возможности для решения задач трудового воспитания школьников на практике, ориентировала детей и подростков на сельскохозяйственные профессии.

Список источников

1. Ефлова З. Б. Сельская школа России на перекрестке социокультурной модернизации обра-

зования // Педагогика сельской школы. 2019. № 1. С. 24–45.

2. Кондратенков А. Е. Педагогика в картинах реальной жизни. Смоленск : Смядынь, 1993. 448 с.

3. Кондратенков А. Е. Труд и талант учителя: Встречи. Факты. Мысли. М. : Просвещение, 1989. 206 с.

4. Кондратенков А. Е. К вопросу о специфике работы учителя в сельской школе // Вопросы совершенствования качества подготовки учителей сельской школы. Смоленск : СГПИ, 1979. С. 5–19.

5. Кондратенков А. Е. Неотложные проблемы сельской малокомплектной школы // Современная педагогика. 1989. № 6. С. 23–26.

6. Кондратенков А. Е. Опыт и перспективы организации внеклассной работы в сельской школе // Советская педагогика. 1979. № 1. С. 51–56.

7. Кондратенков А. Е., Селиванов В. С. Подготовка учителя к работе в сельской школе // Советская педагогика. 1980. № 2. С. 110–115.

8. Кондратенков А. Е. Проблемы управления внеклассной и внешкольной воспитательной работой с учащимися в сельском районе // Проблемы развития сельской школы. Смоленск : СГПИ, 1979. С. 75–84.

9. Кондратенков А. Е., Осовский Е. Г. Сельская малокомплектная школа: целевая программа исследования // Современная педагогика. 1987. № 7. С. 53–57.

10. Кондратенков А. Е. Сельская общеобразовательная школа в период развитого социализма // Сельская общеобразовательная школа: проблемы, опыт. Смоленск : СГПИ, 1974. 310 с.

11. Кондратенков А. Е. Сельская школа: проблемы и перспективы // Советская педагогика. 1984. № 10. С. 23–28.

12. Кондратенков А. Е. Сельская общеобразовательная школа на современном этапе: Вопросы трудового воспитания учащихся. М. : Педагогика, 1979. 176 с.

13. Кондратенков А. Е. Совершенствование работы сельской школы. Смоленск : СГПИ, 1989. 240 с.

14. Кондратенков А. Е. Сельская малокомплектная школа как объект педагогического исследования. Смоленск : СГПИ, 1991. С. 5–14..

References

1. Eflova Z. B. Rural school of Russia at the crossroads of socio-cultural modernization of education. *Pedagogika sel'skoy shkoly* = Pedagogy of Rural School. 2019; 1:24-45. (In Russ.)

2. Kondratenkov A. E. Pedagogy in pictures of real life. Smolensk, Smyadyn, 1993. 448 p. (In Russ.)

3. Kondratenkov A. E. Work and talent of the teacher: Meetings. Facts. Thoughts. Moscow, Prosveshchenie, 1989. 206 p. (In Russ.)

4. Kondratenkov A. E. On the issue of a teacher's work specifics in a rural school. *Voprosy sovshenstvovaniya kachestva podgotovki uchiteley sel'skoy shkoly* = Issues of improving the quality of rural school teachers' training. Smolensk, SSPI, 1979. Pp. 5-19. (In Russ.)

5. Kondratenkov A. E. Urgent problems of a ru-

ral small school. *Sovremennaya pedagogika* = Modern Pedagogy. 1989; 6:23-26. (In Russ.)

6. Kondratenkov A. E. Experience and prospects of organizing extracurricular work in a rural school. *Sovetskaya pedagogika* = Soviet Pedagogy. 1979; 1:51-56. (In Russ.)

7. Kondratenkov A. E., Selivanov V. S. Preparing a teacher for work in a rural school. *Sovetskaya pedagogika* = Soviet Pedagogy. 1980; 2:110-115. (In Russ.)

8. Kondratenkov A. E. Problems of managing extracurricular and out-of-school educational work with students in a rural area. *Problemy razvitiya sel'skoy shkoly* = Problems of rural school development. Smolensk, SSPI, 1979. Pp. 75-84. (In Russ.)

9. Kondratenkov A. E., Osovskiy E. G. Rural small school: targeted research program. *Sovremennaya pedagogika* = Modern Pedagogy. 1987; 7:53-57. (In Russ.)

10. Kondratenkov A. E. Rural comprehensive school in the period of developed socialism. *Sel'skaya obshcheobrazovatel'naya shkola: problemy, opyt* = Rural general education school: problems, experience. Smolensk, SSPI, 1974. 310 p. (In Russ.)

11. Kondratenkov A. E. Rural school: problems and prospects. *Sovetskaya pedagogika* = Soviet Pedagogy. 1984; 10:23-28. (In Russ.)

12. Kondratenkov A. E. Rural general education school at the present stage: Issues of labor education of students. Moscow, Pedagogy, 1979. 176 p. (In Russ.)

13. Kondratenkov A. E. Improving the work of rural schools. Smolensk, SSPI, 1989. 240 p. (In Russ.)

14. Kondratenkov A. E. Rural small school as an object of pedagogical research. Smolensk, SSPI, 1991. Pp. 5-14. (In Russ.)

Информация об авторах:

Кожемякина Е. А. – ассистент кафедры специальной педагогики и психологии, канд. пед. наук.

Сенченков Н. П. – проректор по восп. работе, д-р пед. наук, проф., Почет. работник высш. проф. обр. РФ.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Kozhemyakina E. A. – Assistant of the Department of Special Pedagogy and Psychology, Ph. D. (Pedagogy).

Senchenkov N. P. – Vice-Rector for Educational Work, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the RF.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.01.2025; одобрена после рецензирования 04.02.2025; принята к публикации 05.02.2025.

The article was submitted 17.01.2025; approved after reviewing 04.02.2025; accepted for publication 05.02.2025.

ПЕДАГОГИКА

Научная статья

УДК 378.016:81-139

doi: 10.51609/2079-3499_2025_16_02_30

Обучение латинскому языку с применением интерактивных технологий

Татьяна Анатольевна Маркова^{1*}, Валентина Леонидовна Попова², Анна Дмитриевна Горева³

¹Ярославский государственный медицинский университет Минздрава России (Вологодский филиал), Вологда, Россия, mar_ta.vologda@mail.ru*, <https://orcid.org/0000-0003-0428-5894>

^{2,3}Вологодская государственная молочнохозяйственная академия, Вологда, Молочное, Россия

²valya.nesterova.2014@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9338-1644>

³goreva_anna@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6097-3523>

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению роли интерактивных технологий в повышении мотивации студентов и оптимизации образовательного процесса при изучении латинского языка в медицинском вузе. Авторы анализируют эффективные методы интерактивного обучения, включая групповые формы работы, игровые методики для освоения терминологии, проектную деятельность (создание презентаций). В статье приведены конкретные примеры заданий на латинском языке и практические рекомендации по внедрению интерактивных подходов в преподавание. Исследование подтверждает, что применение таких технологий усиливает вовлеченность обучающихся, развивает аналитическое мышление, формирует навыки решения профессиональных задач. Авторы делают вывод о целесообразности активного использования интерактивных форм обучения в медицинском образовании для повышения качества подготовки будущих специалистов.

Ключевые слова: интерактивные технологии обучения, латинский язык, проектная деятельность, презентация, обучающие лексические игры, медицинская терминология

Для цитирования: Маркова Т. А., Попова В. Л., Горева А. Д. Обучение латинскому языку с применением интерактивных технологий // Гуманитарные науки и образование. 2025. Т. 16, № 2 (62). С. 30–34. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_30

PEDAGOGY

Original article

Teaching Latin with interactive technologies

Tatyana A. Markova^{1*}, Valentina L. Popova², Anna D. Goreva³

¹Yaroslavl State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation (Vologda Branch), Vologda, Russia, mar_ta.vologda@mail.ru*, <https://orcid.org/0000-0003-0428-5894>

^{2,3}Vologda State Dairy Farming Academy, Vologda-Molochnoye, Russia

²valya.nesterova.2014@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9338-1644>

³goreva_anna@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6097-3523>

Abstract. This article examines the role of interactive technologies in enhancing students' motivation and optimizing the educational process when teaching Latin at medical universities. The authors analyze effective interactive learning methods, including group work, gamification techniques for terminology acquisition, project-based learning (creating presentations). The study provides specific examples of Latin language tasks and practical recommendations for implementing interactive teaching approaches. The research findings demonstrate that these technologies significantly increase students' engagement, foster analytical thinking skills, develop professional problem-solving competencies. The authors conclude that the systematic integration of interactive learning forms in medical education proves essential for improving the quality of future specialists' training.

Keywords: interactive teaching technologies, Latin language, project activities, presentation, educational vocabulary games, medical terminology

For citation: Markova T. A., Popova V. L., Goreva A. D. Teaching Latin with interactive technologies. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education. 2025; 16(2-62):30-34. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_30

Введение

Освоить медицинскую терминологию без знания латинского языка невозможно, т. к. он является фундаментальной, неотъемлемой частью медицинского образования и относится к старейшим дисциплинам высшей медицинской школы. Поэтому и методика преподавания латинского языка имеет более консервативный характер, нежели методы и технологии преподавания «живых» иностранных языков. Данная ситуация обусловлена прежде всего тем, что латинский язык относится к «мертвым» языкам и не направлен на живую коммуникацию. Традиционные методы преподавания вступают в противоречие с такими факторами, как низкая мотивация студентов, недостаточная вовлеченность в учебный процесс, слабая организация выполнения самостоятельной работы при подготовке к практическим занятиям. Стоит отметить, что процесс обучения латинскому языку в медицинском вузе построен на освоении грамматического материала, анатомической, клинической и фармацевтической терминологии и овладении навыками написания рецептурных формулировок. В связи с этим внедрение интерактивных технологий может значительно улучшить качество обучения, сделав его более эффективным и интересным. Преподаватель при этом выполняет функцию помощника.

Цель настоящего исследования состоит в формулировании рекомендаций по применению интерактивных технологий и методов в процессе обучения латинскому языку студентов медицинского вуза. Задачи исследования: 1) сделать обзор интерактивных технологий и методов, используемых в процессе обучения латинскому языку студентов медицинского вуза; 2) сформулировать рекомендации по использованию наиболее эффективных интерактивных технологий и методов, применяемых в процессе обучения студентов латинскому языку в медицинском вузе. Результаты исследования могут быть использованы на практических занятиях по дисциплинам «Латинский язык», «Основы латинского языка с медицинской терминологией» и в самостоятельной работе студентов.

Обзор литературы

Интерактивные технологии и методы обучения становятся все более популярными в сфере высшего образования, так как они способствуют активному участию студентов в учебном процессе. Использование таких методов особенно эффективно в медицинском вузе, где латинский язык является основой для освоения медицинской терминологии.

Согласимся с Б. М. Бим-Бадом в том, что по сравнению с традиционным обучением в интерактивном обучении используется иная модель взаимодействия преподавателя и студента: активность преподавателя уступает место активности студентов, а задачей преподавателя становится создание условий для инициативы студентов, побуждение к самостоятельному поиску¹. Е. Сопова справедливо отмечает, что интерактивный метод развивает

общеучебные и коммуникативные навыки, а также решает некоторые воспитательные задачи, поскольку учит работать в команде, прислушиваться к чужому мнению [1]. О внедрении в преподавание латинского языка современных методик пишет Ф. З. Рахматуллаева, подчеркивая, что это по-прежнему является актуальной задачей и требует обобщения и анализа опыта, накопленного в данном направлении разными преподавателями [2]. Интерактивные методы обучения студентов-медиков латинскому языку используют М. Б. Есанова и Ш. М. Умирова. Авторы считают, что, включаясь в совместную деятельность, каждый вносит в нее свой особый вклад, в ходе работы происходит обмен знаниями, идеями, способами деятельности. Интерактивное обучение подразумевает конкретные цели: развитие интеллектуальных способностей студентов, самостоятельности мышления, критического мышления. Учебный материал усваивается прочно и глубоко. Развивается творческий потенциал студентов, что ведет к формированию умений генерировать идеи, видеть и самостоятельно решать проблемы, эффективно применять профессиональные знания, навыки в реальной практике [3].

По нашему мнению, при использовании интерактивных форм проведения занятий студенты погружаются в атмосферу делового сотрудничества, оптимальную для выработки навыков и качеств будущего специалиста. Участники образовательного процесса (преподаватель и студенты) взаимодействуют друг с другом, обмениваются информацией, совместно решают проблемы, моделируют ситуации [4].

Среди работ зарубежных авторов отметим кросс-секционное исследование П. Маханты с соавторами о восприятии индийскими студентами-медиками эффективных методов обучения [5]. С. Саркар, С. Шарма и С. Рахеджа публикуют проведенный опрос об удовлетворенности студентами-медиками смешанного подхода к обучению с применением интерактивных технологий для улучшения лекций по анатомии [6].

Материалы и методы

В данной статье сделан акцент на использовании интерактивных технологий и методов, применяемых в процессе обучения студентов латинскому языку; обучающих игр; проектной деятельности (подготовка презентаций).

Результаты исследования

Вышеупомянутые технологии и методы используются в Вологодском филиале ФГБОУ ВО ЯГМУ Минздрава России на занятиях со студентами 1-го курса лечебного факультета, обучающимися по специальности «Лечебное дело». Разберем более подробно такие методы, как обучающие лексические игры и проектная деятельность (подготовка презентаций).

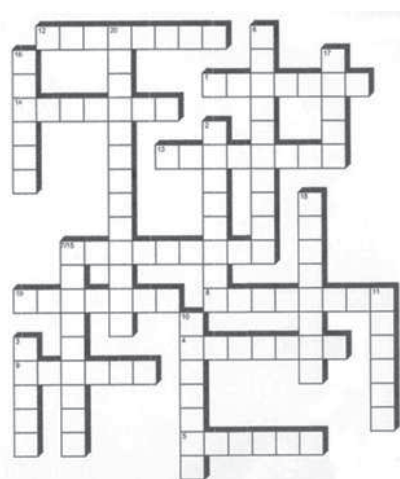
Обучающие игры предназначены для отработки профессиональных умений и навыков. В игре деятельность обучающихся разворачивается на имитационно-игровой модели, отражающей содержание, технологии и динамику профессиональной деятельности специалистов, ее целостных фрагментов.

1 Бим-Бад Б. М. Интерактивное обучение // Педагогический энциклопедический словарь. М., 2002. С. 107. URL: http://pedagogical_dictionary.academic.ru/1291/ (дата обращения: 29.03.2025).

Игровое сопровождение изучения материала позволяет поддерживать постоянный высокий интерес у обучающихся к содержанию курса, активизирует их самостоятельную деятельность, формирует и закрепляет практические навыки.

Среди многообразия обучающих игр особо выделяются лексические игры. К ним можно отнести анаграммы, кроссворды, марафон загадок, подбор пар карточек «слово – перевод». Так, при изучении темы «*Skeleton / Скелет*» в разделе «Анатомическая терминология» в рамках интерактивного занятия проводится работа в малых группах по 3–4 человека. Каждой группе выдаются разные карточки с названиями костей на латинском языке и предлагается написать на макете скелета латинские названия костей: *cranium, os temporale, humerus, digitus, os sacrum, mandibula, columna vertebralis* и др. Оценивается скорость и правильность выполненного задания.

Освоение лексического материала хорошо отрабатывается при решении кроссвордов (рис. 1).



1. Угол
2. Плечо
3. Ребро
4. Череп
5. Пластика
6. Связка
7. Нижняя челюсть
8. Мышца
9. Глазница
10. Лопатка
11. Борозда
12. Барабан
13. Позвонок
14. Палец
15. Рукоятка
16. Лучевая кость
17. Щека
18. Уздечка
19. Десна
20. Выступ

При изучении клинической терминологии успешно зарекомендовали себя *словообразовательные игры*. Нужно отметить, что эффективнее всего проходит работа в малых группах по 3–4 человека. Разберем пример такой игры: группы получают одинаковые карточки с греко-латинскими терминологическими элементами (ТЭ), и каждая группа за 15 минут должна составить как можно больше терминов, содержащих ТЭ, например: *-gen-, -ura, dys-, hyper-, glosso-, rhachi-, chondro-, -genesis, -ectomia, -oma, -lysis, -plegia* и др. Группа, предложившая больше всех терминов, побеждает. Преподавателем оценивается правильность составления клинических терминов на латинском языке и их значение на русском языке.

Для отработки грамматического материала студенты выполняют разные задания на карточках, в которых необходимо согласовать существительные с прилагательными в роде, числе и падеже: *columna – vertebralis, e; ligamentum – frontalis, e; foramen – transversus, a, um; sinus – nasalis, e; incisura – articularis, e; arcus – lateralis, e; cornu – sacralis, e; processus – articularis, e* и др.

Следующим интерактивным методом, активно используемым нами на практических занятиях,

является проектная деятельность (создание презентаций) на тему «Латинский язык в мировой культуре». Студентам предлагается широкий спектр вопросов на заданную тему: от древних философов до современного применения латинского языка в культуре и медицине. Преподаватель формулирует требования к подготовке презентации: 10–15 слайдов, ограничение выступления по времени (4–5 минут). Опыт применения данного метода показывает, что студенты с воодушевлением раскрывают различные темы, например: «Латинский язык в фармакологии», «Латинские заимствования в музыке», «Латинский язык в саге о Гарри Поттере», «Афоризмы в латинском языке» и др. Так, в теме «*Латинский язык в фармакологии*» студентами рассматриваются история происхождения и применение следующих фармацевтических терминов: *tabuleta, ae f; solutio, onis f; decoctum, I n; tinctura, ae f; linimentum, i n; suppositorium, i n* и т. д. Интерес вызывает анализ происхождения названий нот и развитие нотаций в представленной теме «*Латинские заимствования в музыке*»: *Do – Domus – Господь, Re – res – материя, Mi – miraculum – чудо, Fa – familia planetarum – семья планет, So – solis – солнце, La – via lactea – Млечный путь, Si – sidera – небеса*. Повышенным вниманием со стороны студентов пользуются произведения Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере. Так, с точки зрения анализа имен собственных в презентациях приведены следующие примеры имен персонажей: *Siverus – Суровый, Albus – Белый, Lupin – Волк* и др.; большая часть заклинаний также создана на основе латыни, например: *Crucio* переводится как «я мучаю», *Diffindo* – «я разделяю», *Reparo* – «я обновляю, чиню». Заклинание *Экспекто Патронум* состоит из сочетания двух слов: *expecto* – «ожидая» и *patronum* – «покровителя» и переводится соответственно как «ожидая покровителя».

Важно пояснить, что подготовка презентаций и выступления перед аудиторией – это трудоемкий процесс на начальном этапе обучения. Однако преимущество рассматриваемого метода неоспоримо. Проектная деятельность (подготовка презентаций) мобилизует умственные силы студентов и их возрастающую заинтересованность обучением. Она обеспечивает направленность на развитие интеллектуальных, профессиональных, поведенческих умений и навыков, а также повышает степень мотивации и эмоциональности восприятия изучаемого материала, его переработки и усвоения.

Таким образом, апробировав некоторые интерактивные технологии и методы, мы сформулировали рекомендации по улучшению процесса обучения латинскому языку:

1. Продолжить практику применения заданий на развитие таких видов деятельности, как изучение грамматики и лексики латинского языка как основы для успешного освоения медицинской терминологии.

2. Использовать при проведении практических занятий, наряду с классическими формами обучения, такие интерактивные технологии и методы, как обучающие лексические игры, проектная деятельность (подготовка презентаций).

Обсуждение и заключения

Отметим, что использование интерактивных методов обучения значительно повышает мотивацию студентов к изучению латинского языка, делая процесс обучения более динамичным и увлекательным. Эти методы помогают запоминать сложные медицинские термины с возможностью применения их в будущей профессиональной деятельности.

В рамках обучающих игр студенты развивают навыки анализа специфических ситуаций и учатся решать профессиональные задачи, с которыми они сталкиваются впервые.

Метод проектов, включающий защиту исследовательских работ и презентаций, направлен на развитие коммуникативной компетенции через самостоятельную поисково-познавательную деятельность студентов. Этот метод предполагает решение проблемных задач, которые могут носить как теоретический, так и практический характер. Преподаватель выступает в роли организатора творческой и самостоятельной работы студентов, формулируя лишь цель задания, не указывая конкретных шагов для ее достижения. В процессе выполнения таких заданий (анализ и систематизация информации, поиск дополнительных данных, проведение экспериментов) возникают проблемные ситуации, стимулирующие активное обучение. Проектный метод характеризуется высокой степенью проблемности и самостоятельности, что делает его эффективным инструментом для развития творческого потенциала студентов. Роль преподавателя в данном случае сводится к функции координатора, эксперта и источника дополнительной информации.

Список источников

1. Сопова Е. Технологии интерактивного обучения на уроках иностранного языка // Иностранные языки. I-YAZYKI.RU. FOREIGN LANGUAGES. 2013. URL: <http://iyazyki.prosv.ru/2013/03/interactive-language/> (дата обращения: 29.03.2025).

2. Рахматуллаева Ф. З. Современные интерактивные методы в преподавании латыни студентам медресы // Экономика и социум. 2023. № 10 (113). URL: www.iupr.ru (дата обращения: 30.03.2025).

3. Esanova M. B., Umirova Sh. M. Using Interactive Methods Teaching Medical Students in Latin in Medical Universities. *Journal of Education, Ethics and Value*. 2024. Vol. 3, № 11. URL: <https://jeev.innovascience.uz/index.php/jeev/article/view/1011> (дата обращения: 30.03.2025).

4. Маркова Т. А., Горева А. Д., Малиновская Ю. Н., Сысоева Е. В. Использование интерактивных технологий в процессе обучения иностранным языкам студентов неязыкового вуза // Образовательные технологии в современном вузе. Вопросы теории и практики : монография / под ред. Д. В. Шибяева. Вологда : Северо-Западный институт университета имени О. Е. Кутафина. 2020. С. 141–155.

5. Mahanta P., Kalita D., Phukon C., Konwar R., Das K., Ullah M. K., Singh Yadav D., Deka S. Indian Medical Undergraduates' Perceptions of Effective Teaching Methods: A CrossSectional Study. *Advances in Medical Education and Practice*. 2021. № 12. Pp. 473–479. URL: <https://doi.org/10.2147/AMEP.S306598> (дата обращения 31.03.2025).

6. Sarkar S., Sharma S., Raheja S. Implementation of Blended Learning Approach for Improving Anatomy Lectures of Phase I MBBS Students – Learner Satisfaction Survey. *Advances in Medical Education and Practice*. 2021. № 12. Pp. 413–420. URL: <https://doi.org/10.2147/AMEP.S301634> (дата обращения 30.03.2025).

References

1. Sopova E. Interactive learning technologies in foreign language lessons. *Inostrannyye yazyki. I-YAZYKI.RU. FOREIGN LANGUAGES* = Foreign languages. I-YAZYKI.RU. FOREIGN LANGUAGES. 2013. URL: <http://iyazyki.prosv.ru/2013/03/interactive-language/> (accessed 29.03.2025). (In Russ.)

2. Rakhmatullaeva F. Z. Modern interactive methods in teaching Latin to medical university students. *Ekonomika i sotsium* = Economy and Society. 2023; 10(113). URL: www.iupr.ru (accessed 30.03.2025). (In Russ.)

3. Esanova M. B., Umirova Sh. M. Using Interactive Methods Teaching Medical Students in Latin in Medical Universities. *Journal of Education, Ethics and Value*. 2024; 3(11). URL: <https://jeev.innovascience.uz/index.php/jeev/article/view/1011> (accessed 30.03.2025).

4. Markova T. A., Goreva A. D., Malinovskaya Yu. N., Sysoeva E. V. Using interactive technologies in the process of teaching foreign languages to students of a non-linguistic university. *Obrazovatel'nye tekhnologii v sovremennom vuze. Voprosy teorii i praktiki* = Educational technologies in a modern university. Theoretical and practical issues: monograph / ed. by D. V. Shibaev. Vologda, North-Western Institute of the Kutafin University. 2020. Pp. 141–155. (In Russ.)

5. Mahanta P., Kalita D., Phukon C., Konwar R., Das K., Ullah M. K., Singh Yadav D., Deka S. Indian Medical Undergraduates' Perceptions of Effective Teaching Methods: A Cross-Sectional Study. *Advances in Medical Education and Practice*. 2021; 12:473–479. URL: <https://doi.org/10.2147/AMEP.S306598> (accessed 31.03.2025).

6. Sarkar S., Sharma S., Raheja S. Implementation of Blended Learning Approach for Improving Anatomy Lectures of Phase I MBBS Students – Learner Satisfaction Survey. *Advances in Medical Education and Practice*. 2021; 12:413–420. URL: <https://doi.org/10.2147/AMEP.S301634> (accessed 31.03.2025).

Информация об авторах:

Маркова Т. А. – зав. кафедрой гуманитарных дисциплин, канд. пед. наук, доц.

Попова В. Л. – доцент кафедры гуманитарных дисциплин, канд. филол. наук, доц.

Горева А. Д. – ст. преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Markova T. A. – Head of the Department of Hu-

manities, Ph.D. (Pedagogy), Doc.

Popova V. L. – Associate Professor of the Department of Humanities, Ph.D. (Philology), Doc.

Goreva A. D. – Senior Lecturer of the Department of Humanities.

Contribution of the authors: all authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 04.04.2025; одобрена после рецензирования 09.04.2025; принята к публикации 10.04.2025.

The article was submitted 04.04.2025; approved after reviewing 09.04.2025; accepted for publication 10.04.2025.

ПЕДАГОГИКА

Научная статья

УДК 372.881.161.1

doi: 10.51609/2079-3499_2025_16_02_35

Новый взгляд на лингвокультурологический подход в преподавании РКИ: к постановке задачи

Наталья Владимировна Матюшина

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия, nwl2002@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6982-5305>

Аннотация. Статья посвящена обзору развития лингвокультурологического подхода в преподавании русского языка как иностранного в отечественной науке. Описывается связь лингвокультурологии с переводоведением и методикой преподавания иностранных языков, подчеркивается, что лингвокультурологический подход довольно широко используется в современных учебниках иностранного языка, однако вопрос культурного содержания подобных фрагментов остается открытым. В статье ставятся современные задачи лингвокультурологии и методики преподавания русского языка как иностранного. Приводятся фрагменты разработанных упражнений на развитие культурной адаптации на языковом (задания на изучение концепта ПРОСТРАНСТВО), риторическом (задания на развитие умений использования отрицательных конструкций), содержательном (задания на анализ аллюзий) и паралингвистическом (задание на умение использовать единицы невербальной семиотики) уровнях.

Ключевые слова: русский как иностранный (РКИ), лингвокультурологический подход, культурная адаптация, языковой уровень, риторический уровень, содержательный уровень, паралингвистический уровень

Для цитирования: Матюшина Н. В. Новый взгляд на лингвокультурологический подход в преподавании РКИ: к постановке задачи // Гуманитарные науки и образование. 2025. Т. 16, № 2 (62). С. 35–41. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_35

PEDAGOGY

Original article

A new look at the linguistic and cultural approach in teaching Russian as a foreign language: task setting

Nataliya V. Matyushina

Moscow City University, Moscow, Russia, nwl2002@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6982-5305>

Abstract. The paper elaborates on the developing of linguistic and cultural approach to teaching Russian as a foreign language in Russian pedagogy. The bond between linguoculturology and translation studies as well as between it and methods of foreign language teaching is described, it is emphasized that the linguistic and cultural approach is widely used in modern foreign language textbooks, however, the issue of cultural content remains open. The paper sets out the modern goals of linguoculturology and methods of teaching Russian as a foreign language. Fragments of the developed exercises for the development of cultural adaptation are presented in language (tasks to study the concept SPACE), rhetorical (tasks to develop skills in negative constructions use), content (tasks to analyst allusions) and paralinguistic (tasks to use non-verbal semiotics) levels.

Keywords: Russian as a foreign language (RFL), linguistic and cultural approach, cultural adaptation, language level, rhetorical level, content level, paralinguistic level

For citation: Matyushina N. V. A new look at the linguistic and cultural approach in teaching Russian as a foreign language: task setting. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education. 2025; 16(2-62):35-41. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_35

Введение

Основой лингвокультурологического анализа служат постулаты, высказанные В. Фон Гумбольдтом, Л. Вайсгербером, Э. Сэпиром, Б. Уорфом и др. Распространение лингвокультурологических исследований в отечественном языкознании связано с именами

Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова [1], В. А. Масловой [2], В. М. Шаклеина [3], В. И. Карасика [4] и др. Кроме того, теоретическую основу лингвокультурологии составили идеи и взгляды таких авторов, как Е. С. Кубрякова, И. А. Стернин, А. Вежбицкая, Ю. Д. Апресян, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия и др. [5, с. 103].

Обзор литературы

Если рассмотреть развитие лингвокультурологии и ее взаимосвязь с методикой преподавания иностранных языков, в особенности русского языка как иностранного, то четко выделяются три этапа.

На первом этапе, в 70-е гг. прошлого века, фокус лингводидактики был обращен на лингвострановедение. Как отмечали Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, в прошлом столетии аккультуризация адресата, изучающего иностранный язык, происходила с опорой на филологию, т. е. ознакомление с иной культурой проводилось посредством иностранного языка и в процессе его освоения [1, с. 37]. При этом часто преподаватели имели некоторую «увлеченность культурой», давая много страноведческих и иных знаний, в результате чего русский язык преподавался в качестве языка «существования»; в настоящее время ярко выражена потребность в более прагматичном использовании русского языка иностранцами, а именно с целью «сосуществования» [6, с. 9].

На втором этапе, в 1990-е гг., произошло уточнение содержания лингвострановедения, которое перешло в статус методической дисциплины [7, с. 136]. Как отмечает О. Л. Дигина, лингвострановедение стало пониматься как аспект преподавания, а лингвокультурология – как научная дисциплина на границе культуры и филологии [8, с. 99]. В результате объединения усилий лингвокультурологов и методистов в области преподавания иностранных языков сформировался лингвокультурологический подход.

Третьим этапом развития лингвокультурологии можно считать ее нынешнее состояние. Современная лингвокультурология продолжает период самоопределения, уточнения предмета изучения, метаязыка и исследовательских методов [3]. Поскольку лингвокультурология является довольно молодым направлением лингвистики, ее терминологический аппарат находится в процессе пополнения. Так, В. М. Шаклеин предполагает, что в скором времени в него войдут такие понятия, как *язык-якорь*, *язык-спутник*, *доминирующий язык* и др. [3, с. 101]. В. А. Маслова констатирует формирование следующих направлений современной лингвокультурологии: теоретическое, философское, лексикографическое, сравнительно-сопоставительное, прикладное (или методическое), аксиологическое, поликультурного пространства, синергетическое [2]. В синергетической лингвокультурологии «на первый план выдвигается креативное измерение языка и культуры» [2, с. 29].

М. Л. Ковшова и Д. Б. Гудков считают, что основная задача современной лингвокультурологии – изучать национальное самопознание «сквозь призму языковых сущностей, в которых воплощены базовые концепты культуры, исследовать различия в наивных языковых картинах мира как явления культурного самосознания» [5, с. 72]. В. М. Шаклеин ставит задачу выявить «типологии *способов* осмысления мира группами народов и отражение выявленных закономерностей языковыми единицами разных уровней». Автор указывает, что основ-

ным предметом сопоставительных исследований в данной области является сравнение лексических систем различных языков. Следующим по частотности исследований можно считать контрастивный анализ грамматического строя разносистемных языков. В. М. Шаклеин отмечает, что грамматические категории могут закреплять осознание внеязыковой действительности, поэтому они получают «разное содержание в языках разных цивилизаций» [9, с. 569–571]. Как представляется, в перспективе лингвокультурология обратит внимание на новые темы: распространение русского языка в мире, адаптация заимствований, язык политики, языковая личность [3, с. 103].

Важно отметить, что современная лингвокультурология тесно связана с такими практически направленными дисциплинами, как переводоведение и методика преподавания иностранных языков. Многие теоретики и практики перевода подчеркивают, что в процессе перевода мало обращаться только к языковой стороне сообщения, важно опираться и на культурологические знания. Так, говоря о связи лингвокультурологии с переводом, Н. Н. Трошина отмечает, что «любое содержательно значимое слово в тексте оригинала становится для переводчика культурным лингвоконцептом» [10, с. 230]. Автор подчеркивает, что при переводе подбор нужного эквивалента связан не столько с результатом сравнения пары лексем в двух языках, сколько с соотношением соответствующих лингвоконцептов [10].

Исследуя передачу культурного компонента при переводе французской рекламы авиалиний на английский и немецкий языки, С. В. Рябинина отмечает: текст, созданный для немецкого потребителя, содержит больше уточняющей информации [11], что, по-видимому, объясняется такими чертами немецкого характера, как скрупулезность и точность; английский же перевод отсылает читателя к базовому концепту англо-саксонского сознания – *privacy* (приватность), который может считаться «культурогенным для англоязычного мира», т. е. выражать ценность английской лингвокультуры [12, с. 7]. Переводчики в данном случае избрали адекватную стратегию адаптации рекламного сообщения: обратились к национальному культурному сознанию потенциального потребителя, создав тем самым правильный имидж рекламного продукта.

Подобно упомянутому концепту *приватность*, значимому для носителей англо-саксонской культуры, можно выделить ключевые концепты и для других культур, такие как *пунктуальность* для немецкого сознания [12], *сочувствие* – для русского [13]. Как представляется, знание национально-специфичных концептов полезно не только переводчикам, но и изучающим иностранные языки, поэтому знакомство с ними должно проходить в рамках лингводидактики.

В наиболее тесном взаимодействии лингвокультурология, по-видимому, находится именно с лингводидактикой. Как отмечают Е. Я. Григорьева и Е. И. Черкашина, лингвокультурологический подход довольно широко используется в современных учебниках иностранного языка, при этом авторы

нацелены на формирование и совершенствование умения использовать язык в качестве средства общения в устном и письменном общении, опираясь на знания национально-культурных черт, присущих иному народу [7, с. 143]. Однако в методике до сих пор не решены «вопросы: какой культуре обучать, какие культурные факты отбирать для лингводидактических целей, т. е. каким конкретным содержанием наполнять иноязычную социокультурную компетенцию» [14, с. 253]. Современные исследователи в области лингводидактики признают, что поиск фрагмента культуры для использования в преподавании инофонам представляет сложную и на данный момент развития методики нерешенную задачу [8, с. 103–104], поскольку в методике преподавания языка не актуализирована проблема введения лингвокультурологического аспекта и «именно в лингводидактике не рассматривается на должном уровне взаимосвязь языка и культуры» [15, с. 17]

Ю. Е. Прохоров отмечает, что обучение иностранному языку подразумевает два подхода к национально-культурной составляющей: совокупность национально-специфических знаний и умений языковой личности, которой должен *овладеть* (курсив здесь и далее мой. – Н. М.) обучающийся, и совокупность умений, которые языковая личность должна *реализовывать в общении*. Ю. Е. Прохоров подчеркивает, что на первом этапе обучения русскому языку как иностранному необходимо подготовить *речевую личность*, а на дальнейших этапах возможна организация *языковой личности* [16, с. 59–60]. Наиболее показательным примером подобного поэтапного освоения иностранного языка является подготовка специалистов-нефилологов. По мнению Ю. Е. Прохорова, у данного типа обучающихся речевая личность доминирует над другими составляющими языковой личности, в то время как у студентов филологических направлений речевая личность реализуется в той же сфере общения, что и языковая [16].

У студентов, изучающих РКИ с целью получения образования по нефилологическим специальностям, обычно отмечается высокая мотивация к освоению русского языка. Однако, как отмечает Н. А. Киндря, такое положение вещей не позволяет им прочувствовать богатство русской речи и культуры, следовательно, разумным решением задачи погружения подобных студентов в русскую лингвокультуру можно считать «усиление именно лингвокультурологического аспекта в преподавании РКИ» [15, с. 23]. При этом, как подчеркивает Ю. Е. Прохоров, не нужно создавать обучающимся дополнительных трудностей и давать знаний больше, чем им необходимо [6, с. 10]. В то же время, как отмечает С. Г. Тер-Минасова, иностранцы, изучающие русский язык, нацелены на получение информации «о нашем, Русском мире – о мире современной России». Автор констатирует, что такой принцип обучения иностранному языку на данный момент не получил должного признания и распространения [17, с. 26].

В настоящее время отмечается смена целей изучения иностранных языков, в особенности рус-

ского языка как неродного. Если ранее цели могли быть сформулированы как получение знаний для «существования», т. е. язык обеспечивал «существование» и реализацию личности в иноязычной культуре, то сейчас задачи смещаются в направлении языка для «сосуществования» [18]. Как уже отмечалось, современная межкультурная коммуникация происходит в условиях, когда язык, на котором осуществляется данная коммуникация, далек от соответствующей культуры [6, с. 7]. Ю. Е. Прохоров подчеркивает, что сегодня русский язык все чаще востребован для реализации функции «поддержки сосуществования» [6, с. 8].

Материалы и методы

В связи с изменением целей изучения русского языка как неродного и иностранного должна поменяться и методика обучения инофонов русскому языку. Таким образом, можно констатировать, что назрела необходимость пересмотреть подход к обучению РКИ.

Представляется целесообразным вести преподавание русского языка как иностранного с опорой на культурную адаптацию, которая, как отмечает Ю. Е. Прохоров, реализуется на четырех уровнях: *языковом, риторическом, содержательном и паралингвистическом* [16, с. 113]. При этом важно построить обучение с учетом национально-культурной специфики организации речевого сообщения в русском языке, реализуя культурную адаптацию обучающихся на всех четырех уровнях.

Результаты исследования

Рассмотрим подробнее возможные пути такой адаптации. На *языковом* уровне адаптации способствует изучение лингвокультурных реалий, в частности особенностей базовых и национальных концептов русской лингвокультуры. Приведем пример подобного задания. Для изучения концепта ПРОСТРАНСТВО, являющегося базовым для всех языков, но имеющего разные особенности в лингвокультурах, предлагается изучить способы описания нахождения объекта в пространстве при помощи предлогов.

Упражнение 1. Выберите один из предлогов для описания картинок.

(На/в) фотографии мы видим студентов (на/в) занятии (рис. 1).



Рис. 1. Иллюстрация к предложению 1 упражнения 1¹

¹ Нейрохолст. URL: <https://neuro-holst.ru/> дата обращения: 10.20.2025).

2. (На/в) полке стоят книги (рис. 2).



Рис. 2. Иллюстрация к предложению 2 упражнения 1²

3. (Впереди Маши / перед Машей) стоит тарелка с супом (рис. 3)



Рис. 3. Иллюстрация к предложению 3 упражнения 1³

4. (Впереди отряда / перед отрядом) ехал генерал на белом коне (рис. 4)



Рис. 4. Иллюстрация к предложению 4 упражнения 1⁴

Аналогичным образом можно знакомить обучающихся с национальными концептами русской лингвокультуры (ТОСКА, ДЕРЕВНЯ, ДУША и др.).

Реализация адаптации *риторического* уровня подразумевает ознакомление с жанровыми особенностями языка, стратегиями речевого поведения его носителей. В качестве иллюстрации задания на данном уровне можно привести упражнение на развитие лексико-грамматических умений, в частности использования отрицательных конструкций в

русском языке, отличного от типичных репрезентаций негации, например, в английском.

Упражнение 2. Переведите предложения на русский язык, применяя множественное отрицание.

Образец: He is unaware of it – Он ничего об этом не знает.

Your pie is delicious! – Никогда не ел такого вкусного пирога!

1. I will keep your secret.

2. He has hardly ever fulfilled the task completely.

3. Your house is so cozy!

Отметим, что данное упражнение создано с учетом возможности преподавания русского языка через язык-посредник, в роли которого выступает английский. По-видимому, подобная стратегия в настоящее время широко распространена и требует детальной разработки.

На *содержательном* уровне адаптация представляет собой получение фоновых знаний, таких как аллюзии, способы реализации языковой игры и т. п. В качестве примера задания приведем фрагмент упражнения на анализ аллюзий, содержащихся в высказываниях.

Упражнение 3. Найдите аллюзии в следующих примерах, объясните их происхождение:

1. Маникюр требуют наши сердца!

2. Пойду зайду в магазин «Первая свежесть».

3. Как по щучьему веленью появилась передо мной чашечка кофе.

4. Каменный уголь – вот настоящая кладовая солнца, тепло, сбереженное природой.

Отметим, что определенным лингводидактическим потенциалом обладают названия различных городских коммерческих предприятий, в особенности ресторанов, магазинов и т. п. [подробнее см. 19]. Одним из возможных заданий в этой связи может быть подготовка коллективного или индивидуального проекта [20] с поиском, анализом эргонимов города, различные творческие задания.

Адаптация *паралингвистического* уровня включает в себя умение использовать единицы невербальной семиотики. Примером упражнения для отработки умений на данном уровне может служить следующее задание.

Упражнение 4. Определите соответствие картинок (рис. 5–8), предложений и описаний жестов (табл. 1).



Рис. 5. Иллюстрация 1 к упражнению 4⁵

² Нейрохолст. URL: <https://neuro-holst.ru/> (дата обращения: 10.20.2025).

³ Шедеврум. URL: <https://shedevrum.ai/> (дата обращения: 10.20.2025).

⁴ Там же.

⁵ Шедеврум. URL: <https://shedevrum.ai/> (дата обращения: 10.20.2025).



Рис. 6. Иллюстрация 2 к упражнению 4⁶



Рис. 7. Иллюстрация 3 к упражнению 4⁷



Рис. 8. Иллюстрация 4 к упражнению 4⁸

Предложения	Описания жестов
1. Егор глубоко задумался.	1. Опустить руки
2. Михаил не знал, что ответить.	2. Пожимать плечами
3. Илья удивился, что ему не верят, и стал доказывать, что прав.	3. Бить рукой в грудь
4. Иван расстроился и не знал, что делать.	4. Чесать затылок

Наиболее продуктивным способом знакомства инофонов с невербальным языком, очевидно, является создание упражнений с использованием видеоматериалов (фрагментов художественных фильмов, телесериалов, специально записанных роликов).

6 Кандински. URL: https://t.me/kandinsky21_bot (дата обращения: 09.20.2025).

7 Шедевр. URL: <https://shdevrum.ai/> (дата обращения: 10.20.2025).

8 Там же.

Обсуждение и заключения

В заключение перечислим задачи, которые может решить предлагаемый подход. Во-первых, формирование языковой личности обучающегося осуществляется на трех уровнях: вербально-семантическом, когнитивном и прагматическом. Во-вторых, обучающиеся получают необходимые умения для реализаций всех видов речевой деятельности. В-третьих, поскольку процесс получения языковых навыков учитывает национально-культурную специфику, студенты учатся правильной организации речевого сообщения на современном русском языке. В-четвертых, обучающиеся получают необходимую информацию об особенностях лингвокультуры страны изучаемого языка, при этом процесс обучения не перегружен излишней информацией, сложной для восприятия на первых этапах освоения любого иностранного языка, в том числе русского в качестве неродного.

Перспектива настоящего исследования видится в детальной проработке предложенной стратегии с последующей ее апробацией и возможной корректировкой.

Список источников

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М. : Русский язык, 1990. 246 с.

2. Маслова В. А. Ономастика сквозь призму лингвокультурологии // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сборник научных статей. Витебск : Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2018. С. 27–31.

3. Шаклеин В. М. Проблематика лингвокультурологии будущего с учетом языковой ситуации в Таможенном и Евразийском союзах // Динамика языковых и культурных процессов в современной России : материалы IV Конгресса «РОПРЯЛ», Сочи, 01–02 ноября 2014 года : в 2 т. Т. 2. Сочи : Общество преподавателей русского языка и литературы, 2014. С. 98–103.

4. Карасик В. И. Лингвокультурные характеристики педагогического дискурса // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2023. № 2 (50). С. 118–129. DOI 10.25688/2076-913X.2023.50.2.10.

5. Ковшова М. Л., Гудков Д. Б. Словарь лингвистических терминов / отв. ред. М. Л. Ковшова. М. : Гнозис, 2017. 192 с.

6. Прохоров Ю. Е. Социокультурные аспекты изучения русского языка: новые условия, новые потребности, новые модели // Русский язык за рубежом. 2012. № 3 (232). С. 4–10.

7. Григорьева Е. Я., Черкашина Е. И. Реализация лингвокультурологического подхода к преподаванию романских языков в системе подготовки магистратуры // Rhema. Рема. 2019. № 3. С. 133–147. DOI 10.31862/2500-2953-2019-3-133-147.

8. Дигина О. Л. Влияние лингвокультурологического подхода на формирование межкультурной коммуникации в обучении иностранному языку // Lingua Mobilis. 2009. № 4 (18). С. 99–105.

9. Шаклеин В. М. Горизонты геолингвокультурологии // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2016. № 5. С. 566–573.

10. Трошина Н. Н. Стилистическая эквивалентность перевода художественного текста в аспекте межкультурной коммуникации (контрастивный аспект исследования) // Контрастивные исследования : материалы чтений памяти В. Н. Ярцевой. Вып. 3. М. : ИЯ РАН, 2009. С. 228–241.

11. Рябина С. В. Передача культурного компонента рекламы при переводе // Вестник ИГЛУ. 2009. № 3. С. 70–74.

12. Иная ментальность / В. И. Карасик, О. Г. Прохвачева, Я. В. Зубкова [и др.]. М. : Гнозис, 2005. 350 с.

13. Гладкова А. Н. Русская культурная семантика: Эмоции, ценности, жизненные установки. М. : Языки славянской культуры, 2012. 304 с.

14. Григорьева Е. Я., Черкашина Е. И. Становление лингвокультурологии как нового подхода к преподаванию языков и культур // Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания, Будапешт, 17–18 мая 2019 года : материалы конференции. Будапешт : Российский центр науки и культуры в Будапеште, 2019. С. 250–255.

15. Киндря Н. А. Лингвокультурологический аспект обучения русскому языку как иностранному // Современное педагогическое образование. 2017. № 4. С. 17–24.

16. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев М. : URSS, 2017. 224 с.

17. Тер-Минасова С. Г. Преподавание иностранных языков в современной России: нужно подумать // Иностранные языки в школе. 2015. № 11. С. 21–29.

18. Матюшина Н. В. О задачах современной отечественной лингвокультурной концептологии // Гуманитарные науки и образование. 2023. Т. 14, № (2). С. 143–149.

19. Матюшина Н. В. Русскоязычные элементы в эргонимии внутригородских объектов г. Москвы // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 4. С. 99–111. DOI 10.30515/0131-6141-2024-85-4-99-111.

20. Макарова Т. С., Матвеева Е. Е., Молчанова М. А., Морозова Е. А. Специфика проектной деятельности в обучении русскому языку как иностранному // Научное мнение. 2022. № 1–2. С. 111–119. DOI 10.25807/22224378_2022_1-2_111.

References

1. Vereshhagin E. M., Kostomarov V. G. Language and culture: Linguistic and regional studies in teaching Russian as a foreign language. Moscow, The Russian Language. 1990. 246 p. (In Russ.)

2. Maslova V. A. Onomastics through the prism of linguoculturology. *Regional'naya onomastika: problemy i perspektivy issledovaniya* = Regional onomastics: problems and prospects of research: collection of scientific papers. Vitebsk, Vitebsk State University named after P. M. Masherov, 2018. Pp. 27–31. (In Russ.)

3. Shaklein V. M. Scientific problems of linguistic

culturology in future considering linguistic situation in Customs and Eurasian Unions. *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoy Rossii* = The dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia: proceedings of the 4th Congress “ROPRYAL”, Sochi, November 01–02, 2014: in 2 vol. Vol. 2. Sochi, Society of Teachers of Russian Language and Literature, 2014. Pp. 98–103. (In Russ.)

4. Karasik V. I. Linguistic and cultural characteristics of pedagogical discourse. *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie* = MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education. 2023; 2(50):118–129. DOI 10.25688/2076-913X.2023.50.2.10. (In Russ.)

5. Kovshova M. L., Gudkov D. B. Dictionary of linguistic terms / ed. by M. L. Kovshova. Moscow, Gnosis, 2017. 192 p. (In Russ.)

6. Prokhorov Yu. E. Social and cultural aspects of Russian language learning: new conditions, new needs, new models. *Russkiy yazyk za rubezhom* = The Russian Language Abroad. 2012; 3(232):4–10. (In Russ.)

7. Grigoryeva E. Ya., Cherkashina E. I. Implementation of the linguistic and cultural approach to teaching Romance languages in the system of Master's degree preparation. *Rema* = Rhema. 2019; 3:133–147. DOI 10.31862/2500-2953-2019-3-133-147. (In Russ.)

8. Digena O. L. The influence of the linguistic and cultural approach on the formation of intercultural communication in teaching a foreign language. *Lingua Mobilis*. 2009; 4(18):99–105. (In Russ.)

9. Shaklein V. M. The future of geolinguoculturology. *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoy Rossii* = Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia. 2016; 5:566–573. (In Russ.)

10. Troshina N. N. Stylistic equivalence of literary text translation in the aspect of intercultural communication (cognitive aspect of the study). *Kontrastivnye issledovaniya : materialy chteniy pamyati V. N. Yartsevov* = Contrastive studies. Materials of readings in memory of V. N. Yartseva. Iss. 3. Moscow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2009:228–241. (In Russ.)

11. Ryabinina S. V. Transferring the cultural component of advertising during translation. *Vestnik IGLU* = Vestnik of Irkutsk State Linguistic University. 2009; 3:70–74. (In Russ.)

12. Another mentality / V. I. Karasik, O. G. Prokhvacheva, Ya. V. Zubkova [et al.]. Moscow, Gnosis, 2005. 350 p. (In Russ.)

13. Gladkova A. N. Russian cultural semantics: Emotions, values, and life attitudes. Moscow, Languages of Slavic Culture, 2012. 304 p. (In Russ.)

14. Grigoryeva E. Ya., Cherkashina E. I. Forming linguo-culturology as a new approach to teaching languages and cultures. *Sovremennyy russkiy yazyk: funktsionirovanie i problemy prepodavaniya*, = Modern Russian: Functioning and problems of teaching, Budapest, May 17–18, 2019: conference materials. Budapest, Russian Center for Science and Culture in Budapest, 2019. Pp. 250–255. (In Russ.)

15. Kindrya N. A. The linguistic and cultural aspect of teaching Russian as a foreign language. *Sovre-*

mennoe pedagogicheskoe obrazovanie = Modern Pedagogical Education. 2017; 4:17-24. (In Russ.)

16. Prokhorov Yu. E. National socio-cultural stereotypes of speech communication and their role in teaching Russian to foreigners. Moscow, URSS, 2017. 224 p. (In Russ.)

17. Ter-Minasova S. G. Teaching foreign languages in modern Russia: we need to think about it. *Inostrannye yazyki v shkole* = Foreign Languages at School. 2015; 11:21-29. (In Russ.)

18. Matyushina N. V. On the goals of contemporary domestic linguacultural conceptology. *Gumanitarnie nauki i obrazovaniye* = The Humanities and Education. 2023; 14 (2):143-149. (In Russ.)

19. Matyushina N. V. Russian elements in the ergonymy of intra-urban objects in Moscow. *Russkiy yazyk v shkole* = Russian Language at School. 2024; 85(4): 99-111. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-4-99-111>. (In Russ.)

20. Makarova T. S., Matveeva E. E., Molchanova M. A., Morozova E. A. Project work in teaching Russian as a foreign language.

Nauchnoe mnenie = The Scientific Opinion. 2022; 1-2:111-119. DOI 10.25807/22224378_2022_1-2_111. (In Russ.)

Информация об авторе:

Матюшина Н. В. – доцент кафедры англистики и межкультурной коммуникации, канд. филол. наук, доц.

Information about the author:

Matyushina N. V. – Associate Professor of English Studies and Cross-Cultural Communication Department, Ph.D. (Philology), Doc.

Статья поступила в редакцию 13.02.2025; одобрена после рецензирования 19.03.2025; принята к публикации 20.03.2025.

The article was submitted 13.02.2025; approved after reviewing 19.03.2025; accepted for publication 20.03.2025.

ПЕДАГОГИКА

Научная статья

УДК 37.01

doi: 10.51609/2079-3499_2025_16_02_42

Предпосылки и методологические ориентиры подготовки учителя в условиях перехода к стабилизации развития образования)

Людмила Михайловна Перминова

Государственный университет просвещения (ГУП), Москва, Россия, lum1030@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-1698-0878>

Аннотация. Выход России из Болонского процесса (2022 г.) стимулировал в общественно-педагогических кругах активное обсуждение рациональных путей возрождения отечественного образования. Высказываются предложения о возвращении к ценностям, условиям и средствам стабильного, устойчивого и прогрессивного развития российской системы образования, основанной на тесной взаимосвязи школьного, начального профессионального и среднего профессионального образования, высшего и постдипломного образования. Налицо новый виток «возвратной модернизации» – теперь уже совсем недавнего прошлого, актуализированного памятью обучавшихся в советской школе, в системе СПО, в институтах и университетах времен СССР. Какой должна стать подготовка учителя, педагога, которая обеспечила бы инновационное развитие всей системы отечественного образования? Об этом статья.

Ключевые слова: российская система образования, эпохальная инновация, стабильное развитие, предпосылки, подготовка учителя, методологические ориентиры, идея Университета, междисциплинарность, принцип системности

Для цитирования: Перминова Л. М. Предпосылки и методологические ориентиры подготовки учителя в условиях перехода к стабилизации развития образования // Гуманитарные науки и образование. 2025. Т. 16, № 2 (62). С. 42–49. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_42

PEDAGOGY

Original article

Prerequisites and methodological guidelines for teacher training in the context of the transition to stabilization of educational development

Ludmila M. Perminova

State University of Education (SUE), Moscow, Russia lum1030@yandex.ru <http://orcid.org/0000-0003-1698-0878>

Abstract. Russia's withdrawal from the Bologna Process (2022) has stimulated active discussion of rational ways to revive domestic education in public and pedagogical circles. Proposals are being made to return to the values, conditions and means of stable, sustainable and progressive development of the Russian education system, based on the close relationship between school, primary vocational and secondary vocational education, higher and postgraduate education. A new round of "return modernization" – now of the very recent past, updated by the memory of those who studied in the Soviet school, in the secondary vocational education system, in institutes and universities of the USSR – is evident. What should be the training of a teacher, an educator that would ensure the innovative development of the entire system of national education? This is what the article is about.

Keywords: Russian education system, epochal innovation, stable development, prerequisites, teacher training, methodological guidelines, the idea of the University, interdisciplinarity, the principle of systematicity

For citation: Perminova L. M. Prerequisites and methodological guidelines for teacher training in the context of the transition to stabilization of educational development. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education. 2025; 16(2-62):42-49. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_42

Введение

По итогам заседания Государственной Думы под председательством В. В. Володина на больших парламентских слушаниях по вопросам развития системы высшего образования в России (27.06.2022 г.) министром науки и высшего образования В. Н. Фальковым отмечено, что «для успешного развития системы образования необходимо уделить внимание всем его ступеням – от школы до вуза»¹. Сформулированы основополагающие идеи развития российской системы образования: новая модель должна учитывать традиции, практикоориентированность, «мегапредметность» и новые вызовы, ключевую роль преподавателя в модернизации высшего образования, следуя принятым в российском обществе духовно-нравственным идеалам. Сценарии развития высшего образования в условиях трансформационных процессов должны учитывать их высокую динамичность, нелинейность. В. Н. Фальковым названы ключевые принципы новой системы национального высшего образования: 1) *направленность всей системы на развитие интересов страны, достижение национальных целей*; 2) *открытость, расширение образовательного, научного, технологического сотрудничества, развитие отношений со всеми, кто в этом заинтересован*; 3) *фундаментальность: залогом качества образования должно стать сочетание фундаментальности и практичности*; 4) *гибкость: оперативное изменение образовательного маршрута студента; система образования должна исходить из запросов экономики, работодателей*; 5) *практичность: образование должно быть востребовано*². Успешная реализация принципов модернизации системы высшего образования возможна при обеспечении ключевой роли преподавателя, актуализации и развитии научных школ – опоры образовательной преемственности, исследовательской деятельности, традиций, развития науки и практики.

За истекшие 35 лет в стране сформировалась широкая сеть университетов. Об их культурной миссии следует сказать особо. Исключительная миссия университета в воспитании личности студента, развитии науки подчеркивалась учеными прошлого (Дж. Ньюмен, В. Гумбольдт и др.), высоко ценится современными исследователями (Х. Ортега-и-Гассет, Билл Риддингс, Бертон Р. Кларк, К. Ясперс). Так, Х. Ортега-и-Гассет, размышляя о роли высшего образования и особо университетского образования, выделяет три его функции: «1) передача культуры, 2) обучение профессиям, 3) научное исследование и подготовка ученых»³. К. Ясперс отмечает необходимость видения важнейшей функции университета: «активное участие студента в исследованиях, являющихся первейшей задачей университета», органическая связь исследований и обучения как «условия

развития интеллектуальной культуры, в которой истина обретает свою значимость и очевидность»⁴. В итоге выявляется интегративная функция университета в единстве исследования, передачи знания, приобщения к культуре. Таким образом, социокультурное назначение университета заключается в его ценностной миссии, поскольку он является местом, «где культивируется *самосознание эпохи*»⁵.

В настоящее время вопросы модернизации системы российского образования обращены к системе среднего профессионального образования, в которой важное место ранее занимало начальное профессиональное образование: речь идет о восстановлении связи среднего специального и высшего образования, «выращивании» квалифицированных рабочих, способных работать в новых производственных условиях. На Международной научно-методической конференции «Форсайт образования: портрет студента будущего» (30–31.01.2025 г.), состоявшейся в Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации, при котором действует Колледж информатики и программирования (КИПФИН), представителями Минпросвещения РФ и Минобрнауки РФ, Российской академии образования, преподавателями университета, педагогами колледжа обсуждались пути решения проблемы «Методология образования: чему и как учить студента будущего» в системе высшего и среднего специального образования⁶.

На XXI Международной научно-практической конференции «Тенденции развития образования: образовательная политика и качество образования», состоявшейся в образовательной автономной некоммерческой организации высшего образования «Московская высшая школа социальных и экономических наук» (МВШСЭН, 27–28.02. 2025 г.), посвященной 30-летию образовательной организации, учеными РАО, преподавателями вузов, педагогами колледжей и школ дискутировались вопросы образования, обучения и воспитания в условиях тотального влияния цифровых технологий, искусственного интеллекта, охвативших сферы гуманитарного взаимодействия «человек – человек», «человек – язык и языковые системы». Особенно актуально звучала тематика сохранения лексической чистоты русского языка в профессиональном и повседневном общении; обсуждались профессиональные позиции в системе разделения педагогического труда, такие как преподаватель, ассистент, мастер, наставник, тренер, тьютор, игротехник, коуч, эксперт, консультант. Идея взаимосвязи традиционного, классического с инновационными элементами обучения стала основой профессионального диалога как интенции к поиску и интеграции лучшего в отечественном образовании, что обеспечило по-

1 Заседание Государственной Думы РФ 27 июня 2022 г. Перспективы развития высшего образования в России <https://rsr-online.ru/events/2022/perspektivy-razvitiya-sistemy-vysshego-obrazovaniya-v-rf-obsudili-v-gosdume/> (дата обращения: 16.03.2025).

2 Там же.

3 Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета. М. : Изд. дом ВШЭ, 2010. С. 77.

4 Ясперс К. Идея университета (Die Idee der Universitet, 1949 г.) // О. В. Долженко. Очерки философии образования. М. : Промо-медиа, 1995. С. 207.

5 Ясперс К. Введение в философию / пер. с нем ; под ред. А. А. Михайлова. Мн. : Проппели, 2000. С. 162.

6 Программа XXI Международной научно-практической конференции «Тенденции развития образования: образовательная политика и качество образования». М. : Московская высшая школа социальных и экономических наук, 27–28 февраля 2025 г.

беду СССР в Великой Отечественной и во Второй мировой войне, эпохальные инновации в середине прошлого века, а именно: мирное освоение атома (создание первой мирной АЭС – 1946 г.), приоритеты СССР в освоении космоса (запуск искусственного спутника Земли – 1957 г. и космического корабля с первым космонавтом Ю. А. Гагариным – 1961 г.). Отмечалась значимость этих событий в стимулировании первой мировой реформы в образовании (1958 г.), предопределившей новые направления модернизации этой сферы, особенно в развитых странах, в том числе и в нашей стране.

В настоящее время одной из актуальных тем повестки дня является программа «Учитель», методология которой разработана академиком Н. Н. Моисеевым на рубеже XX–XXI вв. В Российской академии наук (РАН) состоялась научно-практическая конференция «XXXII Моисеевские чтения» (5–7.03.2025 г.), замысел которой лучше всего передают слова великого ученого: «Когда я произношу слово “УЧИТЕЛЬ”, то имею в виду не только педагогов, работающих в средней или высшей школе, а саму систему формирования, сохранения и развития коллективных знаний, нравственности и памяти народа, передачи всего накопленного следующим поколениям и всем тем людям, которые ее создают и которые способны внести в мир элементы душевной тревоги за их будущее и будущее своего народа, а в нынешних условиях и будущее планетарной цивилизации» [1]. Ситуация достаточно убедительно раскрывает чрезвычайную актуальность «вечных» вопросов дидактики: «чему учить? как учить? зачем учить?», добавляя к ним еще один: «Кто должен учить?», т. е. каков «портрет» современного учителя, чтобы решать проблемы успешной подготовки студентов и специалистов будущего, которые сегодня учатся за «школьными партами».

Обзор литературы

Переход общества от фазы транзитивности к фазе стабильного развития социальная философия рассматривает как диалектический, закономерный процесс, поскольку он *подготовлен стадией рационализации, завершающей фазу транзитивности*, с которой связано упорядочивание системы, обретение признаков устойчивости и системности на новых ценностных основаниях. Их главным механизмом являются интеграция, оптимизация ресурсов развивающейся системы (информационных, научных, экономических, образовательных, технологических, кадровых). *Стадия интеграции – начало фазы стабилизации* в развитии общества, всех его институтов – науки, экономики, образования, производства. Согласно Б. Б. Славину, специалисту в области искусственного интеллекта, устойчивость системы детерминирована: 1) возможностью точного копирования системы (структуры и ее элементов), 2) при некотором изменении элементов системы. Пример социокультурной устойчивости социальной (социально-педагогической) системы являет человечеству процесс обучения, сочетающий в себе дискретность с образовательной преемственностью. Философско-методологический

плюрализм в науке открыл новые возможности для исследовательской деятельности, оказался востребованным в отраслях педагогического знания. Эти возможности усилились благодаря обоснованию В. В. Краевским нового объекта педагогики – *образования* – как взаимосвязи обучения и воспитания во имя развития ребенка (В. В. Краевский, 1994)⁷. Эта позиция зафиксирована в Законе «Об образовании в Российской Федерации»⁸ (1992, 1993 гг.). Многообразие научных подходов в педагогическом исследовании поставило перед учеными проблему повышения доказательности и аргументации результатов педагогических исследований (Н. В. Бордовская, Е. В. Бережнова, О. Е. Лебедев, А. П. Тряпицына, Т. И. Шукшина, М. А. Якунчев и др.). Актуальность проблематики возросла в связи с развитием интереса ученых – отечественных и зарубежных – к междисциплинарным, полидисциплинарным, трансдисциплинарным исследованиям (Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов, Т. И. Суслова, И. А. Тагунова, U. Hubenthal, W. H. Newell, S. Drake и др.), отражена в более ранних исследованиях В. В. Краевского, В. М. Полонского и др.) [2].

Проблема повышения доказательности результатов педагогических исследований стала предметом обсуждения на теоретико-методологических семинарах Отделения философии образования и теоретической педагогики РАО (М. Л. Левицкий), Научного совета по философии при Отделении ФО и ТП РАО (В. В. Сериков), отражена в ряде публикаций за период 2021–2024 гг.: о доказательности и аргументации [3; 4]; о методологических и методических проблемах достоверности и доказательности [5]; о критериях доказательности и актуальности тематики диссертационных исследований, о требованиях к педагогическим исследованиям в контексте аргументации [6–8]; о полидисциплинарности, междисциплинарности, межпредметности в педагогике [9]; о междисциплинарности, концептуальных подходах к содержанию школьного образования в зарубежной школе [10].

Исследование, основанное на междисциплинарности, требует доказательства и аргументации. В настоящее время эти условия обсуждаются и дискутируются в среде ученых и не всегда с достаточной полнотой конкретизированы в их дефинициях⁹. Разделяя мнение тех, кто усматривает взаимосвязь между ними, отметим, что *доказательство* – это процесс, основанный на *системе аргументов*, детерминирующих *содержание* этого процесса. «Доказательство есть выведение истинности какого-либо положения из других положений»¹⁰. «Аргументы являются основаниями, или посылками, из которых логически следует доказываемое суждение; при-

7 Краевский В. В. Науки об образовании и наука об образовании // Вопросы философии. 2009. № 3. С. 77–82.

8 ФЗ-273 «Об образовании в Российской Федерации» (ред. 29. 12. 2012), Гл. 1, ст. 2. Ч. 1.

9 Перминова Л. М. Фактор системности в повышении доказательности результатов педагогических исследований по проблемам высшего образования // Вестник Воронежского государственного университета. Проблемы высшего образования. 2024. № 1. С. 73–76.

10 Новый энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. СПб., Т. 16. С. 513.

ведение доводов в обоснование какого-либо положения, системы доводов»¹¹. В качестве аргументов выступают: явления и научные факты, принципы и методы научного исследования, законы и закономерности, научный эксперимент, научные теории. *Доказательность* – качество результата (доказанность, достоверность), выполнение принципов: детерминизм, дополнительность (комплементарность), адекватность (методов научного исследования предмету, задачам, аргументам), системность. Результаты истинны / достоверны, если они доказательны.

Материалы и методы

В рамках исследования использовались социально-философский анализ, историко-педагогический метод, ретроспективный анализ; изучение теоретических источников (философских, логико-научных, педагогических, дидактических), научных словарей и диссертаций, междисциплинарный анализ; обобщение, абстрагирование, синтез; интегративный подход.

Результаты исследования

Направления подготовки учителя в контексте современных российских общественно-педагогических тенденций, идеи концепции Н. Н. Моисеева «Учитель» отражены в докладе члена-корреспондента РАО О. Е. Лебедева «Образовательная политика как предмет педагогического анализа»¹². Автор обращает внимание на тот факт, что подводить некоторые итоги в области образовательной политики в России методологически и хронологически целесообразно через призму целей воспитания молодого поколения, и анализирует образовательную ситуацию в стране, используя в качестве единицы анализа не 30, а 35 лет исторического времени, обращаясь к 1920 г. Отметим, что именно это время – время создания первых учебных планов школ I и II ступени¹³, поскольку новые цели воспитания обозначились к 1957 г. и были вызваны эпохальной инновацией – запуском в СССР первого искусственного спутника Земли. В свете цели воспитания – формирование всесторонне и гармонически развитой личности – становятся актуальными политехническая направленность образования и воспитания, связь обучения с производительным трудом, с практикой коммунистического строительства. С точки зрения социально-философского и историко-педагогического анализа *70-летнее развитие советской школы осуществлялось в фазе стабильного развития*, для которой характерна последовательность стадий: 1) интеграция (1920–1945 гг.; в 1927 г. принят в школах единый учебный план), 2) либерализация (1946 г. – в учебные планы школ возвращены гуманитарные предметы логика и психология – соответ-

ственно до 1955 и 1958 гг.; в 1966–1967 гг. введены факультативы с целью развития индивидуальных способностей учащихся); 3) стагнация (1970–1972 гг.): в школьном образовании работа над усовершенствованием учебных программ по русскому языку и математике не смогла предотвратить стагнационные процессы, ставшими предпосылкой 4) кризиса, что отчетливо показала реформа 1984 года, задуманная как комплексная модернизация отечественной школы (содержание образования, управление, финансирование). Кризис школьного образования отмечен исторически: 1989–1990 гг. В числе первых изменений – модернизация учебного плана: предложена трехчастная модель школьного учебного плана (1989 г.), открывающая путь к вариативности в обучении, действующая поныне. К этому времени, через 35 лет, завершилась фаза стабильного развития общества и советской школы. Назрела необходимость масштабных перемен не только в образовании, но и в жизни всего российского социума: 1991 г. знаменует начало транзитивной фазы в развитии России. Образовательная политика страны, ориентированная на новые цели образования и воспитания, которые сформулированы в Законе «Об образовании в Российской Федерации», впервые учрежденном в стране, была направлена на устойчивое развитие модернизированной системы школьного образования – наиболее динамичной структуры в системе непрерывного образования.

К началу миллениума (2000 г.) российское образование буквально в «режиме бег» прожило последовательно стадии генезиса, плюрализации и дивергенции в развитии вариативной образовательной системы школьного образования; явление «возвратной модернизации» гимназий, лицеев и кадетских корпусов, форм аттестации и контроля достижений учащихся; индивидуализации обучения (тестирование, многообразие педагогических и образовательных технологий, новые виды образовательных организаций, например Центры образования, домашнее обучение, экстернат), а также новых форм аттестации образовательных организаций (лицензирование, аккредитация, аудит). Радикальной мерой в попытке стабилизации, сохранения управляемости и развития образовательной системы стала стандартизация в школьном (2004–2010 гг.) и профессиональном образовании, включая педагогическое образование, на основе компетентностного подхода. Стандартизация – важный признак стадии рационализации, завершающей транзитивную фазу социокультурного развития общества и его институтов.

Процесс *рационализации системы, а значит, и ее стабилизация* во времени и пространстве, требует определенно очерченной системы ценностей: философы, социологи, педагоги, экономисты – отечественные [11; 12] и зарубежные¹⁴ – разносторонне охарактеризовали сущностные черты аксиологического кризиса в эпоху постиндустриализма и постгуманизма. В системе высшего образования не оправдались надежды, связанные с Болонским процессом, выход России из которого состоялся в 2022 г. К сере-

11 Краткий словарь по логике / под ред. Д. П. Горского, 1991. С. 17–19.

12 Программа XXI Международной научно-практической конференции «Тенденции развития образования – образовательная политика и качество образования». М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук, 27–28 февраля 2025 г.

13 Королев Ф. Ф. Очерки по истории советской школы (1921–1931 гг.). М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1961. 508 с.

14 Брайдотти Р. Постчеловек. М.: Институт Гайдара, 2021. 408 с.

дине 2010-х стала заметной проблемная ситуация с ЕГЭ и ОГЭ, назрела необходимость ФГОС 3.0, новизна которых – в интерпретации личностных результатов через призму направлений воспитания обучающихся (2021 г.). Таким образом, первая четверть XXI века (2025 г.) закономерно выдвинула на повестку дня образовательной политики необходимость концепции стабильного развития системы непрерывного образования во всех ее звеньях на принципах междисциплинарности как взаимосвязи гуманистических ценностей, фундаментального образования, практико-ориентированности, возможности гибкого личностного самоопределения каждого обучающегося в интересах государства и общества. Завершились 35 лет активных поисков путей самоопределения России в области образовательной политики, в которой ведущее место должен занимать Учитель в миссии, сформулированной в программе «Учитель». Таковы предпосылки стратегии подготовки педагога в современном вузе. *Какие идеи, подходы, теории могут выполнить методологическую и практическую функции в реализации принципов высшего образования и программы «Учитель» Н. Н. Моисеева?*

Закономерен вопрос, прозвучавший на конференции: в чем сущность деятельности учителя? Сформировавшийся в условиях строгого администрирования стандартизации образования, он обучен решать *профессиональные задачи*. В условиях глобального научно-технического прогресса деятельность учителя, преподавателя СПО и высшей школы не может быть ограничена задачами: она требует владения умением *решать проблемы*, выполнять исследования и научить этому школьников и студентов. Почему? Ответ содержится в работе О. В. Долженко: *задача упорядочивает систему знаний, проблема поднимает ее на качественно новый уровень*, поскольку «в процессе разрешения проблемной ситуации возникает новый системообразующий фактор, который переструктурирует наличную систему знаний, расширяет систему ценностных ориентаций и целевых установок» [13, с. 69]. Ранее Ю. К. Бабанский, Л. Н. Лесохина, В. В. Краевский и И. Я. Лернер, Т. И. Шамова, В. А. Сластенин обосновали необходимость подготовки на вузовской скамье учителя-исследователя. Исследовательской сущности деятельности педагога, в частности руководителя школы, посвящена специальная работа Т. И. Шамовой¹⁵. В условиях трансформационных процессов, протекающих на фоне многообразия ценностей и ценностных императивов, характерных для транзитивного периода, чрезвычайно сложно строить стратегию и тактику дидактической компетентности учителя, требующей высокой гибкости и мастерства при известной консервативности обучения. В Мордовском государственном педагогическом университете много лет успешно ведется работа по формированию дидактической компетентности учителя в условиях самостоятельной работы обучающихся. Авторам монографии [14] удалось определить пути гармо-

низации классической дидактики с инновациями в образовании, вскрыть дидактические затруднения учителей, и доказать необходимость исследовательской стратегии в подготовке учителя. Многолетняя педагогическая деятельность доказывает успешность обучения студентов как будущих учителей-исследователей на основе дифференцированного подхода к обучению посредством посеместрового сдвига учебных дисциплин [15] и дополнения содержания профессиональной подготовки спецкурсами социальной дидактики «Психолого-педагогические основы домашнего воспитания» и «Самопознание: путь к себе»¹⁶.

Обобщение результатов педагогических исследований, включая диссертационные, позволяет говорить о дефицитах в реализации *принципа системности* в педагогических исследованиях¹⁷, который следует рассматривать как его ценностное основание, ибо *цели деятельности, в том числе и исследовательской, лежат в русле ценностей*. Поэтому закономерно повышаются требования к доказательности результатов исследования, в котором системообразующую функцию выполняет *фактор системности* как важнейшее методологическое условие *доказательности* в контексте требований/принципов *научности, методологичности, аксиологичности, объективности, верифицируемости, точности*. Научные педагогические исследования, проводимые в методологии философско-педагогического плюрализма (аксиологический, системный, деятельностный, интегративный, исследовательский и другие подходы) требуют системно-структурной логики обоснования актуальности темы исследования, отбора методов и процедур, истолкования его результатов с опорой на критериальный инструментальный. В условиях «глобализации экономики, социально-экономической и культурной дифференциации, информационного взрыва, новых форм коммуникации, необходимо понимание сущности современной педагогической науки, системных исследований образования, междисциплинарности», – отмечают А. П. Тряпицына и С. А. Писарева [17, с. 4–6]. В этой ситуации первейшая задача – преодоление *рассогласованности логико-методологических связей между актуальностью исследования, предметом, целью, задачами и методами исследования*, детерминирующими доказательство гипотезы и защищаемых положений, научной новизны, теоретической и практической значимости исследования.

Неоднократно указывалось на недопустимость экстраполяции логико-философского знания (принципов, подходов) на его практическую часть, минуя общенаучный и конкретно-научный уровни методологии [2; 3; 7; 8; 16; 18]: научные подходы названы, но теоретическая и экспериментальная база иссле-

16 Перминова Л. М. Модернизация вузовского обучения на основе посеместрового сдвига учебных дисциплин // Гуманитарные науки и образование. 2020. Т. 11, № 3. С. 84–90.

17 Перминова Л. М. Фактор системности в повышении доказательности результатов педагогических исследований по проблемам высшего образования // Вестник Воронежского государственного университета. Проблемы высшего образования. 2024. № 1. С. 73–76.

15 Шамова Т. И. Исследовательский подход в управлении школой. М. : [Б. и.], 2002. 92 с.

дования с ними слабо связана. Используя логико-философское знание, В. В. Краевский разработал методологию педагогического исследования, непосредственно относящуюся к его качеству, доказал закономерные связи в структуре исследования, двигаясь в рассуждениях от актуальности темы к его результатам [16]. В. В. Краевский подчеркивал тонкие моменты различия проблемы и практической задачи: проблема как «знание о незнании» заключается не в том, чтобы что-то преодолеть (отставание ученика и др.), а понять, какие условия необходимы, чтобы не допустить подобных явлений или успешно препятствовать им [16, с. 174–176]. Соглашаясь с доводами В. М. Полонского о тщательности обоснования *актуальности темы* исследования [6], отметим необходимость системного обоснования *проблемы исследования*. Известно, что в основе проблемы лежат диалектические противоречия, охватывающие *социальный, педагогический и психологический/личностный* уровни, т. е. *проблема структурна*. Соискатель обосновывает их наличие: 1) в предпосылках актуальности темы обращением к потребностям практики и целям общества, его требованиям к школе; 2) в учебной ситуации ученика, не позволяющей в достаточной степени реализовать его творческий потенциал; 3) описанием состояния педагогики и состояния практики, образующих содержание проблемы исследования в названных уровнях, релевантно методологическим основаниям как ценностям социально-гуманитарного знания: «Человек. Практика. Общество. Культура. История» [18, с. 16–17]. Структурирование проблемы исследования как выделение ее аспектов, отражающих сущность методологических оснований педагогики, позволяет точнее сформулировать цель и задачи, обосновать выбор комплекса методов исследования, используя социологические, психологические и педагогические методы, описать научную новизну, теоретическую и практическую значимость исследования, тем самым аргументированно определить границы педагогического исследования. Диссертант не решает социальную или психологическую проблему, но любая педагогическая проблема содержит названные аспекты, если она действительно педагогическая.

Многофакторность педагогического исследования, в сущности междисциплинарного, требует формулирования его *системообразующей идеи*, обобщающей смысл научно-теоретического базиса исследования, как предпосылка к формулированию его *ведущей идеи*. Это – разные вещи. Например, *системообразующая идея* исследования «Функции и место структурно-логических схем в учебном процессе»¹⁸ может быть сформулирована так: «Системная организация мозга и психики (П. К. Анохин, Ю. А. Самарин) закономерно требует дифференциации [учебной] информации относительно структуры научного знания (его видов), поскольку «пока какой-либо факт не соотнесен со структурой, он быстро забывается» (Дж. Брунер). *Ведущая идея*

исследования: «Формированию системности знаний способствуют структурно-логические схемы описания видов научного знания (Л. Я. Зорина), первичное включение которых должно осуществляться с учетом условий: а) функций СЛС, б) вида научного знания, в) места и времени в учебном процессе, г) возрастных и индивидуальных особенностей учащихся». *Системообразующая идея* педагогического исследования включает в себе объективно научную ценность основания, на котором строится исследование. *Ведущая идея* в обобщенной форме выражает сущность предмета исследования, не обязательно повторяя его формулировки.

Соблюдение системно-структурной методологии в педагогическом исследовании требует понимания различной функциональной специфики методологии и теории в исследовании, дифференциации его теоретической и методологической базы, ссылок на авторов с их конкретными научными открытиями. Необходимо стремиться к максимально точному определению границ имеющегося научного знания в данной области и границ исследуемой проблемы с тем, чтобы точнее описать заслуги исследователя в области научной новизны, теоретической и практической значимости, конкретности авторского вклада в ту или иную часть педагогики (дидактику, теорию воспитания и др.). *Методологическое знание* подлежит интерпретации по мере движения рассуждений исследователя от философского уровня обоснования замысла к технико-технологическому уровню исследования. *Теоретическое педагогическое знание* выполняет в исследовании инструментальную функцию, исследователь решает проблему, используя описательную, объяснительную, предсказательную, практическую и другие функции научного знания. Философские, социологические, психологические теории (законы, принципы, подходы) выполняют методологическую / ориентировочную функцию в педагогическом исследовании [16, с. 102–147]. Педагогическая теория нормативна для педагогической деятельности. Игнорирование *системных связей* внутри научной теории (эмпирический базис – ядро теории – следствия) вуалируется ссылкой на монографии, которые сами по себе не являются ни теориями, ни законами; необходимо называть авторов теорий, концепций, подходов: культурно-историческая концепция развития личности (Л. С. Выготский); теория оптимизации учебного процесса (Ю. К. Бабанский). Низкий уровень системности исследования – результат дефицита методологической культуры исследователя, упрощенного подхода к его проведению.

Закономерной является тенденция к усилению междисциплинарности педагогических исследований, требующей понимания логико-диалектической связи между наукой, научной дисциплиной и учебной дисциплиной [9]. Различие между наукой и дисциплиной в том, что наука раскрывает способ подхода к объяснению и пониманию окружающих нас явлений, в то время как дисциплина – это упорядоченный, методичный способ изучения определенной отрасли этого знания, описание и объяснение способа применения науки. В данном контексте на-

18 Перминова Л. М. Функции и место структурно-логических схем в учебном процессе : дис. ... канд. пед. наук. М. : НИИ общей педагогики АПН СССР, 1979. 224 с.

ука – это способ понимания мира, а научная дисциплина – способ применения науки в этой среде. Основным признаком научной дисциплины является ее системность как наличие ясно определенных теоретических конструкций, позволяющих обобщать и описывать явления и процессы в предметной области. Учебная дисциплина – учебный курс, по которому в соответствии с программой и учебным планом ведется подготовка обучающихся в рамках профиля учебного заведения и избранной ими специальности. Следует различать содержание образования в вузе и содержание школьного образования. Содержание образования в вузе не есть педагогически адаптированная информация (в традиционном дидактическом понимании), являясь форматом упорядоченного изучения науки в виде учебных дисциплин.

Обсуждение и заключения

Системность исследования отражается в положениях, выносимых на защиту: доказанных утверждениях, включающих новые определения (понятий, явлений), комплекс свойств некоторого феномена (содержания образования, дидактического средства, образовательной технологии), дидактической закономерности или дидактического закона; совокупность положений новой педагогической теории / концепции. Имеют место формулировки защищаемых положений в виде краткого отчета о проделанной работе, за которыми теряется суть нового знания. Зачем? Методы, процедуры, этапы исследования освещаются во введении, раскрывая инструменты и средства исследования. Более всего «страдает» замысел об эксперименте или ОЭР, требующие инвариантной логики (цель – методика – результаты – интерпретация результатов – выводы – границы применимости как соблюдение условий эксперимента). Нередко показатели формулируются без обоснования критериев: показатель отражает меру выраженности критерия, а выводы из ОЭР не являются теоретическими обобщениями; теоретическое знание добывается теоретическими методами. Метод моделирования востребован в современных исследованиях, однако авторы предлагают схемы вместо моделей, подменяя моделирование проектированием (деятельность).

Научная новизна исследования – его главная ценность – заключается в эмпирических и теоретических обобщениях, раскрывающих *системную логику* рассуждений от цели к результатам исследования, где цель является системообразующим фактором постижения предмета исследования в его междисциплинарности на основе использования комплекса научных методов. Научное исследование разворачивается от конкретного (эмпирического) к абстрактному (концептуальному) и от него к новому конкретному, которое создается как системное знание. Ценность научных обобщений в том, что они, по выражению Н. С. Лейтеса, крупнейшего специалиста в изучении одаренности, являются «показателем обобщающей силы ума» – важнейшего качества интеллектуальной деятельности, творчества, креативности. Таким образом, методологическими ориентирами подготовки учителя являются: 1) идея

Университета; 2) междисциплинарность; 3) принцип системности – основа его профессиональной позиции, условие методологической культуры.

Список источников

1. Моисеев Н. Н. Экология, нравственность и политика // Вопросы философии. 1989. № 5. С. 3–25.
2. Краевский В. В. Научный статус педагогики и проблемы междисциплинарных исследований. Междисциплинарные исследования в педагогике / под ред. В. М. Полонского. М. : Институт теории педагогики и международных исследований в образовании РАО, 1994. 228 с.
3. Бордовская Н. В., Кошкина Е. А. Доказательство и аргументация в педагогическом исследовании // Педагогика. 2021. № 12. С. 5–13.
4. Ибрагимов Г. И., Ибрагимова Е. М. Проблема доказательности в педагогических исследованиях: понятийно-терминологический контекст // Педагогика. 2024. № 1. С. 21–28.
5. Лазарев В. С., Подуфалов Н. Д. О методологических и методических проблемах достоверности и доказательности в педагогических исследованиях // Педагогика. 2022. № 9. С. 5–18.
6. Полонский В. М. Актуальны ли актуальные темы? // Педагогика. 2024. № 11. С. 33–42.
7. Полонский В. М. Методологические требования к междисциплинарным исследованиям в сфере образования // Педагогика. 2018. № 11. С. 23–30.
8. Бережнова Е. В. Требования к научным педагогическим исследованиям: проблемы аргументации // Педагогика. 2024. № 4. С. 5–11.
9. Перминова Л. М. Полидисциплинарность, междисциплинарность, межпредметность в педагогике // Педагогика. 2024. № 4. С. 12–21.
10. Тагунова И. А. Междисциплинарное содержание общего образования: концептуальные подходы // Педагогика. 2023. № 5. С. 115–122.
11. Иванова С. В. Постгуманизм vs гуманизация образования // Ценности и смыслы, 2021. № 5 (75). С. 6–23.
12. Иванова С. В., Иванов О. Б. Аксиологический кризис в современном мире: найти выход // Отечественная и зарубежная педагогика. 2022. Т. 1, № 1. С. 7–29.
13. Долженко О. В. Очерки по философии образования. М. : Промо-медиа, 1995. 240 с.
14. Каско Ж. А., Шукшина Т. И. Теория и практика формирования дидактической компетентности будущего педагога в процессе самостоятельной работы : монография. Саранск : РИЦ МГПУ, 2021. 192 с.
15. Образовательные ресурсы управления развитием современной школы: междисциплинарный подход : практико-ориентированная монография / под ред. Л. М. Перминовой и В. П. Рытикова. М. : НШУОС, 2024. 208 с.
16. Краевский В. В. Методология педагогики : пособие для педагогов-исследователей. Самара : Изд-во Сам ГПИ, 1994. 165 с.
17. Тряпицына А. П., Писарева С. А. Современные методологические подходы к исследованию педагогического образования // Человек и об-

разование. 2014. № 3 (40). С. 4–12.

18. Перминова Л. М. Системные дефициты дидактического знания в теории и практике непрерывного образования как фактор профессионально-педагогических рисков // Гуманитарные науки и образование. 2024. Т 15, № 3 (58). С. 69–78.

References

1. Moiseev N. N. Ecology, Morality and Politics. *Voprosy filosofii* = Questions of Philosophy, 1989; 5:3-25. (In Russ).

2. Kraevskiy V. V. Scientific status of pedagogy and problems of interdisciplinary research. *Interdisciplinary research in pedagogy* / ed. by V. M. Polonsky. = Moscow, Institute of Theory of Pedagogy and International Research in Education of Russian Academy of Education, 1994. 228 p. (In Russ).

3. Bordovskaya N. V., Koshkina E. A. Proof and argumentation in pedagogical research. *Pedagogika* = Pedagogy. 2021; 12:5-13. (In Russ).

4. Ibragimov G. I., Ibragimova E. M. The problem of evidence in pedagogical research: conceptual and terminological context. *Pedagogika* = Pedagogy. 2024; 1:21-28. (In Russ).

5. Lazarev V. S., Podufalov N. D. On methodological and methodical problems of reliability and evidence in pedagogical research. *Pedagogika* = Pedagogy. 2022; 9:5-18. (In Russ).

6. Polonsky V. M. Are the current topics relevant? *Pedagogika* = Pedagogy, 2024; 11:33-42. (In Russ).

7. Polonsky V. M. Methodological requirements for interdisciplinary research in the field of education. *Pedagogika* = Pedagogy. 2018; 11:23-30. (In Russ).

8. Berezhnova E. V. Requirements for scientific pedagogical research: problems of argumentation. *Pedagogika* = Pedagogy. 2024; 4:5-11. (In Russ).

9. Perminova L. M. Polydisciplinary, interdisciplinary, inter-subjective in pedagogy. *Pedagogika* = Pedagogy. 2024; 4:12-21. (In Russ).

10. Tagunova I. A. Interdisciplinary content of general education: conceptual approaches. *Pedagogika* = Pedagogy. 2023; 5:115-122. (In Russ).

11. Ivanova S. V. posthumanism vs. humanization of education. *Tsennosti i smysly* = Values and Meanings. 2021; 5(75):6-23. (In Russ).

12. Ivanova S. V., Ivanov O. B. The axiological

crisis in today's world: finding a way out. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika* = Domestic and Foreign Pedagogy, 2022; 1(1):7-29. (In Russ).

13. Dolzhenko O. V. Essays on the philosophy of education. Moscow, Promo-media, 1995. 240 p. (In Russ).

14. Kasko Zh. A., Shukshina T. I. Theory and practice of developing didactic competence of future teachers in the process of independent work: monograph. Saransk, Editorial and Publishing Center of Mordovian State Pedagogical University, 2021. 192 p. (In Russ).

15. Educational resources for managing the development of a modern school: an interdisciplinary approach: practice-oriented monograph / ed. by L. M. Perminova and V. P. Rytikov. Moscow, NShUOS, 2024. 208 p. (In Russ).

16. Kraevskiy V. V. Methodology of pedagogy: manual for teacher-researchers. Samara, Publishing House of Samara State Pedagogical Institute, 1994. 165 p. (In Russ).

17. Tryapitsyna A. P., Pisareva S. A. Modern methodological approaches to the study of pedagogical education. *Chelovek i obrazovanie* = Man and Education, 2014; 3(40):4-12. (In Russ).

18. Perminova L. M. System deficiency of didactic knowledge in the theory and practice of lifelong education as a factor of professional and pedagogical risks. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education, 2024; 15(3-58):69-78. (In Russ).

Информация об авторе:

Перминова Л. М. – профессор кафедры непрерывного образования, д-р. пед. наук, проф.

Information about the author:

Perminova L. M. – Professor of the Department of Continuing Education, Dr. Sci. (Pedagogy), Prof.

Статья поступила в редакцию 18.03.2025; одобрена после рецензирования 31.03.2025; принята к публикации 01.04.2025.

The article was submitted 18.03.2025; approved after reviewing 31.03.2025; accepted for publication 01.04.2025

ПЕДАГОГИКА

Научная статья

УДК 378.1

doi: 10.51609/2079-3499_2025_16_02_50

Определение сущности понятия «гражданская идентичность» посредством сравнительного анализа сопутствующих понятий

Дарья Алексеевна Прусакова

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия, Prusakova.DA@rea.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0615-6068>

Аннотация. В условиях глобализации и изменения внутренней политической динамики формирование гражданской идентичности как основы духовно-нравственных ценностей и социального единства приобретает ключевое значение и рассматривается как педагогическая категория в системе высшего образования. Однако сложность разграничения понятий *гражданская идентичность*, *этническая идентичность*, *национальная идентичность* и *государственная идентичность* приводит к терминологической неясности, что затрудняет реализацию государственной политики в сфере высшего образования и формирование гражданского самосознания выпускников вуза. Цель исследования заключается в проведении сравнительного анализа вышеупомянутых понятий для выявления их сходств, различий и взаимосвязей, а также в определении содержания понятия *гражданская идентичность* как совокупности способствующих формированию гражданского поведения качеств и убеждений, что даст возможность определить методологию формирования гражданской идентичности. Исследование позволило определить гражданскую идентичность как системное явление, а также четко разграничить сопутствующие ей понятия, выявить их взаимодополнение и обосновать необходимость интеграции гражданских ценностей в образовательный процесс для формирования гражданской идентичности в рамках высшего образования и укрепления национального единства. Полученные выводы создают основу для дальнейшего исследования компонентного состава гражданской идентичности.

Ключевые слова: гражданская идентичность, этническая идентичность, национальная идентичность, государственная идентичность, идентичность, высшее образование, государственная политика, духовно-нравственные ценности

Для цитирования: Прусакова Д. А. Определение сущности понятия «гражданская идентичность» посредством сравнительного анализа сопутствующих понятий // Гуманитарные науки и образование. 2025. Т. 16, № 2 (62). С. 50–55. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_50

PEDAGOGY

Original article

Defining the essence of the “civil identity” concept through a comparative analysis of related concepts

Daria A. Prusakova

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation Prusakova.DA@rea.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0615-6068>

Abstract. In the context of globalization and changing internal political dynamics, the formation of civic identity as the basis of spiritual and moral values and social unity is of key importance and is considered as a pedagogical category in the system of higher education. However, the complexity of distinguishing between the concepts of *civic identity*, *ethnic identity*, *national identity* and *state identity* leads to terminological ambiguity, which complicates the implementation of state policy in the field of higher education and the formation of civic self-awareness of university graduates. The purpose of the study is to conduct a comparative analysis of the above-mentioned concepts to identify their similarities, differences and interrelations, as well as to determine the content of the concept of civic identity as a set of qualities and beliefs that contribute to the formation of civic behavior, which will determine the methodology for forming civic identity. The study allowed us to define civic identity as a systemic phenomenon, as well as clearly distinguish between the related concepts, identify their

complementarity and justify the need to integrate civic values into the educational process to form civic identity within higher education and strengthen national unity. The findings provide the basis for further research into the component composition of civic identity.

Keywords: civil identity, ethnic identity, national identity, state identity, identity, higher education, state policy, spiritual and moral values

For citation: Prusakova D. A. Defining the essence of the “civil identity” concept through a comparative analysis of related concepts. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education. 2025; 16(2-62):50-55. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_50

Введение

В современных геополитических реалиях процесс формирования и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей продолжает являться одним из ключевых направлений государственной политики, что, в свою очередь, не только нашло отражение в Федеральном законе от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании», посредством которого духовно-нравственное развитие определяется как неотъемлемая часть образовательного процесса¹, но и определено приоритетной задачей Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей»².

Президент Российской Федерации В. В. Путин так обозначил свою твердую позицию, комментируя данный вопрос: «Для огромной многонациональной России принципиальное, решающее значение имеет солидарность людей, чувство сопричастности к судьбе Отечества, ответственности за его настоящее и за будущее – то, что принято называть общероссийской идентичностью, гражданским самосознанием». При этом российский лидер отметил, что в некоторых странах гражданскую и этническую идентичность принято позиционировать как конкурирующие. Однако для России такой подход не является приемлемым. «Считаю такой подход, у нас, во всяком случае, мягко говоря, абсолютно некорректным. Для нашей страны, хочу подчеркнуть особо, абсолютно неприемлемо. Человек может принадлежать к той или иной этнической группе, но страна у нас всех одна»³, – заключил Президент РФ В. В. Путин.

Именно поэтому, в том числе и в системе высшего образования, сегодня особое внимание уделяется формированию гражданской идентичности как профессионально значимого качества, основной функцией которого является консолидирующая, призванная не только объединить, но и сплотить граждан Российской Федерации вокруг национальных интересов страны [1, с. 111–114]. Однако примечательно, что понятие *гражданской идентичности* часто вводит в заблуждение и интерпретируется неверно ввиду наличия в научно-исследовательском

обороте смежных понятий, таких как *национальная идентичность*, *государственная идентичность* и *этническая идентичность* [2, с. 65–86]. Приведенные термины, безусловно, взаимосвязаны и в определенном научно-исследовательском контексте могут выступать в качестве дополняющих друг друга понятий, тем не менее не являются абсолютными синонимами и требуют внесения терминологической ясности, чем и объясняется актуальность данного исследования [2, с. 65–86].

Целью данного исследования является выявление наличия возможных сходств, различий, взаимосвязей, а также определение четких границ между на первый взгляд синонимичными понятиями и определение содержания понятия «гражданская идентичность». Для достижения обозначенной цели ставятся следующие задачи: анализ научной литературы и определение ядра и отличительных характеристик понятий *гражданская идентичность*, *этническая идентичность*, *национальная идентичность*, *государственная идентичность*. В качестве гипотезы выдвигается утверждение, что данный анализ не только послужит основой для определения содержания понятия «гражданская идентичность», но и может являться фундаментом для определения компонентного состава данного понятия.

Обзор литературы

Проблеме формирования гражданской идентичности в рамках высшего образования в педагогической науке посвящены работы таких исследователей, как А. Г. Асмолов, О. А. Репникова, Н. М. Боротко, М. А. Картавых, И. А. Камерилова, И. А. Воронина, В. Н. Лутошкина, А. В. Смоленцева и др. Однако обзор литературы демонстрирует, что исследователи нередко анализируют отдельные аспекты этих понятий, не проводя комплексного сравнения всех четырех категорий в одной работе. Ряд ученых рассматривает национальную идентичность как совокупность норм, идеалов и ценностей, определяющих самоидентификацию нации (Ю. А. Кожевникова), другие представляют ее как элемент политической идеологии, особенно в контексте СССР, где патриотизм был ключевым фактором (А. Г. Санина, А. В. Павлов), третьи акцентируют внимание на отличиях гражданской идентичности от государственной (Л. М. Дробизева) и национальной (О. В. Цветкова) и т. д.

Анализ научной литературы показывает, что понятие гражданской идентичности активно изучается в рамках различных дисциплин, но часто рассматривается в отрыве от смежных терминов. Данное исследование восполняет этот пробел, предлагая комплексный сравнительный анализ.

В процессе исследования выделяются следу-

1 Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 22.06.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 53 (ч. I), 31.12.2012, ст. 7598.

2 Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей».

3 Путин призвал к укреплению общероссийской гражданской идентичности. URL: <https://www.5-tv.ru/news/337572/putin-prizval-kukrepleniu-obserossijskoj-grazdanskoj-identichnosti/?ysclid=lzcdypnzgj128640090> (дата обращения: 05.03.2025).

ющие этапы. Прежде всего проведен анализ научных источников, целью которого было выявление существующих теоретических подходов к изучаемым понятиям. Затем было определено ядро каждого из терминов, то есть выделение ключевых характеристик *гражданской идентичности, этнической идентичности, национальной идентичности и государственной идентичности*. На следующем этапе происходит сравнение понятий, выявление общих и отличительных черт, а также взаимосвязей между ними. Заключительный этап – формулировка выводов о сущности гражданской идентичности и рекомендаций по ее интеграции в образовательный процесс.

Материалы и методы

В ходе исследования мы использовали комплекс методов. Сравнительный анализ позволяет провести аналогию между центральным понятием и другими схожими концептами и применяется для установления границ между терминами, а также для выявления их взаимодополняемости. Качественный метод анализа основан на изучении характеристик рассматриваемых понятий с целью определения их уникальных свойств, используется для выделения ключевых компонентов гражданской идентичности и их роли в формировании гражданского самосознания. Используемый метод контент-анализа научной литературы позволил рассмотреть различные подходы к изучению идентичности с точки зрения социологии, политологии, педагогики и философии и выявить ключевые тенденции в интерпретации исследуемых понятий. Анализ нормативно-правовых актов способствует определению концепций государственной политики в области образования и воспитания гражданской идентичности. Историко-генетический метод был применен для прослеживания эволюции понятий и определения того, как изменялось их содержание в зависимости от социально-политических условий. Кроме того, был использован метод логико-смыслового моделирования для структурирования основных характеристик гражданской идентичности, выделения ее компонентов и определения механизмов формирования в образовательной и социокультурной среде.

Результаты исследования

Понятийный анализ термина *национальная идентичность* показывает, что он является выражением определенного чувства, с помощью которого человек ощущает себя неотъемлемой частью целого, связанного ортодоксальными традициями, культурой и языком [3, с. 26–28]. *Национальная идентичность* представляет собой некое субъективное чувство, далеко не всегда пересекаясь с правовым гражданским статусом, подразумевая своего рода деление на неких «мы» и «они» [4, с. 69–73]. Ю. А. Кожевникова рассматривает национальную идентичность посредством наличия совокупности так называемых «измерений» и «атрибутов» и характеризует ее как символическое пространство, возникающее посредством анализа таких измерений, как психология, культура, история, территория и политика; и именно в этом пространстве общность людей трансформируется в национальную

общность, обладающую уникальной способностью дифференцировать себя и «чужих», а также генерировать общую систему норм, идеалов и ценностей [5].

Анализ понятия *государственная идентичность* показывает, что прослеживается тенденция его использования преимущественно в контексте анализа международных отношений, в результате чего отличительной характеристикой этого понятия является обстоятельство, что оно детерминировано как отличительный знак того или иного государства и его главный функционал состоит в определении внутренней и внешней политики государства. Таким образом, когда речь идет о национальной культуре, национальном характере, гражданской активности, гражданской солидарности, национальной самобытности и других формах проявления идентичности в целом, мы с большей долей вероятности встретимся с терминами гражданской либо национальной идентичности, поскольку именно эта терминология применима к любым социальным общностям и/или группам [6, с. 30–40]. Несмотря на то, что понятия государственной и гражданской идентичности, безусловно, должны быть разделены, стоит иметь в виду, что их категорическое разделение и намеренное избегание использования понятия государственной идентичности может иметь ряд негативных последствий, как, например, утрата понимания «социального целого», поскольку даже потеря или присоединение территории имеет тенденцию менять социальную идентичность; восприятие государства как чего-то внешнего провоцирует враждебный настрой и ложные чувства, государство наделяется характером, препятствующим созданию гражданского общества; сведение на нет социальной ответственности и, следовательно, восприятие государства как чего-то чужого, не своего [7, с. 78–95].

Что же касается термина «этническая идентичность», то в отличие от понятия нации, которое используется для описания группы людей, связанных общими политическими институтами, общностью территории и экономической жизни, понятие этноса детерминирует совокупность людей, которых объединяет, с одной стороны, наличие общей культуры, особенностей психики, языка, а, с другой стороны, осознание отличия от других образований схожей природы происхождения [8, с. 144–162]. Главным признаком нации является наличие национальной идеи, она нуждается в юридически-правовом статусе и имеет мировую значимость. Таким образом, национальная и этническая идентичности не являются синонимичными понятиями, однако они и не противоречат друг другу, мирно сосуществуют, при том что национальная идентичность играет главенствующую роль в этом союзе, а этническая идентичность – скорее подчиненную [9, с. 153–155].

Для определения гражданства обратимся к работам Д. Уэйнстока, согласно которым *гражданство* включает в себя статус гражданина, наделяющий определенными правами и накладывающий определенные обязанности; наличие прав и привилегий, которые призваны защищать граждан и являются гарантом их основных свобод; возможность самоуправления или автономии; наличие опреде-

ленных институтов, через которые осуществляется самоуправление и реализуются гражданские права; наличие специфических характеристик, определяющих отношения между согражданами в обществе, то есть той самой идентичности [10, с. 67–70]. Стоит отметить, что на протяжении достаточно долгого времени понятие *гражданство*, особенно на юридическом языке, трактовалось как подданство или национальность, в сегодняшних условиях это понятие расширено с точки зрения наличия гражданско-го статуса и гражданских прав [11, с. 11–17].

Принимая во внимание тот факт, что современные тенденции отечественного образования продиктованы острой необходимостью не только формирования необходимых профессиональных качеств, но и воспитания и развития социально значимых личностных качеств, определение сущности понятия гражданской идентичности может быть рассмотрено как одно из главных [12].

Термин *гражданская идентичность* возник и, соответственно, стал широко и повсеместно использоваться в отечественной науке относительно недавно. С точки зрения социологического аспекта данное понятие возникает тогда, когда индивид отождествляет себя с обществом во всевозможных существующих социокультурных измерениях, являясь проявлением социальной идентичности. Примерами таких измерений могут являться язык, определенная ментальность, культурные ценности, типичные шаблоны и/или модели поведения [13, с. 111–116].

О. А. Коряковцева и Т. В. Бугайчук, в поле зрения которых понятие *гражданская идентичность* попадает как педагогическая категория, определяют его следующим образом: «осознанный процесс соотносительности или тождественности человека с определенной государственной общностью в конкретном социально-политическом контексте»; «тождественность личности статусу гражданина, личная оценка своего гражданского состояния, готовность и способность выполнять сопряженные с наличием гражданства обязанности, пользоваться правами, принимать активное участие в жизни государства» [14, с. 91–98].

Следует отметить и другие определения гражданской идентичности. Так, М. А. Юшин подразумевает под гражданский идентичностью тождество личности статусу гражданина, включающее в себя личную оценку своего гражданского состояния, способность и готовность выполнять связанные с фактом гражданства обязанности, пользование правами гражданина и активное участие в жизни государства [15]. Т. В. Водолажская считает, что принадлежность к гражданскому сообществу определенного государства должна быть отождествлена с гражданской идентичностью [16, с. 140–142]; по мысли Е. Ю. Васильевой, гражданская идентичность – это восприятие себя разделяющими национальные интересы гражданами как части государства [17, с. 268–271]; С. В. Рыжова подчеркивает важную роль гражданского общества в процессе формирования гражданской идентичности, акцентируя особое внимание на возможности

принимать участие в общественной и профессиональной жизни безотносительно к государственной власти [18, с. 165–181]. Л. М. Дробичева настаивает на обязательном разделении понятий государственной и гражданской идентичности, указывая на то, что обязательным условием формирования гражданской идентичности является сознание ответственности граждан за судьбу и жизнь окружающих [19, с. 214–227].

Понятие *гражданской идентичности*, как подчеркивает О. В. Цветкова, является весьма специфическим и требует глубокого анализа. Гражданская идентичность, по мнению исследователя, основана на фундаментальном усвоении индивидом ценностей активного и конструктивного участия в общественной жизни [20, с. 207–211]. Это означает не просто пассивное проживание в рамках определенного государства, а активное вовлечение в социальные взаимодействия, проявление политической солидарности и понимание себя как неотъемлемой части политической, государственной структуры. Ключевым моментом здесь является именно связь индивида с государством, а не с территорией, нацией, традициями или иными факторами. Гражданская идентичность возникает исключительно в контексте этой связи, в рамках отношения «индивид – государство». Это принципиальное отличие от национальной идентичности является результатом коллективного самоопределения. В отличие от гражданской, основанной на правовом поле и взаимодействии с государством, национальная идентичность вбирает в себя значительно более широкий спектр факторов, формирующих чувство принадлежности к нации. Сюда входят социокультурные аспекты – язык, ментальность, традиции, общепринятые ценности и нормы поведения. Более того, на формирование национальной идентичности влияют генетические, исторические, политические, традиционные, этнические, территориальные, региональные и экономические факторы. О. В. Цветкова подчеркивает, что именно комплексность и многогранность национальной идентичности создают трудности в ее искусственном формировании или корректировке. В отличие от гражданской идентичности, которая во многом определяется политико-правовым контекстом, национальная не может быть построена или существенно изменена исключительно путем манипулирования политическими процессами и правовыми актами. Национальная идентичность – это глубоко укорененный в истории, культуре и менталитете народа феномен, формирующийся на протяжении поколений и реагирующий на множество внешних и внутренних перемен, но не подчиняющийся прямолинейному управлению со стороны государства. Поэтому любые попытки искусственного формирования или изменения национальной идентичности обречены на неудачу, если не учитывать это сложное переплетение множества взаимосвязанных факторов [20, с. 207–221].

Обсуждение и заключения

Формирование гражданской идентичности в контексте высшего образования представляет собой сложную педагогическую проблему, напрямую

связанную с задачами воспитания ответственной, социально активной и идентифицирующей себя с гражданскими ценностями личности. Современные вызовы, включая глобализацию, цифровизацию и нарастающие социокультурные трансформации, обостряют необходимость осмысления и целенаправленного формирования гражданской идентичности как неотъемлемой части общего процесса социализации студентов.

Высшая школа, обладая не только образовательной, но и мощной воспитательной функцией, становится ключевой площадкой для развития у обучающихся гражданского самосознания, патриотизма, социальной ответственности и понимания собственной принадлежности к обществу. Университетская среда может и должна способствовать формированию устойчивых гражданских установок, основанных на уважении к правам человека, правовому сознанию, диалогу культур и активному участию в жизни гражданского общества.

Анализ понятийного аппарата и структуры гражданской идентичности показал, что она включает в себя когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты, каждый из которых нуждается в адресном педагогическом сопровождении. Эффективное формирование гражданской идентичности требует от высшей школы интеграции в образовательный процесс ценностно-ориентированных подходов, а также разработки специальных программ, направленных на развитие гражданской активности студентов, их правовой и политической культуры.

Таким образом, формирование гражданской идентичности должно рассматриваться как одна из приоритетных задач системы высшего образования, которая требует системного подхода, междисциплинарных усилий и инновационных педагогических решений. Только при соблюдении этого условия возможно подготовить выпускника, способного быть не только квалифицированным специалистом, но и зрелым, ответственным гражданином своей страны.

Список источников

1. Картавых М. А., Камерилова И. А., Вороница И. А. Формирование гражданской идентичности как актуальная проблема современного образования // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 62–3. С. 111–114.
2. Асмолов А. Г. Стратегия социокультурной модернизации образования: на пути к преодолению кризиса идентичности и построению гражданского общества // Вопросы образования. 2008. № 1. С. 65–86.
3. Велилаева Л. Р., Абдуллаева Н. Р. Понятие «Национальной идентичности»: теоретико-литературный аспект исследования // Universum: филология и искусствоведение. 2020. № 6 (73). С. 26–28.
4. Тюрин М. Н. Истоки термина «идентичность» и специфика его использования в психолого-педагогических исследованиях // Актуальные исследования. 2021. № 37 (64). С. 69–73. URL: <https://apni.ru/article/2892-istoki-termina-identichnost-i-spetsifika> (дата обращения: 17.07.2024).
5. Кожевникова Ю. А. Кризис национальной идентичности в глобализирующемся мире : автореф. дис. канд. филос. наук. М., 2012. 22 с.
6. Санина А. Г., Павлов А. В. Государственная идентичность: содержание понятия и постановка проблемы // Управленческое консультирование. 2015. № 9 (81). С. 30–40. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-identichnost-soderzhanie-ponyatiya-i-postanovka-problemy> (дата обращения: 20.07.2024).
7. Фадеев П. В. Российская государственно-гражданская идентичность сквозь призму восприятия истории, культуры и общественно-политической жизни // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10, № 3 (39). С. 78–95. DOI 10.19181/snsp.2022.10.3.9198.
8. Кочетков В. В. Национальная и этническая идентичность в современном мире // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2012. № 2. С. 144–162.
9. Уварова Т. Б., Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. История : Информационно-аналитический журнал. 1999. № 1. С. 153–155.
10. Егоров О. Е. «Гражданская идентичность» в истории науки и социальной философии двадцатого века // Вестник МГУКИ. 2012. № 2 (46). С. 67–70.
11. Репникова О. А., Борытко Н. М. Становление феномена «гражданская идентичность» в педагогическом аспекте: история и современность // Artium Magister. 2023. № 4. С. 11–17.
12. Лутошкина В. Н., Смоленцева А. В. Особенности формирования гражданской идентичности у учащейся молодежи как педагогическая проблема // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=23049> (дата обращения: 08.04.2025).
13. Шикова Р. Ю. Гражданская общероссийская идентичность (социологический аспект) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. Вып. 1. С. 111–116.
14. Коряковцева О. А., Бугайчук Т. В. Кризис идентичности молодежи и становление Гражданина // Вестник ВятГУ. 2019. № 2. С. 91–98.
15. Юшин М. А. Политические механизмы формирования гражданской идентичности молодежи в современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Тула, 2007. 22 с.
16. Водолажская Т. В. Идентичность гражданская // Образовательная политика. 2010. № 5–6 (43). С. 140–142.
17. Васильева Е. Ю. Теоретические подходы к изучению идентичности // Наука и современность. 2010. № 6–2. С. 268–271. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-izucheniyu-identichnosti> (дата обращения: 24.02.2025).
18. Рыжова С. В. Этническая идентичность в общественном измерении // СНИСП. 2020. № 3 (31). С. 165–181.
19. Дробижеева Л. М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. 2008. № 7. С. 214–227. URL: <https://cyberleninka.ru/>

article/n/natsionalno-grazhdanskaya-i-etnicheskaya-identichnost-problemy-pozitivnoy-sovmestimosti (дата обращения: 24.02.2025).

20. Цветкова О. В. Общероссийская гражданская идентичность: проблемы формирования // Межнациональные и межконфессиональные отношения в современной России. М. : РГГУ, 2023. С. 207–221.

References

1. Kartavykh M. A., Kamerilova I. A., Voronina I. A. Formation of civil identity as a pressing problem of modern education. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* = Problems of Modern Pedagogical Education. 2019; 62-3:111-114. (In Russ.)

2. Asmolov A. G. Strategy of socio-cultural modernization of education: on the way to overcoming the identity crisis and building a civil society. *Voprosy obrazovaniya* = Education Issues. 2008; 1:65-86. (In Russ.)

3. Velilaeva L. R., Abdullaeva N. R. The concept of “National identity”: theoretical and literary aspect of the study. *Universum: filologiya i iskusstvovedenie* = Universum: Philology and Art Criticism. 2020; 6(73):26-28. (In Russ.)

4. Tyurin M. N. The origins of the term “identity” and the specifics of its use in psychological and pedagogical research. *Aktual'nye issledovaniya* = Current Research. 2021; 37(64):69-73. URL: <https://apni.ru/article/2892-istoki-termina-identichnost-i-spetsifika> (accessed 17.07.2024). (In Russ.)

5. Kozhevnikova Yu. A. Crisis of national identity in a globalizing world: abstract dis. ... Cand. Philos. Sci. Moscow, 2012. 22 p. (In Russ.)

6. Sanina A. G., Pavlov A. V. State identity: content of the concept and problem statement. *Upravlencheskoe konsultirovanie* = Management Consulting. 2015; 9(81):30-40. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-identichnost-soderzhanie-ponyatiya-i-postanovka-problemy> (accessed 20.07.2024). (In Russ.)

7. Fadeev P. V. Russian state and civil identity through the prism of perception of history, culture and socio-political life. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika* = Sociological Science and Social Practice. 2022; 10:3(39):78-95. DOI 10.19181/snsp.2022.10.3.9198. (In Russ.)

8. Kochetkov V. V. National and ethnic identity in the modern world. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya* = Moscow State University Bulletin. Ser. 18. Sociology and Political Science. 2012; 2:144-162. (In Russ.)

9. Uvarova T. B., Soldatova G. U. Psychology of interethnic tension. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 5. Istoriya: Informatsionno-analiticheskiy zhurnal* = Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Ser. 5. History: Information and Analytical Journal. 1999; 1:153-155. (In Russ.)

10. Egorov O. E. “Civil identity” in the history of science and social philosophy of the twentieth century. *Vestnik MGUKI* = Bulletin of MSUCA. 2012; 2(46):67-70. (In Russ.)

11. Repnikova O. A., Borytko N. M. Formation of the phenomenon of “civil identity” in the pedagogical aspect: history and modernity. *Artium Magister*. 2023; 4:11-17. (In Russ.)

12. Lutoshkina V. N., Smolenceva A. V. Features of the formation of civic identity among student youth as a pedagogical problem. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* = Modern Problems of Science and Education. 2015; 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=23049> (accessed 08.04.2025).

13. Shikova R. Yu. Civil all-Russian identity (sociological aspect). *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya* = Bulletin of the Adyghe State University. Ser. 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies. 2009; 1:111-116. (In Russ.)

14. Koryakovceva O. A., Bugaychuk T. V. The crisis of youth identity and the formation of a citizen. *Vestnik VyatGU* = Herald of Vyatka State University. 2019; 2:91-98. (In Russ.)

15. Yushin M. A. Political mechanisms for the formation of civil identity of youth in modern Russia: abstract dis. ... Cand. Polit. Sci. Tula, 2007. 22 p. (In Russ.)

16. Vodolazhskaya T. V. Civil Identity. *Obrazovatel'naya politika* = Educational Policy. 2010; 5-6(43):140-142. (In Russ.)

17. Vasileva E. Yu. Theoretical approaches to the study of identity. *Nauka i sovremennost'* = Science and Modernity. 2010; 6-2:268-271. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-izucheniyu-identichnosti> (accessed 24.02.2025). (In Russ.)

18. Ryzhova S. V. Ethnic identity in the social dimension. *SNiSP = SSaSP*. 2020; 3(31):165-181. (In Russ.)

19. Drobizheva L. M. National-civil and ethnic identity: problems of positive compatibility. *Rossiya reformiruyushchayasya* = Russia under Reform. 2008; 7:214-227. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalno-grazhdanskaya-i-etnicheskaya-identichnost-problemy-pozitivnoy-sovmestimosti> (accessed 24.02.2025). (In Russ.)

20. Tsvetkova O. V. All-Russian civil identity: problems of formation. *Mezhnatsional'nye i mezhekonsfessional'nye otnosheniya v sovremennoy Rossii* = Interethnic and interfaith relations in modern Russia. Moscow, RSUH, 2023. Pp. 207-221. (In Russ.)

Информация об авторе:

Прусакова Д. А. – ст. преподаватель кафедры иностранных языков № 3.

Information about the author:

Prusakova D. A. – Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages No 3.

Статья поступила в редакцию 07.03.2025; одобрена после рецензирования 09.04.2025; принята к публикации 10.04.2025.

The article was submitted 14.01.2025; approved after reviewing 09.04.2025; accepted for publication 10.04.2025.

ПЕДАГОГИКА

Научная статья

УДК 378(045)

doi: 10.51609/2079-3499_2025_16_02_56

Закономерности формирования социокультурной компетентности детей старшего дошкольного возраста

Жанна Ивановна Сорокина

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Астрахань, Россия, Zhanna1982_82@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8423-5517>

Аннотация. Актуальность приобщения детей старшего дошкольного возраста к региональной культуре обусловлена возросшим количеством национальных конфликтов в обществе, утратой семейных ценностей и традиций среди подрастающего поколения, незнанием молодежи своей истории и культуры. Цель исследования: определить закономерности формирования социокультурной компетентности детей старшего дошкольного возраста для построения модели их приобщения к региональной культуре в условиях применения информационных технологий. Его методологическую основу составляют психолого-педагогические методы (наблюдение, метод экспертной оценки, анализ творческих работ) сбора информации. Результаты исследования позволили выявить особенности формирования социокультурной компетентности, в частности стадийное развитие эмоционально-волевой и познавательной сфер развития ребенка и усвоение норм и правил социума, а также структурные компоненты социокультурной компетентности старшего дошкольника, их критерии и параметры измерения.

Ключевые слова: региональная культура, социокультурная компетентность, старший дошкольник, приобщение

Для цитирования: Сорокина Ж. И. Закономерности формирования социокультурной компетентности детей старшего дошкольного возраста // Гуманитарные науки и образование. 2025. Т. 16, № 2 (62). С. 56–60. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_56

PEDAGOGY

Original article

Patterns of the formation of socio-cultural competence of older preschool children

Zhanna I. Sorokina

Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia, Zhanna1982_82@mail.ru, +79627551802 <http://orcid.org/0000-0001-8423-5517>

Abstract. The relevance of introducing older preschool children to regional culture is due to the increased number of national conflicts in society, the loss of family values and traditions among the younger generation, and the lack of knowledge of young people about their history and culture. The purpose of the study is to determine the patterns of formation of socio-cultural competence of older preschool children to build a model of their introduction to regional culture in the context of using information technologies. The methodological basis of the study includes psychological and pedagogical methods (observation, expert assessment method, analysis of creative works) of collecting information. The research results make it possible to identify the features of the formation of socio-cultural competence, in particular the stage-by-stage development of the emotional-volitional and cognitive spheres of the child's development and the assimilation of norms and rules of society, as well as the structural components of the socio-cultural competence of an older preschooler, their criteria and measurement parameters.

Keywords: regional culture, socio-cultural competence, older preschooler, socialization

For citation: Sorokina Zh. I. Patterns of the formation of socio-cultural competence of older preschool children. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education. 2025; 16(2-62):56-60. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_56

Введение

Культурное многообразие современной России определяет актуальность приобщения ребенка к региональной культуре. На территории Астраханской области, например, живут представители 178 национальностей, функционируют 17 общественных национальных культур. Такая полиэтническая структура общества создает уникальные условия и требует оригинальных методов и подходов к воспитанию подрастающего поколения. Возникает социальная потребность в организации целенаправленной работы по формированию социокультурной компетентности ребенка как члена общества [1, с. 82]. На первый план выступает культура региона как комплекс ценностей и традиций, обуславливающих активную социальную адаптацию растущего патриота и гражданина. Процесс приобщения дошкольников к региональной культуре отображает потребность общества в мультикультурном формировании ребенка, способного строить свое общение с учетом традиций и культуры данного социума, основываясь на общечеловеческих ценностях [2, с. 218]. Как правило, данный процесс происходит в форме игры, которая является ведущим видом деятельности в дошкольном возрасте и посредством которой возможно приобщение ребенка к миру культуры. К. Маркс утверждал, что «субъект деятельности лишь во внешнем плане изменяет окружающие его обстоятельства, на самом деле изменяясь при этом сам» [3, с. 42]. Таким образом, региональная культура (как воплощение ценностей в жизнь) становится инструментом самоизменения, саморазвития человека.

В программных¹ и нормативных документах^{2,3} последних лет как одно из важнейших условий стабильного развития общества рассматривается задача патриотического воспитания подрастающего поколения⁴. В соответствии с законом «Об образовании в Российской Федерации» (2012 г.) реализуются меры, направленные на возрождение и развитие национальной культуры, исходя из приоритета общечеловеческих ценностей.

Обзор литературы

Вопросы приобщения детей старшего до-

школьного возраста к региональной культуре освещены в работах А. Г. Асмолова, В. В. Игнатовой и др. Проблема «культуросообразной детерминации развития человека как личности, как субъекта культуры, ценности и смыслы диалога в развитии личности в образовательном пространстве» (П. А. Сорокин [4, с. 51]) рассматривается в работах М. М. Бахтина, В. С. Библера, Е. В. Бондаревской, Л. С. Выготского, В. В. Давыдова, М. С. Кагана, А. Н. Леонтьева, С. Т. Шацкого, Р. М. Чумичевой и др. Социокультурные характеристики детства раскрываются в работах М. Мида, Р. Тейлора, А. Камю, З. Фрейда, Й. Хайзинга, Э. Фромма, И. С. Кона, Б. Бим-Бада, Е. В. Субботского, Г. П. Вяловой, Л. Г. Кураевой, С. Н. Щегловой, С. Н. Иконниковой, Д. И. Фельдштейна и др.

Сопоставление теории и практики приобщения детей старшего дошкольного возраста к региональной культуре позволило выделить противоречия между потребностью общества в социокультурном воспитании ребенка и отсутствием теоретического обоснования процесса развития интереса у детей к познанию истории и культуры родного края. Названные противоречия раскрывают проблему исследования, которая состоит в необходимости обоснования наиболее существенных характеристик педагогического процесса: закономерной логики процесса, этапов развития, внутренних факторов и внешних условий.

Материалы и методы

Наше исследование было проведено в двух детских садах г. Астрахани – МБДОУ «Детский сад № 11» и МБДОУ «Детский сад № 100». Выборка составила 150 дошкольников от 6 до 7 лет, среди которых 80 мальчиков и 70 девочек (53,33 % и 46,67 %). Она формировалась случайным образом: все дети, которые присутствовали в дни проведения исследования, принимали в нем участие.

В основу исследования процесса приобщения детей старшего дошкольного возраста к региональной культуре легли психолого-педагогические методы (наблюдение, метод экспертной оценки, анализ творческих работ) сбора информации. Нами были проанализированы работы отечественных и зарубежных авторов, в том числе Л. И. Божович, Н. М. Борытко, Л. С. Выготского, В. А. Крутецкого, Л. Р. Мадорского, И. Я. Мурзиной, В. Н. Стрельниченко, П. А. Сорокина, С. Т. Танцорова, А. Ю. Тихоновой и др. Мы солидарны с А. П. Усовой в том, что старший дошкольный возраст по своим психологическим характеристикам наиболее восприимчив к приобщению к культурным ценностям, нормам и правилам, поскольку ему свойственно доверительное отношение к взрослому, эмоциональная отзывчивость, подражательность и искренность чувств [5, с. 176].

Результаты исследования

Теоретический анализ научной литературы и опыта профессиональной деятельности педагогов дошкольного образования по проблеме исследования позволил конкретизировать характеристики ре-

1 Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2016–2018 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : Распоряжение Правительства РФ от 23.12.2015 № 2648-р. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71195422/> (дата обращения: 28.01.2025).

2 Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года : Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180402/ (дата обращения: 28.01.2025).

3 Об утверждении Основ государственной молодежной политики РФ на период до 2025 г. : Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р. URL: <http://base.garant.ru/70813498/> (дата обращения: 28.01.2025).

4 О внесении изменений в Федеральный закон Российской Федерации от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ : принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 22 июля 2020 г. : одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 24.07.2020 г. URL: <https://www.consultant.ru/document/consdocLAW358792/?ysclid=lpbb9gfr4m320722/> (дата обращения: 01.10.2017).

гиональной культуры в аспекте приобщения к ней детей старшего дошкольного возраста, а также определить социокультурную компетентность старшего дошкольника как результат такого приобщения. В результате были выделены следующие ключевые закономерности формирования социокультурной компетентности детей старшего дошкольного возраста: 1) *интенсивное развитие познавательной сферы*. Оно связано непосредственно с учебной деятельностью и включает в себя изменения в различных познавательных процессах: восприятие, внимание, память, воображение, мышление; 2) *развитие эмоционально-волевой сферы ребенка*. Оно выражается в сформированности мотивов поведения через социальную идентификацию ребенка при взаимодействии с ближайшим окружением (семья,

друзья, педагоги и т. д.); 3) *позитивная социализация дошкольника*. На наш взгляд, эта закономерность заключается в умении ребенка взаимодействовать с окружающими людьми, выстраивать свое поведение и деятельность, учитывая потребности и интересы других [6, с. 106].

Исходя из определения социокультурной компетентности, мы выделили критерии и показатели его сформированности для детей старшего дошкольного возраста (табл. 1).

Процесс формирования социокультурной компетентности детей старшего дошкольного возраста проходит ряд стадий, каждая из которых имеет свою специфику. Мы выделяем четыре стадии:

аморфная, которая характеризуется несформированным отношением к нормам, правилам, тради-

Таблица 1

Структурные компоненты социокультурной компетентности старшего дошкольника, их критерии и параметры измерения

Структурный компонент	Критерий	Показатель сформированности
Когнитивный	сформированность знаний детей об окружающей действительности	осознает собственную принадлежность к социуму; демонстрирует знания о своей семье, семейных традициях, об обществе, его нормах и правилах, о государстве и принадлежности к нему
	умение применять полученные знания на практике	умеет позитивно общаться с детьми и взрослыми; контролирует свои поведение, эмоции; умеет играть по правилам
	готовность самостоятельно решать познавательные задачи	проявляет интерес к познавательной деятельности; демонстрирует творческую инициативу, самостоятельность; оценивает задачу, подбирает методы для ее решения и способы проверки результатов; стремится пополнить свои знания об интересующем предмете
Эмоциональный	понимание эмоций	распознает и называет собственные эмоции и эмоции окружающих (веселый, грустный и т. д.); понимает их причины, прогнозирует эмоции; знает социокультурные нормы выражения эмоций
	выражение эмоций	проявляет эмоционально-познавательный интерес; высказывает желание заботиться о ближнем, природе, готовность действовать согласно требованиям общества; сопереживает, сочувствует и содействует окружающим; демонстрирует общительность, доброжелательность, бесконфликтное взаимодействие с окружающими
	регуляция эмоций	предвосхищает результат той или иной деятельности; создает и поддерживает позитивный эмоциональный контакт
Волевой	бесконфликтное взаимодействие с окружающими, способность следовать нормам и правилам, принятым в социуме;	овладевает механизмами социального поведения; действует в соответствии с социальными нормами,
	следование социальным нормам и правилам в различных видах деятельности, общении со сверстниками и взрослыми	подражает поведению сверстников, взрослых, сказочных героев; регулирует свое поведение, сравнивая его с поведением авторитетных взрослых; анализирует свои действия
	проявление волевых качеств в процессе выполнения поставленных задач	саморегуляция (любое задание доводит до логического завершения, даже если ему это не очень нравится); проявляет инициативу, осознанно принимает и в последующем выполняет задания взрослых, корректирует свое поведение в соответствии с целью задания; проявляет самостоятельность, инициативность, дисциплинированность, настойчивость и организованность

Стадии сформированности социокультурной компетентности старших дошкольников

Стадия	Аморфная		Фрагментарная		Рефлексивная		Практико-прогностическая	
Компоненты	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Когнитивный	21	14	73	48,67	45	30	11	7,33
Эмоциональный	27	18	96	64	18	12	9	6
Волевой	56	37,33	67	44,67	16	10,67	11	7,33

циям как ценности;

фрагментарная, когда ребенок способен устанавливать причинно-следственные связи между поступком и реакцией на него со стороны окружающих, его поведение предсказуемо, неустойчиво;

рефлексивная, на которой у дошкольника складывается внутренняя иерархия ценностей, определяющая его поведение и поступки в большинстве ситуаций;

практико-прогностическая, отличающаяся устойчивой иерархией ценностей, когда дошкольник ориентируется во всех жизненных ситуациях и способен к самосовершенствованию.

Результаты распределения детей старшего дошкольного возраста по стадиям развития компонентов социокультурной компетентности дошкольников представлены в таблице 2.

Наглядно результаты диагностики представлены на рисунке 1.



Рис. 1. Стадии сформированности социокультурной компетентности

Аморфная стадия. Представитель данной стадии имеет пробелы в знании о нравственных ценностях, проявляет слабые эмпатийные способности, способности к самопониманию, саморазвитию. Ребенок на этой стадии подвержен влиянию со стороны окружающих. *Новообразование на этой стадии:* копирование манеры поведения и общения взрослых, детей и сказочных героев.

Фрагментарная стадия. Представитель данной стадии способен давать оценку себе и своим действиям, понимать их последствия. Иногда в своих поступках ориентируется на духовно-нравственные ценности общества. *Новообразование этой стадии:* возникновение потребности самосовершенствоваться.

Рефлексивная стадия. У дошкольника старшей группы, находящегося на данной стадии сформированности социокультурной компетентности, складывается внутренняя иерархия ценностей, благодаря которой ребенок выполняет требования социума без подсказки и надзора взрослого. Кроме

того, у представителей данной стадии наблюдается высокая способность к рефлексии, пониманию себя и своего окружения. Эмпатийные способности также развиты на достаточно высоком уровне. *Новообразование ситуативной стадии:* актуализирована потребность в понимании другого и ценностно-смысловой диалог со значимым другим.

Практико-прогностическая стадия. У дошкольника сложившаяся устойчивая иерархия ценностей, на которую он ориентируется во всех жизненных ситуациях не потому, что так надо, а потому, что по-другому не может. Он самостоятельно иницирует, сознательно принимает и последовательно выполняет поручения взрослых. *Новообразование этой стадии:* интегративное свойство всей системы духовного воспитания – развитая способность к духовному самосовершенствованию.

Таким образом, логика формирования социокультурной компетентности детей старшего дошкольного возраста, представляющая собой закономерную смену аморфной, фрагментарной, рефлексивной и практико-прогностической стадий, обусловлена динамикой приобщенности ребенка к региональной культуре.

Обсуждение и заключения

Настоящее исследование направлено на изучение специфики приобщения детей старшего дошкольного возраста к региональной культуре. Его результаты позволили выделить закономерную логику формирования социокультурной компетентности дошкольников, структурные компоненты данной компетентности, а также ее критерии и показатели.

Принятые в 2013 г. Федеральные государственные образовательные стандарты дошкольного образования⁵ одними из своих принципов определяют приобщение детей к социокультурным нормам, традициям семьи, общества и государства, а также учет этнокультурной ситуации развития детей. Одна из задач, на которую направлен стандарт, – объединение обучения и воспитания в целостный образовательный процесс на основе духовно-нравственных и социокультурных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества. Полагаем, что полученные результаты могут представлять интерес для педагогов и методистов дошкольного образовательного учреждения, занимающихся вопросами социокультурного воспитания ребенка.

⁵ Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования (утв. Приказом Министерства образования и науки РФ от 17 октября 2013 г. № 1155). URL: <http://base.garant.ru/77677348/> (дата обращения: 28.01.2025).

Список источников

1. Сорокина Ж. И. Дошкольник и региональная культура: социальный заказ // Общество: социология, психология, педагогика. 2024. № 7. С. 80–84.
2. Боротко Н. М. Пространство воспитания: образ бытия. Волгоград, 2000. 225 с.
3. Боротко Н. М. Профессионально-педагогическая компетентность педагога // Эйдос. 2007. № 1. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2007/0930-10.htm> (дата обращения: 29.07.2024).
4. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М. : Политиздат, 1992. 543 с.
5. Усова А. П. Обучение в детском саду. М. : Просвещение, 1981. 172 с.
6. Сорокина Ж. И. Особенности формирования социокультурной компетентности детей старшего дошкольного возраста // Гуманитарные науки и образование. 2024. Т. 15, № 3 (59). С. 105–108.

References

1. Sorokina Zh. I. Preschool children and regional culture: social order. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* = Society: Sociology, Psychology, Pedagogy. 2024; 7:80-84. (In Russ.)
2. Borytko N. M. Space of education: way of being. Volgograd, 2000. 225 p. (In Russ.)
3. Borytko N. M. Professional and pedagogical competence of the teacher. *Eydos* = Eidos. 2007; 1.

URL: <http://www.eidos.ru/journal/2007/0930-10.htm>. (accessed 29.07.2024). (In Russ.)

4. Sorokin P. A. Human. Civilization. Society. Moscow, 1992. 543 p. (In Russ.)
5. Usova A. P. Education in kindergarten. Moscow, Prosveshchenie, 1981. 172 p. (In Russ.)
6. Sorokina Zh. I. Features of the formation of socio-cultural competence of older preschool children. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education. 2024; 15(3-59):105-108. (In Russ.)

Информация об авторе:

Сорокина Ж. И. – ассистент кафедры педагогических практик и сервисных индустрий.

Information about the author:

Sorokina Zh. I. – Assistant of the Department of Pedagogical Practices and Service Industries.

Статья поступила в редакцию 14.01.2025; одобрена после рецензирования 17.02.2025; принята к публикации 20.02.2025.

The article was submitted 14.01.2025; approved after reviewing 17.02.2025; accepted for publication 20.02.2025.

ПЕДАГОГИКА

Научная статья

УДК 378

doi: 10.51609/2079-3499_2025_16_02_61

Формирование экономических компетенций у медиаспециалистов

Виталий Михайлович Струговец

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, strugvec@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0009-2399-0493>

Аннотация. В статье представлены педагогические инновации по формированию экономических компетенций у медиаспециалистов. На основе теоретического анализа имеющихся исследований доказана необходимость дальнейшей разработки поставленной проблемы, определены основные формы и методы, способствующие объективному анализу событий и корректному освещению их в медиадетальности в целом и в средствах массовой информации в частности. Представлены авторские разработки информационно-аналитических таблиц, которые служат эффективным инструментарием развития экономических компетенций у медиаспециалистов, т. к. показывают исследуемые процессы во взаимосвязи и взаимодействии. Применение педагогических инноваций в виде названных таблиц как специального инструментария для выполнения логико-познавательных и исследовательско-проблемных заданий способствует организации самостоятельной деятельности будущих медиаспециалистов, нацеленной на формирование у них культуры экономического мышления, вооружение обучающихся механизмами этого мышления в процессе освоения профессиональных компетенций.

Ключевые слова: экономические компетенции, медиаспециалист, анализ экономики, инструментарий формирования экономических компетенций, информационно-аналитические таблицы

Для цитирования: Струговец В. М. Формирование экономических компетенций у медиаспециалистов // Гуманитарные науки и образование. 2025. Т. 16, № 2 (62). С. 61–67. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_61

PEDAGOGY

Original article

Formation of economic competencies among media specialists

Vitaly M. Strugovets

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, strugvec@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0009-2399-0493>

Abstract. The article presents pedagogical innovations on the formation of economic competencies among media specialists. Based on a theoretical analysis of the available research, the need for further development of the problem is proven, the main forms and methods are identified that contribute to an objective analysis of events and their correct coverage in media activities in general and in the mass communication media in particular. The author's developments of information and analytical tables are presented, which serve as effective tools for the development of economic competencies among media specialists, since they show the studied processes in interrelation and interaction. The use of pedagogical innovations in the form of these tables, as special tools for performing logical-cognitive and research-problematic tasks, contributes to the organization of independent activities of future media specialists aimed at forming a culture of economic thinking among them, equipping students with the mechanisms of this thinking in the process of mastering professional competencies.

Keywords: economic competencies, media specialist, economic analysis, tools for the formation of economic competencies, information and analytical tables

For citation: Strugovets V. M. Formation of economic competencies among media specialists. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education. 2025; 16 (2-62):61-67. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_61

Введение

Экономический фактор всегда влиял на медиасистему. Прообразы нынешних СМИ возникли прежде всего как средства распространения коммерческой (экономической) информации. И сегодня экономика, по сути, определяет цели и задачи медиакоммуникаций. Это выдвигает на особую позицию необходимость экономических компетенций медиаспециалистов.

Экономическая компетентность будущих медиаспециалистов формируется во время обучения в вузе. Как показал опыт работы автора исследования в должности редактора отдела федеральных СМИ и начальника пресс-службы ряда крупных производственных объединений, работодатели (как руководители предприятий, в которых есть подразделения по связям с общественностью и рекламы, пресс-секретари, так и руководители СМИ и других медиаорганизаций (PR-, эвент-, рекламных-, коммуникационных агентств, издательств и т. д.)) весьма низко оценивают экономическую компетентность начинающих медиаспециалистов, отмечая слабое знание тезауруса рассматриваемой сферы, недостаточный уровень аналитических способностей, отсутствие навыков оценки событий, действий во взаимосвязи и взаимодействии. И это неудивительно. Неоднократно проведенный автором опрос студентов, поступивших на специальности «Связи с общественностью», «Медиакоммуникации», «Журналистика», «Реклама» (в данном исследовании все они рассматриваются как медиаспециалисты) в Российском государственном гуманитарном университете, Военном университете имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Пятигорском государственном университете, показал, что большинство будущих медиаспециалистов сделали свой выбор исходя из понимания специальности как «предтечи» литературы («я в школе хорошо писал сочинения и даже стихи») и возможности «креативно выразить свое мнение или отношение к происходящему». При этом никто не предвидел углубленного изучения, в частности, экономики как одной из профессиональных дисциплин. Как следствие, огромный разрыв между «ожидаемым» и «существующим».

Обзор литературы

Тема формирования экономической компетентности будущих специалистов серьезно разработана российскими учеными. В исследованиях И. Г. Яковлевой [1], В. В. Романова [2], М. Г. Сергеевой [3], Г. М. Морозовой [4], Е. Н. Хаматнуровой [5] и др. рассмотрены как общетеоретические, так и методологические основы проблематики. Е. Л. Вартанова, В. В. Ворошилов, Ю. В. Якутин исследовали экономическую деятельность СМИ. В научных трудах Я. Н. Засурского [6], Д. И. Алексеенко [7; 8], А. Р. Таирова [9], В. Л. Иваницкого [10], Д. А. Микаелян, О. М. Фарахшиной [11], О. Г. Кавериной, Т. А. Сироты [12] рассмотрены основы формирования экономической компетенции непосредственно у медиаспециалистов. В работах А. А. Поляруша [13], О. В. Цымбалиста [14], О. С. Анисимова [15], И. Г. Чередниченко и др. [16–19] изучена проблема

тика формирования и развития мышления у специалистов в целом и медиаспециалистов в частности.

Однако анализ изученных источников показал, что практически отсутствуют работы по созданию исследовательско-аналитического инструментария, способствующего формированию и развитию экономических компетенций у будущих медиаспециалистов в вузе. Это и обусловило определение проблемы: технологии и инструментарий формирования экономических компетенций будущих медиаспециалистов. Цель исследования: теоретическое обоснование, разработка и экспериментальная проверка инструментария формирования экономических компетенций будущих медиаспециалистов.

Материалы и методы

Рабочая гипотеза исследования строится на предположении, что эффективности формирования экономической компетентности будущих медиаспециалистов может способствовать активное использование в образовательном процессе новых педагогических технологий и особых инструментариев. Исследование проводилось в несколько этапов, на которых применялись различные теоретические и эмпирические научные методы. В частности, в ходе теоретического этапа применялись анализ и синтез в изучении и обобщении научных публикаций, материалов СМИ, опыта действующих медиаспециалистов. В рамках практического этапа использовались эмпирические методы исследования, включавшие опросы, анкетирования, беседы, интервью, наблюдения и др.

Результаты исследования

Рассматривая понятие *компетенция*, оттолкнемся от отечественной справочной литературы, где оно раскрывается как «круг вопросов, в которых кто-нибудь хорошо осведомлен» [20]. А. К. Маркова расширяет это понятие, рассматривая его как единство области труда и занятости. Она выделяет следующие виды компетентности: специальная (профессиональная) – умение на высоком уровне выполнять свои профессиональные обязанности; социальная – владение коммуникативными навыками, т. е. умение работать в команде; индивидуальная – владение приемами саморазвития, саморегуляции [21]. А. В. Хуторской определяет компетенцию как совокупность «знаний, умений, навыков, способов деятельности... необходимых, чтобы качественно и продуктивно действовать» [22]. Признанный авторитет в сфере подготовки медиаспециалистов Е. Л. Вартанова применительно к медиадеятельности выделяет такие компетенции, как общенаучные, инструментальные, системные, базовые общепрофессиональные. К базовым практическим компетенциям по видам деятельности, в том числе экономическим, Е. Л. Вартанова относит умение находить актуальные темы и проблемы, владеть методами сбора информации, ее анализа и проверки, писать, редактировать и оценивать медiateксты и др. [23]. И. П. Мединцева отмечает, что отличие компетентного специалиста от квалифицированного в том, что первый не только обладает уровнем знаний, умений, навыков, но и способен

реализовывать их в работе¹.

Не вызывает сомнений, что формирование экономических компетенций у будущих медиаспециалистов позволяет расширить их профессиональный уровень – способность критически мыслить, грамотно писать/говорить/снимать, аргументированно отстаивать свою точку зрения, работать в коллективе, как это и предусмотрено ФГОС2.

Проведенный автором в ходе педагогической деятельности общий анализ оценки уровня экономических компетенций у будущих медиаспециалистов, как военных, так и гражданских, обучающихся соответственно на кафедре «Информационное обеспечение» Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, на кафедре «Медиакоммуникации» Института массмедиа и рекламы Российского государственного гуманитарного университета, на кафедре «Связи с общественностью и реклама» Пятигорского государственного университета показал, что курсанты/студенты демонстрируют низкий уровень знаний экономической терминологии, испытывают сложности в определении существенных признаков изучаемых экономических процессов, не могут провести их обобщение, не различают методы обобщения фактов и получения выводов при изучении финансово-отчетной документации предприятий (прежде всего обязательных к публикации годовых отчетов компаний), затрудняются в установлении причинно-следственных связей тех или иных экономических действий, описании и разъяснении происходящих в экономике процессов и явлений.

Одной из основных задач педагога в вузе является целенаправленная деятельность по формированию компетенций обучающихся. Добиться этого, по мнению автора исследования, можно только за счет переформатирования учебно-воспитательного процесса с преподавания теории в виде формулировок и положений на практико-ориентированную деятельность, в ходе которой обучающиеся, опираясь на полученные теоретические знания, могли бы самостоятельно решать учебно-профессиональные задачи.

В последних моделируются и демонстрируются проблемные ситуации (минувшие и актуальные), разъясняются общие способы их анализа, в том числе с помощью авторских инновационных педагогических разработок в виде информационно-аналитических таблиц. При этом обучающиеся направляются к самостоятельному решению этих задач. А самостоятельная деятельность по усвоению новых

знаний, как известно, важнейший этап подготовки квалифицированного специалиста, обладающего установленными профессиональными компетенциями, навыками и умениями.

В целях формирования и развития экономических компетенций будущим медиаспециалистам предлагается несколько видов задач: оценочные, проблемные, на сравнение, на доказательства и др. Задачи имеют форму кейсов, в ходе решения которых предлагается для наглядности и понимания проблематики во взаимодействии заполнить представленные таблицы.

Кейс № 1. Характеристика экономики субъектов исследований.

Таблица 1

Общие индикаторы экономики

Параметры	Субъект 1	Субъект 2	Субъект N	Выводы
ВВП страны: – ВВП страны; – темпы роста/снижения ВВП (за определенный период); – ВВП на душу населения (в том числе в постоянных ценах); – темпы роста/снижения ВВП на душу населения (за определенный период)				
Инвестиции по отношению к ВВП: – прямые инвестиции; – совокупные инвестиции				
Уровень потребления (по основным показателям): – электроэнергии; – ...; – ... и т. д.				
Объем продукции промышленности по отношению к ВВП: – тяжелой промышленности; – легкой промышленности; – автомобилестроения и т. д.				
Трудовые ресурсы: – в промышленности – в сфере обслуживания и т. д.; – уровень зависимости от трудовой миграции (по отраслям и в определенный период)				
Изменение постоянных цен: – в промышленности; – в сфере обслуживания; – в сфере потребления и т. д.				
Инфляция: – действующий уровень; – изменения за определенный период				
Экономические цели государства: – изменения/корректировки экономических целей (в том числе за определенный период)				
Перспективы экономического роста				

1 Мединцева И. П. Компетентностный подход в образовании // Педагогическое мастерство : материалы II международной научной конференции (г. Москва, декабрь 2012). Магнитогорск : Буки-Веди, 2012. С. 215–218.

2 Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 42.03.2002. Журналистика : утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 8 июня 2017 г. № 524 (с изм. и доп. от 26.11.2020, 08.02.2021, 19.07.2022, 27.02.2023. URL: <https://base.garant.ru/71709010/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 22.03.2025).

К субъектам исследований могут относиться: государства и/или самопровозглашенные, непризнанные или частично признанные государственные образования; коалиции / союзы / объединения государств.

Кейс № 2. Анализ внешнеэкономической деятельности.

Таблица 2

Общие индикаторы внешнеэкономической деятельности

Параметры	Субъект 1	Субъект 2	Субъект N	Выводы
Экспорт в процентах от ВВП: – темпы роста/снижения экспорта в процентах от ВВП				
Импорт в процентах от ВВП: – темпы роста/снижения импорта в процентах от ВВП				
Баланс международных платежей (по товарам и услугам, в том числе за определенный период):				
Индекс зависимости от иностранных капиталовложений: – ВВП в целом (в том числе за определенный период); – конкретных сфер промышленности (в том числе за определенный период) .				
Доли основных партнеров во внешнеторговом обороте страны (по странам, видам продукции): – рост/снижение доли основных партнеров во внешнеторговом обороте страны (за определенный период)				

При анализе обучающиеся исходят из ранее изученного тезауруса проблематики: *ВВП (внутренний валовой продукт), экономика / национальная экономика, экономические ресурсы, бюджет, налоги, предпринимательская деятельность* и т. д.).

Кейс № 3. Оценка финансового потенциала.

Таблица 3

Индикаторы финансового потенциала

Параметры	Субъект 1	Субъект 2	Субъект N	Выводы
Бюджет в отношении к ВВП: – темпы роста/снижения бюджета в отношении к ВВП (в том числе за определенный период)				
Соотношение общей суммы поступивших налогов к ВВП: – темпы роста/снижения соотношения общей суммы поступивших налогов к ВВП (в том числе за определенный период)				
Доля прямых налогов в доходе государства: – по направлениям; – темпы роста/снижения доли прямых налогов в доходе государства (по товарам и услугам, в том числе за определенный период)				
Доля ВВП (бюджета) на определенные направления: – оборону и безопасность; – образование; – социальные льготы и т. д. – темпы роста/снижения доли ВВП (бюджета) на определенные направления (в том числе за определенный период)				

Кейс № 4. Анализ предпринимательской активности.

Таблица 4

Анализ предпринимательской активности

Параметры	Субъект 1	Субъект 2	Субъект N	Выводы
Уровень свободы предпринимательской деятельности: – законодательство о свободе предпринимательской деятельности; – уровни свободы по направлениям предпринимательской деятельности; – рост/снижение уровня свободы по направлениям предпринимательской деятельности (в том числе за определенный период)				
Уровень регулирования рынка: – законодательство о регулировании рынка; – уровень регулирования рынка по отраслям промышленности, направлениям предпринимательской деятельности; – усиление/снижение уровня регулирования рынка (по отраслям промышленности, направлениям предпринимательской деятельности, в том числе за определенный период)				
Соотношение государственных и частных предприятий: – по видам экономической деятельности и отраслям промышленности; – рост/снижение уровня соотношения государственных и частных предприятий (в том числе по видам экономической деятельности и отраслям промышленности и за определенный период)				

Качество решения обучающимися задач позволило выявить следующие уровни сформированности экономической компетенции у будущих медиаспециалистов:

– **высокий (интенсивно-творческий):** обучающийся способен видеть экономические процессы во взаимосвязи и взаимодействии, ориентируется в финансово-производственной отчетности, на основании которой способен фиксировать значимые факты и уметь «подавать» их в СМИ с социально-значимой стороны;

– **продвинутый (активно-поисковый):** обучающийся знает, где разыскать требуемую информацию, способен проанализировать ее при участии сторонних авторов и экспертов (оценив при этом их компетентность);

– **минимальный (пассивный):** обучающийся использует в своей информации уже опубликованные факты либо новые факты только с подачи сторонних авторов/экспертов.

Отдельно оценивается «язык» подачи информации. Здесь автор солидарен с позицией Д. А. Микаелян и О. М. Фарахшиной, что бизнес-материалы, деловые новости «должны быть написаны простым и доступным языком, чтобы массовая аудитория понимала, например, о последствиях повышения цены на нефть или о росте процентных ставок» [11].

Проведенное автором анкетирование среди руководителей ведущих российских СМИ (информационные агентства ТАСС, «Россия сегодня», Интерфакс, газеты «Российская газета», «Независимая газета», «Известия», телеканалы «Россия», ТВЦ), руководителей пресс-служб предприятий и организаций, входящих в Госкорпорации «Ростех», «Росатом», «Роскосмос», личный опыт при работе в СМИ и структурах по связям с общественностью позволили составить перечень экономических знаний, навыков, умений, которые являются обязательными для медиаспециалистов:

- знание основных экономических терминов и понятий;
- понимание основ микро- и макроэкономики;
- понимание базовых принципов функционирования различных отраслей экономики (химической, атомной, энергетической, оборонной и т. д.);
- умение «читать» финансовую отчетность предприятий (экономический анализ, позволяющий в большом объеме цифр найти значимую социально-экономическую новость);
- определять круг проблем, которые являются актуальными (темы дня) и перспективными;
- собирать необходимую информацию;
- анализировать содержание полученной информации;
- оценивать степень компетентности привлекаемых авторов, экспертов, проверять актуальность и достоверность предоставляемой ими информации;
- выбирать метод редактирования информации с учетом необходимости более полного раскрытия проблемы;
- приводить собранную информацию в соответствие с требованиями работодателя;
- уметь иллюстрировать собранную информацию;
- уметь визуализировать собранную информацию, активно и правильно используя диаграммы, графики, дашборды и т. д.
- изучать отечественный и зарубежный опыт реализации аналогичных медиапроектов;
- уметь работать в команде, максимально используя индивидуальные способности каждого;
- уметь организовывать обратную связь с целевой аудиторией, оперативно реагируя на позитивные и негативные мнения;
- уметь выявлять причинно-следственные связи в экономике, видя события и процессы в их взаимодействии и взаимосвязи;
- уметь придать социально-значимый оттенок экономической информации.

Обсуждение и заключения

Таким образом, под экономической компетенцией медиаспециалиста понимаем усвоение им знаний экономического тезауруса, формирование специализированного экономического мышления, способность приобретения и применения в профессиональной деятельности экономической информации с приданием ей социально-значимой оценки.

Это определение включает знания, умения, опыт деятельности и ценностные установки, т. е. мотивационно-ценностный, когнитивный, процессуально-деятельностный и личностный компоненты. Совокупность практико-ориентированных подходов, направленных на формирование экономических компетенций будущих медиаспециалистов, позволяет сфокусировать учебный процесс на достижении практических навыков, необходимых в профессиональной деятельности. Как показали итоговый и рубежные контроли, структурирование учебного, исследовательского материала (в таблицах/схемах) позволяет обучающимся глубже и эффективнее его понимать. Разработка и применение представленных информационно-аналитических таблиц как специального инструментария для выполнения логико-познавательных и исследовательско-проблемных заданий способствует организации самостоятельной деятельности будущих медиаспециалистов, нацеленной на формирование у них культуры экономического мышления, вооружение обучающихся механизмами этого мышления в процессе освоения профессиональных компетенций.

Список источников

1. Яковлева И. Г. Экономическая компетентность в структуре основных категорий экономического образования // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 2. С. 57–62.
2. Романов В. В. Формирование и развитие экономической компетентности у курсантов вузов ГПС МЧС России : дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2008. 188 с.
3. Сергеева М. Г. Принцип экономической компетентности и его сущность в развитии непрерывного экономического образования // Качество. Инновации. Образование. 2012. № 11 (90). С. 24–33.
4. Морозова Г. М. Необходимость применения передовых педагогических технологий в системе формирования экономической компетентности специалиста // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 12. С. 276–279.
5. Хаматнурова Е. Н. Понятие и основные компоненты экономической компетентности педагога профессионального обучения // Наука и школа. 2007. № 5. С. 28–30.
6. Засурский Я. Н. Искушение свободой. Российская журналистика: 1990–2004. М. : Издательство Московского университета, 2004. 547 с.
7. Алексеенко Д. И. Особенности профессиональной деятельности журналиста информационного агентства в работе с экономической информацией : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2014. 20 с.
8. Алексеенко Д. И. Профессиональные компетенции журналиста информационных агентств в работе с экономической информацией // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2. С. 560.
9. Таиров А. Р. Формирование экономической компетентности будущих журналистов в вузе : дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2009. 234 с.

10. Иваницкий В. Л. Основы бизнес-моделирования СМИ : учебное пособие. М. : Юрайт, 2018. 253 с.

11. Микаелян Д. А., Фарахшина О. М. Современные компетенции делового журналиста // Сборник избранных статей по материалам научных конференций ГНИИ «Нацразвитие» (Санкт-Петербург, декабрь 2018). СПб. : ГНИИ «Нацразвитие», 2019. С. 21–24.

12. Каверина О. Г., Сирота Т. А. Специфика профессиональной подготовки будущих журналистов в контексте компетентностного подхода // Дидактика математики: проблемы и исследования : международный сборник научных работ. Вып. 51. Донецк, 2020. С. 22–27.

13. Поляруш А. А. Культура мышления и информационная культура в процессе познания мира // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 3–2 (54). С. 41–43.

14. Цымбалист О. В. Культура мышления – основа образования // Вопросы педагогики. 2020. № 8-1. С. 126–130.

15. Анисимов О. С. Трансляция культуры мышления (или кризис цивилизации и вопросы культуры мышления в аналитике) // Живая психология. 2019. Т. 6, № 4 (24). С. 273–289.

16. Ширяева А. Б. Задачи формирования культуры критического мышления // Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации (Социальный инженер – 2020) : сборник материалов Всероссийской конференции молодых исследователей с международным участием. М., 2020. С. 93–97.

17. Белоконев Г. П. Учить культуре мышления // Ректор вуза. 2018. № 9. С. 36–45.

18. Обсуждение доклада А. В. Смирнова «Культура и мышление» / В. Г. Кузнецов, А. В. Смирнов, Т. А. Вархотов [и др.] // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2022. № 4. С. 25–33.

19. Чередниченко И. Г. Формирование профессионального мышления у студента-журналиста // Журналистика и политика: взаимодействие и взаимовлияние. 2020. С. 234–240.

20. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. 27-е изд. М. : АСТ : Мир и образование, 2019. 736 с.

21. Маркова А. К. Психология профессионализма : учебное пособие для вузов. М. : Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996. 56 с.

22. Хуторской А. В. Компетентностный подход в обучении : научно-методическое пособие. М. : Эйдос ; Изд-во Института образования человека. Серия «Новые стандарты», 2013. 73 с.

23. Вартанова Е. Л. О современных медиа и журналистике, заметки исследователя. М. : Медиа-Мир, 2015. 136 с.

References

1. Yakovleva I. G. Economic competence in the structure of the main categories of economic education. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal* = Siberian Pedagogical Journal. 2012; 2:57- 62. (In Russ.)

2. Romanov V. V. Formation and development of

economic competence among university cadets of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia: dis. ... Cand. Ped. Sci. Saint Petersburg, 2008. 188 p. (In Russ.)

3. Sergeeva M. G. The principle of economic competence and its essence in the development of continuous economic education. *Kachestvo. Innovatsii. Obrazovanie* = Quality. Innovation. Education. 2012; 11(90):24-33. (In Russ.)

4. Morozova G. M. The need to apply advanced pedagogical technologies in the system of formation of economic competence of a specialist. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* = Vestnik of Pomor University. Series: Humanitarian and Social Sciences. 2008; 12:276-279. (In Russ.)

5. Khamatnurova E. N. The concept and main components of economic competence of a professional education teacher. *Nauka i shkola* = Science and School. 2007; 5:28-30. (In Russ.)

6. Zasursky Ya. N. The temptation of freedom. Russian journalism: 1990-2004. Moscow, Moscow University Press, 2004. 547 p.

7. Alekseenko D. I. Features of the professional activity of a journalist of an information agency in working with economic information: abstract dis. ... Cand. Philol. Sci. Chelyabinsk, 2014. 20 p. (In Russ.)

8. Alekseenko D. I. Professional competencies of a journalist of news agencies in working with economic information. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* = Modern Problems of Science and Education. 2014; 2:560. (In Russ.)

9. Tairov A. R. Formation of the economic competence of future journalists at the university: dis. ... Cand. Ped. Sci. Moscow, 2009. 234 p. (In Russ.)

10. Ivanitsky V. L. Fundamentals of media business modeling: textbook. Moscow, Urait, 2018. 253 p. (In Russ.)

11. Mikaelyan D. A., Farakhshina O. M. Modern competencies of a business journalist. *Sbornik izbrannykh statey po materialam nauchnykh konferentsiy GNII "Natsrazvitie"* = Collection of selected articles based on the materials of scientific conferences of the State Research Institute "National Development" (St. Petersburg, December 2018). St. Petersburg, State Research Institute "National Development", 2019. Pp. 21-24. (In Russ.)

12. Kaverina O. G., Sirota T. A. Specifics of professional training of future journalists in the context of a competence approach. *Didaktika matematiki: problemy i issledovaniya: mezhdunar. sbornik nauch. rabot* = Didactics of Mathematics: Problems and Research: international collection of scientific articles. Donetsk, 2020; 51:22-27. (In Russ.)

13. Polyarush A. A. Culture of thinking and information culture in the process of world cognition. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* = International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021; 3-2(54):41-43. (In Russ.)

14. Tsymbalist O. V. Culture of thinking as the basis of education. *Voprosy pedagogiki* = Questions of Pedagogy. 2020; 8-1:126-130. (In Russ.)

15. Anisimov O. S. Translating the culture of thinking (or the crisis of civilization and

issues of the culture of thinking in analytics). *Zhivaya psikhologiya* = Living Psychology. 2019; 6(4-24):273-289. (In Russ.)

16. Shiryayeva A. B. The tasks of forming a culture of critical thinking. *Sotsial'no-gumanitarnye problemy obrazovaniya i professional'noy samorealizatsii (Sotsial'nyy inzhener – 2020)* = Socio-humanitarian problems of education and professional self-realization (Social Engineer – 2020): collection of materials of the All-Russian conference of young researchers with international participation. Moscow, 2020; 93-97. (In Russ.)

17. Belokonev G. P. Teaching the culture of thinking. *Rektor Vuza* = The Rector of the University. 2018; 9:36-45. (In Russ.)

18. Discussion of A. V. Smirnov's report "Culture and thinking" / V. G. Kuznetsov, A. V. Smirnov, T. A. Varkhotov [et al.]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya* = Bulletin of the Moscow University. Episode 7: Philosophy. 2022; 4: 25-33. (In Russ.)

19. Cherednichenko I. G. The formation of professional thinking in a student-journalist. *Zhurnalistika i politika: vzaimodeystvie i vzaimovliyanie* = Journalism and Politics: Interaction and Mutual Influence, 2020. Pp. 234-240. (In Russ.)

20. Ozhegov S. I. Explanatory dictionary of the Russian language. 27th ed. Moscow, AST, World and Education, 2019. 736 p. (In Russ.)

21. Markova A. K. Psychology of professional-

ism: textbook for universities. Moscow, International Humanitarian Fund "Knowledge", 1996. 56 p. (In Russ.)

22. Khutorskoy A. V. Competence approach in teaching: instructional guide. Moscow, Eidos; Publishing House of the Institute of Human Education. "New Standards" Series. 73 p. (In Russ.)

23. Vartanova E. L. On modern media and journalism, notes by a researcher. Moscow, Media World, 2015. 136 p. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Струговец В. М. – доцент кафедры медиакоммуникаций Института массмедиа и рекламы, канд. полит. наук.

Information about the author:

Strugovets V. M. – Associate Professor of the Department of Media Communications at the Institute of Mass Media and Advertising, Ph.D. (Politics).

Статья поступила в редакцию 02.04.2025; одобрена после рецензирования 09.04.2025; принята к публикации 10.04.2025.

The article was submitted 02.04.2025; approved after reviewing 09.04.2025; accepted for publication 10.04.2025.

ПЕДАГОГИКА

Научная статья

УДК 377.5

doi: 10.51609/2079-3499_2025_16_02_68

Научно-методические аспекты освоения терминосферы специальности «Интеллектуальные интегрированные системы»

Светлана Павловна Черкашина

Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия, svechka8@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0000-1816-2452>

Аннотация. Главные документы в области искусственного интеллекта (ИИ) «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» и Указ Президента «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» обозначили данную сферу как приоритетную и указали на необходимость кодификации языка искусственного интеллекта. Данная ситуация обусловила цель исследования, которая заключается в описании заданий, составленных для освоения терминосферы специальности «Интеллектуальные интегрированные системы» и апробированных на занятиях по учебной дисциплине (УД) «Родной язык» колледжа. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем представлена система работы, включающая комплекс авторских практических упражнений по изучению терминосферы, освоение которой будет способствовать активизации речевых умений студентов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, методика преподавания терминологической лексики, система заданий, проектная деятельность

Для цитирования: Черкашина С. П. Научно-методические аспекты освоения терминосферы специальности «Интеллектуальные интегрированные системы» // Гуманитарные науки и образование. 2025. Т. 16, № 2 (62). С. 68–71. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_68

PEDAGOGY

Original article

Scientific and methodological aspects of mastering the terminology sphere of the professional field “Intelligent integrated systems”

Svetlana P. Cherkashina

Moscow Financial and Industrial University “Synergy”, Moscow, Russia, svechka8@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-1816-2452>

Abstract. The main documents in the field of artificial intelligence “National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to 2030” and the Decree of the President “On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation” identified this area as a priority and indicated the need to codify the language of artificial intelligence (AI). This situation determined the purpose of the study, which is to describe the tasks compiled for mastering the terminology of the professional field “Intelligent Integrated Systems” and tested in classes on the academic discipline (AD) “Native Language” at the college. The scientific novelty of the study is that it presents a system of work that includes a set of original practical exercises for studying the terminology, the mastering of which will contribute to the activation of students’ speech skills.

Keywords: artificial intelligence, methods of teaching terminological vocabulary, task system, project activities

For citation: Cherkashina S. P. Scientific and methodological aspects of mastering the terminology sphere of the professional field “Intelligent integrated systems”. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education. 2025; 16(2-62):68-71. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_68

Введение

В работе будущего специалиста по созданию инфраструктуры «умного города» (*smart city*) умение выстраивать профессиональное общение является первостепенно значимым, поэтому важной

задачей такой образовательной ступени, как СПО, станет развитие у студента компетенции вести диалог на профессиональном языке.

Актуальность данного исследования определена важностью усвоения студентами специаль-

ности «Интеллектуальные интегрированные системы» большого объема терминологии из сферы ИИ.

Объект исследования – терминологическая сфера ИИ, предмет исследования – профессиональная лексика специальности «Интеллектуальные интегрированные системы». Цель исследования – описание заданий, предназначенных для освоения терминологической лексики специальности «Интеллектуальные интегрированные системы». Его практическая значимость заключается в возможности применения комплекса авторских практических заданий при проведении аудиторных занятий УД «Родной язык», представленной в учебном плане специальности «Интеллектуальные интегрированные системы» колледжа.

Обзор литературы

Развитие IT-технологий и технологий искусственного интеллекта обусловлено принятым в России в 2019 г. документом – «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года». Цель программы, помимо «обеспечения ускоренного развития искусственного интеллекта в Российской Федерации, проведения научных исследований в области искусственного интеллекта, повышения доступности информации и вычислительных ресурсов для пользователей», предусматривает и системную подготовку кадров в данной области¹. Утверждение «Национальной стратегии...» не только обозначило ИИ как *сферу государственных интересов*, но и способствовало *развитию языка* данной области. В Указе Президента Российской Федерации № 490 от 10.10.2019 г. «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» отмечается, что «в случае недостаточного развития и использования... технологий искусственного интеллекта реализация приоритетных направлений научно-технологического развития страны замедлится, что... повлечет... ее экономическое и технологическое отставание»². Таким образом, Указ Президента В. В. Путина ориентирует на «необходимость терминологической деятельности по отбору, нормализации и кодификации метаязыка ИИ, к созданию нормативной базы государственных стандартов, регламентирующих данную терминологию»³.

Нужно признать, что Россия стала зоной применения ИИ, технологии которого в настоящее время активно используются в различных сферах: в логистике, медицине, проектировании архитектурных объектов, при обработке больших объемов информации, в борьбе с преступностью, а также в технологиях «умного дома» и «умного города».

Под *государственной же языковой политикой* понимается «элемент внутренней политики государства, призванный обеспечить единство и устойчи-

вость системы государственного управления и других элементов социального взаимодействия» [1, с. 43]. Внимание к языковой стороне ИИ обусловлено и тем, что он рассматривается как приоритетная сфера технического и технологического будущего России, тем более что в тексте самой «Стратегии...» приводятся главные понятия области ИИ.

На сегодняшний день основным российским документом в сфере терминологии ИИ является ГОСТ Р ИСО/МЭК 22989–2022 «Информационные технологии. Искусственный интеллект. Концепция и терминология искусственного интеллекта», введенный в действие 19.07.2022 г. – государственный стандарт, представляющий главные термины в области искусственного интеллекта, нейронных сетей и других аспектов данной сферы. Данный документ – модификация международного стандарта ИСО/МЭК 22989:2022 «Информационные технологии – Искусственный интеллект – Концепции и терминология искусственного интеллекта». ГОСТ Р ИСО/МЭК рекомендует к использованию закрепленную в нем терминологию и советует обращаться к ней в правовых, официальных документах, а также в научной и учебной литературе⁴.

Для данного исследования релевантным является следующее определение: «*Термин* – слово (или сочетание слов), являющееся точным обозначением определенного понятия какой-либо специальной области науки, техники, искусства, общественной жизни»⁵.

В настоящее время в терминоведении идет процесс образования терминов сферы ИИ. Ученые отмечают «отсутствие единой терминологии при описании процессов терминообразования» [2, с. 43], однако преобладающими являются *привлечение* и *транстерминологизация*.

Когда терминоведение проходило этап становления как раздел лексикологии, Д. С. Лотте оперировал термином *перенос* [3, с. 99]. Позднее В. П. Даниленко, понимая, какой путь проходит лексема, бытовавшая первоначально как общелитературное слово, выдвинул понятие *вторичной терминологизации номинативной единицы* [4, с. 21]. В. М. Лейчик предложил свое определение – *привлеченный* [5, с. 39–46]. Современные исследователи общим местом *привлечения* и *транстерминологизации* как способов семантического терминообразования считают их выраженность через «специализацию в условиях особого контекста» [6, с. 39; 7, с. 16–22; 8, с. 393].

На сегодняшний день языковая база поля «Искусственный интеллект» содержит 449 терминов, которые включены в параграфы «Термины и определения» утвержденных ГОСТ по искусственному интеллекту. Из них являются: *привлеченными* – 208 единиц (46 %); *транстерминологизированными*

1 Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 04.11.2024).

2 О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 04.11.2024).

3 О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации. URL: (дата обращения: 04.11.2024)

4 ПНСТ 553-20 ГОСТ Р ИСО/МЭК 22989–2022 «Информационные технологии. Искусственный интеллект. Концепция и терминология искусственного интеллекта». Дата введения в действие: 19.07.2022. URL: https://bigdata.msu.ru/media/media/upload_editor/2023/11/01/0a23e776a2dd9dcad45167e31552f18191211a1a.pdf (дата обращения: 03.11.2024).

5 Термин. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=термин&mode=slovari&dicts\[\]=](https://gramota.ru/poisk?query=термин&mode=slovari&dicts[]=)42 (дата обращения: 03.11.2024).

– 187 (42 %); созданными как неологизмы для обслуживания теории и практики ИИ – 54 (12 %). Из литературного языка заимствуются и слова, и словосочетания: *привлеченные слова* – 92 лексемы (44 %); *привлеченные словосочетания* – 116 единиц (56 %) [2, с. 44].

Материалы и методы

В соответствии с целевой установкой были использованы следующие методы: сбор информации из правовой, технической и лингвистической литературы, анализ технической литературы для определения ключевых терминов специальности «Интеллектуальные интегрированные системы»; синтез и обобщение основных научных исследований способов семантического терминообразования; описательный метод для описания особенностей изучения терминов из области ИИ, а также метод обобщения полученных результатов с целью разработки системы упражнений по изучению терминосферы ИИ в колледже.

Результаты исследования

В качестве основных авторы «Стратегии...» определили следующие понятия ИИ: искусственный интеллект, технологии искусственного интеллекта, перспективные методы искусственного интеллекта, смежные области использования искусственного интеллекта, набор данных, разметка данных, аппаратное обеспечение, вычислительная система, архитектура вычислительной системы, общедоступная платформа, открытая библиотека искусственного интеллекта, технологическое решение.

В рамках поставленной цели предлагаем разработанные и апробированные задания на освоение терминологической лексики с учетом развития все видов речевой деятельности.

Задание 1. Представьте собственные определения основных терминов ИИ: *технологии искусственного интеллекта, смежные области использования искусственного интеллекта, технологическое решение, разметка данных, аппаратное обеспечение, вычислительная система и др.*

Задание 2. Сравните собственные определения с научными, укажите их *существенные признаки*. Для проверки с помощью матричного штрихового qr-кода перейдите к теоретическим сведениям:

Технологическое решение – технология, программа для электронно-вычислительных машин (программа для ЭВМ), база данных или их совокупность, а также сведения о наиболее эффективных способах их использования



Методический аспект. Такая работа может быть проведена с каждым термином фронтально, однако методически целесообразно использовать или работу в паре (в малочисленной группе), или индивидуально (в группе с хорошей наполняемостью). При выполнении этого этапа работы можно привлекать данные этимологии [9]. Например, в термине *искусственный интеллект* оба слова заимствованные. Слово *искусственный* появилось в XVIII в. Оно было создано по типу немецкой сло-

вообразовательной модели: слова *kunst* (искусство) и *kunstlich* (ненатуральный) стали калькой для пары *искусство* – *искусственный*. *Искусственный* получило значение *сделанный руками человека*, а позднее обрело и отрицательное значение – *поддельный, неискренний*. *Интеллект* происходит от лат. *intellectus* «понимание, рассудок».

Задание 3. Вставьте в дефиницию термина пропущенное слово (словосочетание).

_____ – набор _____, предназначенных для разработки технологических _____ на основе _____, описанных с использованием _____ программирования и размещенных в _____ «Интернет».

Ключ: *Открытая библиотека искусственного интеллекта* – набор *алгоритмов*, предназначенных для разработки технологических *решений* на основе *искусственного интеллекта*, описанных с использованием языков программирования и размещенных в *сети* «Интернет» [2, с. 177].

Методический аспект. Такая работа проводится с каждым термином или в паре (в малочисленной группе), или индивидуально (в группе с хорошей наполняемостью).

Задание 4. Составьте рассказ на тему «Жизнь обычного человека с ИИ» / «Мой день с ИИ».

Задание 5. Составьте список фильмов, в которых речь идет об ИИ, и выпишите термины ИИ.

Методический аспект. Методически целесообразно преподавателю заранее предложить обучающимся несколько фильмов по теме занятия («Двухсотлетний человек» (1999), «Искусственный разум» (2001), «Она» (2013), «Аксель» (2017) и, конечно же, «Терминатор» (все части)).

Задание 6. Пройдите на сервисе Quizizz итоговое тестирование по теме.

Задание 7. Создайте посты (подкаст) с любым количеством терминов для размещения в социальных сетях («Telegram», «ВКонтакте», «Одноклассники»), приложите фото- и видеоматериалы о популяризации ИИ.

Практика показывает, что при грамотно организованной методической работе преподавателю удастся повысить уровень усвоения терминосферы студентами, однако нужно признать, что подобная работа должна проводиться и на других занятиях по «Родному языку (русскому)», так как у обучающихся «вырабатывается привычка... наблюдать за формой, значением и особенностями употребления языковых единиц» [10, с. 143].

Обсуждение и заключения

Таким образом, основными направлениями работы с терминами сферы ИИ можно назвать следующие: а) ознакомление с лексическими значениями слов терминополья ИИ; б) развитие навыка правильного употребления терминов в устной и письменной речи; в) расширение представлений о возможностях применения терминов ИИ в монологических видах устной речи.

Апробация представленных в статье заданий показывает, что на занятиях по УД «Родной язык (русский)» стоит не только решать учебные цели

предмета, но и готовить студентов к переходу от общеобразовательной программы, которая заканчивается на 1-м курсе колледжа, к изучению предметов профессионального блока на старших курсах. На наш взгляд, разработанная нами система работы позволяет соединить теоретические знания и получаемые навыки в практической речевой деятельности.

В заключение стоит отметить, что будущий техник по разработке системы «умного города» должен владеть профессиональным языком, что в полной мере будет способствовать профессиональной реализации.

Список источников

1. Белов С. А., Кропачев Н. М., Соловьев А. А. Разработка концепции и нормативно-правовое обеспечение государственной языковой политики Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2017. Т. 8, № 1. С. 42–61.

2. Термины и понятия искусственного интеллекта в лингвистическом освещении / Мусаева А. С., Сложеникина Ю. В., Л. М. Гареева [и др.]. Москва : Спутник +, 2024. 193 с.

3. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. Москва : Изд-во АН СССР, 1961. 158 с.

4. Даниленко В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. Москва : Наука, 1977. 246 с.

5. Лейчик В. М. Интеграция наук и унификация научно-технических терминов // Вестник АН СССР. 1980. № 8. С. 39–46.

6. Сложеникина Ю. В. Терминологическая вариативность: семантика, форма, функция. Москва : ЛКИ, 2018. 288 с.

7. Сложеникина Ю. В., Звягинцев В. С. Нормализация и кодификация терминологии в условиях вариантности. Самара : СФМГПУ, 2018. 112 с.

8. Экономова А. Д. Прагмалингвистический и лингвокультурологический потенциал прагматонимикона // Современное педагогическое образование. 2024. № 1. С. 393–396.

9. Тишина Е. В., Манджиева Т. В., Черкашина С. П. Особенности использования этимологического комментария как средства формирования интереса учащихся к обучению на уроках русского языка в учреждениях СПО // Русский лингвистический бюллетень. 2023. № 12 (48). URL: <https://rulb.org/archive/12-48-2023-december/10.18454/RULB.2023.48.30> (дата обращения: 04.11.2024).

10. Гареева Л. М. Развитие культуры речи будущих педагогов // Вестник Курганского государственного университета. 2019. № 1 (52). С. 141–144.

References

1. Belov S. A., Kropachev N. M., Soloviev A. A. Development of the concept and regulatory support

of the state language policy of the Russian Federation. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Pravo* = Vestnik of Saint Petersburg University. Law. 2017; 8(1):42-61. (In Russ.)

2. Terms and concepts of artificial intelligence in linguistic coverage / A. S. Musaeva, Yu. V. Slozhenikina, L. M. Gareeva [et al.]. Moscow, Sputnik+, 2024. 193 p. (In Russ.)

3. Lotte D. S. Fundamentals of constructing scientific and technical terminology. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1961. 158 p. (In Russ.)

4. Danilenko V. P. Russian terminology. Experience of linguistic description. Moscow, Nauka, 1977. 246 p. (In Russ.)

5. Leichik V. M. Integration of sciences and unification of scientific and technical terms. *Vestnik AN SSSR* = Bulletin of the USSR Academy of Sciences. 1980; 8:39-46. (In Russ.)

6. Slozhenikina Yu. V. Terminological variability: semantics, form, function. Moscow, LKI, 2018. 288 p. (In Russ.)

7. Slozhenikina Yu. V., Zvyagintsev V. S. Normalization and codification of terminology in the context of variability. Samara, Samara Branch MCPU, 2018. 112 p. (In Russ.)

8. Economova A. D. Pragmalinguistic and linguistic potential of the pragmatonymicon. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie* = Modern Pedagogical Education. 2024;1:393-396. (In Russ.)

9. Tishina E. V., Mandzhieva T. V., Cherkashina S. P. Features of the use of etymological commentary as a means of generating students' interest in learning in Russian language lessons in secondary vocational education institutions. *Russkiy lingvisticheskiy byulleten'* = Russian Linguistic Bulletin. 2023; 12(48). URL: <https://rulb.org/archive/12-48-2023-december/10.18454/RULB.2023.48.30> (accessed 04.11.2024). (In Russ.)

10. Gareeva L. M. Development of speech culture of future teachers. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Kurgan State University. 2019; 1(52):141-144. (In Russ.)

Информация об авторе:

Черкашина С. П. – доцент кафедры филологии, канд. филол. наук.

Information about the author:

Cherkashina S. P. – Associate Professor of the Department of Philology, Ph.D. (Philology).

Статья поступила в редакцию 08.11.2024; одобрена после рецензирования 25.11.2024; принята к публикации 26.11.2024.

The article was submitted 08.11.2024; approved after reviewing 25.11.2024; accepted for publication 26.11.2024.

ПЕДАГОГИКА

Научная статья

УДК 37.048.45

doi: 10.51609/2079-3499_2025_16_02_72

Осознанность выбора профессии в школе как предиктор трудоустройства выпускников вузов

Румиса Абуязитовна Эльмурзаева¹, Элиса Самсудеевна Одаева², Марина Зеудыевна Газиева^{3*}

^{1,2,3}Чеченский государственный педагогический университет, Грозный, Россия

¹rumisaelmurzaeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9628-368X>

²elisamon95@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-6169-8646>

³marina-gazieva@yandex.ru*, <https://orcid.org/0000-0002-7515-1407>

Аннотация. В статье исследуется взаимосвязь между осознанным выбором профессии на этапе школьного самоопределения и последующим трудоустройством выпускников вузов. Проанализирована научная литература, позволившая говорить о недостаточной разработанности вопросов осознанного профессионального самоопределения современных обучающихся в школах. Проведено экспериментальное исследование, направленное на выявление корреляции между профессиональным самоопределением личности обучающегося и его планами на трудовую деятельность. Сделан вывод о том, что проблема трудоустройства напрямую зависит от осознанности подхода учеников к выбору будущей профессии, которая взаимосвязана с эффективностью работ, направленных на психолого-педагогическое сопровождение и профессиональную ориентацию обучающихся при выборе трудовой квалификации. При этом в качестве конструктивного подхода к решению проблемы может рассматриваться расширение возможностей профессиональной подготовки через получение дополнительной квалификации.

Ключевые слова: трудоустройство, самоопределение, профессиональная ориентация, осознанный выбор, обучающийся, дополнительная квалификация

Благодарности: работа выполнена в рамках государственного задания при финансовой поддержке Министерства просвещения Российской Федерации. Регистрационный номер: 124 040 100080-4 «Разработка модели получения дополнительной квалификации путем включения практико-ориентированных профильных модулей в программы подготовки педагогических кадров».

Для цитирования: Эльмурзаева Р. А., Одаева Э. С., Газиева М. З. Осознанность выбора профессии в школе как предиктор трудоустройства выпускников вузов // Гуманитарные науки и образование. 2025. Т. 16, № 2 (62). С. 72–78. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_72

PEDAGOGY

Original article

Profession choice awareness at school as a predictor of employment of university graduates

Rumisa A. Elmurzaeva¹, Elisa S. Odaeva², Marina Z. Gazieva^{3*}

^{1,2,3}Chechen State Pedagogical University, Grozny, Russia

¹rumisaelmurzaeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9628-368X>

²elisamon95@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-6169-8646>

³marina-gazieva@yandex.ru*, <https://orcid.org/0000-0002-7515-1407>

Abstract. The article explores the relationship between conscious career choice at the stage of school-based self-determination and the subsequent employment of university graduates. A review of the scientific literature is presented, affirming the insufficient elaboration of issues related to conscious professional self-determination among contemporary schoolchildren. An experimental study was conducted, aimed at identifying correlations between an individual's professional self-determination and their plans for employment. It is concluded that the employment issue is directly dependent on the students' conscious approach to choosing a future profession, which is interconnected with the effectiveness of efforts directed towards psychological and pedagogical support and career guidance for students in matters of professional self-determination. Furthermore, expanding opportunities for professional training through the acquisition of additional qualifications is considered as a constructive

approach to addressing the problem.

Keywords: employment, self-determination, professional orientation, conscious choice, student, additional qualifications

Acknowledgements: the article was written within the framework of state assignment with financial support from the Ministry of Education of the Russian Federation. Registration number: 124040100080-4 “Development of a model for obtaining additional qualifications by including practice-oriented specialized modules in teacher training programs”.

For citation: Elmurzaeva R. A., Odaeva E. S., Gazieva M. Z. Profession choice awareness at school as a predictor of employment of university graduates. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education. 2025; 16(2-62):72-78. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_72

Введение

Современный этап развития образовательной системы Российской Федерации характеризуется повышенными требованиями к подготовке специалистов разных направлений. Данный факт обусловлен высокоскоростными изменениями практически во всех сферах жизнедеятельности, требующими осознанности в принятии решений и определении траекторий жизненного пространства представителями современного подрастающего поколения. Планирование профессиональных и жизненных перспектив начинается в стенах общеобразовательных организаций, когда обучающиеся знакомятся с миром профессий, изучают разные науки и по мере взросления делают осознанный выбор. К сожалению, этот выбор не всегда соответствует истинному призванию человека и, как следствие, он не желает работать в соответствии с полученным профессиональным образованием. Причины нетрудоустроенности по профилю обучения могут быть разными. По данным Федеральной службы государственной статистики, около четверти выпускников вузов не трудоустроивается по полученной специальности (профессии)¹. Анализ показателей трудоустройства выпускников педагогических направлений подготовки страны с 2016 по 2023 г. выявил отсутствие динамики в данном вопросе: доля трудоустроенных в сфере образования выпускников в 2016 г. составляла 78,6 %, а в 2023 г. – 79 %². Соответственно, на протяжении 8 лет ежегодно около 21 % выпускников педагогических вузов не идут работать в сферу образования. Данный факт отражает стагнацию показателя трудоустройства и указывает на существование серьезной проблемы в этой области. Около 20 % абитуриентов, поступающих на педагогические направления подготовки, по завершении обучения не хотят работать по профилю. Очевидно, что часть студентов на этапе самоопределения сделала неосознанный выбор будущей профессии. Таким образом, мы приходим к пониманию, что трудоустройство тесно связано с качеством и содержанием профориентационных мероприятий, помогающих школьникам на этапе профессионального

самоопределения.

Обзор литературы

Вопросы профессионального самоопределения обучающихся и организации эффективной профориентационной работы исследуются в работах А. А. Огерчук [1], Н. В. Тарасовой [2], О. А. Семиной [3], Г. А. Чередниченко [4; 5], Д. В. Янькина [6], рассматривающих различные аспекты противоречий, имеющихся в профориентационной работе общеобразовательных организаций. Авторами в качестве модели решения данной проблемы предлагается создание педагогических условий для профориентационной работы, включающей ориентиры в мире профессий, профориентационные проекты, практико-ориентированные курсы, соответствующие какому-либо профилю, систематическую профессиональную диагностику. Так, А. А. Огерчук при формулировании модели профориентационной работы опиралась на анализ противоречий в профильном обучении, среди которых выделила несоответствие потребности старших школьников в выборе профиля обучения и отсутствия необходимых знаний о профессии, о себе, а также отметила невостребованность выбираемых профессий на современном рынке труда [1]. Н. В. Тарасова установила, что в сопровождении самоопределения школьников серьезными препятствиями являются несоответствие уровня профориентационной работы и дефицит специалистов для реализации профильного обучения [2]. Важный аспект рассматриваемой нами проблемы с точки зрения взаимосвязи профильного и непрерывного обучения на основе анализа систем образования США и России рассмотрен в исследовании О. А. Семиной [3]. Д. В. Янькин исследовал проблему профессионального самоопределения молодежи, опираясь на международные статистические данные о том, что в различных странах от 15 % до 25 % молодежи в возрасте 15–29 лет экономически не активны, не учатся и не работают [6]. Г. А. Чередниченко указала на актуальность проблемы трудоустройства выпускников образовательных организаций из-за растущей несогласованности между системой образования и рынком труда [5].

Анализ научных исследований, рассматривающих проблему преемственности осознанного профессионального выбора обучающегося в период его самоопределения и последующего трудоустройства, свидетельствует о недостаточной изученности данных вопросов в современном психолого-педа-

1 О внедрении Единой модели профессиональной ориентации: письмо Минпросвещения России от 1 июня 2023 г. № АБ-2324/05. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406995316/?ysclid=lp3xgllh9s71500995> (дата обращения: 14.12.2024).

2 Анализ положения выпускников с высшим и средним профессиональным образованием на рынке труда в России : аналитический доклад / ФГБУ «ВНИИ труда» Минтруда России ; Санкт-Петербургский государственный университет. М., 2018. 28 с.

гогическом дискурсе. Исходя из этого, нами в данной статье исследуется проблема трудоустройства во взаимосвязи с осознанным профессиональным самоопределением обучающихся. Мы рассматриваем данную проблему через изучение отношения к выбранной профессии, перспективам карьерного роста и планам на трудовую деятельность в избранной области профессии.

Материалы и методы

В процессе исследования нами применялись следующие методы: теоретический анализ, анкетирование, математическая обработка статистических данных, анализ и интерпретация результатов. Использована (для получения диагностических данных) электронная платформа Yandex Forms (<https://forms.yandex.ru/>).

Анкетирование проводилось среди молодых педагогов Чеченской Республики и студентов педагогических направлений подготовки ЧГПУ, РГПУ им. А. И. Герцена, МГППУ, УрГПУ, КГУ, ПГУ им. Шолом-Алейхема. Нами используются следующие формулировки для различения сравниваемых групп респондентов: 1) молодые педагоги Чеченской Республики – *молодые педагоги ЧР*; 2) студенты Чеченского государственного педагогического университета – *студенты ЧГПУ*; 3) студенты остальных перечисленных выше вузов страны обобщены в группу – *студенты других вузов РФ*.

Результаты исследования

Всего в анкетировании приняли участие 1000 респондентов. Среди них 329 студентов ЧГПУ; 542 студента педагогических направлений вузов других регионов Российской Федерации; 129 молодых педагогов Чеченской Республики (с педагогическим стажем не более трех лет).

Электронный опрос проводился по следующим категориям вопросов:

- 1) отношение к выбранной педагогической профессии;
- 2) мнение о влиянии учебных занятий на формирование карьерных устремлений в профессии педагога.

Отдельно для студентов был поставлен вопрос о том, планируют ли они работать по профессии. По итогам опроса был проведен сопоставительный анализ полученных результатов по исследуемым категориям, выявляющий позиции студентов ЧГПУ, студентов других вузов РФ и молодых педагогов (рис. 1. "Отношение к выбранной профессии").

Анализ линий на рис. 1 показывает, что имеются существенные расхождения между показателями осознанности выбора педагогической профессии в Чеченской Республике и в других регионах Российской Федерации.

Как показывают данные графика 1, в Чеченский государственный педагогический университет пришли абитуриенты, значительная часть из которых самоопределилась на основе осознанного выбора профессии педагога. В вузы других регионов РФ только 35,9 % студентов поступили на основе осознанного выбора. Такие различия связаны с тем, что в Чеченской Республике в связи с высоким демографическим показателем открывается большое количество новых школ, что расширяет возможности для трудоустройства.

Среди участников опроса выделилась группа респондентов (36,3 % – ср. арифм.), которая отметила, что выбор педагогической профессии не является их осознанным действием. Это указывает на то, что у 363 абитуриентов вузов были сложности с самоопределением и выбором своего профессионального будущего еще на этапе завершения обучения в общеобразовательных организациях. Поэтому они руководствовались мнением иных лиц и их выбор был случайным. Среди них 57 % – студенты других вузов РФ; 24,5 % – студенты ЧГПУ; 27,3 % – молодые педагоги ЧР.

Несмотря на неосознанность сделанного выбора, данная категория опрошенных удовлетворена обучением по педагогическим направлениям подготовки и им нравится будущая профессия. В вопросах выбора профессии нельзя полагаться на то, что человеку, случайно или неосознанно выбравшему направление подготовки в вузе, в последующем будет приносить удовлетворение область предстоящей трудовой деятельности. Поэтому важно в период обучения в общеобразовательных организациях обеспечить для обучающегося максимальную самостоятельность и субъектный подход в определении своего будущего [5].

Среди студентов и молодых педагогов обозначилась категория опрошенных, которые уверены в ошибочности сделанного выбора, и им не нравится профессия педагога. Их доля в общей численности составляет 5 % (ср. арифм.). С точки зрения статистики это допустимое статистическое варьирование показателей. С точки зрения качественной характеристики данный факт указывает на то, что

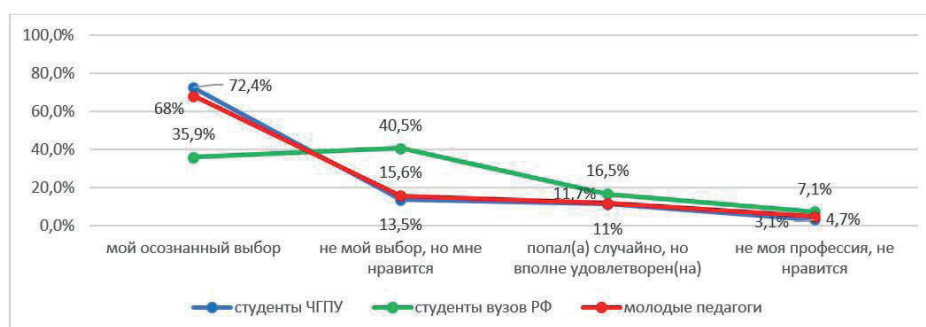


Рис. 1. Отношение студентов ГПУ, студентов других вузов РФ и молодых педагогов ЧР к своему профессиональному выбору

50 человек из числа опрошенных в процессе обучения в вузе осознали ошибочность профессионального выбора.

Вместе с тем студенты, которые в силу определенных обстоятельств не сумели определиться с будущей профессией, могут самоопределиться и найти свое призвание в педагогике на этапе обучения в вузе. Раскрыть потенциал личности обучающегося можно также в вузе в процессе освоения новых видов профессиональной деятельности. При решении этой задачи ключевое значение придается качеству учебных занятий и видам учебной деятельности. Содержание и формы вузовской подготовки будущих учителей, применяемые на учебных занятиях, должны мотивировать студентов к педагогической деятельности. На учебных занятиях необходимо организовывать практико-ориентированные формы обучения для «погружения» в профессию, раскрывать карьерные возможности педагога. С целью анализа мнения студентов и молодых педагогов о том, способствуют ли учебные занятия в вузах формированию положительного образа педагогической профессии на основе представления его перспективных карьерных возможностей, был проведен опрос по данной позиции (рис. 2. "Мнение о влиянии учебных занятий на формирование карьерных устремлений в профессии педагога").

На рис. 2 линии, отражающие мнение всех трех групп опрошенных (студенты ЧР, студенты других вузов РФ и молодые педагоги ЧР) о влиянии учебных занятий на формирование карьерных устремлений в области педагогики, практически совпадают с незначительным коридором колебаний. Более половины респондентов (59,8 % – ср. арифм.) отметили, что учебные занятия формируют необходимые профессиональные навыки, которые помогут обеспечить профессиональный рост. При этом молодые педагоги ЧР выражают по данному вопросу наибольшую уверенность (64,3 %). Это подтверждается также их мнениями по двум позициям вопроса, по которым сомневающимся в значимости учебных занятий в будущей профессии значительно меньше именно среди молодых учителей. Однако среди данной категории респондентов больше тех, кто категорически не согласен, что учебные занятия могут влиять на карьерные устремления педагога,

и тех, кто затруднился ответить. Затруднения, которые испытала часть педагогов, указывает на то, что у них нет уверенности или они не видят карьерного потенциала в знаниях и умениях, которые они обрели в процессе обучения.

Студенты ЧГПУ и студенты других вузов РФ оказались едиными во мнениях. На это указывают практически совпадающие линии их графиков. Анализ ответов на вопрос о влиянии учебных занятий на формирование карьерных устремлений педагога показывает следующее:

- 55 % студентов уверены, что учебные занятия формируют навыки, необходимые для профессиональной деятельности;
- 34,25 % опрошенных согласились, что учебные занятия играют важную роль в их будущей карьере в педагогической области;
- 4,65 % респондентов выразили сомнения в роли учебных занятий в профессиональном становлении;
- 3,55 % участников анкетирования не согласны с тем, учебные занятия могут оказать влияние на карьерные устремления.

Доля студентов, которые выразили сомнения по поводу карьеры в должности педагога и отрицали возможность карьерного роста, составила 8,2 %. Соответственно, опрошенные данной категории не видели в учебных занятиях потенциала для будущего успеха и профессионального роста в педагогической деятельности. Таким образом, 82 респондента не продемонстрировали мотивацию к педагогической деятельности.

В целом же линии графиков, отражающих мнения студентов вузов РФ, студентов ЧГПУ и молодых педагогов Чеченской Республики о взаимосвязи обучения и карьерных перспектив в педагогической профессии, практически одинаковые: значительная часть опрошенных считают, что учебные занятия положительно влияют на формирование мотивации к педагогической профессии на основе раскрытия карьерных возможностей.

Для изучения мнения студентов о перспективе их трудоустройства был сформулирован вопрос о том, *планируют ли они работать по профессии* (рис. 3)

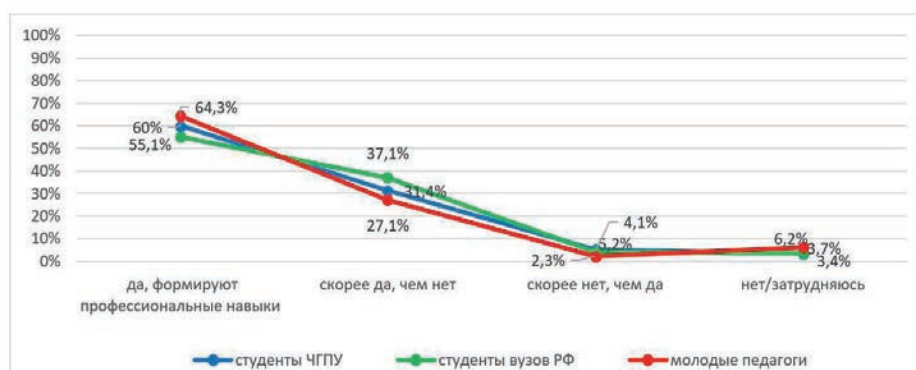


Рис. 2. Сопоставление мнений студентов и молодых педагогов о влиянии учебных занятий на формирование карьерных устремлений

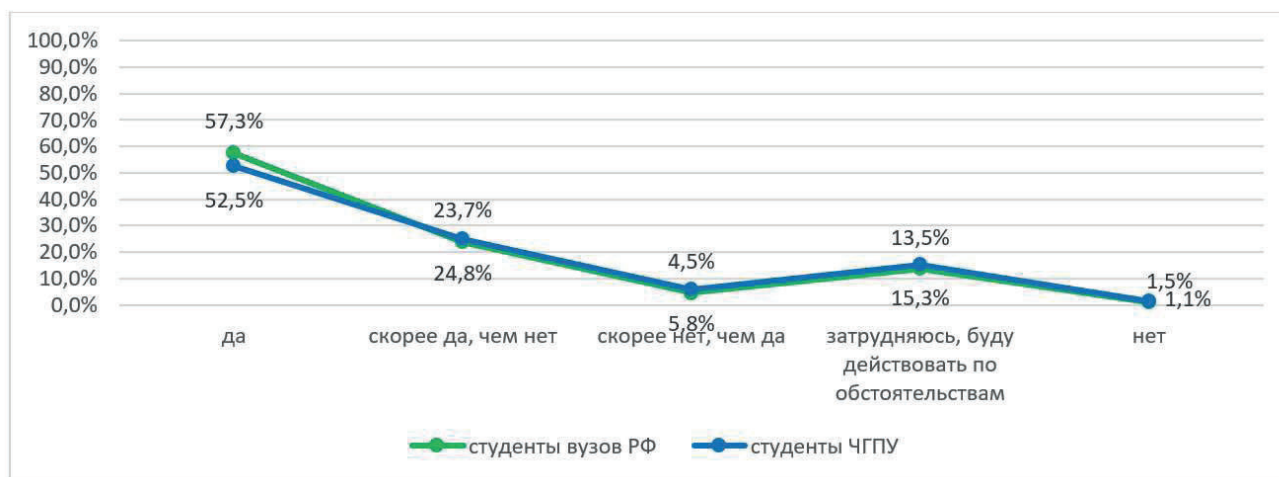


Рис. 3. Сопоставительный анализ мнений студентов ЧГПУ и студентов других вузов РФ о перспективе трудоустройства в профессии педагога

В ответах на вопрос о ближайшей перспективе профессиональной деятельности и планах на будущее в профессии педагога нет расхождений во мнениях студентов ЧГПУ и других вузов РФ. Около половины опрошенных уверены в том, что они будут работать по педагогической профессии. Четверть студентов предполагают с большой степенью вероятности, что будут заниматься педагогической деятельностью. Около 20 % студентов не планируют работать по профессии педагога. Оказалось, что часть студентов давала положительные ответы на вопросы о том, что им нравится профессия педагога и видят в ней карьерные возможности, но трудоустраиваться не планировала. Среди них 22,2 % студентов ЧГПУ, 19,5 % студентов других вузов РФ.

Сопоставив полученные в ходе анализа данные, мы установили, что в среднем 19,4 % (ср. арифм.) студентов, участвовавших в анкетировании:

- при поступлении в вуз сделали свой выбор не осознанно, а под влиянием определенных факторов (21 %);

- считают, что учебные занятия не влияют на их карьерные устремления (16,4 %);

- не планируют работать в педагогической профессии (20,85 %).

Таким образом, 19,4 % обучающихся педагогических направлений подготовки не планируют педагогическую деятельность в системе общего образования.

В ходе опроса изучался вопрос об отношении к возможности получить дополнительную квалификацию в процессе освоения образовательной программы (рис. 4).

При ответе на вопрос о возможности получения дополнительной квалификации в процессе обучения также наблюдается единство взглядов студентов ЧГПУ и других вузов РФ. Более 85 % студентов считают получение дополнительной квалификации в процессе обучения отличным и очень интересным решением. Около 3 % опрошенных выражают настороженность по причине неясности, какую именно дополнительную квалификацию можно получить. Оставшиеся 3 % тех, кто не желает учиться дополнительно, соответствуют доле студентов, которые на протяжении всего опроса придерживаются отрицательной позиции по всем вопросам. Это – группа студентов, которая объединяет в себе тех, кто случайно попал в педагогическую профессию.

Отвечая на вопрос о том, *может ли пригодиться в жизни дополнительная квалификация*, студенты ЧГПУ и других вузов РФ также высказали аналогичные мнения (рис. 5).

Перспективу в получении дополнительной квалификации видят около 90 % опрошенных студентов. Чуть более 3 % не считают, что дополнительная квалификация может пригодиться в профессиональной деятельности. Таким образом, в ходе анализа результатов опроса было установлено положительное отношение 90 % опрошенных к воз-

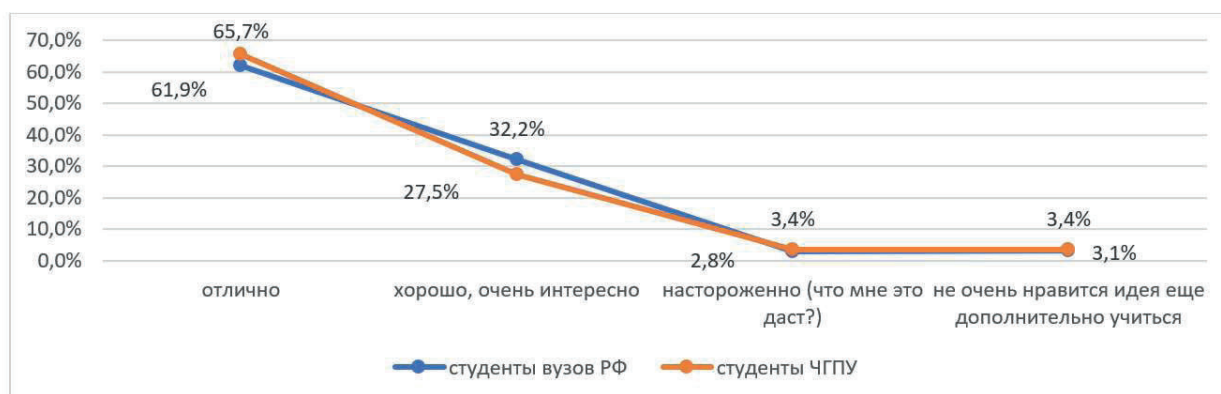


Рис. 4. Ответы на вопрос «Как вы относитесь к возможности получения в процессе обучения дополнительной квалификации?»

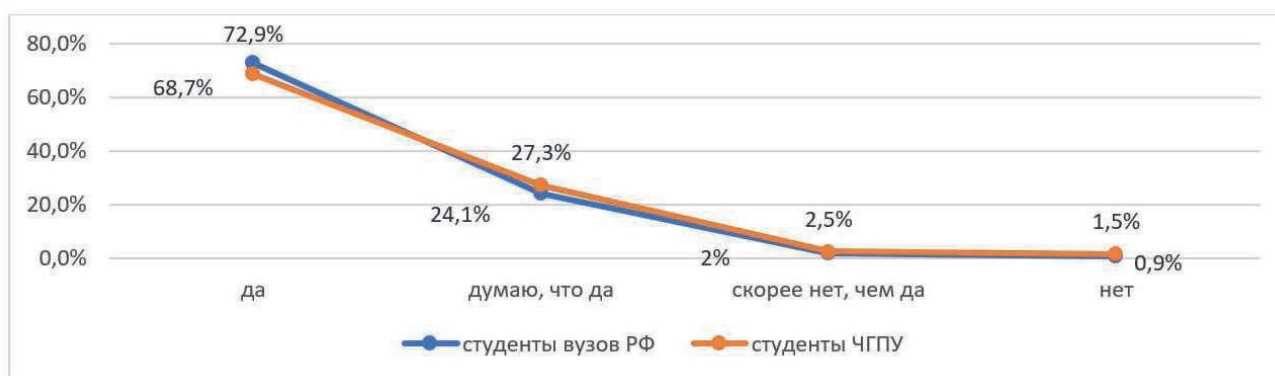


Рисунок 5. Ответы на вопрос «Как вы думаете, может ли пригодиться в жизни дополнительная квалификация?»

возможности получения дополнительной квалификации в ходе обучения.

Обсуждение и заключения

Проведенное исследование подтверждает существование взаимосвязи между профессиональным самоопределением обучающихся и их планами на трудовую деятельность. Как показывает проведенный анализ статистической информации, около 20 % респондентов утверждают, что попали в вузы на педагогические профили неосознанно, в силу обстоятельств или внешних воздействий, и, соответственно, не планируют работать по направлению подготовки. Данный факт указывает на существование проблемы трудоустройства, которая напрямую зависит от профессионального самоопределения на этапе выбора профессии. Как известно, выбор будущей профессии осуществляется школьниками в процессе проведения с ними профориентационной работы. Следовательно, можно сформулировать основные выводы:

1. Качество проводимой в школах профессиональной ориентации и сопровождения обучающихся в вопросах выбора профессии определяют осознанность выбора будущего направления профессионального обучения и последующего трудоустройства в выбранной сфере деятельности. Именно неопределенность в выборе профессии на этапе самоопределения приводит к проблеме трудоустройства, толкает молодежь к частой смене видов профессиональной деятельности и поиску той профессии, которая действительно нравится и является истинным призванием.

2. Обучение по программам, включающим дополнительную квалификацию, будет способствовать формированию системы компетенций, относящихся к различным профессиональным стандартам, и расширит на основе получения двух квалификаций возможности трудоустройства выпускников в одной из сфер деятельности, освоенных в процессе обучения.

Следует также отметить, что для решения проблемы профессиональной ориентации на уровне общеобразовательных организаций в системе образования страны предпринимаются определенные шаги. Министерство просвещения Российской Федерации с целью оказания научно-методической помощи в вопросах организации профессиональной

ориентации представило Методические рекомендации по реализации профориентационного минимума для образовательных организаций Российской Федерации, реализующих образовательные программы основного общего и среднего общего образования³.

Список источников

1. Огерчук А. А. Профессиональная ориентация старших школьников в условиях профильного обучения : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Оренбург, 2009. 176 с.
2. Тарасова Н. В. Профессиональное самоопределение учащихся в выборе профиля обучения в условиях взаимодействия общеобразовательной школы и ссуза : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2005. 166 с.
3. Семина О. А. Взаимосвязь профильного и непрерывного обучения в системе образования США и России : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2011. 186 с.
4. Чередниченко Г. А. Формирование образовательных и профессиональных траекторий молодежи: внешние регуляторы и действия субъектов : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Москва, 2014. 42 с.
5. Чередниченко Г. А. Выпускник на рынке труда (по материалам опроса Росстата) // Профессиональное образование и рынок труда. 2019. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vypusknik-na-rynke-truda-po-materialam-oprosa-rosstata> (дата обращения: 12.09.2024).
6. Янькин Д. В. Формирование профессионального самоопределения обучающихся общеобразовательной школы в условиях развития регионального рынка труда : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Кемерово, 2021. 168 с.

References

1. Ogerchuk A. A. Professional orientation of older schoolchildren in the context of specialized education: abstract dis. ... Cand. Ped. Sci. Orenburg, 2009. 176 p. (In Russ.)
2. Tarasova N. V. Professional self-determination of students in choosing a training profile in the context of interaction between a general education school and a secondary specialized school : abstract dis. ... Cand.

³ О внедрении Единой модели профессиональной ориентации: письмо Минпросвещения России от 1 июня 2023 г. № АБ-2324/05. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406995316/?ysclid=lp3xgllh9s71500995> (дата обращения: 14.12.2024).

Ped. Sci. Moscow, 2005. 166 p. (In Russ.)

3. Semina O. A. Interrelation of specialized and continuous education in the education system of the USA and Russia : abstract dis. ... Cand. Ped. Sci. Kazan, 2011. 186 p. (in Russ.)

4. Cherednichenko G. A. Formation of educational and professional trajectories of youth: external regulators and actions of subjects : abstract dis. ... Dr. Sociol. Sci. Moscow, 2014. 42 p. (In Russ.)

5. Cherednichenko G. A. Graduate in the labour market (based on Rosstat survey). *Professional'noe obrazovanie i rynek truda* = Vocational Education and Labour Market. 2019; 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vypusknik-na-rynke-truda-po-materialam-oprosa-rosstata> (accessed 12.09.2024). (In Russ.)

6. Yankin D.V. Formation of professional self-determination of students of general education school in the context of regional labour market development : abstract dis. ... Cand. Ped. Sci. Kemerovo, 2021. 168 p. (In Russ.)

Информация об авторах:

Эльмурзаева Р. А. – проректор по образовательной деятельности, канд. пед. наук, почетный работник общего образования.

Одаева Э. С. – начальник учебно-методического управления.

Газиева М. З. – зав. кафедрой специальной психологии и дошкольной дефектологии канд. психол. наук, доц.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Elmurzayeva R. A. – Vice-Rector for Academic Affairs, Ph.D. (Pedagogy), Honorary Worker of General Education.

Odaeva E. S. – Head of the Educational and Methodological Department.

Gazieva M. Z. – Head of the Department of Special Psychology and Preschool Defectology, Ph.D. (Psychology), Doc.

Contribution of authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 20.02.2025; одобрена после рецензирования 28.02.2025; принята к публикации 01.03.2025.

The article was submitted 20.02.2025; approved after reviewing 28.02.2025; accepted for publication 01.03.2025.

PEDAGOGY

Original article

УДК 37.02:811.111(045)

doi: 10.51609/2079-3499_2025_16_02_79

Developing communicative competence of students through WebQuest technology in English lessons in secondary school

Lyudmila M. Boyarkina^{1*}, Elena A. Davydova², Irina A. Glukhova³

^{1,2,3}Mordovian State Pedagogical University, Saransk, Russia

¹boyarkina82@mail.ru*, <https://orcid.org/0000-0003-1944-7008>

²davgrey@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6998-2100>

³irina.glukhova.22@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0004-5298>

Abstract. The article is devoted to studying the effectiveness of WebQuests as an innovative method for developing students' communicative competence in English lessons in secondary school. As part of the research, a comprehensive review of domestic and foreign methodological literature was conducted to study the main definitions and the essence of WebQuest technology which is aimed at developing students' communicative competence through the analysis and synthesis of information using individual and group forms of work, and helps to increase motivation to learn English. The article presents an example of a WebQuest developed for English language lessons in secondary school. The presented WebQuest is created taking into account the age characteristics and interests of students, as well as modern trends in English language teaching methodology.

Keywords: English, teaching methods, WebQuest, communicative competence, secondary school

Acknowledgements: the study was carried out within the framework of a grant for research in priority areas of scientific activity of partner universities in network interaction (South Ural State Humanitarian Pedagogical University and Mordovian State Pedagogical University) on the topic "The use of creative techniques in English language teaching".

For citation: Boyarkina L. M., Davydova E. A., Glukhova I. A. Developing communicative competence of students through WebQuest technology in English lessons in secondary school. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education. 2025; 16(2-62):79-83. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_79

ПЕДАГОГИКА

Научная статья

Развитие коммуникативной компетенции учащихся посредством технологии веб-квест на уроках английского языка в средней школе

Людмила Михайловна Бояркина^{1*}, Елена Александровна Давыдова², Ирина Александровна Глухова³

^{1,2,3}Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева, Саранск, Россия

¹boyarkina82@mail.ru*, <https://orcid.org/0000-0003-1944-7008>

²davgrey@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6998-2100>

³irina.glukhova.22@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0004-5298>

Аннотация. Статья посвящена изучению эффективности веб-квестов как инновационного метода развития коммуникативной компетенции учащихся на уроках английского языка в средней школе. В рамках исследования проведен всесторонний обзор отечественной и зарубежной методической литературы для изучения основных определений и сущности указанной технологии, которая нацелена на развитие коммуникативной компетенции учащихся посредством анализа и синтеза информации с применением индивидуальных и групповых форм работы, а также способствует повышению мотивации к изучению английского языка. В работе представлен пример веб-квеста, разработанного для уроков английского языка в средних классах с учетом возрастных особенностей и интересов учащихся, а также современных тенденций методики преподавания английского языка.

Ключевые слова: английский язык, методика обучения, веб-квест, коммуникативная компетенция, средняя школа

Благодарности: исследование выполнено в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнеров по сетевому взаимодействию (Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет и Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева) по теме «Использование креативных методик в обучении английскому языку».

Для цитирования: Бояркина Л. М., Давыдова Е. А., Глухова И. А. Развитие коммуникативной компетенции учащихся посредством технологии веб-квест на уроках английского языка в средней школе // Гуманитарные науки и образование. 2025. Т. 16, № 2 (62). С. 79–83. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_79

Introduction

In the 21st century, incorporating technology such as the Internet and computers is crucial for effectively implementing educational activities. Additionally, technology serves as a significant language resource that aids in learning. The Internet, in particular, stands out as a key resource for learning English. Teachers utilize websites to enhance their instructional strategies, while students benefit from these online tools, which enrich and expand their learning experience. Furthermore, incorporating multimedia resources can offer interactive learning opportunities. It makes lessons more engaging and helps students develop critical thinking skills. This digital approach also supports collaborative learning, allowing students to work together on projects and share ideas in real-time, thus fostering a more dynamic and inclusive educational environment [1; 2].

WebQuest technology is an Internet-based learning tool that provides flexibility in tailoring lesson content to align with specific learning objectives and accommodate diverse student abilities. WebQuests provide an engaging platform for students to explore, analyze, and synthesize information, thereby fostering self-directed learning.

The object of the research is the development of communicative competence through WebQuest technology in English lessons in secondary school.

The authors deliberately focus on the integration of WebQuests as a pedagogical tool to enhance language skills and foster engagement among students. It was concluded that certain aspects of WebQuest technology have not been fully explored, particularly in relation to fostering communicative competence. These specific features are crucial for identifying effective methods for language acquisition.

The study aims to assess the effectiveness of WebQuest technology in improving English language skills among secondary school students, particularly emphasizing its impact on the development of communication competence.

Literature review

The study of pedagogical literature reveals that the primary objective of foreign language learning at the basic level is to develop communication abilities. It involves shaping students into individuals capable of utilizing a foreign language for cross-cultural dialogue and committed to ongoing self-improvement in their language proficiency.

The term “communicative competence” has various interpretations. Some of these definitions are considered. Notably, the communicative approach in

education promotes interdisciplinary learning, improves teamwork skills, and promotes understanding of the target language’s cultural aspects [3].

The concept of “communicative competence” was first introduced by D. Hymes, who stressed that language proficiency goes beyond mere knowledge to encompass effective usage. He noted that grammatically correct sentences might still be unsuitable in certain communicative situations [4].

A concise definition from the Macmillan Dictionary describes communicative competence as the ability to communicate effectively in a language¹.

I. A. Zimnaya defines communicative competence as the skill to select and apply appropriate speech behavior based on the communication context [5, p. 380].

I. L. Bim characterizes communicative competence as both the readiness and capability to participate in foreign language interaction within set parameters, as well as education and personality formation through the use of a foreign language [6, p. 158].

Thus, communicative competence refers to a student’s ability to understand various utterances and produce their own expressions. This skill is based on knowledge, abilities, nonverbal communication, understanding of linguistic norms, and personal attributes.

From a pedagogical standpoint, communicative competence is a combination of key psychological traits. These include cognitive abilities, practical skills, experiential learning, motivation, emotional intelligence, determination, self-awareness, and belief systems.

During foreign language lessons, teachers establish learning situations that enable students to gain knowledge and develop skills across different aspects of language use. Immersion in a native-speaking environment is generally considered the optimal method for mastering a foreign language. WebQuests in foreign language lessons address various educational objectives. WebQuests develop communicative competence by providing authentic contexts and using various language skills (reading, writing, speaking, listening) in practice.

The term “WebQuest” was introduced by B. Dodge at the end of the 20th century. B. Dodge and T. March, further refined this innovative idea.

According to B. Dodge, a WebQuest is defined as a website presenting a challenging task that requires

¹ Macmillan English Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (accessed 05.09.2024).

independent online research².

T. March describes a WebQuest as an educational framework that utilizes Internet resources and authentic tasks. Its purpose is to motivate students to investigate complex issues without clear-cut solutions, thus improving both individual and collaborative research abilities. T. March emphasizes that the most effective WebQuests help students identify interconnected themes, increase their learning engagement, and cultivate metacognitive skills³. T. March's evaluation criteria for WebQuest quality include a captivating opening, a well-defined task that promotes diverse perspectives on the issue, and judicious use of online resources.

Domestic researchers have also considered the concept of "WebQuest". They describe WebQuest as an online platform where students fulfill a certain educational task. Moreover, they propose that web technology, based on hyperlink navigation, enables the development of various educational systems, which subsequently form the foundation for implementing different forms of distance learning [7].

The comprehensive review of academic literature pertaining to the research topic underscores the importance of studying WebQuests as an effective tool for enhancing students' communication skills.

Materials and Methods

The material for the study was considered in the works by M. V. Sturikova [4], I. A. Zimnaya [5], I. L. Bim [6], E. V. Koroleva, Ya. R. Konyshcheva [7]. Such research methods as the analysis of domestic and foreign pedagogical and methodological literature, generalization of research results were used.

Results

As already mentioned, the use of WebQuests in English lessons solves a number of educational tasks, including the development of students' communicative competence.

An educational WebQuest is a dynamic, interactive learning approach that engages students in solving complex problems through the use of online resources. This method encourages active participation and step-by-step problem-solving skills.

Educational WebQuests use digital technologies to tap into the Internet's vast resources for learning. WebQuests increase student engagement by introducing them to tech tools that help extract knowledge from real online sources. Since today's students are digital natives, WebQuests offer a way to shift their Internet use from entertainment to education.

WebQuests are categorized into two main types: short-term and long-term. Short-term WebQuests take one to three class sessions, while long-term ones can last a term, a semester, or a full year.

The structure of a WebQuest, as outlined by B. Dodge, typically consists of seven key components: Introduction, Tasks, Process, Evaluation, Conclusion,

Credits, and Teacher Page.

The Introduction section should provide clear and concise preliminary information to guide students' subsequent activities.

The Task section should contain a detailed description of the main aim, emphasizing the importance of defining the expected result of independent work. The result may vary depending on the WebQuest type, ranging from answers to predefined questions to creative projects or presentations.

The Process section should contain explicit step-by-step instructions for task completion for students to follow independently. This section should also incorporate a list of recommended information resources to support high-quality work.

The Evaluation section is crucial for students to comprehend the assessment criteria for their final results. The section includes a clear statement of the criteria for completing tasks.

The Conclusion section serves to provide a logical completion of the quest. It may also suggest topics for further exploration of the topic, informing students of opportunities to expand their knowledge in the subject area.

The Credits section should acknowledge all educational materials and resources utilized in the WebQuest.

The final component, the Teacher Page, is intended for teachers interested in implementing the WebQuest. This section should specify the student level and provide comprehensive recommendations for the effective conduct of the lesson [7].

The article provides an example of a short-term WebQuest, which can become a tool for developing communicative competence. It is recommended for use in English lessons in secondary school.

Title: "Let's save the animals!"

Grade: 7.

Introduction: The Red Book is a crucial resource that provides information about animals, plants, and ecosystems at risk of extinction. Every country has unique species that require our attention and protection. Sadly, some species have already been lost, leaving behind only stories and memories. Numerous organizations worldwide collaborate with the International Union for Conservation of Nature to support conservation efforts. Greenpeace, Conservation International, Royal Botanic Garden, University of Rome and many more help to protect animals and plants.

Tasks: You have an opportunity to be members of Greenpeace and propose conservation strategies for a specific class of animals in the UK in the form of a presentation.

Process:

Step 1: Divide into groups of 3 or 4 people. Choose one of the classes of animals (mammals, birds, reptiles, amphibians, or insects). Divide equally the roles in the group (researcher, strategy developer, presentation designer, presenter). Each member of the group must make an equal contribution to the project.

Step 2: Choose 3 endangered animals, give brief

² Dodge B. Some Thoughts About WebQuests. San Diego State University, 1997. URL: https://jotamac.typepad.com/jotamacs_weblog/files/WebQuests.pdf (accessed 05.09.2024).

³ March T. What's on the Web? Sorting Strands of the World Wide Web for Educators. 1995. URL: <http://www.ozline.com/learning/webtypes.html> (accessed 05.09.2024).

information about them and suggest conservation strategies. Use the resources below to prepare.

Step 3: Create a presentation "Let's save the animals!" using PowerPoint. Your presentation should be clear and consistent. You should know not only your role, but also a general idea of what your partners will present, be ready to pick up and continue someone else's role. Rehearse your presentation in advance to make sure it's smooth, logical and sounds like a whole. The presentation should include visual elements (pictures, graphics, etc.).

Step 4: Present your project. Don't forget to read the evaluation criteria!

Each criterion will be scored on a five-point scale. The total score determines the final grade:

Evaluation:

The presentation will be evaluated according to several criteria:

Understanding of the task;

Depth and completeness of topic coverage;

Effectiveness of problem-solving strategy;

Originality and presentation design;

Grammar, suitable vocabulary, absence of spelling errors and typos;

The consistency of the report;

Culture of speech, manner of bearing in front of the audience.

Each criterion will be scored on a five-point scale.

The total score determines the final mark:

35–40 points: Excellent (5);

30–34 points: Good (4);

20–29 points: Satisfactory (3);

Below 20 points: Unsatisfactory (2).

Conclusion: Today you have been in the role of Greenpeace members and found out which animals are listed in the Red Book of Great Britain, the reasons why they are endangered and proposed your strategies for their conservation. Remember, each of us can contribute to the protection of endangered species.

Credits:

<https://www.countryfile.com/wildlife/10-of-the-most-endangered-animal-species-in-britain/>

<https://www.ecologybydesign.co.uk/ecology-resources/most-endangered-animals-in-uk>

<https://www.worldatlas.com/articles/endangered-mammals-of-the-united-kingdom.html>

<https://bird-watching.co.uk/the-fight-for-survival-endangered-birds-in-the-uk/>

<https://animalstime.com/4-endangered-species-found-in-the-uk-and-why-theyre-protected/>

<https://www.ifaw.org/uk/journal/how-to-help-protect-endangered-species>

<https://www.environmentbuddy.com/ndangered-wildlife/20-ways-to-help-protect-endangered-species/>

Teacher Page: The WebQuest is designed for 7th grade students. Start the lesson with a brief presentation on endangered species and their importance in ecosystems. Tell students about organizations such as Greenpeace, Conservation International, Royal Botanic Garden and their role in conservation efforts. When forming groups, let the students choose their teammates.

Make sure that each group chooses its own animal class to avoid repetition. During the research phase, make sure that each group has access to a computer, give recommendations to students and answer their questions. Provide a presentation template, a sample speech that will help students structure the results of their work. On the day of the presentation, create a favorable atmosphere, encourage respectful questions and discussions after each presentation. To evaluate each presentation, use the given evaluation criteria.

Discussion and Conclusions

Thus, the analysis of the effectiveness of the WebQuest technology in enhancing communicative competence during English lessons at the secondary school level was performed. The authors came to the following conclusions:

WebQuests in English lessons develop students' communicative competence by engaging them in authentic language tasks. Through these structured online activities, learners develop critical skills in finding, analyzing, and synthesizing information from authentic texts. It offers a dynamic, interactive learning approach that engages students in solving complex problems, encouraging active participation.

The structure of a WebQuest, comprising seven essential components (Introduction, Task, Process, Evaluation, Conclusion, Credits, and Teacher Page), should be adhered to. Each component serves a specific purpose in guiding the learning process.

As technology continues to evolve and integrate into educational practices, WebQuest technology remains a dynamic field that requires ongoing exploration and adaptation to maximize its potential in developing students' communicative competence in English language learning.

References

1. Babushkina L. E. Innovative technologies of formation professional polylingual personality of future specialists of non-linguistic profiles. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education. 2023; 14(56):7-12. (In Russ.)
2. Vodyasova L. P. Improving the textual competence of students-philologists in the process of studying the text-forming function of grammatical units. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education. 2021; 12(2-46):36-41. (In Russ.)
3. Boyarkina L. M., Davydova E. A., Piskunova S. I., Rogacheva O. D. English-language fiction as a means of forming communicative competence for teaching English in secondary school. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education. 2023; 14(1-53):16-19. (In Russ.)
4. Sturikova M. V. Communicative competence: on the question of definition and structure. *Innovatsionnye proekty i programmy v obrazovanii* = Innovative Projects and Programs in Education. 2015; 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-kompetentsiya-k-voprosu-o-definitsii-i-strukture> (accessed 05.09.2024). (In Russ.)
5. Zimnaya I. A. Pedagogical psychology. Moscow, MPSI; Voronezh, MODEK, 2010. 448 p. (In Russ.)
6. Bim I. L. Methods of teaching foreign language

es: textbook. Moscow, Russian Language, 2003. 288 p. (In Russ.)

7. Koroleva E. V., Konysheva Ya. R. Web quests as a means of developing communication skills in English lessons. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* = Problems of Modern Pedagogical Education. 2021; 72-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/veb-kvesty-kak-sredstvo-razvitiya-kommunikativnyh-navykov-na-urokah-angliyskogo-yazyka> (accessed 05.09.2024). (In Russ.)

Список источников

1. Бабушкина Л. Е. Инновационные технологии формирования профессиональной полилингвальной личности будущих специалистов неязыковых профилей подготовки // Гуманитарные науки и образование. 2023. Т. 14, № 4 (56). С. 7–12.

2. Водясова Л. П. Совершенствование текстовой компетенции студентов-филологов в процессе изучения текстообразующей функции грамматических единиц // Гуманитарные науки и образование. 2021. Т. 12, № 2 (46). С. 36–41.

3. Бояркина Л. М., Давыдова Е. А., Пискунова С. И., Рогачева О. Д. Англоязычная художественная литература как средство формирования коммуникативной компетенции при обучении английскому языку в средней общеобразовательной школе // Гуманитарные науки и образование. 2023. Т. 14, № 1 (53). С. 16–19.

4. Стурикова М. В. Коммуникативная компетенция: к вопросу о дефиниции и структуре // Инновационные проекты и программы в образовании. 2015. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-kompetentsiya-k-voprosu-o-definitsii-i-strukture> (дата обращения: 05.09.2024).

5. Зимняя И. А. Педагогическая психология. М. : МПСИ ; Воронеж : МОДЭК, 2010. 448 с.

6. Бим И. Л. Методика обучения иностранным языкам : учебное пособие. М. : Русский язык, 2003. 288 с.

7. Королева Е. В., Конышева Ю. Р. Веб-квесты как средство развития коммуникативных навыков на

уроках английского языка // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 72–3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/veb-kvesty-kak-sredstvo-razvitiya-kommunikativnyh-navykov-na-urokah-angliyskogo-yazyka> (дата обращения: 05.09.2024).

Information about the authors:

Boyarkina L. M. – Associate Professor of the Department of Linguistics and Translation, Ph.D. (Philology), Doc.

Davydova E. A. – Associate Professor of the Department of Linguistics and Translation, Ph.D. (Philology), Doc.

Glukhova I. A. – Master's Student of the Faculty of Foreign Languages

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Информация об авторах:

Бояркина Л. М. – доцент кафедры лингвистики и перевода, канд. филол. наук, доц.

Давыдова Е. А. – доцент кафедры лингвистики и перевода, канд. филол. наук, доц.

Глухова И. А. – магистрант факультета иностранных языков.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 03.09.2024; approved after reviewing 09.09.2024; accepted for publication 10.09.2024.

Статья поступила в редакцию 03.09.2024; одобрена после рецензирования 09.09.2024; принята к публикации 10.09.2024.

ИСТОРИЯ

Научная статья

УДК 711.4-16

doi: 10.51609/2079-3499_2025_16_02_84

Градостроительный план «Новая Москва» 1918–1920-х гг.: проблемы процесса проектирования

Владимир Николаевич Горлов

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, gorlov812@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9987-0601>

Аннотация. В статье анализируется план реконструкции Москвы в начале 1920-х гг., когда проводилась работа по сохранению и улучшению качества городской среды. Отмечается, что каждая эпоха вносила в нее новые штрихи, анализируются наиболее перспективные идеи развития Москвы в связи с задачами переустройства советских городов на социалистических началах, отмечается необходимость разработки стратегий озеленения в градостроительной политике. В качестве предмета исследования выступает благоустройство столицы. Рассматриваются вопросы формирования городского центра в связи с его территориальным развитием и задачами по управлению процессами преобразования городской среды. План «Новая Москва» был для своего времени достижением отечественной градостроительной школы. Идеи этого плана развивались и в последующих генеральных планах реконструкции Москвы.

Ключевые слова: реконструкция Москвы, город-сад, И. В. Жолтовский, А. В. Щусев, Новая Москва, озеленение, градостроительство, магистрали

Для цитирования: Горлов В. Н. Градостроительный план «Новая Москва» 1918–1920-х гг.: проблемы процесса проектирования // Гуманитарные науки и образование. 2025. Т. 16, № 2 (62). С. 84–89. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_84

HISTORY

Original article

Urban development plan “New Moscow” in 1918-1920s: problems of the design process

Vladimir N. Gorlov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, gorlov812@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9987-0601>

Abstract. The article analyzes the Moscow reconstruction plan in the early 1920s, when work was carried out to preserve and improve the quality of the urban environment. It is noted that each era brought new touches to its. The most promising ideas for the development of Moscow are analyzed in connection with the tasks of reorganizing Soviet cities on socialist principles, and the need to develop landscaping strategies in urban planning policy is noted. The subject of the study is the improvement of the capital. The issues of forming the city center in connection with its territorial development and tasks for managing the processes of transforming the urban environment are considered. The “New Moscow” plan was an achievement of the domestic urban planning school for its time. The ideas of this plan were developed in subsequent general plans for the reconstruction of Moscow.

Keywords: reconstruction of Moscow, garden city, I. V. Zholtovsky, A. V. Shchusev, New Moscow, landscaping, urban development, highways

For citation: Gorlov V. N. Urban development plan “New Moscow” in 1918-1920s: problems of the design process. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education. 2025; 16(2-62):84-89. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_84

Введение

В конце XIX – начале XX в. Москва быстро росла. Идеи регулирования градостроительного развития, касающиеся в первую очередь пригородов, были взаимосвязаны с природоохранными идеями. Их с 1912 г. продвигал один из пионеров научного градостроительства в России архитектор

В. Н. Семенов. В преддверии Октября в Москве, занимавшей тогда 9150 га, насчитывалось 833 га зелени [1, с. 446–462]. Перенос столицы в Москву в марте 1918 г. вызвал активное ее развитие и поставил перед специалистами ряд градостроительных задач, связанных с формированием планировочной структуры и созданием художественного образа го-

рода.

Обзор литературы

Особенность выделения литературы и источников в данном исследовании состоит в том, что многие из основателей и разработчиков концепции «Новой Москвы» в то же время сами были историками архитектуры. Речь идет прежде всего о В. Н. Семенове [1], И. В. Жолтовском [2], А. В. Щусеве [3], В. Н. Образцове [4], Л. Н. Бернацком [5; 6] и др., что вызвало потребность привлекать их творчество в качестве литературы по отношению к периоду исследования и в качестве специфических историко-графических источников.

Материалы и методы

В качестве источников нашего исследования использованы научные труды по истории разработки планов реконструкции Москвы, а также работы, посвященные проблемам их реализации. Методологической основой исследования является комплекс общенаучных и специальных исторических методов. Исследование выполнено на основе проблемно-исторического анализа с учетом социальных условий того времени. Большую роль сыграл ретроспективный метод.

Результаты исследования

Несмотря на небывалые трудности, войну и разруху, архитекторы с энтузиазмом приступили к разработке проектов благоустройства и планировки Москвы. Хотя в те годы не было единого планировочного органа, где бы сосредоточились силы градостроителей, мысль о реконструкции столицы уже увлекала многих деятелей архитектуры [7, с. 19].

Можно выделить три основных архитектурно-планировочных направления тех лет. Одни архитекторы думали о реконструкции и благоустройстве существующего города, другие занимались переоценкой планировки и застройки старой, дореволюционной Москвы. Третье направление – стремление немедленно внести на улицы города приметы революции [8, с. 4].

В апреле 1918 г. для разработки первого комплексного плана реконструкции Москвы при Московском совете была создана специальная архитектурно-художественная мастерская, которая являлась главным учреждением по вопросам архитектурно-художественного свойства [9, с. 24].

Руководителями мастерской назначаются известные еще до революции архитекторы И. В. Жолтовский и А. В. Щусев. Проект перепланировки главного города страны получил название «Новая Москва». Привлеченный А. В. Луначарским к руководству плана «Новая Москва», И. В. Жолтовский оказался перед комплексом градостроительных проблем, связывавших воедино традицию, современность и будущее столицы. Осенью 1918 г. он, как известно, встречался с В. И. Лениным. Беседы с вождем были положены мастером в основу дальнейшей деятельности и, в частности, в разработку плана «Новой Москвы» [2, с. 319–321]. Тогда, может быть впервые, перед И. В. Жолтовским Москва

предстала как архитектурно-градостроительное целое, как огромная историческая ценность, и эта идея стала генеральной в проекте [10, с. 108].

А. В. Щусев писал: «Общие основы плана Москвы можно признать одними из лучших: концентрические кольца бульваров и радиусы магистралей правильно разрешают даже самые последние достижения теории планировки городов, а потому перепланировка Москвы должна идти в полном согласии с основной схемой её плана» [3, с. 9].

Архитектурным центром города оставался Кремль, которому отводилась роль историко-культурного заповедника. Предложенная архитектурной мастерской расстановка новых памятников и монументов была связана с радиально-кольцевым планом улиц города. Число памятников увеличивалось к центру Москвы. Проведение в жизнь плана монументальной пропаганды сыграло в свое время огромную роль не только как агитационное мероприятие, чему В. И. Ленин придавал первостепенное значение, но и как начальный этап в становлении советского искусства [8, с. 4].

Исключительное внимание уделялось «разработке планов новых частей города, с распланировкой кварталов и гигиенических красивых жилищ для бедного населения», последовательному выводу из города загрязняющих воздух фабрик, заводов и свалок. Новые жилые районы мыслились как города-сады, расположенные среди зелёного кольца, опоясывающего Москву за линией окружной железной дороги [11, с. 27]. От внешнего пояса зелёные насаждения глубокими клиньями должны были протянуться к центру¹. Кольцевые магистрали делили город на зоны с разной высотой застройки, убывающей от центра к периферии. В центре допускалось строительство семиэтажных зданий, во втором поясе – пятиэтажных, в третьем – трёхэтажных. Окраины застраивались двух- и одноэтажными домами [10, с. 38]. «Идея композиции жилых районов Новой Москвы такова, – писал Щусев, – что главный центр Москвы, окруженный целой серией второстепенных пригородных центров, соединяющихся между собой магистралями кольцевых бульваров, по общей схеме напоминают как бы солнечную лучевую систему» [12, с. 193]. В окончательном варианте проекта в центральном районе города и в районах с хорошим грунтом (например, на Ходынском поле) допускалось строительство редко поставленных высотных жилых зданий, окруженных парками [13, с. 44]. Эта идея возникла под влиянием работ архитекторов О. Перре² и Ле Корбюзье³, хорошо известных к тому времени у нас.

Большое внимание уделялось организации транспортного движения. Уже на первоначальной стадии работ профессор В. Образцов предложил

1 Керженцев П. К вопросу планировки городов-садов // Вечерняя красная Газета. 1918. № 31. С. 1. 22 авг.

2 Французский архитектор, пионер и лидер в строительстве из железобетона.

3 Французский архитектор, теоретик архитектуры и градостроительства.

глубокий ввод в город нескольких железнодорожных линий. В первую очередь должны были осуществляться две линии – одна от Виндавской (ныне Рижской) железной дороги до Трубной площади, вторая от Павелецкого вокзала до Балчуга. В развитии этой его идеи был создан проект реконструкции Каланчевской площади, где предполагалось соорудить двухэтажное здание грандиозного по тому времени проездного вокзала на 16 путей [7, с. 49–50].

Ещё осенью 1918 г. было намечено, что линия метрополитена должна проходить через центр города и связывать между собой периферийные районы и важнейшие железнодорожные и товарно-промышленные учреждения. К 1922 г. проект Московского метрополитена был разработан инженером Л. Бернацким. В состав метрополитена входили 6 диаметров (12 радиусов), обслуживавших все городские районы Москвы. Кольцевые линии проходили под Садовым и Бульварным кольцами [14, с. 68].

Мы будем несправедливы, если не вспомним, что наши известные мастера архитектуры ещё в 1920-е гг., разрабатывая принципиально новые градостроительные концепции, стремились соединить строгий практицизм с романтическими мечтами о создании лучезарных городов, городов-садов, зелёных городов в единстве и гармонии с природой. «Новая Москва» создавалась как социалистический город-сад. Этот проект совпадал в ту эпоху с социальными идеалами и политическими идеями. Новые жилые районы мыслились как города-сады, расположенные среди зелёного кольца, опоясывающего Москву за линией окружной железной дороги. От внешнего пояса зелёные насаждения глубокими клиньями должны были протянуться к центру. От широкого окружающего город кольца зелени шли по радиусам к центру зелёные клинья [15, с. 12–15].

Было организовано нескольких конкурсов на отдельные здания, сооружения и градостроительные комплексы. Одним из первых был объявлен в июле 1920 г. конкурс на проекты московских мостов, поскольку при составлении плана реконструкции выявилась потребность в 18 новых мостах.

В 1920 г. Главное управление Всеобуча объявило конкурс на проект Всероссийского спортивного стадиона [16, с. 885–886]. Место для стадиона было выбрано на Воробьевых горах. «Всеобуч» задался целью создать в сердце красной России образцовый храм спорта и физической культуры... Новый первый в России стадион будет отличаться от существующего обычного типа. Он по архитектуре будет всецело отражать Октябрь» [17, с. 131–132].

Осенью 1921 г. на Воробьевых горах проходил красочный спортивный праздник в честь III конгресса Коминтерна. Большинство делегатов этого конгресса предложили переименовать «Всероссийский Красный стадион» в «Международный Красный стадион». Таким образом, стадион получил статус международного объекта [17, с. 68–70].

К лету 1924 г. вся работа по стадиону перешла во второе отделение архитектурного факультета

ВХУТЕМАСа, которое входило тогда в созданную и руководимую Н. Ладовским Ассоциацию новых архитекторов (АСНОВА). Сама архитектура комплекса имела динамический характер благодаря введению «участков передвигающихся трибун», для чего предлагалось использовать «живую силу зрителей»⁴. Большой макет стадиона экспонировался в 1925 г. на Международной выставке в Париже и получил высокую награду – Золотую медаль по классу «Архитектура».

Строительные работы на Воробьевых горах в 1925 г. были неожиданно приостановлены из-за признаков оползания грунта на склонах. К этому добавились финансовые проблемы. Грандиозный проект не удалось довести до завершения. Однако место проекта использовалось для «массового действия». За 1923–1925 гг. на Воробьевых горах было проведено более 50 рабочих гуляний с «массовым действием», которые привлекли свыше 350 000 участников.

В программе конкурса 1922 г. на проект домов для рабочих, объявленного по заданию Моссовета, нашли отражение общие для плана реконструкции столицы установки относительно плотности и этажности жилой застройки. Важно отметить, что программа предусматривала также проектирование ряда обслуживающих учреждений как коммунально-бытового назначения, так и общественных. Таким образом, участок застройки должен был быть организован не только пространственно, но и социально.

Предусматривалось построить грандиозный Дворец труда. Он должен был иметь большое градостроительное значение, поскольку объединял Охотный ряд и площади Свердлова и Революции. От того, каким будет Дворец труда, во многом зависел будущий облик центра города. Поэтому на его проект было решено объявить конкурс. В программе конкурса отмечалась необходимость увязки облика Дворца с существующей застройкой. Несмотря на то, что ни один из проектов не был осуществлён, конкурс оказал большое влияние на развитие советского зодчества. Строительство гостиницы «Москва» на участке, предназначенном для Дворца труда, доказало правильность выбранного местоположения и предполагавшихся размеров здания.

План реконструкции Москвы не остался целиком на бумаге. В 1920-е гг. план «Новая Москва» стал уже отчасти реализовываться. Была реконструкция Советской площади и Никитского бульвара. Рядом с Арбатской площадью поднялась 11-этажная башня дома Моссельпрома, которую тогда называли «первым московским небоскребом».

Вопрос о преобразовании Советской площади возник ещё в 1918 г., когда в соответствии с ленинским планом монументальной пропаганды конная статуя генерала Скобелева была заменена монументом Свободы. В 1922 г. А. Щусев и И. Голосов разработали проект перепланировки Советской пло-

⁴ История советской архитектуры. М.: Институт теории и истории архитектуры и строительной техники, 1962. С. 279–281.

щади. На месте снесенного здания пожарной части был разбит сквер. «Эта работа, – отмечалось в то время, – кладёт начало переустройству Москвы, согласно созданных проектов в эпоху революции по созданию нового города» [18, с. 18].

Большим событием в развитии советской архитектуры и пропаганде её достижений было сооружение Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки в августе 1923 г., построенной на месте старой городской свалки Главным архитектором выставки был назначен А. В. Щусев. Участок выставки располагался на территории одного из запроектированных зеленых клиньев и должен был связать Нескучный сад с центром. Таким образом, уже тогда начала складываться градостроительная концепция: любое крупное сооружение должно «работать» на город.

После выделения территории был объявлен конкурс на создание плана выставки, в котором приняли участие ведущие архитекторы: победил и был принят к исполнению проект И. В. Жолтовского, который нашел ряд классических композиционных приёмов. Особое внимание привлекал шестигранный «Сельскохозяйственное строение». Это был первый советский архитектурный ансамбль. После закрытия выставки территорию передали под ЦПКиО имени Горького, присоединив к нему Нескучный сад и увеличив тем самым парк до 152 га.

В 1919 г. И. Жолтовский устраняется от руководства, и под окончательным проектом реконструкции Москвы, который был опубликован в 1923 г., стоит подпись одного А. Щусева. Тем не менее основные идеи, разработанные ещё в 1918 г., сохранились на всех этапах реконструкции Москвы, поэтому руководителями проекта следует считать обоих создателей.

Данные, полученные в ходе обследования московских памятников, были использованы А. В. Щусевым при разработке генерального плана столицы «Новая Москва» с целью сохранения архитектурного наследия Москвы. До середины 1920-х гг. все претензии ведомств на земельные участки, занятые памятниками старины, не были связаны с какой-либо градостроительной концепцией. Генеральный план «Новая Москва», авторы которого предлагали сохранить исторический центр, практически не жертвуя памятниками старины, получил отрицательную оценку городской администрации. Планировочная схема, разработанная С. С. Шестаковым для того, чтобы приоткрыть перспективы отдаленного будущего, когда будет сформирована «Большая Москва», вовсе не затрагивала роль памятников зодчества в городском ландшафте⁵.

Впоследствии А. В. Щусева не раз обвиняли в неправильном подходе к проблеме реконструкции Москвы. Ставилась под сомнение тенденция сохранения архитектурные памятники. В начале 1930-х гг. после июньского Пленума ЦК ВКП(б), выдвинув-

шего задачу разработки научно обоснованного плана дальнейшего расширения и застройки Москвы, первый проект реконструкции Москвы подвергся ещё большим нападкам. Группа архитекторов, которой было поручено изучить существующие проекты перепланировки Москвы, обвинила А. Щусева чуть ли не во вредительстве. В акте обследования говорилось, что планировка А. Щусева отвечала интересам купеческой, дворянско-помещичьей и торговой Москвы, что в плане не были учтены нужды восстанавливаемой в то время промышленности, а размещение части новых жилых районов не соответствовало гигиеническим требованиям. Проект «Новая Москва» закрылся, все планировочные работы возглавил С. С. Шестаков, который спроектировал градостроительный план «Большая Москва».

Конечно, план Москвы А. Щусева не был идеальным, было много недостатков. В нём действительно слабо учитывались перспективы развития промышленности, рост городского транспорта, в связи с чем планировочные работы по переустройству центра кажутся явно недостаточными. Оценивая труд советских архитекторов этого периода, необходимо понять, что причины неудовлетворительных прогнозов коренятся в реальных экономических особенностях времени создания проекта. Необходимо отметить и то, что первый план реконструкции Москвы был завершён ещё до того, как XIV съезд партии в декабре 1925 г. провозгласил курс на индустриализацию. Отсюда недостаток внимания к развитию промышленности. Необходимо отметить, что по мере того, как укреплялась экономическая база страны, план претерпевал существенные изменения – в нём появилась многоэтажная застройка, получила развитие промышленная зона [19; 20].

Обсуждение и заключения

Разработка и частичное осуществление плана реконструкции Москвы показали зрелость градостроительной мысли, готовность советских зодчих решать большие и сложные задачи. Создавался город нового типа, крупный культурный и промышленный центр, столица первого в мире социалистического государства. Первый проект реконструкции столицы следует признать крупнейшей градостроительной работой своего времени, во многом предугадавший дальнейшее развитие Москвы.

В 1920-е годы формировались идеи как градостроительства вообще, так и реконструкции Москвы в частности. Но ни один из предложенных проектов нельзя было считать оптимальным. Реконструкция любого города требует осторожности и должна руководствоваться заповедью: сохрани, не навреди. Каждое время имеет свою целесообразность, свой смысл, нарушение которых ведёт к гибели культуры, наслаивавшейся веками. Так было и с Москвой. Её планировка, складывавшаяся веками, была в достаточной степени разумной.

План реконструкции Москвы, как любой градостроительный документ такого класса, нёс в себе двойное содержание. Во-первых, он фиксировал

5 Астафьева-Длугач М. И. О первом плане реконструкции Москвы // Зодчество 1 (20) : сборник Союза Архитекторов СССР. М. : Стройиздат, 1975. 232 с.

определенный этап развития города, а во-вторых, намечал перспективу его дальнейшей жизни. Как итогом прошлого, так и отправной точкой для будущего была признана значимость исторически сложившейся планировочной структуры Москвы – главное теоретическое завоевание градостроительной мысли, сформулированное в плане. Логическим следствием этого была необходимость ее сохранения как крупнейшего памятника градостроительной культуры народа. При этом широкая реконструкция столицы имела противоречивый характер, заложенный уже в основе самого плана. Его роль и значение в каждое историческое время оценивались по-разному. Но бесспорным было то, что идеи его развивались и в последующих генеральных планах реконструкции Москвы, вплоть до 1980-х гг.

Практически каждый специалист-градостроитель считал и считает план «Новой Москвы», в создании которого приняли участие выдающиеся мастера советской архитектуры тех лет, крупным событием в истории советского градостроительства, вехой, определившей становление Москвы как социалистического города. Озеленение и благоустройство стали составной частью плана развития столицы. Редкая столица может гордиться такой прекрасной системой озеленения, таким уникальным зелёным фондом.

План «Новой Москвы» и большая творческая дискуссия, предшествовавшая его разработке, внесли огромный вклад в формирование мировоззрения советских архитекторов-градостроителей, основных принципов развития крупнейших советских городов, и в первую очередь Москвы.

Список источников

1. Семёнов В. Н. Зелень в городе // Красная нива. 1924. № 19. С. 446–462.
2. Жолтовский И. В. В 1918-м // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине : в 2 ч. Ч. 2. М. : Госполитиздат, 1957. 740 с.
3. Щусев А. В. Перепланировка Москвы // Жилищное товарищество. 1922. № 7. С. 9–11.
4. Образцов В. Н. Основные данные для проектирования железнодорожных станций Л. : Красный пролетарий, 1929. 344 с.
5. Бернацкий Л. Н. Москва будущего. Пути и средства сообщения. М. : Московское коммунальное хозяйство. 1922. 72 с.
6. Бернацкий Л. Н. Москва будущего. Пути и средства сообщения. М. : Московское коммунальное хозяйство. 1922. 72 с.
7. Образцов В. Н. Основные данные для проектирования железнодорожных станций Л. : Красный пролетарий, 1929. 344 с.
8. Манина А. И. Из истории реконструкции Москвы. 1910–1935 гг. // Архитектура. Строительство. Дизайн. 2002. № 5. С. 3–7.
9. Из истории советской архитектуры 1917–1925 гг. : документы и материалы. М. : Изд-во АН СССР. 1963. 250 с.
10. Игнатьева Л. И. Жолтовский и Московская архитектурная традиция // Архитектура СССР.

1987. № 9–10. С. 108–109.

11. Овсянникова Е. Б. Ленинский план монументальной пропаганды // Строительство и архитектура Москвы. 1975. № 1. С. 4–5.

12. Щусев А. В. Проблемы Новой Москвы // Строительная промышленность. 1925. № 3. С. 193–200.

13. Ткаченко С. Б. Один век московского градостроительства : в 2 кн. Кн. 1. Москва социалистическая. М. : Улей, 2018. 375 с.

14. Вергунов А. П., Горохов В. А. Город и природа // Строительство и архитектура Москвы. 1984. № 11. С. 8–11.

15. Бахтина И. К., Горбатова В. И. Природная среда столицы // Строительство и архитектура Москвы. 1985. № 6. С. 12–15.

16. Антипов П. И. К вопросу организации архитектурных конкурсов // Строительная промышленность. 1926. № 2. С. 885–886.

17. Хазанова В. Э. Советская архитектура первых лет Октября. М. : Наука, 1970. 214 с.

18. Мариенбах С. В. И. Ленин и первые градостроительные мероприятия Советской власти // Вопросы современной архитектуры : сб. 1. М. : Госстройиздат, 1962. 168 с.

19. Горлов В. Н. Повышение уровня жизни советских людей как один из наиболее существенных результатов развития советского общества в 1950–1960-е гг. // История: факты и символы. 2021. № 2 (27). С. 9–18.

20. Горлов В. Н., Артёмов С. Н. Переход на микрорайонный принцип застройки Москвы во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг.: противоречия становления и развития // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14, № 1. С. 79–97.

References

1. Semenov V. N. Greenery in the city. *Krasnaya niva* = Red Cornfield. 1924; 19:446-462. (In Russ.)
2. Zholtovsky I. V. In 1918. *Vospominaniya o Vladimire Il'iche Lenine* = Memories of Vladimir Ilyich Lenin: in 2 Parts. Part 2. Moscow, Gospolitizdat, 1957. 740 p. (In Russ.)
3. Shchusev A. V. Redevelopment of Moscow. *Zhilishchnoe tovarishchestvo* = Housing Association. 1922; 7:9-11. (In Russ.)
4. Obratsov V. N. Basic data for designing railway stations. Leningrad, Red Proletarian, 1929. 344 p. (In Russ.)
5. Bernatsky L. N. Moscow of the Future. Communication Routes and Means, Moscow, Moscow Communal Services, 1922. 72 p. (In Russ.)
6. Bernatsky L. N. General concepts of railway track and structures. Moscow-Petrograd, Moscow Soviet of the National Economy 1st Model Printing House, 1923. 156 p. (In Russ.)
7. Obratsov V. N. Basic data for designing railway stations. Leningrad, Red Proletarian, 1929. 344 p. (In Russ.)
8. Manina A. I. From the history of Moscow reconstruction. 1910-1935. *Arkitektura. Stroitel'stvo. Dizayn* = Architecture. Construction. Design. 2002; 5:3-7. (In Russ.)

9. From the history of Soviet architecture 1917-1925: documents and materials. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1963. 250 p. (In Russ.)

10. Ignatyeva L. I. Zholtovsky and the Moscow architectural tradition. *Arkhitektura SSSR* = Architecture of the USSR. 1987; 9-10:108-109. (In Russ.)

11. Ovsyannikova E. B. Lenin's plan of monumental propaganda. *Stroitel'stvo i arkhitektura Moskvy* = Construction and Architecture of Moscow. 1975; 1:4-5. (In Russ.)

12. Shchusev A. V. Problems of New Moscow. *Stroitel'naya promyshlennost'* = Construction Industry. 1925; 3:193-200. (In Russ.)

13. Tkachenko S. B. One century of Moscow urban development: in 2 Books. Book 1. Socialist Moscow. Moscow, Hive, 2018. 375 p. (In Russ.)

14. Vergunov A. P., Gorokhov V. A. City and nature. *Stroitel'stvo i arkhitektura Moskvy* = Construction and Architecture of Moscow. 1984; 11:8-11. (In Russ.)

15. Bakhtina I. K., Gorbatova V. I. Natural environment of the capital. *Stroitel'stvo i arkhitektura Moskvy* = Construction and Architecture of Moscow. 1985; 6:12-15. (In Russ.)

16. Antipov P. On the issue of organizing architectural competitions. *Stroitel'naya promyshlennost'* = Construction Industry. 1926; 2:885-886. (In Russ.)

17. Khazanova V. E. Soviet architecture of the first years of October. Moscow, Nauka, 1970. 214 p. (In Russ.)

18. Marienbach S. V. I. Lenin and the first urban development measures of the Soviet government. *Voprosy sovremennoy arkitektury* = Questions of Modern Architecture: Collection 1. Moscow, State Construction Publ., 1962. 168 p. (In Russ.)

19. Gorlov V. N. Increasing the standard of living of soviet people as one of the most significant results of the development of soviet society in 1950-1960s. *Istoriya: fakty i simvol'y* = History: Facts and Symbols. 2021; 2(27):9-18. (In Russ.)

20. Gorlov V. N., Artyomov S. N. Transition to the microdistrict principle of Moscow development in the second half of the 1950s- the first half of the 1960s:

contradictions of formation and development. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly* = Locus: people, society, cultures, meanings. 2023; 14(1):79-97. (In Russ.)

Информация об авторе:

Горлов В. Н. – профессор кафедры исторических наук и архивоведения, д-р ист. наук, проф.

Information about the author:

Gorlov V. N. – Professor of the Department of Historical Sciences and Archival Science, Dr. Sci. (History), Prof.

Статья поступила в редакцию 28.01.2025; одобрена после рецензирования 18.02.2025; принята к публикации 20.02.2025.

The article was submitted 28.01.2025; approved after reviewing 18.02.2025; accepted for publication 20.02.2025.

ИСТОРИЯ

Научная статья

УДК 93/94

doi: 10.51609/2079-3499_2025_16_02_90

Повседневная жизнь детей Петербурга: игрушки второй половины XIX – начала XX в.

Дарья Михайловна Демидович^{1*}, Светлана Валентиновна Подгорнова²

¹Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия, d_demidovich@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0919-9349>

²Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования имени К. Д. Ушинского, Санкт-Петербург, Россия, svetvalent@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-3607-7057>

Аннотация. Статья посвящена исследованию игрушек и их влияния на формирование детской культуры и повседневной жизни петербуржцев. Ее цель – через исследование игрушек как феномена материальной и духовной культуры изучить детскую повседневность Петербурга второй половины XIX – начала XX в. Авторы изучают ассортимент игрушек, предлагавшийся к продаже в Петербурге. Анализируют стоимость детской продукции, рассматривая игрушки различных ценовых сегментов – от бесплатных до элитных. Описывают материалы, из которых изготавливали игрушки, и техники производства. Кроме этого, в статье затрагиваются вопросы влияния социальных и политических факторов на популярность различных игрушек. Исследование основано на архивных материалах, документах личного происхождения (дневниках и мемуарах) и различных литературных источниках, что позволяет создать целостное представление о детских игрушках в Петербурге конца XIX – начала XX в. В ходе исследования авторы приходят к следующим выводам: игрушки отражали особенности бытования (активное внедрение технических новинок в жизнь, влияние Русско-японской и Первой мировой войн) и гендерные стереотипы обывателей Петербурга второй половины XIX – начала XX в.; игрушки, являясь отражением взрослого мира, дают возможность увидеть повседневный фон, в котором происходило развитие ребенка в определенную эпоху, ту материальную среду, в которую считали нужным погрузить ребенка взрослые; масштабы производства и продаж детских игрушек формируют представление об отношении к детям в исследуемый период.

Ключевые слова: Санкт-Петербург, повседневная жизнь, игрушка, игра, ребенок, повседневность, быт, педагогика, детство

Для цитирования: Демидович Д. М., Подгорнова С. В. Повседневная жизнь детей Петербурга: игрушки второй половины XIX – начала XX в. // Гуманитарные науки и образование. 2025. Т. 16, № 2 (62). С. 90–96. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_90

HISTORY

Original article

Everyday life of children in Saint Petersburg: toys of the second half of the 19th to early 20th centuries

Darya M. Demidovich^{1*}, Svetlana V. Podgornova²

¹Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia, d_demidovich@bk.ru, ORCID: 0000-0002-0919-9349

²Saint Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education named after K. D. Ushinsky, Saint Petersburg, Russia, svetvalent@yandex.ru, ORCID: 0009-0008-3607-7057

Abstract. The article is dedicated to the study of toys and their influence on the formation of children's culture and everyday life in Saint Petersburg. The aim of the article is to explore children's everyday life in St. Petersburg during the second half of the 19th to early 20th centuries through the examination of toys as a phenomenon of material and spiritual culture. The authors investigate the range of toys available for sale in Saint Petersburg, analyzing the cost of children's products and considering toys across various price segments – from free to elite. The materials from which toys were made and the production techniques used are described. Additionally, the article addresses the impact of social and political factors on the popularity of different toys. The

research is based on archival materials, personal documents (diaries and memoirs), and various literary sources, allowing for a comprehensive understanding of children's toys in Saint Petersburg at the end of the 19th and the beginning of the 20th century. Throughout the study, the authors arrive at the following conclusions: toys reflected the characteristics of daily life (the active introduction of technological innovations, the impact of the Russo-Japanese War and World War I) and the gender stereotypes of Saint Petersburg residents during the second half of the 19th to the early 20th centuries; toys, as a reflection of the adult world, provide insight into the everyday backdrop against which children's development took place during a certain era, as well as the material environment that adults deemed necessary to immerse children in; the scale of production and sales of children's toys shapes the understanding of attitudes towards children during the period under study.

Keywords: Saint Petersburg, everyday life, toy, game, child, daily routine, domestic life, pedagogy, childhood

For citation: Demidovich D. M., Podgornova S. V. Everyday life of children in Saint Petersburg: toys of the second half of the 19th to early 20th centuries. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education. 2025; 16(2-62):90-96. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_90

Введение

Важным отличием ребенка от взрослого является ведущий вид деятельности – для ребенка это игра. Благодаря играм ребенок осваивает правила и законы общества, в котором он родился и где ему предстоит жить. Игра тесно связана с игрушками, которые являются ее основным средством. Под самим словом «игрушка» мы будем понимать любой предмет, предназначенный для развлечения детей. «Игрушка – вещь дня» [1, с. 65], она отражает социальные особенности мира взрослых, их эстетические предпочтения, политические интересы общества и т. д. Исследуя игрушки, мы можем изучить повседневный фон, в котором происходило развитие ребенка в определенную эпоху, ту материальную среду, в которую считали нужным погрузить ребенка, чтобы формировать у него желаемые ценности и установки, развивать необходимые навыки и постепенно ввести его во взрослую жизнь.

Обзор литературы

Изучением игрушек в нашей стране стали активно интересоваться в конце XIX – начале XX в., исследования затрагивали специфику производства [2–4], художественную сторону вопроса [5] и различные исторические аспекты [1]. Повышение интереса образованных семей к проблемам воспитания вызвало рост публикаций педагогической литературы для родителей. Игрушка стала рассматриваться не только как забава для ребенка, но и как своеобразное наглядное пособие, средство для воспитания и развития. С 1898 г. «Родительский кружок» при Педагогическом музее Главного управления военно-учебных заведений в Санкт-Петербурге стал издавать «Энциклопедию по семейному воспитанию и обучению». В выпуске XIII под названием «Игрушки. Их назначение и выбор» П. А. Литвинский не только сделал комментированный обзор игрушек, находившихся в продаже в Санкт-Петербурге в 1890-е гг., но и представил их собственную классификацию. Игрушки разделялись по функциям, которые выполняли в жизни ребенка (игрушки для забавы, для подражательных игр, занятий и работ, одиночных и общественных игр), и по способу создания (покупные и самодельные, создаваемые из предметов обихода и природных материалов) [6].

В советский период интерес к изучению игру-

шек не исчез, но стал носить более прикладной характер. Игрушку рассматривали в соответствии с идеологическими установками государства: с одной стороны, как важное средство начального этапа воспитания, с другой стороны, как продукт планового социалистического хозяйства. Например, уже в работе 1926 г. В. И. Боруцкий пишет об истории игрушки, о рынках производства, ассортименте игрушек в городе и деревне, затрагивает вопросы закупки, заготовки и сбыта товаров [7]. В 1935 г. начинает издаваться ведомственный журнал «Советская игрушка» (с 1937 г. – «Игрушка»), где публикуются статьи, охватывающие комплекс тем, связанных с развитием игрушечной отрасли в СССР и использованием качественных игрушек в педагогической практике.

Современные ученые также проявляют интерес к изучению различных аспектов развития и бытования детских игрушек. Сферы их интересов условно можно разделить на несколько групп: художественные особенности традиционных игрушек [8], педагогический потенциал игрушки [9] и история игрушки [10]. Однако работ, рассматривающих игрушку как часть повседневной культуры горожан в современной исторической науке, нет. Настоящее исследование призвано заполнить существующие лакуны. Цель данной статьи – через исследование игрушек как феномена материальной и духовной культуры изучить детскую повседневность Петербурга второй половины XIX – начала XX в.

Материалы и методы

Формально дореволюционные игрушки можно разделить на несколько категорий: балаганные, промышленные, кустарные и самодельные. Наибольшее распространение в детской среде имели самодельные игрушки. К ним можно отнести любые вещи, которыми играли дети, – палки, старые сломанные предметы быта, камни, щепки, песок. Одной из популярных детских игр в XIX в. были «бабки» (русская народная игра, в которой одной костью надкопытного сустава животного (бабка) выбивают из круга другие кости, расставленные определенным образом). О ней в своем рассказе «Гаваньские чиновники в домашнем быту, или Галерная гавань во всякое время дня и года» писал И. Генслер: «Мальчишки играют на гаваньских лужках в бабки или чурки, и при первом удобном случае за-

дают друг другу потасовку» [11, с. 13–14]. При этом нельзя говорить о том, что самодельные игрушки характерны только для представителей бедных слоев населения Петербурга. Дети состоятельных горожан также активно использовали их в своем быту. Сохранилось описание игр в Летнем саду: «детвора сосредотачивается, главным образом, на площадке у памятника “дедушки”, т. е. дедушки-Крылова, где роется в песке, бегают, знакомятся между собой и довольно неумело устраивает общие игры» [12, с. 270]. Мария Львовна Казем-Бек также отмечала в своих дневниках, что ее сын играет с самодельными игрушками: «бессмысленно вертит в руках первый попавшийся предмет... жонглирует палкой или играет с диванной подушкой, как с мячом» [13, с. 97].

Еще одним распространенным видом детских игрушек были так называемые балаганные игрушки. Они были дешевы, и их могли себе позволить представители практически всех слоев городского сообщества. Торговля такими игрушками особенно оживлялась перед праздниками и во время народных гуляний, когда их можно было купить с лотка у разносчиков, в небольших балаганах, палатках, ларьках и даже с возов и телег. Перед Пасхой «на Конногвардейском бульваре и Мало-Конюшенной улице устраивали вербные базары... шла торговля детскими игрушками и особыми “вербными” чудесами: пищалками, “чертями”. Предлагались “тещины языки”, “иерихонские трубы”, “американские жители”, надувные свиньи, павлиньи перья» [14, с. 127]. В словаре А. Д. Михельсона за 1865 г. игрушка, представлявшая собой наглухо закрытую стеклянную трубочку с жидкостью, в которой плавала фигурка, а при нажатии на резиновую мембрану фигурка опускалась и поднималась, называется «картезиевы бесики»¹, но в широкий обиход у жителей Петербурга она вошла под названием «американский житель». В своих воспоминаниях В. Набоков описывал свое впечатление от «американских жителей, поднимающихся и опускающихся в сиреновом спирту в стеклянных трубках, вроде как лифты в прозрачных, насквозь освещенных небоскребах Нью-Йорка»². В описаниях Вербного базара часто встречается упоминание «Тещинового языка». Эта игрушка представляла собой свернутую бумажную трубочку, которая при надувании разворачивалась в длинную узкую полоску, похожую на язык. Н. Сац писала: «Мимо нас проходил бородатый разносчик, в его губах то закручивается, то как огромный пестрый язык, с треском разворачивается бумажная игрушка. “Покупайте “Тещин язык”! Вот велик так велик! Покупайте игрушку “Тещин язык”»» [15, с. 9]. Про эту игрушку писали также Д. А. Засосов и В. И. Пызин: «Можно раздуть в лицо незнакомцу “Тещин язык”, свернутую в спираль бумажную трубку,

которая при надувании разлеталась в мешок с перьями на конце. Этот язык трепетал, пищал, его совали прямо в лицо» [14, с. 128]. Еще одной игрушкой, без которой не обходились народные гуляния, была «Иерихонская труба». Это конус из яркой бумаги с пищалкой. «Идет, например, толпа школьников, у каждого “иерихонская труба”, корпус из яркой бумаги с пищеком, и все гудят» [14, с. 128].

Кроме балаганов, игрушки можно было приобрести в специальных игрушечных магазинах и лавках. В 1890 г. в Петербурге прошла первая Всероссийская выставка детских игрушек, игр и занятий. На выставке демонстрировались изделия 121 продавца и производителя. Из них 47 представляли Петербург. Согласно каталогу выставки, игрушечные магазины в столице располагались практически во всех частях города: Карл Васильевич Бартольд содержал магазин в доме № 30 по Большой Морской улице, игрушечную мебель ручной работы предлагал Антон Антонович Рейнбот на Малой Итальянской улице в доме 57, Анна Андреева продавала кукол на Выборгской стороне (Самарская ул., дом 1), на Васильевском острове различными играми торговал Луи-Оскар Шлиак (Кадетская линия, д. 9), на Петроградской стороне (Лицейская ул., д. 13) И. Г. Лезейман продавал металлические игрушки³. Самыми дорогими были промышленные игрушки, а особенно фарфоровые куклы. Более дешевые игрушки производились кустарями: «У нас в России тысячи кустарей занимаются изготовлением более дешевых игрушек, расходящихся среди простого народа» [6, с. 3]. К 1913 г. только кустари Московской губернии произвели игрушек на 900 тысяч рублей [2, с. 238].

География появления в Петербурге игрушек была очень обширной. Авторы книги об игрушках отмечали, что «имеются большие фабрики с паровыми машинами, занимающиеся производством игрушечного товара: Фиреке – в Риге, Шварцкопфа – в Москве; также в больших размерах изготавливаются игрушки в Варшаве, Петербурге, Москве. Кроме того, ежегодно на миллион руб. с лишком ввозят игрушки из-за границы: из Германии, Франции, Америки, Японии и Китая» [6, с. 3].

Стоимость игрушек варьировалась от нескольких копеек до десятков рублей. Софья Ивановна Смирнова-Сазонова в своих дневниках пишет, что ее знакомые «дочери покупают игрушки в 70 р.»⁴. Согласно прейскуранту рождественских подарков универсального магазина Мюр и Мерелиз, стоимость кукол в 1902 г. варьировалась от 21 копейки за целлулоидную куклу для купания до 6 рублей 25 копеек за кукольное приданое для мальчика и девочки с двумя куклами в общей коробке. «Ванька-встанька» продавался за 35 копеек, кукла из папьемаше длиной 7 вершков (31,12 см) спеленутая – за

1 Михельсон А. Д. Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. 1865. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/18997/КАРТЕЗИЕВЫ (дата обращения: 15.11.2024).

2 Набоков Владимир. Другие берега. URL: <https://opentextnn.ru/man/nabokov-vladimir-drugie-berega/> (дата обращения: 15.11.2024).

3 Всероссийская выставка детских игрушек, игр и занятий : каталог Первой Всероссийской выставки детских игрушек, игр и занятий 1890 года / Педагогический музей военно-учебных заведений. СПб., 1890. 19 с.

4 Смирнова-Сазонова С. И. Дневники // Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (ИРЛИ РАН) Ф. 258. № 2. С. 163.

75 копеек, танцующая заводная одетая кукла – за 2 рубля 25 копеек, а «мальчик-бебе» с поворачивающимися руками и ногами, небьющийся, одетый, размером в 13 ½ вершков (60 см) стоил 5 рублей. Цена заводных металлических игрушек варьировалась от 45 копеек до 1 рубля 10 копеек. Настольные игры стоили от 60 копеек за вырезанные фигурки животных для раскрашивания и 85 копеек за лото «Мир животных» до 3 рублей 45 копеек за игру «Рынок» (картонные части для составления палатки, лотка, птичника с товаром, зеленью, курами и посудой)⁵.

Игрушки продавались для детей всех возрастов – от младенцев до гимназистов. Для самых маленьких выпускали игрушки-забавы, которые давали возможность активно использовать различные органы чувств: осязание, зрение, слух. Игрушки для развития осязания изготавливались из пластичных материалов – резины, шерсти, чтобы их можно было мять, либо были выточены из дерева и представляли собой основные геометрические фигуры, таковы «Первые дары Фребеля». Игрушки для зрительного восприятия привлекали ребенка цветом, светом и движением. Сосредоточение на звуке обеспечивали погремушки и трещотки, озвученные куклы и игрушечные животные, механизмы для воспроизведения мелодий и шумов (например, шарманка). Для более старших детей предлагались самые разнообразные средства развлечения – лающие собаки, мычащие коровы, игрушки, «движимые песком, резиной, пружиной, водой, паром» [6, с. 9], игрушки, использующие силу магнетизма. Большой популярностью пользовалась игрушка «ано-като», действие которой основано на свойстве тел электризоваться трением. Она представляла собой коробку, оклеенную фольгой и накрытую стеклом, внутри которой находились фигурки человечков, зверей. Когда стекло терли кусочком шелковой ткани или кожи, фигурки начинали шевелиться, «плясать», поднимались со дна коробки и прилипали к стеклу. Зооморфные игрушки (собаки, кошки, лошади, коровы, бараны, козлы, ослы, зайцы, медведи и слоны) изготавливались из дерева, папье-маше или шерсти. Технологии, применяемые для имитации шерсти животных, были как дешевыми (окрашивание), так и более трудоемкими в изготовлении, дорогими. Для создания «одежных» игрушек основу обтягивали хлопчатобумажной тканью, для «обтяжных» (в первую очередь это были лошадки) – телячьей шкурой. При изготовлении «осыпных» игрушек на основу из папье-маше или дерева намазывали слой клея, а потом посыпали шерстью или стриженным сукном. Матильда Кшесинская писала в своих воспоминаниях, что у ее сына Вовы был целый зверинец из таких игрушек: «Он очень увлекался мягкими куклами, которыми была наполнена вся его комната; тут главным образом были обезьяны, и он называл себя Царем обезьян» [16, с. 166].

Новейшие технические изобретения доволь-

но быстро адаптировались для детей и пополняли ряды игрушек: «электрический звонок, телеграф, телефон, фонограф, граммофон, фотомотор и т. п. существуют в продаже в игрушечных магазинах», причем их стоимость вполне удовлетворяла покупателей: «Фонограф в последнее время доведен до небывало дешевизны. В магазине Дойникова, Гостиный двор № 73, продается фонограф за 9 руб. Валик к нему стоит 40 коп.» [6, с. 16] Среди игрушек, рассчитанных на визуальный эффект, можно отметить волшебные фонари и стереоскопы, панорамы, световые картинки, меняющие свой цвет при нагревании и светящиеся в темноте. Воскресные домашние сеансы просмотра картин волшебного фонаря довольно критически описывает В. В. Набоков в романе «Другие берега». Смотрели преимущественно переведенные в формат «туманных картин» иллюстрации к произведениям литературы («Мцыри», «Медный всадник», «Дон Кихот»), но были и географические зарисовки, например «Африка – страна чудес». «Однако я помню не только убожество, аляповатость, желатиновую несъедобность в зрительном плане этих картин на мокром полотне экрана (предполагалось, что влага делает их глаже); я помню и то, как прелестны были самые пластинки, вне всякой мысли о фонаре и экране, – если просто поднимешь двумя пальцами такое драгоценное стеклянное чудо на свет, чтобы в частном порядке, и даже не совсем законно, в таинственной оптической тишине, насладиться прозрачной миниатюрой, карманным раем, удивительно ладными мирками, проникнутыми тихим светом чистейших красок»⁶.

Особую категорию игрушек представляли куклы. В продаже имелись куклы из дерева, резины, фарфора и ваты. Они могли быть без одежды или одеты в костюмы представителей разных профессий и национальностей. Например, матроса, офицера, солдата, кучера, трубочиста, пожарного, горничной, крестьянки, молочницы, бурятки, калмычки, молдаванки [6, с. 23]. Кроме самих кукол в продаже имелся целый ряд дополнительных игрушек – «обстановки» (дом, ферма, гостиная, спальня, прачечная) и «обихода» (чайная, столовая или кухонная посуда, туалетные принадлежности и т. д.).

Своеобразную энциклопедию детских увлечений, книг, игр и игрушек начала XX в. можно увидеть на страницах «Азбуки» Александра Бенуа [17]. Эта книга задумывалась для двухлетнего сына художника и была издана в типографии «Экспедиции заготовления государственных бумаг» в 1904 г.

Иллюстрация к букве «Г» («Город. Генерал») показывает детскую комнату состоятельной семьи, где четверо детей играют в войну. Мальчики берут штурмом расположенный на полу игрушечный городок. Мы видим постройки, сделанные из деревянного конструктора, включающего не только жилые здания, но и церковь, башни, похожие на кремлевские, а также армию солдатиков из разных наборов,

5 Иллюстрированный прейскурант рождественских подарков, игрушек и проч. Мюр и Мерилиз. Универсальный магазин сезон зимы 1902 года. М.: Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1902.

6 Набоков Владимир. Другие берега. URL: <https://opentextnn.ru/man/nabokov-vladimir-drugie-berega/> (дата обращения: 15.11.2024).

представляющих пехоту, и двух всадников-командиров. Один из мальчиков, в папахе с двуглавым орлом, «идет в атаку» верхом на коне-качалке, размахивая саблей, другой, в белой фуражке с красным околышем (похожей на внестроевой головной убор кавалергардов), заряжает пушку. В это время девочки устроили на столе лазарет – о нем говорит белый флаг с красным крестом и палатки, расположенные рядом. Солдатики традиционно входили в ряд детских игрушек, особую популярность они получали в России во время военных действий. Вероятнее всего, эта картинка «Азбуки» связана с начавшейся 27 января (9 февраля) 1904 г. Русско-японской войной. В углу детской, на комодике и в его приоткрытых ящиках видны «мирные» игрушки – слоник и медведь, трубочист с лестницей и Петрушка.

Иллюстрация к букве «И» полностью посвящена игрушкам. Большинство из представленных здесь игрушек антропоморфны. Это куклы разного размера, изображающие детей, одетых по моде начала XX в., женщин и мужчин в традиционных русских костюмах (кокошники, платки, косоворотки), кавалеров и дам, театральных кукол, солдатиков, неваляшку. Кроме изделий фабричного производства, есть и игрушки народных промыслов. «Мужик и медведь» – механическая деревянная игрушка богородских ремесленников, ее герои начинают стучать молотками по наковальне, если планки, на которых они закреплены, двигают по очереди; филимоновская глиняная свистулька «Всадник на коне»; выточенные из дерева бирюльки. Дополняют картину игрушечного изобилия мяч из разноцветных «долек» – секторов, фрагмент мебелированной кукольной комнаты, котенок и медведь.

Страница, посвященная букве «М» («Мама»), в азбуке Бенуа показывает не маму с дочкой, а девочку, играющую в дочку-матери. Она кормит из ложечки сидящую у нее на руках большую куклу с кудрявыми волосами, в полосатом платье и туфельках. Вторая кукла «принимает ванну». Рядом – предметы кукольного обихода: игрушечная плита с трубой, кровать, столик, покрытый скатертью, на котором стоит расписная фарфоровая супница. Все игрушки, а также кукольная одежда, которая сушится на натянутых веревках, дорожки, выполнены из качественных материалов тщательно и с большим изяществом.

По иллюстрациям к «Азбуке» Александра Бенуа хорошо видно, какое большое внимание уделялось в состоятельных семьях Петербурга выбору игрушек для детей, какие требования предъявлялись к их качеству, разнообразию и эстетике. Интерес общества к теме игрушки показывает и уже упоминавшаяся ранее «Первая Всероссийская выставка детских игрушек, игр и занятий». Выставка работала в Соляном городке с 12 марта по 17 апреля 1890 г., и за это время ее посетило 23312 человек, в том числе 4597 детей⁷. Такие выставки не были

регулярными, но выставочная деятельность, представляющая товары для детей, развивалась. С ноября 1903 по февраль 1904 г. в Таврическом дворце Санкт-Петербурга проходила научно-промышленная международная выставка «Детский мир», в экспозиции которой значимое место занимали предметы для детских игр и занятий. В рамках выставки было издано 18 номеров собственного печатного издания – «Листка» выставки. Серьезное отношение к детской игрушке в предреволюционную эпоху демонстрирует и тот факт, что с 1911 по 1913 г. в России тиражом 3000 экземпляров выходил ежемесячный журнал «Игрушечное дело», созданный издателем О. С. Иодко⁸.

Обсуждение и заключения

Исследование игрушек в контексте повседневной жизни детей Петербурга второй половины XIX – начала XX в. позволяет глубже понять социальные, культурные и экономические трансформации, происходившие в российском обществе того времени. Прежде всего игрушки отражают особенности бытования и гендерные стереотипы. Необходимо отметить, что практически любая детская игра – это своеобразное отражение жизни взрослых. Если дети – это «маленькие взрослые», то их должны окружать «маленькие взрослые вещи», и игрушки, выступая пародией на взрослый мир, дают возможность увидеть повседневность горожан с другого ракурса.

Анализируя игрушки второй половины XIX – начала XX в., можно выделить следующие их особенности: сохраняются традиционные народные и самодельные игрушки; в детский мир активно входят технические новинки; игрушки отражают важные события внешней и внутренней политики государства. Эти особенности можно увидеть и в повседневности взрослых обывателей Петербурга исследуемого периода. Кроме этого, разнообразие и ценовой ассортимент игрушек позволяют понять отношение общества к детям. Несмотря на мнение В. Михневича о том, что на детей в Петербурге второй половины XIX – начала XX в. часто смотрели «как на обузу и просто как на несчастье» [18, с. 470], причем не только люди с ограниченными средствами, но и представители высших жилищных классов, масштабы производства и продаж игрушек говорят об обратном – дети и их потребности в этот период занимали важное место в общественном сознании. Активное развитие материальной составляющей детской субкультуры связано с распространением в родительской среде прогрессивных педагогических воззрений и восприятием детства как важного периода в жизни человека, а игрушки – как незаменимого источника представлений об окружающем мире. Автор одного из томов «Энциклопедии семейного воспитания и обучения» П. А. Литвинский отмечал: «Пройдет пора

7 Всероссийская выставка детских игрушек, игр и занятий : каталог Первой Всероссийской выставки детских игрушек, игр и занятий 1890 года / Педагогический музей военно-учебных заведений. СПб., 1890. 19 с.

8 Библиография периодических изданий России. 1901–1916 // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». URL: Детский мир : библиография периодических изданий России. № 2180 (дата обращения: 05.01.2025).

беззаботного, свободного детства, настанет время книжного ученья, круг наблюдений над жизнью вне школы сузится и навсегда останутся только те сведения о людях и животных, которые были добыты непосредственными наблюдениями раннего детства и закреплены при помощи игры с игрушками» [6, с. 23].

Список источников

1. Игрушка, ее история и значение : сборник статей / под ред. Н. Д. Бартрам. М. : И. Д. Сытин, 1912. 246 с.
2. Кустарная промышленность России. Разные промыслы : очерки. СПб., 1913. 580 с.
3. Пономарев Н. В. Кустарные промыслы России. М. : Типо-литография Русского товарищества печатного и издательского дела, 1900. 50 с.
4. Федоров В. А. Игрушка как начало столярного дела : для кустарей, ремесленных школ и для занятий ручным трудом / предисл. Н. Д. Бартрам. М. : Товарищество И. Д. Сытина, 1914. 156 с.
5. Брауншвейг М. Искусство и дитя : Очерк эстетического воспитания / пер. с фр. Е. М. Чарнолуской. СПб. : Товарищество «Знание», 1908. 206 с.
6. Литвинский П. А. Игрушки, их назначение и выбор // Энциклопедия семейного воспитания и обучения. Вып. XIII. СПб., 1899. 44 с.
7. Боруцкий В. И. Игрушки и художественные изделия. М. : ЗДАНИЕ ЦЕНТРОСОЮЗА, 1926. 127 с.
8. Мусина Р. Р. Городская глиняная игрушка в контексте традиционной лепной игрушки // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник РГХПУ им. С. Г. Строганова. 2016. № 2–1. С. 268–277.
9. Никитенко Л. П. Игрушка в жизни ребенка, как фактор социализации и развития («любимая игрушка») педагогический проект // Инновационная деятельность педагога в условиях реализации ФГОС. Москва ; Берлин, 2022. С. 66–86.
10. Гусева А. Ю. Советские «оборонные» игрушки перед началом второй мировой войны (по материалам журнала «Игрушка») // Великая Отечественная война в российской истории : материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию Красной армии. СПб. : Российский государственный гидрометеорологический университет. 2018. С. 146–150.
11. Генслер И. С. Гаваньские чиновники в домашнем быту, или Галерная гавань во всякое время дня и года. Пейзаж и жанр. СПб. : В. И. Губинский, 1904. 249 с.
12. Гигиена детства в Санкт-Петербурге и Петербургской губернии (середина XVIII – начало XX вв.) : сборник документов и материалов / сост. В. А. Веремченко, В. И. Синова, С. В. Зайцева [и др.] ; Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина. СПб. : Пропаганда, 2023. 432 с.
13. Казем-Бек М. Л. Дневники. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2016. 560 с.
14. Засосов Д. А., Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов. Записки очевидцев. Л. : Лениздат, 1991. 271 с.
15. Сац Н. Всегда с тобой. Страницы жизни.

М. : Дет. лит-ра, 1987. 176 с.

16. Кшесинская М. Воспоминания. М. : Центрполиграф, 2003. 415 с.

17. Бенуа А. Н. Азбука в картинах / под ред. Ю. Л. Ильина. Л. : Художник РСФСР, 1991. 39 с.

18. Михневич В. Язвы Петербурга. Опыт историко-статистического исследования нравственности столичного населения. СПб. : Лимбус Пресс, 2003. 784 с.

References

1. Toy: its history and significance: a collection of articles / ed. by N. D. Bartram. Moscow, I. D. Sytin, 1912. 246 p. (In Russ.)
2. Artisan industry of Russia: various crafts: essays. St. Petersburg, 1913. 580 p. (In Russ.)
3. Ponomarev N. V. Artisan crafts of Russia. Moscow, Typo-lithography “Russian Society of Printing and Publishing Affairs”, 1900. 50 p. (In Russ.)
4. Fedorov V. A. A toy as the beginning of carpentry: for artisans, craft schools, and manual labor; preface by N. D. Bartram. Moscow, I. D. Sytin Society, 1914. 156 p. (In Russ.)
5. Braunshweig M. Art and the child: an essay on aesthetic education; translated from French by E. M. Charnoluskaya. St. Petersburg, Knowledge Society, 1908. 206 p. (In Russ.)
6. Litvinsky P. A. Toys, their purpose and selection. *Entsiklopediya semeynogo vospitaniya i obucheniya* = Encyclopedia of Family Education and Training. Iss. XIII. St. Petersburg, 1899. 44 p. (In Russ.)
7. Borutsky V. I. Toys and artistic products. Moscow, Tsentosoyuz Building, 1926. 127 p. (In Russ.)
8. Musina R. R. Urban clay toys in the context of traditional pottery toys. *Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaya sreda. Vestnik RGHPU im. S. G. Stroganov* = Decorative Art and Spatial Environment. Gerald of the St. Petersburg State Academy of Arts named after S. G. Stroganov. 2016; 2-1:268-277. (In Russ.)
9. Nikitenko L. P. The Toy in a Child’s Life as a factor of socialization and development (“favourite toy”): pedagogical project. *Innovatsionnaya deyatel’nost’ pedagoga v usloviyakh realizatsii FGOS* = Innovative activities of educators teachers in the context of implementing the Federal State Educational Standard. Moscow; Berlin, 2022. Pp. 66-86. (In Russ.)
10. Guseva A. Yu. Soviet “defense” toys before the outbreak of World War II (based on the materials from the “Toy” Journal). *Velikaya Otechestvennaya vojna v rossiyskoy istorii* = The Great Patriotic War in Russian history. Materials from the International Scientific Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Red Army. St. Petersburg, Russian State Hydrometeorological University. 2018. Pp. 146-150. (In Russ.)
11. Gensler I. S. Harbor officials in domestic life, or the Gallery Harbor at any time of day and year: landscape and genre. St. Petersburg, V. I. Gubinsky, 1904. 249 p. (In Russ.)
12. Childhood hygiene in St. Petersburg and the St. Petersburg province (mid-18th to early 20th century): collection of documents and materials / compl. by V. A. Veremenko, V. I. Sinova, S. V. Zaitseva [et al.]; A. S. Pushkin Leningrad State University. St. Petersburg, 2023. 432 p.

burg, Propaganda, 2023. 432 p. (In Russ.)

13. Kazem-Bek M. L. Diaries. Moscow, Publishing House of the Sretensky Monastery, 2016. 560 p. (In Russ.)

14. Zasosov D. A., Pyzin V. I. From the life of St. Petersburg in the 1890s – 1910s: eyewitness accounts. Leningrad, Lenizdat, 1991. 271 p. (In Russ.)

15. Sats N. Always with you: pages from life. Moscow, Children's Literature, 1987. 176 p. (In Russ.)

16. Kshesinskaya M. Memoirs. Moscow, ZAO Tsentrpoligraf, 2003. 415 p. (In Russ.)

17. Benois A. N. Alphabet in Pictures. Leningrad, Artist of the RSFSR, 1991. 39 p. (In Russ.)

18. Mikhnevich V. The wounds of St. Petersburg: an attempt at a historical and statistical study of the morality of the capital's population. St. Petersburg, Limbus Press, 2003. 784 p. (In Russ.)

Информация об авторах:

Демидович Д. М. – доцент кафедры общественных наук, канд. ист. наук.

Подгорнова С. В. – ст. преподаватель кафедры общественно-научного и культурологического образования.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Demidovich D. M. – Associate Professor of the Department of Social Sciences, Ph.D. (History).

Podgornova S. V. – Senior Lecturer of the Department of Social and Cultural Education.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.01.2025; одобрена после рецензирования 17.02.2021; принята к публикации 20.02.2025.

The article was submitted 16.01.2025; approved after reviewing 17.02.2021; accepted for publication 20.02.2025.

ИСТОРИЯ

Научная статья

УДК 94(47):271.2

doi: 10.51609/2079-3499_2025_16_02_97

Православный воинский идеал в русской культуре: историческая ретроспектива

Алексей Викторович Малов

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия, alexmatd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7271-0333>

Аннотация. В статье рассматриваются духовно-нравственные и культурные аспекты формирования идеала русского воина в контексте истории православной мысли. Рассмотрена позиция православной церкви по вопросам войны, показана роль веры и ее влияние на систему духовных ценностей военнослужащих. Представлены примеры святых воинов в православной традиции, таких как князь Владимир, князь Александр Невский, преподобный Илия Печерский, адмирал Федор Ушаков и др., ставших символами сочетания земной и духовной работы, защиты духовных ценностей и верности Отечеству. Особое внимание уделено выявлению религиозно-этических оснований, формирующих облик православного воинства, таких как жертвенность, соборность, милосердие. Результаты исследования православного воинского идеала позволяют утверждать, что в его основе лежат нравственные стандарты, вдохновленные христианскими ценностями, а идея служения общему благу и защите духовных ценностей является ключевой в оценке войны и миссии воина в отечественной культурной традиции. Полученные выводы подтверждают важность духовно-нравственного воспитания военнослужащих, основанного на таких ценностях, как гуманность и милосердие, которые сохраняют свою значимость даже в условиях вооруженных конфликтов, что особенно актуально в современных геополитических условиях.

Ключевые слова: воин, война, православие, нравственные ценности, вера, жертвенность, подвиг, канонизация

Для цитирования: Малов А. В. Православный воинский идеал в русской культуре: историческая ретроспектива // Гуманитарные науки и образование. 2025. Т. 16, № 2 (62). С. 97–103. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_97

HISTORY

Original article

Orthodox military ideal in Russian culture: historical retrospective

Alexey V. Malov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, alexmatd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7271-0333>

Abstract. The article examines the spiritual, moral, and cultural aspects of the formation of the ideal of the Russian warrior in the context of the history of Orthodox ideas. The position of the Orthodox Church on issues of war is analyzed, and the role of faith and its influence on the system of spiritual values of servicemen is demonstrated. Examples of holy warriors in Orthodox tradition are presented, such as Prince Vladimir, Prince Alexander Nevsky, Reverend Ilya of the Caves, Admiral Fyodor Ushakov, and others, who have become symbols of the blending of earthly and spiritual labor, the defense of spiritual values, and loyalty to the Fatherland. Special attention is given to identifying the religious and ethical foundations that shape the image of Orthodox warriors, such as self-sacrifice, communal unity (sobornost), and mercy. The results of the study of the Orthodox military ideal allow us to assert that it is based on moral standards inspired by Christian values, and the idea of serving the common good and defending spiritual values are key in the evaluation of war and the mission of the warrior within the national cultural tradition. The conclusions confirm the importance of spiritual and moral education for servicemen, based on such values as humanity and compassion, which remain significant even in the context of armed conflicts – a fact that is particularly relevant in modern geopolitical conditions.

Keywords: warrior, war, Orthodoxy, moral values, faith, self-sacrifice, feat, canonization

For citation: Malov A. V. Orthodox military ideal in Russian culture: historical retrospective. *Gumanitar-nye nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education. 2025; 16(2-62):97-103. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_97

Если будут наступать на меня злодеи, противники и враги мои,
чтобы пожрать плоть мою, то они сами преткнутся и падут.
Если ополчится против меня полк, не убоится сердце мое;
если восстанет на меня война, и тогда буду надеяться (Пс. 26: 2–3)

Введение

Обращение к истокам традиционного понимания идеала русского воина в канун юбилея Великой Победы является не только данью исторической памяти. Осмысление данного феномена позволяет глубже понять его духовные истоки, что особенно важно в свете современных военно-политических и социально-духовных вызовов.

Во все времена война и военная служба являлись неотъемлемой частью истории человечества, однако их восприятие и оценка существенно варьировались в зависимости от культурно-религиозного контекста. В России православие на протяжении многих веков играло ключевую роль в формировании национального самосознания, культурной идентичности и системы духовно-нравственных ценностей. Именно поэтому идеал воина в православной традиции представляет собой уникальный феномен, сочетающий в себе служение как высшим духовным началам, так и Отечеству: в истории православной культуры русский воин не просто защитник земли и территории, но и страж Церкви, хранитель православного мира.

Обзор литературы

В Литература по теме настоящей статьи достаточно представительна в части рассмотрения отношения православия к войне и военной службе. Анализу данного соотношения на материалах творений святых отцов посвящены, в частности, работы Г. В. Максимова [1] и Г. О. Суханова [2]. Вопросы нравственно-патриотического воспитания военнослужащих на основах православной веры исследованы в диссертации Д. Н. Полохова [3]. Различные аспекты духовно-нравственного воспитания нынешних и будущих поколений военнослужащих освещаются в ряде научных статей¹. Для проведения исследования был использован широкий спектр источников, включающий классические, в том числе богословские, труды по вопросам войны и военного служения, исторические хроники, жития святых и современные публикации. Обращение при написании статьи к официальным церковным документам, таким как «Основы социальной концепции Русской

Православной Церкви»² и Катехизис Католической Церкви [4], способствовало уточнению ряда аспектов рассматриваемой проблемы сквозь призму доктринального церковного учения.

Методы и материалы исследования

Методологическую основу исследования составили принципы историко-культурного и церковно-исторического анализа, что позволило рассмотреть феномен православного воинства в его исторической динамике и культурном контексте. В работе активно применялся сравнительный метод, использовавшийся для сопоставления различных подходов к проблеме войны и военной службы в христианских конфессиях. Особое внимание уделялось герменевтическому анализу первоисточников, включая житийную литературу, патриаршие проповеди и церковные документы, что обеспечило достоверность интерпретации исторических фактов.

Результаты исследования

Уточнение содержания идеала православно-го воинства, более глубокое понимание специфики восприятия войны и воинского долга в православной традиции предполагают рассмотрение данных феноменов в иных христианских конфессиях, выявление общих черт и различий между ними, а также ключевых аспектов, влияющих на формирование религиозного сознания воина в каждой из них.

Проблема войны в христианском миропонимании всегда занимала особое место. О будущих войнах предупреждает сам Христос, призывая принять их неизбежность как неотъемлемый элемент земной истории (см. Мф. 24: 6).

Нравственные аспекты войны и военной службы, оправданности и моральной оценки вооруженного насилия традиционно относятся к наиболее сложным вопросам как богословия, так и философии. Сергей Булгаков, один из представителей русской религиозной философии, называет вопрос войны одним из тех «проклятых» вопросов, которые «как будто так и не поддаются окончательному решению, несмотря на свою кажущуюся простоту» [5, с. 138]. И причина этого кроется прежде всего в антиномичности, противоречивости самой войны как социального явления. «Война есть, вернее, может быть и величайшим злодеянием, и величайшей жертвой, жесточайшим насилием и высочайшим самоотвержением – и то, и другое вместе, в смешении и в неразличимости» [5, с. 138].

О неоднозначной природе войны еще в V веке

1 См., напр.: Саратовцева Н. В. Духовно-нравственные основы патриотического воспитания российской молодежи // Вестник Военного университета. 2010. № 1. С. 15–20.; Коровин В. М., Подлужный В. И., Свиридов В. А., Синева А. А. Духовные основы воспитания курсантов // Высшее образование в России. 2002. № 2. С. 112–115.; Безик Ю. И. Эволюция духовных основ воинского воспитания в русской армии и в настоящее время // Ипатьевский вестник. 2020. № 4. С. 68–76.; Чимаров С. Ю. К вопросу об истории религиозно-нравственного воспитания в русской армии // Христианское чтение. 2007. № 28. С. 166–184.

2 Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. URL: https://azbyka.ru/otechnik/dokumenty/osnovy-sotsialnoj-kontseptsii-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi/#0_8 (дата обращения: 19.01.2025).

пишет преподобный Исидор Пелусиот: «Войны воспламеняются больше всего ради приобретения чужой собственности. Но не должно обвинять всех ведущих войну; положивших начало или нанесению обиды, или хищению справедливо называть губительными демонами; отмщающих же умеренно не надлежит и укорять как несправедливо поступающих, потому что делают дело законное» [6].

Христианские конфессии при оценке исторической роли войны, возможности ее морального оправдания придерживаются относительного единства. Так, католицизм позиционирует доктрину «справедливой войны», основные принципы которой были сформулированы в работе Августина Аврелия (Блаженного) «О граде Божьем» [7, с. 333]. Они представлены в том числе и в Основах социальной концепции Русской Православной Церкви (РПЦ)³. В протестантизме сильна пацифистская традиция, особенно среди таких деноминаций, как квакеры, меннониты и некоторые группы анабаптистов. Эти общины отказываются от всякой формы насилия и военной службы, основывая свои убеждения на учениях Иисуса о любви к ближнему и к врагам. Однако даже в рамках пацифистской традиции отношение к военной службе во многом определяется текущими историческими событиями. Так, в первые дни Великой Отечественной войны в московской общине евангельских христиан состоялось большое патриотическое собрание, в ходе которого многие участники заявили о своем желании идти добровольцами в Красную Армию [8, с. 15–16]. В современных условиях руководство Российского союза евангельских христиан-баптистов (РС ЕХБ) заняло исключительно пацифистскую позицию⁴.

Православная традиция, которой следует РПЦ, отвергает насилие и войны, делая акцент на миротворчестве и поиске компромиссов. Сегодняшние заявления РПЦ и Патриарха Кирилла подтверждают приверженность этим идеалам. В «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» говорится: «Церковь, твердо осуждая войну как зло, должна приложить все силы для предотвращения его или, по меньшей мере, для минимизации его последствий. Если же война начинается несмотря на все, то Церковь продолжает благовествовать крест и благодать примирения (2 Кор. 5: 20), быстро приходя на помощь жертвам войны»⁵.

В 2024 г. Всемирный русский народный собор (ВРНС) под председательством Патриарха Кирилла назвал начавшуюся специальную военную операцию (СВО) новым этапом национально-освободительной борьбы русского народа против преступного киевского режима и стоящего за ним коллективного Запада, ведущейся на землях Юго-

Западной Руси с 2014 г.

Именно поэтому с духовно-нравственной точки зрения специальная военная операция была названа священной войной, в которой россияне защищают единое духовное пространство Святой Руси и мир в целом от натиска глобализма и впавшего в сатанизм Запада⁶. Таким образом, ВРНС придает СВО священный характер в связи с ее оценкой как непосредственного сражения с врагами Бога (см. Чис. 31: 3). Особенностью священных войн является, на наш взгляд, их абсолютно бескомпромиссный характер, предполагающий достижение возможного мира только в статусе победителя.

Особое место в системе нравственных ценностей, составляющих идеальный образ православного воина, принадлежит милосердию и жертвенности: «Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя» (Ин. 15: 13). Именно идея жертвенности, готовности к самопожертвованию имеет принципиальное значение для понимания особенностей идеала русского воина. Н. А. Бердяев, размышляя над особенностями отечественного национального самосознания, утверждает: «Русская идея – эсхатологическая, обращенная к концу... Но в русском сознании эсхатологическая идея принимает форму стремления ко всеобщему спасению. ... Русская религиозность носит соборный характер. Христиане Запада не знают такой коммюнитарности, которая свойственна русским» [9, с. 298].

Действительно, православная традиция рассматривает спасение как совместный *соборный* процесс, неразрывно связанный с жизнью всей Церкви. В контексте войны, в ходе которой личные интересы и стремления отступают перед необходимостью защиты общего блага, идея соборного спасения проявляет свою максиму. Воинское служение не может быть изолированным актом героизма или (в мирное время) фактом исполнения приказа – оно становится частью коллективного духовного подвига. Каждый воин воспринимается не просто как индивидуальный защитник Отечества, но как член единого организма, действующий во благо всего общества верующих. Такой подход формирует особое отношение к военной службе, где самопожертвование ради других и армейская взаимовыручка становятся не только долгом, но и естественным проявлением христианской любви, а также обязательным условием личного спасения.

Русский солдат – это патриот и аскет, готовый пожертвовать собой на благо Родины, что кардинально отличает православную традицию от традиций иных христианских конфессий и течений. Католицизм и особенно протестантизм делают больший акцент на *личном* спасении, вносят проблему нравственного выбора воина в пространство между Богом и отдельно взятым человеком. Православие пронизано духом жертвенности, восприятием подвига Христа как недостижимого образца самопожертвования. Православие – это не столько личное спасение, сколько спасение *всем миром*, проявление

3 Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. URL: https://azbyka.ru/otechnik/dokumenty/osnovy-sotsialnoj-kontseptsii-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi/#0_8 (дата обращения: 19.01.2025).

4 Обращение ВСБ, ЕБФ, РС ЕХБ к Президентам. URL: <https://baptist.org.ru/news/main/view/article/1678863?ysclid=Iz7ezozb4q173724591> (дата обращения: 19.11.2024).

5 Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. URL: https://azbyka.ru/otechnik/dokumenty/osnovy-sotsialnoj-kontseptsii-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi/#0_8 (дата обращения: 19.01.2025).

6 Наказ XXV Всемирного русского народного Собора «Настоящее и будущее Русского мира» // Патриархия.ру. 2024. 27 марта. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6116189.html> (дата обращения: 2.10.2024).

идеи соборности в условиях войны.

Патриарх Кирилл утверждает: «Сегодняшнее время являет нам очень много примеров самопожертвования... Мы видим, как сегодня на поле брани многие и многие становятся героями, потому что не жалеют своей жизни ради Родины, ради своих родных и близких, ради, в конце концов, тех ценностей, которые отстаивает сегодня Россия. Я не имею в виду какие-то политические принципы – я имею в виду те духовно-нравственные ценности, которые сегодня стали нашими национальными ценностями»⁷.

Святитель Иоанн Златоуст пишет, что воин, который не заботится о спасении других, лишает себя права на личное спасение: «Так и мы должны заботиться не только о своем спасении (но и о спасении ближних); иначе и сами не получим спасения. Воин, который во время сражения старается только о том, чтобы спасти себя самого бегством, вместе с собою губит и других; напротив, мужественный, сражаясь для защиты других, вместе с другими спасает и самого себя...» [10, с. 613].

В целом воинская служба в русской культуре исторически ассоциировалась с преодолением зла духовного, и этот аспект всегда имел глубокий религиозный контекст. Неслучайно в церковной традиции еще до времен схизмы возникла практика причисления воинов к лику святых⁸, существующая и сегодня. В России она нашла свое воплощение уже в древнерусском «Житие Александра Невского», свидетельствующем о святом князе Александре Невском [11, с. 12].

История России содержит множество примеров подобного беззаветного служения Отчизне и самопожертвования ради ее блага, начиная с самого князя Владимира, инициатора крещения Руси по восточно-христианскому образцу. Известно, что до принятия христианства будущий Святой равноапостольный великий князь был воинствующим язычником, ведущим далекий от содержания христианских и современных моральных норм образ жизни. Обращение коренным образом изменило его мировоззрение, привело князя к исключительной благочестивости и глубокому раскаянию в прежних прегрешениях. Защищая недавно обращенное в христианство государство, князь Владимир боролся с набегами печенегов, бывших в своем абсолютном большинстве приверженцами язычества или ислама [12, с. 36–51]. Король Норвегии Олаф II также почитается в православии как святой⁹ за активную вооруженную борьбу, которую он вел в XI в. против последователей языческих верований. Олаф погиб в бою, став мучеником за веру [13, р. 22]. Князь

Александр Невский почитается РПЦ как талантливый полководец, сохранивший независимость от католического Ливонского ордена, и дипломат, сумевший договориться с татаро-монголами о мире. Незадолго до кончины он принял иноческую схиму с именем Алексия. Ключевой заслугой Александра Невского признается защита православной веры, его отказ заключить унию с Римом в обмен на помощь в борьбе с Ордой, обеспечивший Русской Православной Церкви ее самостоятельность [14, с. 492]. В 2021 г. РПЦ учрежден Орден Святого благоверного великого князя Александра Невского. В Вооруженных силах РФ Александр Невский почитается как покровитель Сухопутных войск и Морской пехоты ВМФ.

Менее известным представителем княжеского сословия является князь Довмонт Псковский, выходец из литовского рода. После государственного переворота в Литве Довмонту пришлось искать убежище, и он нашел его в Пскове, где принял крещение под именем Тимофея. Жители Пскова по достоинству оценили добродетели и волевые качества Довмонта, избрав его своим князем. На протяжении тридцати трех лет Довмонт успешно управлял городом, проявив себя бесстрашным воином и искусным военачальником, превратившим Псков в неприступную крепость для немецких завоевателей. За праведную жизнь и военные заслуги Довмонт Псковский был канонизирован [15, с. 95–124]. Канонизирован РПЦ и великий князь Дмитрий Донской, возглавлявший русское войско в ходе Куликовской битвы, победа в которой стала важным шагом на пути освобождения Руси от ордынского ига. В миру Дмитрий Донской был глубоко религиозным человеком, ежедневно посещавшим храм, в период поста носившим власяницу. При этом князь не хотел становиться иноком, считая, что государю подобает завершить свой жизненный путь на престоле, а не в келье [16, с. 12]. Дмитрий Донской был канонизирован в 1988 г., а в 2004 г. РПЦ учрежден орден Святого благоверного великого князя Дмитрия Донского¹⁰.

В целом почитание в РПЦ представителей княжеского сословия обусловлено их значительным вкладом в укрепление православной веры и государственности, а также проявлением личных добродетелей, включая благочестие, смирение, мужество и мудрость. Их деяния рассматриваются не только как исторические факты, но и как духовно-нравственные примеры, демонстрирующие синтетический идеал земного и божественного служения.

К лику святых был причислен и целый ряд простых воинов. Примером служит жизнь преподобного Илии Печерского, широко известного как Илья Муромец. С раннего возраста он страдал недугом, препятствовавшим ходьбе. Впоследствии Илия получил исцеление, был воином, отличавшимся выдающимися физическими данными. По оставлении военной службы Илия принял монашество и погиб

7 Патриарх Кирилл. Патриаршая проповедь в четверг первой седмицы Великого поста после великого повечерия в Храме Христа Спасителя // Патриархия.ру. 2023. 2 марта. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6007765.html> (дата обращения: 22.04.2024).

8 К числу наиболее известных воинов, канонизированных неразделенной Церковью, относятся Георгий Победоносец, Дмитрий Солунский (Фессалоникийский), Андрей Стратилат, Феодор Тирон.

9 Святой Олаф – последний (перед расколом христианства в 1054 г.) святой, канонизированный католической церковью, почитаемый и РПЦ.

10 Князь Дмитрий Донской: «первоначальник русской славы», триумфатор Куликовской битвы и собиратель Руси // Президентская библиотека. 2018. 12 октября. URL: <https://www.prilib.ru/news/1166786> (дата обращения: 12.10.2024).

при защите Киева и Лавры от половцев. Согласно данным «Русского биографического словаря», в котором описано тело умершего Илии, его «левая рука пробита копьем, другая показывает крестное знамение, а тело лежит в нетлении» [17, с. 90]. В современной России Илия Печерский считается святым покровителем пограничной службы, Ракетных войск стратегического назначения и дальней авиации¹¹.

Менее известна история святого Меркурия Смоленского, уроженца Моравии. В юности переехал в Смоленск, где поступил на военную службу. «Жития святых» свидетельствуют о его жертвенном подвиге во время осады Смоленска войсками Батыя. В тот день местный пономарь молился в храме и услышал голос Пресвятой Богородицы, просившей позвать Меркурия. Повинуясь ее призыву встать на защиту храма, Меркурий в одиночку атаковал вражеский лагерь, уничтожил многих противников, однако сам погиб [18, с. 649].

Значимым образом истории русской православной культуры служит и Александр Пересвет, причисленный РПЦ к лику преподобных. Подобно Илье Печерскому, он принес славу русскому монашеству, пав в бою. Перед каждой битвой Александр совершал молитву в своей келье. Согласно преданию, во время Куликовской битвы Пересвет принял вызов считавшегося непобедимым татарского богатыря Челубея. В ходе схватки оба воина пронзили друг друга копьями и погибли. Существует версия, согласно которой в этой же битве был убит соратник Пересвета – Андрей (Родион) Ослябя, также канонизированный РПЦ. Перед началом похода преподобный Сергей Радонежский возвел Пересвета и Ослябю в высшую степень монашеского отречения от мирской жизни – в схиму [19]. Показательно, что и Пересвет, и Ослябя никогда не использовали доспехи и участвовали в боях в монашеском одеянии.

Среди русских воинов, которые удостоились канонизации в более позднее время, отметим Иоанна Русского. Представитель русского казачества, он попал в плен в 1711 г. во время Прутского похода. В отличие от иных представленных в настоящей статье воинов, Иоанн был канонизирован благодаря не только его стоической верности православию, отказу принять ислам, несмотря на насилие и унижения, но и чудесным способностям, нашедшим проявление в обыденной жизни¹². Он снискал уважение местного населения, которое почитало его как праведника. Мощи Иоанна остаются нетленными и сегодня, а храм, где они хранятся, привлекает паломников различных религиозных конфессий [20].

XVIII в. был веком еще одного святого русско-го воина – адмирала Федора Ушакова, героя Русско-

турецкой войны 1787–1791 гг. Благодаря своему незаурядному уму, он смог одолеть турецкий флот, сокрушив его у мыса Калиакрия. По итогам войны в состав России вошли Крым и Очаков. За храбрость и преданность Отечеству, а также за праведную и скромную жизнь в 2001 г. русский адмирал был причислен РПЦ к лику святых как праведник [21].

В августе 2023 г. Синод РПЦ «возобновил процесс подготовки» возможной канонизации генералиссимуса Александра Суворова. Окончательное решение по вопросу причисления к лику святых прославленного полководца будет принимать Архиерейский собор РПЦ¹³.

Двадцатый век для России был веком Советского Союза, господства коммунистической идеологии и «воинствующего атеизма», что тем не менее никак не отразилось на отношении РПЦ к оценке войны и военной службы. Сами священнослужители принимали активное участие в защите Советской страны в годы Великой Отечественной войны. Г. Г. Карпов, уполномоченный Совнаркома по делам религии в тот период, в своем отчете упоминает ряд священнослужителей, удостоенных боевых наград, в частности священника Ранцева – кавалера ордена Красной Звезды, протоиерея Зверева и диакона Хиткова, каждый из которых был награжден четырьмя боевыми медалями, ряд других служителей церкви [22]. Еще одним примером является участник Великой Отечественной войны митрополит Алексей (в миру Виктор Коноплев). С фронта будущий митрополит вернулся кавалером ордена Отечественной войны, награжденным медалями «За боевые заслуги» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [23].

Особенно значимо в контексте данной статьи активное участие РПЦ в духовном воспитании и поддержке армии, активной деятельности, направленной на укрепление патриотического духа населения. За проведение работы по патриотическому воспитанию в период Великой Отечественной войны в одной только Московской области более 50 представителей духовенства были награждены медалью «За доблестный труд в Отечественной войне 1941–1945 гг.»¹⁴.

Традиции русского воинства, приверженность духовным ценностям и верность своим убеждениям нашли продолжение и в ходе чеченской кампании. Одним из наиболее значимых примеров является подвиг рядового Евгения Родионова, захваченного в мае 1996 г. в плен боевиками. На протяжении трех месяцев Родионов выдерживал издевательства и пытки, однако самым серьезным испытанием стало предложение отказаться от своей христианской веры, снять нателный крест и принять ислам. Несмотря на угрозу смерти, Евгений остался верен своим убеждениям и отказался выполнить требования боевиков, за что был казнен через отсечение го-

11 Стефанов С. Загадка Ильи Муромца: как легендарный богатырь стал русским святым. URL: <https://ria.ru/20180101/1511970807.html> (дата обращения: 22.10.2024).

12 К примеру, во время хаджа турецкого военачальника, которому принадлежал Иоанн, его жена приготовила плов. Иоанн попросил у нее порцию, сказав, что доставит плов ее мужу. Гости хозяйки сочли это шуткой. Возвратившись домой, турок рассказал историю, как, придя из Мекканской мечети в закрытый дом, он обнаружил на столе плов, а на блюде было выгравировано его имя, как на всей посуде в его родном доме.

13 Емельяненко В. В РПЦ считают, что полководец Суворов достоин причисления к лику святых. URL: <https://rg.ru/2024/11/18/rpc-schitaiut-cto-polkovodec-suvorov-dostoin-prichisleniiu-k-liku-sviatyh.html> (дата обращения: 22.12.2024).

14 ЦГАМО Ф. 2157. Оп. 2. Д.937. Л. 96-101. Подлинник. Подпись – автограф.

ловы. Этот акт самопожертвования стал символом стойкости духа и верности своим принципам, демонстрируя глубокую связь между религиозными и патриотическими чувствами, характерную для многих поколений российских воинов. Воин Евгений Родионов не был канонизирован РПЦ, но является местночтимым святым в Астраханской митрополии и Сербской Православной Церкви¹⁵.

Обсуждение и заключения

Результаты исследования раскрываются в уникальном синтезе духовно-нравственных ориентиров и практических аспектов военного служения в рамках православного воинского идеала. Историко-культурный и религиозный контекст его формирования обусловил значимость последнего для формирования национальной идентичности.

Православный воин выступает не только защитником Отечества, но и носителем высоких моральных качеств, среди которых особое место принадлежит милосердию, справедливости и готовности к самопожертвованию. Исторические образы святых воинов, таких как князь Дмитрий Донской, монах Александр Пересвет, рядовой Евгений Родионов и других свидетельствуют о глубокой связи физической силы с духовной стойкостью, придающей военному служению глубокий смысл и ценность.

Проведенный анализ демонстрирует стремление православного воина к спасению «всем миром», что отличает его миропонимание от западных моделей, акцентирующих внимание на либеральных ценностях и ценностях личного спасения. Данная особенность придает православному военному идеалу актуальность в современной реальности, когда вопросы войны и мира требуют осмысления сквозь призму этических и духовных категорий. Исследование данного феномена способствует более глубокому пониманию роли религии в формировании нравственной основы военного дела, в укреплении связей между историческим прошлым и современностью в деле защиты духовных и культурных ценностей. Идеи жертвенности, соборности и коллективного спасения составляют основу восприятия войны и роли воина-защитника. Эти идеи задают высокие стандарты поведения военнослужащего, способствуют поддержанию внутренней духовной гармонии и препятствуют проявлениям насилия.

Обращение к православному идеалу русского воинства особенно актуально в современных условиях, когда Россия сталкивается с необходимостью укрепления духовных основ перед лицом глобальных вызовов. Данный идеал на протяжении многовековой истории нашей страны перманентно требует служения Отечеству на основе высоких моральных принципов, объединяя поколения в стремлении сохранить национальные и культурные ценности.

Список источников

1. Максимов Г. В. Православное отношение к во-

йне и воинскому служению. М. : Православное миссионерское общество имени преподобного Серапиона Кожеевского, 2015. 40 с.

2. Суханов Г. О. Православное осмысление войны на основе Священного Писания и святоотеческого наследия // Богословский вестник. 2024. № 3 (54). С. 340–370.

3. Полохов Д. Н. Нравственно-патриотическое воспитание в вооруженных силах на основах православной христианской веры : дис. ... канд. богосл. Сергиев Посад, 2000. 81 с.

4. Катехизис Католической Церкви. М. : Духовная Библиотека, 2001. 814 с.

5. Булгаков С. Н. Размышления о войне // Звезда. 1993. № 5. С. 138–162.

6. Исидор Пелусиот, свт. Письмо 518: Монаху Алфию // Творения святого Исидора Пелусиота : в 3 т. Т. 3. М. : Тип. В. Готье, 1860. С. 382–383.

7. Августин Блаженный. О Граде Божием // Творения : в 4 т. Т. 3: Книги XIV–XXII. СПб. : Алетейя ; Киев : УЦИММ-Пресс, 1998. 584 с.

8. Всесоюзное совещание евангельских христиан и баптистов в Москве с 26 по 29 октября 1944 г. : записи заседаний // Братский вестник. 1945. № 1. С. 15–16.

9. Бердяев Н. А. Русская идея. СПб. : Азбука-классика, 2008. 320 с.

10. Иоанн Златоуст. Толкование на святого Матфея евангелиста, LIX, 5 // Творения св. отца нашего Иоанна Златоуста, архиеп. Константинопольского, в русском переводе : в 12 т. Т. 7, кн. 2. СПб. : Изд-во СПбДА, 1901. С. 612–614.

11. Житие Александра Невского / пер. и коммент. В. И. Охотниковой // ПЛДР. М. : Художественная литература, 1981. 56 с.

12. Троицкий Д. И. Домонгольская Русь. СПб. : Синодальная типография, 1914. 56 с.

13. Passio et Miracula Beati Olai / ed. from a twelfth-century manuscript in the library of Corpus Christi College, Oxford; with an introduction and notes by F. Metkalf. Oxford, 1881. 130 p.

14. Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Дмитрия Ростовского : в 12 кн. Кн. 12. Август. М. : Ковчег, 2010. 688 с.

15. Андреев, А. Р. Князь Довмонт Псковский : документальное жизнеописание : историческая хроника XIII века. М. : Межрегиональный центр отраслевой информатики Госатомнадзора России, 1998. 257 с.

16. Тальберг Н. Д. Святая Русь. СПб. : Изд-во им. А. С. Суворина, 1992. 101 с.

17. Русский биографический словарь: Ибак – Ключарев : в 25 т. Т. 8. / изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А. А. Половцова. СПб. : Типография Главного управления уделов, 1897. 756 с.

18. Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Дмитрия Ростовского : в 12 кн. Кн. 3. Ноябрь. М. : Ковчег, 2010. 784 с.

19. Александр (Пересвет) и Андрей (Ослябя) Радонежские // Православная энциклопедия : в 75 т.

15 Саулкин В. Умри за Веру и Отечество, и ты примешь жизнь и венец на небе. URL: <https://radonezh.ru/2021/05/25/umri-za-veru-i-otechestvo-i-ty-priimesh-zhizn-i-venec-na-nebe> (дата обращения: 14.12.2024).

Т. I. М. : Православная энциклопедия, 2000. С. 532–533.

20. Иоанн Русский // Православная энциклопедия. М. : Православная энциклопедия : в 75 т. Т. 24. С. 598–600.

21. Овчинников В. Д. Духовно-нравственное наследие адмирала Ф. Ф. Ушакова // Военно-исторический журнал. 2009. № 3. С. 43–45.

22. Якунин В. Н. Свидетельствует спецхран // Наука и религия. 1995. № 5. С. 14–15.

23. Басюк Иоанн. Епископ, воин, гражданин // Журнал Московской Патриархии. 1985. № 5. С. 44–45.

References

1. Maximov G. V. The Orthodox attitude to war and military service. Moscow, Publishing Orthodox Missionary Society named after St. Serapion Kozheozersky, 2015. 40 p. (In Russ.)

2. Sukhanov G. O. Orthodox understanding of war based on Holy Scripture and patristic heritage. *Bogoslovskiy vestnik* = Theological Bulletin. 2024; 3(54):340-370. (In Russ.)

3. Polohov D. N. Moral and patriotic education in the armed forces on the basis of the Orthodox Christian faith: dis. ... Cand. Theology. Sergiev Posad, 2000. 81 p. (In Russ.)

4. Catechism of the Catholic Church. Moscow, Spiritual Library, 2001. 814 p. (In Russ.)

5. Bulgakov S. N. Reflections on the war. *Zvezda* = Star. 1993; 5:138-162. (In Russ.)

6. Isidore of Pelusium, Saint Letter 518: To the monk Alphius. *Tvoreniya svyatogo Isidora Pelusiota* = Works of Saint Isidore of Pelusium: in 3 vol. Vol. 3. Moscow, V. Gautier's Printing House, 1860. Pp. 382-383. (In Russ.)

7. Augustine the Blessed. About the City of God. *Tvoreniya* = Works: in 4 vol. Vol. 3: Books XIV-XXII. St. Petersburg, Aletheia; Kiev, UCIMM-Press, 1998. 584 p. (In Russ.)

8. All-Union Conference of Evangelical Christians and Baptists in Moscow from October 26 to 29, 1944: Recordings of the meetings. *Bratskiy vestnik* = Brotherly Herald. 1945; 1:15-16. (In Russ.)

9. Berdyaev N. A. Russian idea. St. Petersburg, Azbuka-klassika, 2008. 320 p. (In Russ.)

10. John Chrysostom. Commentary on St. Matthew the Evangelist, LIX, 5. *Tvoreniya sv. ottsa nashego Ioanna Zlatousto, arkhiep. Konstantinopol'skogo, v russkom perevode* = Works of our Holy Father John Chrysostom, Archbishop of Constantinople, in Russian translation: in 12 vol. Vol. 7, book 2. St. Petersburg, St. Petersburg Theological Academy Publ., 1901. Pp. 612-614. (In Russ.)

11. The Life of Alexander Nevsky / translated and commented by V. I. Okhotnikova. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi (PLDR)* = Literary Monuments of Ancient Rus (LMAR). Moscow, Literary Fiction, 1981. 56 p. (In Russ.)

12. Troitsky D. I. Pre-Mongol Russia. St. Petersburg, Synodal Printing House, 1914. 56 p. (In Russ.)

13. *Passion et Miracula Beati Olai* / ed. from the twelfth century manuscript in the library of Corpus Christi College, Oxford. With an introduction and notes by F. Metkalfe. Oxford, 1881. 130 p.

14. *Lives of the Saints in Russian*, set out according to the Menaion Reader of Saint Demetrius of Rostov: in 12 books. Book 12. August. Moscow, Ark, 2010. 688 p. (In Russ.)

15. Andreev A. R. Prince Dovmont of Pskov: documentary biography: historical chronicle of the 13th century. Moscow, Interregional Center for Industry Informatics of the Russian State Nuclear Supervision Authority, 1998. 257 p. (In Russ.)

16. Talberg N. D. Holy Russia. St. Petersburg, A. S. Suvorin Publishing House, 1992. 101 p. (In Russ.)

17. *Russian Biographical Dictionary: Iba* – Klyucharev / published under the supervision of the Chairman of the Imperial Russian Historical Society A. A. Polovtsov: in 25 vol. Vol. 8. St. Petersburg, Printing House of Chief Administration of Appanages, 1897. 756 p. (In Russ.)

18. *Lives of the Saints in Russian*, set out according to the Menaion Reader of Saint Demetrius of Rostov: in 12 books. Book 3. November. Moscow, Ark, 2010. 784 p. (In Russ.)

19. Alexander (Peresvet) and Andrey (Oslyabya) of Radonezh. *Pravoslavnaya entsiklopediya* = Orthodox Encyclopedia: in 75 vol. Vol. I. Moscow, Orthodox Encyclopedia, 2000. Pp. 532-533. (In Russ.)

20. John the Russian. *Pravoslavnaya entsiklopediya* = Orthodox Encyclopedia: in 75 vol. Vol. 24. Moscow, Orthodox Encyclopedia, Pp. 598-600. (In Russ.)

21. Ovchinnikov V. D. Spiritual and moral heritage of Admiral F. F. Ushakov. *Voенно-istoricheskij zhurnal* = Military History Journal. 2009; 3:43-45. (In Russ.)

22. Yakunin V. N. The special repository testifies. *Nauka i religiya* = Science and Religion. 1995; 5: 14-15. (In Russ.)

Basyuk John. Bishop, warrior, citizen. *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii* = Journal of the Moscow Patriarchate. 1985; 5:44-45. (In Russ.)

Информация об авторе:

Малов А. В. – доцент Департамента гуманитарных наук Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, канд. филос. наук, доц.

Information about the author:

Malov A. V. – Associate Professor of the Department of Humanities of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Ph.D. (Philosophy), Doc.

Статья поступила в редакцию 12.02.2025; одобрена после рецензирования 19.02.2021; принята к публикации 20.02.2025.

The article was submitted 12.02.2025; approved after reviewing 19.02.2021; accepted for publication 20.02.2025.

ИСТОРИЯ

Научная статья

УДК 94(470.345)(045)

doi: 10.51609/2079-3499_2025_16_02_104

Власть и общество Республики Мордовия в условиях специальной военной операции: историко-культурный анализ

Александр Валентинович Мартыненко^{1*}, Тимофей Дмитриевич Надькин²,
Дмитрий Александрович Гунин³

^{1,2,3}Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева

¹arkanaddin@mail.ru*, <http://orcid.org/0000-0002-4701-6398>

²ntd2006@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2677-8529>

³gunin_00@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-3856-5459>

Аннотация. Статья представляет собой анализ общественно-политической, этнокультурной и конфессиональной ситуации в Республике Мордовия в условиях специальной военной операции (СВО). Делается вывод о единстве власти и абсолютного большинства регионального социума в поддержке и оказании помощи СВО, об общественной мобилизации в условиях вооруженной борьбы России за свой суверенитет. На фронтах специальной военной операции сражались и сражаются многие жители и уроженцы Республики Мордовия. Под руководством Главы Республики Мордовия А. А. Здунова был реализован ряд мер, связанных с новыми реалиями страны и направленных на адаптацию экономики республики к потребностям фронта. Фактически все этнокультурные организации Республики Мордовия, а также традиционные конфессии (Русская православная церковь, мусульманская умма) выразили публичную поддержку СВО. Общественное восприятие СВО в республике полностью отражает общероссийскую ситуацию. Несмотря на все трудности и потери, население Мордовии в большинстве своем поддержало и продолжает поддерживать операцию Российской армии на территории Украины, признав вынужденный и необходимый характер этой меры, связанной с защитой суверенитета и безопасности нашей страны. Недовольство в большинстве случаев носит латентный характер, представляя собой настроения меньшинства.

Ключевые слова: Республика Мордовия, специальная военная операция, региональный социум, общественная мобилизация, эффективное взаимодействие власти и общества, этнокультурные организации, традиционные конфессии

Для цитирования: Мартыненко А. В., Надькин Т. Д., Гунин Д. А. Власть и общество Республики Мордовия в условиях специальной военной операции: историко-культурный анализ // Гуманитарные науки и образование. 2025. Т. 16, № 2 (62). С. 104–109. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_104

HISTORY

Original article

The government and society of the Republic of Mordovia in the context of the Special Military Operation: historical and cultural analysis

Alexander V. Martinenko^{1*}, Timofey D. Nadkin², Dmitriy A. Gunin³

^{1,2,3}Mordovian State Pedagogical University, Saransk, Russia

¹arkanaddin@mail.ru*, <http://orcid.org/0000-0002-4701-6398>

²ntd2006@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2677-8529>

³gunin_00@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-3856-5459>

Abstract. The article presents an analysis of the socio-political, ethnocultural and confessional situation in the Republic of Mordovia in the context of the Special Military Operation (SMO). The conclusion is made about the unity of the authorities and the absolute majority of the regional society in supporting and providing assistance to the SMO, about public mobilization in the context of Russia's armed struggle for its sovereignty. Many residents and natives of the Republic of Mordovia fought and are fighting on the fronts of the Special Military Operation. Under the leadership of the Head of the Republic of Mordovia A. A. Zdunov, a number of measures were implemented related to the new realities of the country and aimed at adapting the republic's economy to the needs of the front. In fact, all ethnocultural organizations of the Republic of Mordovia, as well as traditional confessions (the Russian Orthodox Church, the Muslim Ummah) expressed public support for the SMO. The public perception of the SMO in the republic fully reflects the all-Russian situation. Despite all the difficulties and

losses, the population of Mordovia supported and continues to support the operation of the Russian army on the territory of Ukraine, recognizing the forced and necessary nature of this measure related to the protection of the sovereignty and security of our country. Discontent in most cases is latent, representing the mood of the minority.

Keywords: Republic of Mordovia, Special Military Operation, regional society, public mobilization, effective interaction between government and society, ethno-cultural organizations, traditional faiths

For citation: Martynenko A. V., Nadkin T. D., Gunin D. A. The government and society of the Republic of Mordovia in the context of the Special Military Operation: historical and cultural analysis. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education. 2025; 16(2-62):104-109. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_104

Введение

Тектонические процессы, происходящие сегодня в мире, носят сложный, многоуровневый характер, или, другими словами, происходят как бы в разных измерениях. Например, есть геополитическое измерение: оно охватывает сферу международных отношений – это те события и процессы, которые происходят у нас на глазах и, более того, в которое вовлечено современное российское общество. Рушится однополярный мир, в основе которого лежит гегемония Соединенных Штатов Америки и подмена международного права некими «правилами» коллективного Запада. Французский философ Ж. Корм дает этой ситуации следующую историко-софскую трактовку: «Развертывание американской военной, научной и экономической власти, которая стремится возвыситься над всеми имперскими системами, известными в истории человечества, не может не впечатлять... Те, кто противится этому новому порядку, изображаются в качестве мрачных реакционеров, отбросов, которые надо выместить или, по крайней мере, не давать им голоса, поскольку их отказ от нового порядка помогает внешним врагам, тем, кто отрекаются от цивилизации и ее благодетелей»¹.

В то же время новые центры силы – Китай, Индия, арабский мир, Турция, Иран, страны Африки южнее Сахары, страны Латинской Америки – всё в большей степени проявляют самостоятельность, проводят политику, всё более независимую по отношению к диктату со стороны США.

В 2022 г. эти тектонические процессы вступили в острую фазу в связи с началом специальной военной операции России, которая была вынуждена начать вооруженную борьбу за свой суверенитет и за свои национальные интересы.

СВО привела к глубоким изменениям во всех сферах жизни нашей страны – от экономики и международного положения до общественных настроений и ситуации в сфере культуры. В полной мере эти изменения затронули все регионы Российской Федерации. Не стала исключением и Республика Мордовия.

Обзор литературы

Несмотря на то, что специальная военная операция вооруженных сил Российской Федерации продолжается в настоящее время, охватывая на сегодняшний день три последних года, она уже стала объектом пристального внимания исследователей – специалистов в области политологии, со-

циологии, психологии и др. В данной статье привлечены материалы исследований по различным аспектам заявленной проблематики, таким как предпосылки проведения СВО (А. Н. Михайленко [1]), общественное отношение россиян к СВО (А. А. Казаков [2], Цветкова Г. А. [3]), формулировка дефиниций и терминологии, связанной с СВО (Е. Р. Макоева и А. Х. Курашинова [4], В. В. Фортунатов [5]). Кроме того, статья опирается на работы, связанные с геополитическими, этнополитическими и социокультурными реалиями современной России и современного мира, таких авторов, как упомянутый выше Ж. Корм [6], Т. П. Матяш [7], А. Н. Халтурин [8].

Материалы и методы

В основе данного исследования лежит контент-анализ достаточно обширных материалов, тематически связанных с влиянием СВО на этнополитическую ситуацию в Республике Мордовия, представленных в региональных печатных СМИ и интернет-изданиях.

В последние годы в дискурсе гуманитарных и общественных наук утверждается концепция России как государства-цивилизации. Историк и общественный деятель В. А. Никонов, обосновывая данную трактовку, пишет: «Сегодня Российская Федерация продолжает оставаться державой первого порядка по размеру территории, природным ресурсам, военно-стратегическим возможностям, политическому престижу, позициям в международных организациях, влиянию в СНГ. Крайне важно, опираясь на знание прошлого, предложить образ достойного завтра. Ведь российская цивилизация всегда была, есть и будет не воспоминанием о прошлом, а мечтой о будущем!»². В связи с этим авторы данной статьи в методологическом плане опираются на цивилизационный подход, делая основной акцент не на теоретических построениях «Заката Европы» О. Шпенглера [9] и «Постижения истории» А. Дж. Тойнби [10], а на концепции Н. Я. Данилевского [11], обосновывавшего уникальный характер российской цивилизации.

Результаты исследования

Общественное восприятие СВО в республике полностью отражает общероссийскую ситуацию, или, во всяком случае, ситуацию в российской провинции. Несмотря на все трудности и потери, население Мордовии в большинстве своем поддержало и продолжает поддерживать операцию Российской армии на территории Украины, признав вынужден-

¹ Корм Ж. Религиозный вопрос в XXI веке. Геополитика и кризис постмодерна. М., 2012. С. 18–19.

² Никонов В. А. Понять Россию... Ч. IV. Российская Федерация. М., 2016. С. 275.

ный и необходимый характер этой меры, связанной с защитой суверенитета и безопасности нашей страны.

На фронтах специальной военной операции сражались и сражаются многие жители и уроженцы Республики Мордовия, как и всех других субъектов нашей страны. В условиях СВО статистические данные о количестве контрактников, добровольцев, мобилизованных из Мордовии, а также сведения о боевых потерях не являются открытой информацией. Однако уже известны имена героев, отличившихся на поле боя. Например, широкую известность получил уроженец мордовского села Ардатово гвардии ефрейтор воздушно-десантных войск Давид Алексеевич Малыйкин. В одном из боев он уничтожил два украинских танка и вынес с поля сражения восемь своих товарищей. А известен он стал благодаря эпизоду на церемонии награждения в Кремле, прошедшей 9 декабря 2022 г. Это тот самый военнотружачий, который во время ответного слова после награждения Золотой звездой Героя России разволновался и замолчал, на что Президент России похлопал его по плечу и сказал: «Спокойно. Здесь все свои»³.

Здесь уместно также вспомнить известные слова Президента В. В. Путина, связанные с посмертным представлением к званию Героя России уроженца Дагестана Нурмагомед Гаджимагомедова: «Я лакец, я дагестанец, я чеченец, ингуш, русский, татарин, еврей, **мордвин** (выделено нами. – А. М., Т. Н., Д. Г.), осетин»⁴. Даже в этом эмоциональном пассаже главы российского государства буквально одним словом – указанием национальности – отражена причастность маленькой поволжской республики к СВО, в которую сейчас вовлечена вся страна.

Под руководством Главы Республики Мордовия А. А. Здунова был реализован ряд мер, связанных с новыми реалиями страны. Прежде всего это адаптация экономики республики к потребностям фронта: налажено производство бронжилетов, спальных мешков, термобелья, осенью 2023 г. началось производство беспилотных летательных аппаратов, которые стали играть столь важную роль в текущих боевых действиях⁵.

Специальная военная операция была поддержана фактически всеми организациями Республики Мордовия – государственными, негосударственными, частными. Естественно, не остались в стороне и этнокультурные объединения Мордовии.

Фактически все этнокультурные организации Республики Мордовия, в том числе Межрегиональная общественная организация мордовского (мок-

шанского и эрзянского) народа, Национально-культурная автономия татар республики «Якташлар» и другие также выразили публичную поддержку СВО. Например, в августе 2023 г. в Саранске состоялся II Всероссийский форум финно-угорских народов, собравший гостей из 35 регионов России, в том числе среди гостей были представители наших новых территорий – Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики, Херсонской и Запорожской областей⁶. Итоги форума были подведены 19 августа 2023 г. на расширенном заседании Исполкома Межрегиональной общественной организации мордовского (мокшанского и эрзянского) народа с говорящей за себя темой-повесткой: «Консолидация мордовского (мокшанского и эрзянского) народа в условиях современных вызовов». С одной стороны, на совещании лидеры и активисты данной организации традиционно говорили о проблемах развития мордовской культуры, преподавания мордовских языков. С другой стороны, речь шла и о том, что в условиях СВО чрезвычайно важной задачей является усиление общегражданской российской идентичности в духе небезызвестного принципа «единства в многообразии», то есть единства многонациональной российской гражданской нации в многообразии составляющих ее этносов, культур и конфессий. Это, по мнению авторов статьи, является подтверждением реального наличия такой идентичности, как «российская нация», укрепление которой является сегодня задачей государственного значения.

10–11 октября 2024 г. в Саранске прошел VIII съезд мордовского народа. Несмотря на традиционную повестку этнокультурного строительства и развития, тема специальной военной операции на этом съезде была сквозной. В рядах делегатов было немало ветеранов СВО. Примечательно, что съезд проголосовал за решение убрать из названия «Межрегиональная общественная организация мордовского (мокшанского и эрзянского) народа» уточнение в скобках, чтобы впредь она именовалась просто Организация мордовского народа.

Что касается конфессиональной ситуации в Мордовии 2022–2023 гг., то фактически общую поддержку специальной военной операции выразили и духовный лидер православных христиан республики – митрополит Саранский и Мордовский Зиновий и муфтий Духовного управления мусульман Республики Мордовия Раиль-хазрат Асаинов. Они достаточно активно выступают в публичном и медийном пространстве республики (местные телепрограммы, газеты, сегмент Интернета, конференции, «круглые столы», встречи со студентами и так далее) и фактически высказывают консолидированную позицию, согласно которой историческая правда и справедливость сейчас на стороне России.

Помимо поддержки СВО в проповедях и публичных выступлениях православного духовенства

3 Путин по-отцовски поддержал награжденного Героем России ефрейтора из Пскова: «Спокойно, здесь все свои» // Комсомольская правда. 9 декабря 2022. URL: <https://www.pskov.kp.ru/daily/27482.5/4689935/> (дата обращения: 01.02.2025).

4 Путин: «Я лакец, я дагестанец, я чеченец, ингуш, русский, татарин, еврей, мордвин, осетин...» // Комсомольская правда. 3 марта 2022. URL: <https://www.kp.ru/daily/27371/4553876> (дата обращения: 01.02.2025).

5 Быкова Н. Россия запускает производство беспилотников // Эксперт. URL: <https://expert.ru/2023/09/7/mordoviya-zapuskayet-proizvodstvo-bespilotnikov/> (дата обращения: 04.02.2025).

6 Романова А. В Мордовии подвели итоги II Всероссийского форума финно-угорских народов // Российская газета. 23 августа 2023 г. URL: <https://rg.ru/2023/08/23/reg-pfo/v-mordovii-podveli-itogi-ii-vserossijskogo-foruma-finno-ugorskih-narodov.html> (дата обращения: 04.02.2025).

и мусульманских религиозных деятелей, реальную и посильную помощь фронту оказывают верующие этих конфессий. Например, во многих православных храмах Мордовии прихожанки плетут маскировочные сети. Отдельным сюжетом является участие в СВО представителей казачества Мордовии. После 24 февраля 2022 г. в боевых действиях на Украине в качестве добровольцев на контрактной основе приняли участие 12 членов Саранского городского казачьего общества «Свято-Предтеченское»⁷.

Разнообразна в данном отношении деятельность мусульман Мордовии. Это в первую очередь гуманитарная помощь новым регионам. Например, в августе 2023 г. Духовное управление мусульман РМ профинансировало строительство детской площадки в районном центре Каланчак Херсонской области. В самой Мордовии местные мусульмане оказывают финансовую и иную помощь семьям участников СВО. Налаживаются связи мусульман республики с их единоверцами на Донбассе. Так, в сентябре 2023 г. делегация мусульман Мордовии посетила Мариуполь, где приняла участие в открытии местной мечети⁸.

В 2024 г. Мордовию затронула не только СВО, но и сопутствующие трагические события. Например, во время жестокой атаки на подмосковный комплекс «Крокус Сити холл» от рук террористов погибли три жителя Мордовии, в том числе кандидат исторических наук, доцент Мордовского государственного педагогического университета Ирина Александровна Фирсова – прекрасный человек и преподаватель, с которой два автора статьи (А. В. Мартыненко, Т. Д. Надькин) проработали на одной кафедре более двадцати лет⁹. Кроме того, республика подверглась атаке украинских беспилотных летательных аппаратов. Атака произошла в ночь с 10 на 11 апреля 2024 г.: два БПЛА на территории Ковылкинского района Мордовии попытались поразить радиолокационную станцию, но были успешно сбиты силами ПВО, пострадавших нет. Это была первая попытка военной атаки республики¹⁰.

Необходимо признать, что в условиях поддержки большинства некая часть общества с разной степенью категоричности не поддержала специальную военную операцию. О серьезности и глубине этой проблемы говорит социолог А. А. Казаков: «Изменить сознание людей, воспитанных в условиях идеологического вакуума, преклонения перед Западом и его ценностями во времена, когда патриотизм не считался чем-то важным и нужным, вряд ли

возможно. Им объективно сложно понять, за кого и за что борется Россия, проводя СВО»¹¹. Кроме того, в Мордовии проявили себя не только несогласные с военно-политическим курсом руководства страны, но и те, кто решил встать на сторону нашего военного противника. Имели место диверсии в виде поджогов технического оборудования на железных дорогах: один житель Мордовии совершил такой поджог в районе железнодорожной станции Ялга недалеко от Саранска, еще один совершил поджог в соседней Чувашии, в районе Алатыря. Оба поджигателя осуждены на длительные сроки заключения. В апреле 2024 г. ФСБ задержала двух 19-летних жителей Саранска, которые вознамерились через территорию Беларуси добраться до Украины для участия в боевых действиях на стороне ВСУ. Были случаи фотографирования отдельными лицами экономических и иных объектов на территории Мордовии. Имели место отдельные попытки дискредитации Российской армии в Интернете: например, со стороны местной художницы, представительницы творческой интеллигенции, которая уже понесла административное наказание – заплатила крупный штраф¹².

Необходимо отметить, что открытых и публичных протестов в РМ фактически не было. В целом наличие недовольных и противников действий российского руководства в Мордовии проявляется в бытовых разговорах, в том числе в общественных местах, в транспорте и т.п., и, особенно, в комментариях (как правило, анонимных) к различным блогам и сайтам в Интернете. Очевидно, что такой позиции придерживается меньшинство, хотя какой-либо открытой статистики по данному вопросу нет. «По ту сторону баррикад» появился персонаж, связанный с Мордовией. Это некто Болькин Александр Григорьевич, позиционирующий себя под именем *Сыресь Боляень* – эрзянин по национальности и гражданин Украины, провозгласивший себя «инязором» (князем) эрзянского народа, а также возглавляющий неправительственную организацию «Свободный Идель-Урал». Этот деятель был активным участником так называемой АТО (Антитеррористической операции) ВСУ на Донбассе, а в настоящее время в составе украинской армии участвует в боевых действиях против Вооруженных сил России. После начала специальной военной операции Болькин разместил на платформе Ютьюба видеоролики, в которых лично призывает жителей Мордовии, в первую очередь эрзян, противодействовать специальной военной операции. Отметим, что активность Болькина вызвала негативное отношение и резкую отповедь со стороны лидеров и активистов мордовского национального движения в республике. Например, председатель Межрегиональной общественной организации мордовского (мокшанского

7 Артем Здунов: «В самые сложные времена казаки всегда первыми вставали на защиту Родины» // Известия Мордовии. 21 июля 2022. С. 2.

8 Духовное управление мусульман Республики Мордовия подарит детскую площадку Херсонской области // Совет муфтиев России. URL: <https://muslim.ru/articles/759/37340/> (дата обращения: 04.02.2025).

9 Зотикова В. В Саранске простятся с преподавательницей, погибшей при теракте в «Крокус Сити» // Российская газета. 25 марта 2024 г. URL: <https://rg.ru/2024/03/25/reg-pfo/v-saranske-prostiatsia-s-prepodavatelnicej-pogibshej-pri-terakte-v-krokus-siti.html> (дата обращения: 04.02.2025).

10 Над Мордовией впервые сбили беспилотники // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/11/04/2024/6617808d9a7947749a6b1487> (дата обращения: 04.02.2025).

11 Казаков А. А. Отношение российской молодежи к СВО: роль медийного сопровождения государственной политики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 465.

12 См., например: Дело мордовского диверсанта передали в чувашский суд // Коммерсантъ. Сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6211753> (дата обращения: 05.02.2025).

и эрзянского) народа Юрий Александрович Мишанин дал этому деятелю следующую характеристику: «Большин – инициатор создания фашиствующего образования. Под руководством заинтересованных лиц он воплощает в жизнь план фашисткой Германии об уничтожении народов России. Его организация даже взяла идентичное название армии СС – “Идель-Урал”. Это было одноименное подразделение вермахта, состоявшее из пленных представителей поволжских народов — татар, чувашей, башкир, марийцев, мордвы и удмуртов. И вот Большин, самопровозгласивший себя инязором, пытается влиять на политическую обстановку в России и раскачать народы. Понятно, под чью дудку он пляшет. И по чьей указке ведет деструктивную работу в отношении земляков... На Украине существует целый штаб, который разрабатывает подрывные материалы на тему национальных меньшинств и забрасывает в республики России. Такие листовки приходят и в Мордовию...»¹³. Тем не менее 30 августа – 1 сентября 2022 в г. Отепя (Эстония) прошло собрание, позиционирующее себя как независимый Эрзянский съезд (Эрзянь промкст), которым руководил А. Большин, провозгласивший цель создания независимого от России государства Эрзянь Мастор (Страна эрзян). В своей «программной речи» самопровозглашенный «князь» пояснил, что «страна эрзян» как новый субъект международных отношений будет федеративной республикой, разделенной на восемь областей-кантонов. По его замыслу, в Эрзянь Мастор должна войти территория не только нынешней Республики Мордовия, но также Пензенской, Ульяновской, Нижегородской и Рязанской областей. Многие города внутри этого новообразованного государства будут переименованы: например, Димитровград станет Менекесом (эрз. «Наше»). Законодательную власть будет осуществлять некий Атя Азем (Совет старейшин), а в качестве вершины исполнительной власти господин Большин предложил свою скромную персону. Развивая этот оторванный от реальности проект, он также сообщил, что все граждане Эрзянь Мастор должны будут подписать специальную присягу на верность инязору. Обучение в школах будет также происходить на эрзянском языке. Не отставали от инязора и некоторые другие участники этого эксцентричного собрания. Например, было заявлено, что государственной религией Эрзянь Мастор станет поклонение эрзянскому божееству Инешкипазу, а верховным жрецом этого культа станет В. Ромашкин, проживающий в настоящее в США сын руководителя знаменитого в Мордовии фольклорного ансамбля «Торама», который, в частности, объявил с трибуны «съезда», что РПЦ – это террористическая организация. Не обойдется в Эрзянь Мастор без люстрации, которая, по словам Большина, коснется всех «поклонников путинского режима»: к таковым он отнес в первую очередь учителей, православных священнослужителей, работников правоохранительных органов¹⁴.

13 Майорова Е. Большин на всю голову // Столица С. 5 марта 2022. URL: <https://stolica-s.su/archives/329834> (дата обращения: 05.02.2025).
14 Федоров И. Съезд предателей // Столица С. 22 сентября 2023. URL: <https://stolica-s.su/archives/350057> (дата обращения: 05.02.2025).

При всем маргинальном поведении данного персонажа его пропаганда, особенно в сети Интернет, требует самого пристального внимания со стороны не только экспертного сообщества, но и правоохранительных структур. Тем более что в октябре 2024 г. УФСБ задержало в Мордовии группу сторонников Большина, готовивших подрывную деятельность¹⁵.

Обсуждение и заключения

Таким образом, Мордовия, небольшая поволжская республика, вместе со всей страной, как ее неотъемлемая часть, переживает непростое время. Как и все другие регионы, Мордовия воюет, несет свои потери, помогает фронту. В целом она, как и вся наша страна, три года находится в новых реалиях, которые проявляются везде, в том числе визуально – от баннеров с социальной рекламой, призывающей заключать контракт с Вооруженными силами России и «присоединяться к СВОим», до общеизвестной сети кафе «Вкусно и точка», заменившего Макдональдс.

Еще раз подчеркнем, что фактически все этнокультурные организации и конфессии поддерживают российскую армию. Недовольство носит латентный характер и, несмотря на отсутствие статистики, исходя из наблюдений повседневной жизни, можно констатировать, что это все-таки настроения меньшинства.

Не меняет эту ситуацию и та масштабная информационная война, что развязана противником в Интернете. Многочисленные ютьюб-ролики, в которых подвергают оскорблениям и насмешкам российского Президента, российскую армию и Российское государство, у большинства россиян вызывает обратный эффект. Более того, в условиях многочисленных терактов, ударов беспилотниками по регионам РФ и, наконец, масштабного вторжения украинской армии в Курскую область очевидным становится растущий запрос российского общества на более жесткие и решительные меры в отношении инфраструктуры и политического руководства Украины, о чем открыто говорится даже на российских официальных телеканалах.

В целом Республика Мордовия представляет собой пример долговременной стабильности межэтнических отношений и бесконфликтности, и новые реалии страны, связанные с СВО, не изменили эту ситуацию.

Список источников

1. Михайленко А. Н. Специальная военная операция России на Украине: случайность или закономерность? // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 4 (85). С. 1431–1448.
2. Казаков А. А. Отношение российской молодежи к СВО: роль медийного сопровождения государственной политики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22. Вып. 4. С. 460–467.

15 Зотикова В. УФСБ Мордовии возбудило дело против сторонников создания эрзянского государства // Российская газета. 23 октября 2024. URL: <https://rg.ru/2023/10/23/reg-pfo/ufsb-mordovii-vozbudilo-delo-na-storonnikov-sozdaniia-erzianskogo-gosudarstva.html> (дата обращения: 05.02.2025).

3. Цветкова Г. А. Россияне в условиях Специальной военной операции // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 4. С. 111–120.

4. Макоева Е. Р., Курашинова А. Х. Сущность категорий «война» и «специальная военная операция» // Право и управление. 2022. № 9. С. 13–17.

5. Фортунатов В. В. Специальная военная операция как выход из методологического тупика в гуманитарных науках // Переломные моменты истории: люди, события, исследования: К 350-летию со дня рождения Петра Великого : материалы международной конференции : в 3 т. Т. 1 / под ред. С. И. Бугашева, Ю. В. Ватолиной, А. С. Минина. СПб., 2022. С. 496–501.

6. Корм Ж. Религиозный вопрос в XXI веке. Геополитика и кризис постмодерна. М. : Ин-т общегуманитарных исследований, 2006. 288 с.

7. Матяш Т. П. Российская нация: проекты и реальность // Гуманитарий Юга России. 2014. № 2. С. 47–53.

8. Халтурин А. Н. Российская нация: концептуальные подходы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11–1. Т. 1. С. 64–67.

9. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: гештальт и действительность. М. : Эксмо, 2024. 672 с.

10. Тойнби А. Дж. Постигание истории. М. : Академический проект, 2021. 800 с.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М. : АСТ, 2024. 704 с.

References

1. Mikhaylenko A. N. Russia's special military operation in Ukraine: coincidence or regularity? *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnosheniy* = Issues of National and Federal Relations. 2022; (12):1431-1448. (In Russ.)

2. Kazakov A. A. The attitude of Russian youth to the Special Military Operation: the role of media support of state policy. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya* = Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology. 2022; 22(4):460-467. (In Russ.)

3. Tsvetkova G. A. Russians in a special military operation situation. *Vestnik RGGU. Seriya "Filosofiya. Sotsiologiya. Iskustvovedenie"* = RSUH/RGGU Bulletin. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies. 2023; 4:111-120. (In Russ.)

4. Makoeva E. R., Kurashinova A. H. The essence of the categories «war» and «special military operation». *Pravo i upravlenie* = Law and Management. 2022; 9:13-17. (In Russ.)

5. Fortunatov V. V. Special military operation as a way out of methodological impasse in the humanities. *Perelomnyye momenty istorii: lyudi, sobytiya, issledovaniya. K 350-letiyu so dnya rozhdeniya Petra Velikogo* = Turning Points in History: People, Events, Research. On the 350th Anniversary of Peter the Great's Birth: proceedings of the international conference: in 3 vol. Vol. 1. St. Petersburg, 2022. Pp. 496-501 (In Russ.)

6. Korm Zh. The religious question in the XXI century. Geopolitics and the crisis of postmodernism. Moscow, Institute of General Humanitarian Research, 2006. 288 p. (In Russ.)

7. Matyash T. P. Russian nation: projects and reality. *Gumanitarniy Yuga Rossii* = Humanities of the South of Russia. 2014; 2:47-53. (In Russ.)

8. Tishkov V. A., Shabaev Yu. P. Ethnopolitical science. Political functions of ethnicity. Moscow, Moscow University Publishing House, 2013. (In Russ.)

9. Khalturin A. N. Russian nation: conceptual approaches. *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki* = Humanities, Socio-economic and Social Sciences. 2015; 11–1:64-67. (In Russ.)

10. Spengler O. The Decline of Europe. Essays on the morphology of world history: gestalt and reality. Moscow, Eksmo, 2024. 672 p. (In Russ.)

11. Toynbee A. J. A study of history. Moscow, Academic Project, 2021. 800 p. 672 p. (In Russ.)

12. Danilevskiy N. Ya. Russia and Europe. Moscow, AST, 2024. 704 p. (In Russ.)

Информация об авторах:

Мартыненко А. В. – профессор кафедры отечественной и зарубежной истории и методики обучения, д-р ист. наук, проф., Засл. деятель науки РМ, Засл. работник высш. шк. РМ, Почет. работник сферы обр. РФ.

Надькин Т. Д. – зав. кафедрой отечественной и зарубежной истории и методики обучения, д-р ист. наук, доц., Засл. работник высш. шк. РМ.

Гунин Д. А. – аспирант кафедры отечественной и зарубежной истории и методики обучения.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Martynenko A. V. – Professor of the Department of Russian and World History and Methods of Teaching, Dr. Sci. (History), Prof., Honored Scientist of the RM, Honored Worker of the Higher School of the RM, Honored Worker of the Field of Education of the RF.

Nadkin T. D. – Head of the Department of Russian and World History and Methods of Teaching, Dr. Sci. (History), Doc., Honored Worker of the Higher School of the RM.

Gunin D. A. – Postgraduate of the Department of Russian and World History and Methods of Teaching.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.02.2025; одобрена после рецензирования 19.02.2021; принята к публикации 20.02.2025.

The article was submitted 15.02.2025; approved after reviewing 19.02.2021; accepted for publication 20.02.2025.

ИСТОРИЯ

Научная статья

УДК 39(470.345)(045)

doi: 10.51609/2079-3499_2025_16_02_110

Исторические факторы формирования традиции добрососедства в этнокультуре мордвы

Владимир Вячеславович Мирошкин

Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева», Саранск, Россия,
miroshkinv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9801-0228>

Аннотация. Целью исследования является определение и анализ исторических факторов, способствующих складыванию у мордвы позитивных этнокультурных контактных установок, отраженных в народной традиции добрососедства. В ходе исследования использованы анализ, синтез, сравнение; сравнительно-сопоставительный, сравнительно-исторический анализ; описательный, реконструктивный, герменевтический методы.

Традиция добрососедства, понимаемая как взаимоотношение жителей-соседей друг с другом, а также с социальными институтами, расположенными на «соседской» территории, выступает важным элементом модели этнотолерантного и конфессионально толерантного поведения. Этнопедагогика мордовского народа изобилует примерами – эталонами поведения в отношении представителей иной религиозной и культурной традиции, ориентируя на мирное сосуществование различных племен и народов. Проявлением традиции добрососедства выступает неформальное общение, опыт которого помогает почувствовать общность и связь друг с другом, преодолеть недоверие и предрассудки по отношению к людям; совместный отдых и общение; проведение общих праздников, погружающих представителей иных этнокультурных традиций в другую социокультурную среду, а следовательно, ознакомливая их с неизвестным им ранее этническим колоритом. Мордовский этнос исторически использовал перечисленные модели поведения, которые воплощались в хозяйственной и бытовой сферах. Это способствовало преобладанию в регионе этноконтактных установок, формировало позитивную модель поликультурного дискурса.

Ключевые слова: этнокультура, традиции добрососедства мордвы, фольклор, этническая и конфессиональная толерантность, исторические факторы

Благодарности: исследование выполнено в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнеров по сетевому взаимодействию (Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы и Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева) по теме «Содержательные аспекты изучения этнокультурной традиции региона в контексте проблемы сохранения межнационального и межрелигиозного согласия».

Для цитирования: Мирошкин В. В. Исторические факторы формирования традиции добрососедства в этнокультуре мордвы // Гуманитарные науки и образование. 2025. Т. 16, № 2 (62). С. 110–114. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_110

HISTORY

Original article

Historical factors of good neighborliness tradition formation in the ethnoculture of the Mordvins

Vladimir V. Miroshkin

Mordovian State Pedagogical University, Saransk, Russia, miroshkinv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9801-0228>

Abstract. The purpose of the study is to identify and analyze the historical factors contributing to the formation of positive ethno-cultural contact attitudes among the Mordvins, reflected in the folk tradition of good neigh-

borliness. In the course of the research, general scientific methods were used – analysis, synthesis, comparison; comparative-contrastive, comparative historical analysis; descriptive, reconstructive and hermeneutic methods.

The tradition of good neighborliness, understood as the relationship of neighboring residents with each other, as well as with social institutions located on the “neighbor” territory, is an important element of the model of ethnotolerant and confessional tolerant behavior. The ethnopedagogy of the Mordovian people is replete with examples setting standards of behavior towards representatives of other religious and cultural traditions, focusing on the peaceful coexistence of various tribes and peoples. The manifestation of the tradition of good neighborliness is informal communication, the experience of which helps to feel community and connection with each other, overcome distrust and prejudice towards people; joint recreation and communication; joint holidays immersing representatives of other ethnocultural traditions in another socio-cultural environment and, consequently, familiarizing them with an ethnic flavor previously unknown to them. The Mordovian ethnos historically used the listed behaviors, which were embodied in the economic and household spheres. This contributed to the predominance of ethnocontact attitudes in the region and formed a positive model of multicultural discourse.

Keywords: ethnoculture, traditions of good-neighborliness of the Mordvins, folklore, ethnic and confessional tolerance, historical factors

Acknowledgements: the research was carried out within the framework of a grant for research in priority areas of scientific activity of partner universities in network interaction (Akmulla Bashkir State Pedagogical University and Mordovian State Pedagogical University) on the topic “Substantive aspects of the study of the ethnocultural tradition of the region in the context of the problem of preserving interethnic and interreligious harmony”.

For citation: Miroshkin M. V. Historical factors of good neighborliness tradition formation in the ethnoculture of the Mordvins. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education. 2025; 16(2-62):110-114. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_110

Введение

Сохранение межнационального и межрелигиозного согласия в обществе – одна из приоритетных задач практически любого современного государства, от эффективности решения которой зависит его социальная стабильность, возможность гармоничного развития, а нередко суверенитет и дальнейшее существование. Особую актуальность данный вопрос приобретает в Российской Федерации – стране с ярко выраженным полиэтническим и поликонфессиональным колоритом, составляющим значимую специфическую черту российского цивилизационного пространства. Он достаточно успешно решается в Республике Мордовия, что обусловлено в том числе функционированием исторически сложившейся в регионе модели поликультурного дискурса, основанной на взаимообогащении культур соседствующих народов. Одним из ключевых факторов ее формирования стала традиция добрососедства, уходящая корнями в этническую историю народов мордовского края, в том числе его титульного этноса – мордвы.

Цель исследования заключается в изучении исторических факторов, обусловивших формирование у мокши и эрзи позитивных этнокультурных контактных установок, отраженных в традиции добрососедства.

Обзор литературы

Историография рассматриваемой проблематики достаточно обширна. Сам феномен этнокультуры имеет междисциплинарный характер и исследуется различными дисциплинами: этнологией, культурологией, психологией, педагогикой, социологией, антропологией. Рассматриваемый в его рамках обычай добрососедства в историографии последних лет приобрел особую актуальность в контексте проблемы гармонизации межнациональных отно-

шений. Так, О. В. Матвеев, анализируя народные исторические представления населения русско-адыгейского пограничья выявляет в них маркеры, способствующие установлению добрососедских отношений между русскими и адыгейцами, для которых характерны историко-культурное единство и общность исторических судеб [1]. Ю. С. Попова характеризует категорию добрососедства как важный фактор интеграции и регионального благополучия современной России [2].

В контексте рассматриваемой нами проблемы особую актуальность имеют работы Н. Ф. Беляевой, М. А. Якунчева, Г. А. Корнишиной, В. В. Мирошкина, Е. В. Шепелевой, Н. Н. Станкиной. Так, Н. Ф. Беляева исследовала роль этнопедагогики в становлении у мордвы традиций добрососедства и в целом толерантных мировоззренческих установок. Она указала на важную миссию в данном процессе устно-поэтической традиции мордовского народа, совместных форм хозяйственной деятельности и досуга. При этом ей отмечено, что у мордвы Заволжья, где межэтнические контакты отличались более высокой интенсивностью, традиции добрососедства выходили за этнические и конфессиональные рамки в силу полиэтнического характера самого сельского общества [3].

Г. А. Корнишина акцентировала внимание на роли празднично-обрядовой сферы народа в создании гармоничных межэтнических и межконфессиональных отношений на территории мордовского края. Автор отмечает важность праздника как явления общественной жизни в установлении добрососедских отношений между представителями различных этнических общностей [4].

Коллектив исследователей под руководством М. В. Антоновой, М. А. Якунчева, рассматривая этнопедагогическое наследие мокши и эрзи, раскры-

вает различные стороны феномена этнокультуры мордвы, ее бытования и проблемы адаптации [5].

В. В. Мирошкин, изучая функционирование у мордвы института крестьянской общины в первой трети XX в., рассматривал такие аспекты проблемы, как трансформация обычая крестьянской взаимопомощи в годы советской власти, где подчеркивал его роль в установлении добрососедских этноконтактных установок [6]. Им также исследован вопрос отражения общности исторических судеб народов края в дореволюционной фольклорной традиции мордвы [7]. Исследователем совместно с Е. В. Шепелевой, Н. Н. Яушкиной была проанализирована исторически сложившаяся модель поликультурного дискурса мордвы, выделены ее истоки, закономерности функционирования, факторы, влияющие на межэтнические взаимоотношения в регионе [8].

Таким образом, в предложенном ракурсе исследованиями заявленная нами проблема не рассматривалась.

Методы и материалы

В ходе исследования применялись общенаучные методы – анализ, синтез, сравнение, методы исторического источниковедения и смежных наук – сравнительно-сопоставительный и сравнительно-исторический анализ, описательный и реконструктивный, а также герменевтический методы.

Результаты исследования

Традиция добрососедства – одна из ключевых в этнической культуре мордовского этноса. Ее истоки отличаются значительной глубиной: уже в древности на территории мордовского края обозначился сложный синтез культур и традиций – результат этнокультурного влияния и взаимообмена племен и народов как следствия активного волнообразного миграционного процесса. На местных финно-угров оказали заметное влияние южные этнические, культурные и торговые связи (середина I тыс. до н. э. – первые века н. э.), взаимодействие с тюркоязычными кочевыми племенами (со второй половины I тыс. н. э.). Этнокультурное взаимовлияние могло привести к трансформационным процессам в их социально-экономическом укладе. Оно обусловило усложнение этнокультурной и этнолингвистической ситуации во всем Урало-Поволжье [8, с. 19–23]. Данные археологии и нумизматики свидетельствуют о возможном наличии алано-мордовских, арабо-мордовских, мордовско-булгарских связей.

Однако в наибольшей степени выражены связи мордвы с Древнерусским государством [9]. Результаты тесного этнокультурного взаимодействия мордвы и славян отразились в элементах их жилищ, одежды, быта, хозяйствования и фольклоре. В частности, произошли изменения планировки мордовских поселений и жилищ, трансформация внутренней структуры и декора последних, появились новые предметы домашнего быта.

Продолжительное добрососедство, основанное на принципах общего хозяйственного интереса при обширной ресурсной базе мордовского края, исключавшей острую конкурентную борьбу, вело к

совместной хозяйственной деятельности, проходившей преимущественно на условиях паритета и межэтнического партнерства.

Результат культурного сближения двух народов фиксирует такой устойчивый компонент этнической культуры, как национальный костюм. Анализ мордовского головного убора, рубахи и штанов позволяет констатировать наличие элементов, характерных для русского национального костюма. Аналогичная тенденция может быть прослежена при исследовании украшений, хотя последние, конечно, могли попасть в мордовскую этническую среду вследствие торговых операций. Мордовская культурная традиция наложила отпечаток на формирование русского головного убора. Ее формы и мотивы одежды отчетливо проступают в комплексе южно-русского костюма [10].

Взаимообогащение бытовой культуры народов еще более заметно в XVI–XVIII вв. В этот период мордва перенимает от русских приглашение на крестины первого встречного, кумление, трупосожжение, вероятно, обряд очищения души огнем, меры весов, понятие приданого и короба. Хозяйственно-культурные связи этносов способствовали их экономическому прогрессу. В обиход мордовских земледельцев входят основные традиционные виды сельскохозяйственных культур, характерные для русских: репа, капуста и др. Процесс культурного обмена протекал к взаимной выгоде сторон. Русские переселенцы также обогатились новыми агрономическими знаниями. В частности, они изучили мордовские сельскохозяйственные орудия труда и приспособленные под местные условия хозяйствования приемы обработки почвы. Такой двухсторонний процесс культурного взаимопроникновения мог быть только следствием длительных добрососедских отношений, значение которых возросло в последующие периоды, еще более подчеркнувшие общность исторических судеб двух народов.

Превращение тюркского фактора в один из устойчивых элементов этнокультурного взаимодействия в крае обусловило обмен материальными и духовными ценностями между мордовским и татарским этносами. Его результат отразился в культурной традиции народов. В обиход мордвы вошли татарские термины, связанные со скотоводством, которые вытеснили местные; разнообразился пищевой рацион (айран и др.); пришли обрядовые элементы, связанные с культом лошади. Татары познакомились с новыми предметами домашнего обихода и лесных промыслов [11]. Сложность процесса выстраивания добрососедских отношений между мордвой и татарами отразилась в мордовском фольклоре: ненависть к татарским феодалам-захватчикам («У опушки леса», «Девушку татары полонили» и др.) сменяется мотивами дружбы между этносами (песня об Уляше, сказание о Кривом Феодосии и др.).

Обретение мордвой юридического статуса подданных Российского государства интенсифицировало межэтнические контакты, повысило роль профессионального фактора в жизни региона. С одной

стороны, принятие христианства стимулирует сближение мордвы и русских в рамках единой религиозной традиции. С другой стороны, на территории мордовского края формируются этноконфессиональные группы, находящиеся в культурном взаимодействии друг с другом. Однако разнообразие культурно-языковых характеристик на фоне смешанности расселения ориентирует народы края на следование историческим традициям добрососедства. Исследователи не фиксируют случаев этнической неприязни со стороны мордвы [12, с. 26], что подчеркивает и фольклор¹.

Добрососедство у мордовского этноса выступало базовым правилом функционирования крестьянской общины – самого авторитетного традиционного социального института. Здесь оно выражалось в обычае безвозмездной взаимопомощи, который не обуславливал готовность выручки в случае неблагоприятных жизненных обстоятельств национальной или религиозной принадлежности. Совместные экономические и общественные интересы, лежащие в основе добрососедства, служили важным фактором межэтнической консолидации и межкультурного взаимообогащения, следствием которых стала определенная общность многих нравственных норм народов региона.

Современное развитие мордовского этноса, как и в целом народов, населяющих Республику Мордовия, выстраивается в традиционном историческом ракурсе, что отчетливо прослеживается в праздновании значимых дат, сотрудничестве в различных сферах жизни.

Обсуждение и заключения

По результатам проведенного исследования отметим следующее:

1. Исторические корни традиции добрососедства у мордвы связаны с ранними миграционными передвижениями племен и народов по территории мордовского края.

2. Данные перемещения обусловили формирования этноконтактной модели, ориентированной на сотрудничество.

3. Исторические факторы формирования традиции добрососедства в этнокультуре мордвы можно разделить на несколько групп:

- социально-экономические (природное богатство региона, позволившее заложить традиции межэтнического сотрудничества и исключившее первоначальные столкновения за ресурсы; позитивный исторический опыт межэтнического взаимодействия как результат ранних миграций; условия рискованного земледелия, обусловившие важность совместной хозяйственной деятельности; социальное взаимодействие в ходе промысловой деятельности; распространение принципа добрососедства и взаимовыручки при наличии общего хозяйственно-экономического интереса на этнических партнерах);

- политические (этатистская национальная

политика государства);

- духовные (взаимное наложение сакрально-топографических структур, идентичность многих нравственных норм, формирование общей праздничной обрядности народов края и их совместное участие в разных формах досуга; традиции мирского общежития и добрососедства как элемент национальной культуры; интегрирующая роль русского языка; общность исторической судьбы народов).

4. Современное развитие мордовского народа, как и этносов, проживающих на территории мордовского края, продолжает опираться на принцип добрососедства, который остается определяющим принципом общественной жизни Республики Мордовия.

Список источников

1. Матвеев О. В. Опыты добрососедства в народных исторических представлениях населения русско-адыгейского пограничья // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2020. № 3 (264). С. 113–126.

2. Попова Ю. С. Добрососедство – залог благополучия региона // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2023. № 3. С. 106–110.

3. Беляева Н. Ф. Этническая культура мордвы и традиции воспитания детей. Саранск, 2003. 92 с.

4. Корнишина Г. А. Традиционные обычаи и обряды мордвы: исторические корни, структура, формы бытования. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2000. 150 с.

5. Этнопедагогические традиции воспитания мордовского (мокшанского и эрзянского) народа / под ред. М. В. Антоновой, М. А. Якунчева ; Мордов. гос. пед. ун-т. Саранск : РИЦ МГПУ, 2022. 157 с.

6. Miroshkin V.V. To the Question of Transformation of Custom of Mutual aid in the mordovian peasant Community in the years of the Soviet Power // Гуманитарные науки и образование. 2015. № 3 (23). С. 157–158.

7. Мирошкин В. В. Отражение исторической памяти мордвы в дореволюционной фольклорной традиции // Гуманитарные науки и образование. 2023. Т. 14, № 1 (53). С. 119–124.

8. Мирошкин В. В., Шепелева Е. В., Яушкина Н. Н. Исторически сложившаяся модель поликультурного дискурса мордвы. Саранск : РИЦ МГПУ, 2023. 106 с.

9. Вихляев В. И. Происхождение древнемордовской культуры. Саранск : Тип. «Крас. Окт.», 2000. 132 с.

10. Мирошкин В. В. Межэтнические отношения на территории Республики Мордовия в контексте культурного диалога // Российский научный журнал. 2012. № 5. С. 24–30.

11. Сафаргалиев М. Г. Мордовско-татарские связи // Этногенез мордовского народа. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1965. С. 223–226.

12. Майнов В. Очерк юридического быта

¹ Мордовские поговорки, пословицы и присловицы / под. ред. К. Т. Самородова. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1986. С. 33.

мордвы. СПб., 1885. 267 с.

References

1. Matveev O. V. Experiences of neighborhood in the popular historical representations of the Russian-Adyge borderland population. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*. = Bulletin of the Adygea State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Science, Cultural Studies. 2020; 3(264):113-126. (In Russ.)

2. Popova Yu. S. Good neighborliness is the key to the region's well-being. *Meditcina. Sotsiologiya. Filosofiya. Prikladnye issledovaniya* = Medicine. Sociology. Philosophy. Applied Research. 2023; 3:106-110. (In Russ.)

3. Belyaeva N. F. Ethnic culture of Mordovia and traditions of parenting. Saransk, 2003. 92 p. (In Russ.)

4. Kornishina G. A. Traditional customs and rituals of the Mordvins: historical roots, structure, forms of existence. Saransk, Publishing House of the Mordovian University, 2000. 150 p. (In Russ.)

5. Ethnopedagogic traditions of education of the Mordovian (Moksha and Erzya) people / ed. by M. V. Antonova, M. A. Yakunchev, Mordovian State Pedagogical University. Saransk, Editorial and Publishing Center of Mordovian State Pedagogical University, 2022. 157 p. (In Russ.)

6. Miroshkin V. V. To the question of transformation of custom of mutual aid in the Mordovian peasant community in the years of the Soviet Power. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education. 2015; 3(23):157-158.

7. Miroshkin V. V. Reflection of the historical memory of the Mordvins in the pre-revolutionary folklore tradition. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education. 2023; 1(53):119-124. (In Russ.)

8. Miroshkin V. V., Shepeleva E. V., Yaushkina N. N. The historically established model of the multicultural discourse of the Mordvins. Saransk, Editorial and Publishing Center of Mordovian State Pedagogical University, 2023. 106 p. (In Russ.)

9. Vikhlyaev V. I. The origin of the Ancient Mordovian culture. Saransk, Printing House "Red October", 2000. 132 p. (In Russ.)

10. Miroshkin V. V. Interethnic relations on the territory of the Republic of Mordovia in the context of cultural dialogue. *Rossiyskiy nauchnyy zhurnal* = Russian Scientific Journal. 2012; 5:24-30. (In Russ.)

11. Safargaliev M. G. Mordovian-Tatar relations. *Etnogenez mordovskogo naroda* = Ethnogenesis of the Mordovian people. Saransk, Mordovian Book Publishing House, 1965. Pp. 223-226. (In Russ.)

12. Maynov V. An essay on the legal life of the Mordvins. St. Petersburg, 1885. 267 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Мирошкин В. В. – доцент кафедры отечественной и зарубежной истории и методики обучения, канд. ист. наук.

Information about the author:

Miroshkin V. V. – Associate Professor of the Department of Russian and World History and Methods of Teaching, Ph.D. (History).

Статья поступила в редакцию 01.04.2025; одобрена после рецензирования 09.04.2025; принята к публикации 10.04.2025.

The article was submitted 01.04.2025; approved after reviewing 09.04.2025; accepted for publication 10.04.2025.

ИСТОРИЯ

Научная статья

УДК 2-9(045)

doi: 10.51609/2079-3499_2025_16_02_115

Иудаизм и евреи Ленинграда и Петербурга Новейшего времени: возвращение религиозных традиций

Сергей Иванович Шукшин

Санкт-Петербургский государственный институт культуры, Санкт-Петербург, Россия, pravo_spbguki@mail.ru, orcid: <http://orcid.org/0000-0002-4645-7511>

Аннотация. Статья представляет собой анализ истории иудаистской общины Ленинграда и Санкт-Петербурга советского и постсоветского периодов. Прослеживаются основные проявления политики преследования евреев и иудаистов Ленинграда 1930-х гг., в том числе закрытие еврейских организаций и синагог, репрессии против верующих, интеллигенции, религиозных деятелей. Делается вывод о том, что в советский период в Ленинграде сложился особый феномен еврейской культуры, практически не связанный (или связанный в очень незначительной степени) с иудаизмом. Одним из диссидентских проявлений этой культуры стало движение «отказников». Затем в статье прослеживаются основные тенденции религиозного возрождения еврейского сообщества Петербурга 1990-х гг. – первой четверти XXI в.: появление многочисленных еврейских организаций и обществ, конфессиональной системы образования, периодических изданий. Делается вывод о благоприятных условиях для развития иудаизма как конфессии в современном Петербурге и в современной России.

Ключевые слова: евреи, иудаизм, Ленинград, Петербург, преследование конфессий, религиозное возрождение

Для цитирования: Шукшин С. И. Иудаизм и евреи Ленинграда и Петербурга Новейшего времени: возвращение религиозных традиций // Гуманитарные науки и образование. 2025. Т. 16, № 2 (62). С. 115–118. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_115

HISTORY

Original article

Judaism and the Jews of Leningrad and Saint Petersburg in contemporary history: the return of religious traditions

Sergey I. Shukshin

Saint Petersburg State Institute of Culture, Saint Petersburg, Russia, pravo_spbguki@mail.ru, orcid: <http://orcid.org/0000-0002-4645-7511>

Abstract. The article presents an analysis of the history of the Jewish community of Leningrad and Saint Petersburg in the Soviet and Post-Soviet periods. It traces the main manifestations of the policy of persecution of Jews and Judaists in Leningrad in the 1930s, including the closure of Jewish organizations and synagogues, repressions against believers, intellectuals and religious figures. It is concluded that during the Soviet period, a special phenomenon of Jewish culture developed in Leningrad, which was practically not connected (or connected to a very small extent) with Judaism. One of the dissident manifestations of this culture was the “refusenik” movement. The article traces the main trends of the religious revival of the Jewish community of Saint Petersburg in the 1990s – the first quarter of the 21st century: the emergence of numerous Jewish organizations and societies, a confessional education system, and periodicals. A conclusion is made about favorable conditions for the development of Judaism as a confession in modern Saint Petersburg and in modern Russia.

Keywords: Jews, Judaism, Leningrad, Saint Petersburg, persecution of confessions, religious revival

For citation: Shukshin S. I. Judaism and the Jews of Leningrad and Saint Petersburg in contemporary history: the return of religious traditions. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education. 2025; 16(2-62):115-118. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_115

Введение

Иудаизм, наряду с православным христианством, исламом, буддизмом (ламаизмом), считается одной из традиционных религий России, поскольку его приверженцы жили на территории современного Государства Российского на протяжении столетий. В VIII–X вв. иудаизм был официальной идеологией Хазарского каганата – крупного и сильного государства, расположенного на территории Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. В дальнейшем история иудаизма в нашей стране неразрывно связана с историей евреев. В имперский период сформировалась еврейско-иудаистская община в тогдашней российской столице – Санкт-Петербурге. Историческая судьба иудаистской общины в городе на Неве XX – первой четверти XXI в. отражает особенности конфессиональной истории России Новейшего времени – от преследований и ограничений со стороны властей советского периода до религиозного возрождения второй половины 1980-х – 2020-х гг. Изучение иудаизма в советском Ленинграде и постсоветском Петербурге способствует более глубокому пониманию и раскрытию широкой проблематики жизни конфессиональных меньшинств в условиях мегаполиса в меняющихся эпохах, что обуславливает актуальность темы данной статьи.

Обзор литературы

Статья опирается на обобщающие научные работы по иудаизму таких авторов, как П. Джонсон [1], Д. Кон-Шербок [2], Н. Ланж [3], С. Рот [4], С. Асиновский [5]. Кроме того, в статье использованы материалы исследований по истории евреев и иудаизма в России в целом (Т. Б. Гейликман [6], А. Левинсон [7], А. Оксман [8], А. И. Ребель [9]), и в Ленинграде/Петербурге (М. К. Кондратьева [10]) в частности.

Материалы и методы

Источниковой базой исследования стали материалы интернет-сайтов еврейских общественных и культурных организаций Российской Федерации, в том числе Санкт-Петербурга. В методологическом плане наше исследование опирается на цивилизационный подход, который акцентирует особое внимание на социокультурных и религиозных особенностях того или иного сложившегося типа исторического развития социума, что подразумевает более глубокий и «укорененный в историческом контексте» анализ религиозных сообществ (в нашем случае – евреев и иудаистов в Ленинграде/Петербурге XX – первой четверти XXI в.).

Результаты исследования

Одним из множества последствий Русской революции 1917 г. стало официальное провозглашение новой, советской властью гражданского равноправия евреев. В связи с этим возобновилась деятельность еврейских политических партий, запрещенных и разгромленных после Первой русской революции 1905–1907 гг.

Уже в 1917 г. был отменен запрет печатать газеты и книги еврейским шрифтом. Данный запрет был введен царскими властями в период Первой ми-

ровой войны в прифронтовой полосе. В результате его отмены в Петрограде стали появляться многочисленные еврейские газеты и журналы, а также издаваться книги на иврите и идиш. В короткий срок возникла сеть еврейских учебных заведений.

В период между февралем и октябрём 1917 г. главной задачей еврейских партий России было создание ячеек национальной автономии, а также организация Всероссийского еврейского представительства. В то же время советская власть нанесла по национальному и связанному с ним религиозному движению евреев серьезный удар. Всероссийская еврейская конференция так и не состоялась, а большинство еврейских национальных организаций не поддержали приход большевиков к власти. С другой стороны, широко известно активное участие представителей еврейского этноса в революционном движении, в том числе в РСДП(б). Однако это была наиболее денационализированная часть данного народа, оторванная от своих этнокультурных и особенно религиозных корней. Показательно, что именно эти люди, заняв при советской власти высокие государственные посты, с воодушевлением преследовали любые проявления еврейской национально-конфессиональной жизни.

В январе 1918 г. в Петрограде, при Народном комиссариате по делам национальностей, был учрежден особый комитет по еврейским делам, который возглавил член партии большевиков с 1904 г. Семен Диманштейн. В 1925 г. была зарегистрирована Ленинградская еврейская религиозная община (ЛЕРО). Кроме того, во второй половине 1920-х гг. в городе за счет приезжих расширилась хасидская община, созданная еще в дореволюционном Петербурге. В 1924–1927 гг. в Ленинграде даже проживал глава любавичских хасидов ребе Иосиф Ицхак Шнеерсон, который за отказ от сотрудничества с большевистскими властями был арестован по обвинению в антисоветской подрывной деятельности. Шнеерсона приговорили к расстрелу, но при заступничестве мировой общественности казнь была заменена тюрьмой и ссылкой, с его дальнейшей эмиграцией.

В 1923–1930 гг., вплоть до своей смерти, раввином Ленинграда был Т. Д. Каценеленбоген. Затем, после трехлетнего отсутствия нового раввина, в 1934 г. на эту должность был приглашен хасидский раввин Мендель Глускин, после кончины которого в 1936 г. ленинградская община иудеев вновь оказалась без религиозного руководителя.

В январе 1930 г. Ленсовет предпринял первую попытку закрыть главную синагогу города, которая оказалась неудачной по причине международных протестов. Но к 1939 г. в Ленинграде были закрыты все остальные синагоги и молельни.

К 1930 г. власти закрыли еврейские культурно-просветительские организации Ленинграда. В тридцатые годы в городе функционировало только Общество землеустройства еврейских трудящихся (ОЗЕТ), но и оно было закрыто в 1938 г. В том же 1938 году была закрыта последняя еврейская наци-

ональная школа Ленинграда (№ 11), а ее директор З. А. Киссельгоф был арестован и умер от пыток. Были запрещены все издания на иврите. Подверглись репрессиям многие представители еврейской интеллигенции (И. Равребе, С. Цинберг, А. Зархин, Р. Левин, Б. Райзе).

В годы Великой Отечественной войны ленинградские евреи вместе со всеми жителями города перенесли тяготы блокады. В это тяжелейшее для города время в подвале ленинградской хоральной синагоги проходили молитвенные собрания.

Таким образом, в советский период в Ленинграде сложился особый феномен еврейской культуры, практически не связанный (или связанный в очень незначительной степени) с иудаизмом. В условиях атеистического режима традиции иудаизма в городе на Неве были фактически прерваны и проявлялись в наличии буквально нескольких религиозных семей, тайно практиковавших культ данной религии. Это были люди пенсионного возраста, без риска потерять работу и социальный статус [11, с. 24–26].

В этот период абсолютное большинство евреев стали приверженцами советского образа жизни и советской идеологии, имманентно антирелигиозной.

Обособленное положение в еврейской среде советского периода заняло движение отказников, которые боролись за право выехать из СССР в Израиль. К началу 1980-х гг. в Ленинграде было несколько сот так называемых «отказников». Именно они запустили процесс «Духовной Алии»: устраивали просветительские семинары по еврейским национальным и религиозным традициям, организовывали нелегальные иудейские школы для детей, изучали иврит, проводили домашние спектакли религиозного содержания во время празднования Пурима и Хануки. Так, в городе действовали два «квартирных» семинара по основам иудаизма: один – с преобладанием академического подхода, второй – хасидский. Кроме того, выходил нелегальный журнал «Ленинградский еврейский альманах» (ЛЕА), который печатался на пишущих машинках тиражом 80–100 экземпляров и распространялся не только в Ленинграде, но и среди евреев других регионов СССР.

Возрождение еврейской национально-религиозной жизни в Петербурге приходится на эпоху перестройки и последующий, постсоветский период. В городе была воссоздана сеть иудаистского религиозного образования.

В настоящее время в Петербурге представлены три направления иудаизма: любавичский хасидизм, традиционное литовское митнагдимское направление, реформистская община.

Обсуждение и заключения

Современные еврейские институты, в том числе религиозные, сформировались в Петербурге в 1990-е гг. М. К. Кондратьева указывает на следующие их особенности: «Социально-культурная специфика выражена в особой внутренней стратифика-

ции иудейских и еврейских организаций. Функции организаций тесно переплетены друг с другом, а сами организации являются часто дочерними или сотрудничают между собой» [10, с. 15].

В 2005 г. в Санкт-Петербурге был открыт общинный центр и дом еврейской культуры ЕСОД (Еврейский Санкт-Петербургский общинный дом)¹. В рамках ЕСОД действуют благотворительный фонд «Джойнт», студенческая организация «Гилель», семейный центр и центр детского развития [12]. Самая большая община ортодоксального иудаизма сформирована вокруг Большой хоральной синагоги Санкт-Петербурга. В городе также действует община прогрессивного иудаизма «Шаарей Шалом» и общественная организация «Еврейская национально-культурная автономия» (ЕНКА)².

В современном Санкт-Петербурге имеется множество еврейских организаций: классические гимназии для мальчиков и девочек, детский сад «Ган Менахем», кошерные магазины и кафе, воскресные клубы по интересам, еврейская библиотека, институт иудаики. Общинные центры созданы во многих районах Санкт-Петербурга. Иудаистское сообщество стало гармоничной и неотъемлемой частью конфессионального ландшафта города на Неве: «Современное российское еврейство полагает, что в данный момент антисемитизма как проблемы для проживания в России нет»³.

Список источников

1. Джонсон П. История евреев. М. : Вече, 2006. 476 с.
2. Кон-Шербок Д. Иудаизм. Первые у Бога: вера и святыни еврейского народа. М. : Эксмо, 2012. 300 с.
3. Ланж Н. Иудаизм. Древнейшая мировая религия. М. : Эксмо, 2012. 332 с.
4. Рот С. История евреев: с древнейших времен по шестидневную войну. Иерусалим, 1967. 426 с.
5. Евреи. По страницам истории / сост. С. Асиновский. Минск : Забигар, 1997. 320 с.
6. Гейликман Т. Б. История евреев в России. М. : URSS, 2015. 199 с.
7. Левинсон А. Об отношении к евреям в современной России // Вестник общественного мнения. 2018. № 3–4 (127). С. 110–122.
8. Оксман А. История евреев в Российской Империи и Советском Союзе. Иерусалим : М+, 2000. 125 с.
9. Ребель А. И. История евреев в России. М. : Эксмо, 2013. 271 с.
10. Кондратьева М. К. Социально-культурная специфика иудаизма в Санкт-Петербурге и Ленинградской области : автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2020. 19 с.
11. Волкова М. С., Мартыненко А. В. Препод-

¹ Еврейский общинный центр Санкт-Петербурга. Сайт. URL: <http://www.jew.spb.ru/> (дата обращения: 25.02.2025).

² Еврейский Петербург. Сайт. URL: <https://news.jeps.ru/> (дата обращения: 25.02.2025).

³ Левинсон А. Об отношении к евреям в современной России // Вестник общественного мнения. 2018. № 3–4 (127). С. 122.

давание конфессиональной истории Мордовии в системе высшего гуманитарного образования // Гуманитарные науки и образование. 2016. № 3 (27). С. 24–26.

12. Шукшин С. И. Конфессиональное меньшинство в имперской столице: иудеи Санкт-Петербурга XVIII–XIX вв. // Гуманитарные науки и образование. 2024. Т. 15, № 4 (60). С. 124–127.

References

1. Jonson P. History of the Jews. Moscow, Veche, 2006. 476 p. (In Russ.)

2. Kon-Sherbok D. Judaism. First with God: faith and holy places of the Jewish people. Moscow, Eksmo, 2012. 300 p. (In Russ.)

3. Lange N. Judaism. The oldest world religion. Moscow, Eksmo, 2012. 332 p. (In Russ.)

4. Rot S. History of the Jews: from the earliest times to the Six-Day War. Jerusalem, 1967. 426 p. (In Russ.)

5. Jews. Through the pages of history / compiled by S. Asinovsky. Minsk, Zavigar, 1997. 320 p. (In Russ.)

6. Geylikman T. B. History of Jews in Russia. Moscow, URSS, 2015. 199 p. (In Russ.)

7. Levinson A. On the attitude towards Jews in modern Russia. *Vestnik obshchestvennogo mneniya* = Herald of Public Opinion. 2018; 3-4 (127):110-122. (In Russ.)

8. Oksman A. History of the Jews in the Russian Empire and the Soviet Union. Jerusalem, M+, 2000. 125 p. (In Russ.)

9. Rebel A. I. History of the Jews in Russia. Moscow, Eksmo, 2013. 271 p. (In Russ.)

10. Kondratieva M. K. Social and Cultural Specificity of Judaism in Saint Petersburg and Leningrad region: abstract dis. ... Cand. Philos. Sci. Saint Petersburg, 2020. 19 p. (In Russ.)

11. Volkova M. S., Martynenko A. V. Teaching the confessional history of Mordovia in the system of higher humanitarian education. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education. 2016; 3(27):24-26. (in Russ)

12. Shukshin S. I. Confessional minority in the Imperial Capital: the Jews of Saint Petersburg in the 18th–19th Centuries. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education. 2024; 15(4-60):124-127. (In Russ.)

Информация об авторе:

Шукшин С. И. – первый проректор, доцент кафедры управления и проектной деятельности в сфере культуры, канд. юрид. наук, доц.

Information about the author:

Shukshin S. I. – First Vice-Rector, Associate Professor of the Department of Management and Project Activities in the Field of Culture, Ph.D. (Jurisprudence), Doc.

Статья поступила в редакцию 12.02.2025; одобрена после рецензирования 19.02.2021; принята к публикации 20.02.2025.

The article was submitted 12.02.2025; approved after reviewing 19.02.2021; accepted for publication 20.02.2025.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Научная статья

УДК 811.512.145

doi: 10.51609/2079-3499_2025_16_02_119

Лексико-семантические особенности западного диалекта татарского языка (на примере говоров Пензенской области)

Альфия Каримовна Булатова

Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия, alf_0082.82@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9225-0853>

Аннотация. Представленная статья посвящена анализу ряда лексических данных татарских говоров Пензенской области. Материалы были получены в ходе полевых исследований в 2019–2022 гг. Для нас представляется важным исследование диалектной лексики, так как слова, использование которых характерно для людей, проживающих в определенной местности, постепенно могут выходить из употребления, диалект ассимилируется под воздействием литературного языка или других языков. Фиксация лексем, используемых в диалектной речи, представляется важной задачей диалектолога для дальнейшего изучения языковых процессов, происходящих в татарском национальном языке. Целью данного исследования является анализ лексических диалектизмов, характерных для диалектоносителей Пензенской области. В качестве основных методов исследования были использованы полевой метод сбора данных, описательный, сравнительно-исторический, сравнительно-сопоставительный. В ходе исследования выявлено, что лексика татарских говоров Пензенского региона представляет собой единую лексико-семантическую подсистему диалектов татарского языка, которая формировалась в течение нескольких столетий. В ней сохранились архаичные элементы, также имеются локальные лексемы. Лексика татарских говоров Пензенской области представлена словами общетюркского происхождения, а также русскими и арабо-персидскими заимствованиями, небольшой частью заимствований из финно-угорских языков.

Ключевые слова: татарская диалектология, ареальная лингвистика, лексикология, этимология, диалектная лексика, лексический фонд татарского языка, западный диалект татарского языка, кузнецкий говор, темниковский говор

Благодарности: работа выполнена за счет гранта Академии наук Республики Татарстан, предоставленного молодым кандидатам наук (постдокторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также выполнения трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан».

Для цитирования: Булатова А. К. Лексико-семантическая особенность западного диалекта татарского языка (на примере говоров Пензенской области) // Гуманитарные науки и образование. 2025. Т. 16, № 2 (62). С. 119–124. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_119

LINGUISTICS

Original article

Lexical-semantic features of the Western dialect of the Tatar language (on the example of subdialects of the Penza Region)

Alfiya K. Bulatova

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia, alf_0082.82@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9225-0853>

Abstract. The presented article is devoted to the analysis of a number of lexical data of the Tatar subdialects of the Penza Region. The materials were obtained during field research in 2019–2022. It is important for us to study dialect vocabulary, since words, the use of which is typical for people living in a certain area, may gradually fall out of use, the dialect is assimilated under the influence of the literary language or other languages. The

recording of lexemes used in dialectal speech seems to be an important task of a dialectologist for further study of linguistic processes occurring in the Tatar national language. The purpose of this study is to analyze the lexical dialectisms characteristic of the Penza Region dialect speakers. The main research methods included the field method of data collection, descriptive, comparative-historical, comparative-contrastive. The study revealed that the vocabulary of the Tatar subdialects of the Penza Region represents a single lexical and semantic subsystem of the dialects of the Tatar language, which has been formed over several centuries. Archaic elements have been preserved in it, and there are also local lexemes. The vocabulary of the Tatar subdialects of the Penza Region is represented by words of common Turkic origin, as well as Russian and Arabic-Persian borrowings with a small part of borrowings from Finno-Ugric languages.

Keywords: Tatar dialectology, areal linguistics, lexicology, etymology, dialect vocabulary, Tatar lexicon, Western dialect of the Tatar language, Kuznetsk subdialect, Temnikovsky subdialect

Acknowledgements: the research was supported by the grant from the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan provided to young candidates of sciences (postdoctoral researchers) for the purpose of defending their doctoral thesis, performing research, as well as performing labour functions in scientific and educational organizations of the Republic of Tatarstan within the framework of the State Program of the Republic of Tatarstan "Scientific and Technological Development of the Republic of Tatarstan".

For citation: Bulatova A. K. Lexical-semantic features of the Western dialect of the Tatar language (on the example of subdialects of the Penza Region). *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education. 2025; 16(2-62):119-124. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_119

Введение

Пензенская область расположена в юго-восточной части Российской Федерации. Татары компактно проживают в Белинском, Вадинском, Городищенском, Иссинском, Каменском, Кузнецком, Лопатинском, Лунинском, Неверкинском, Пачелмском, Сосновоборском, Спасском и Шемышейском районах. Всего, по данным переписи 2010 г., в этом регионе насчитывается 86431 татар. На сегодняшний день в области порядка 50 татарских населенных пунктов [1, с. 111].

Изучаемый регион издревле был заселен тюркскими и финно-угорскими племенами, эти земли входили в состав Волжской Булгарии и Золотой Орды. В связи со строительством засечных черт для защиты границ Российской империи от набегов кочевников в XVI–XVII вв. территория Сурского края, или Дикое поле, активно заселялась, в том числе и служивыми татарами, принимавшими активное участие в строительстве засечных черт Алатырь, Темников, Арзамас, Керенск, Пенза и др. [2, с. 110–131]. В это время многим татарам были жалованы земли и основаны татарские селения. Татары занимались земледелием, скотоводством, ювелирным и кожевенным ремеслом.

В 2019–2022 гг. Институтом языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан были организованы комплексные экспедиции в татарские населенные пункты Пензенской области. Всего было исследовано 48 татарских деревень [3].

Пензенская область территориально относится к ареалу распространения западного (мишарского) диалекта татарского языка [4]. По характеру совокупности фонетических, грамматических и лексических особенностей в регионе выделяются два самостоятельных говора татарского языка: кузнецкий и темниковский [5]. Кузнецкий говор распространен в Городищенском, Иссинском, Лунинском, Неверкинском, Кузнецком и Сосновоборском, Шемышейском и Лопатинском районах Пензенской области; темниковский – в населенных пунктах

северной границы данной области (в Каменском, Белинском, Вадинском, Пачелмском районах). Оба говора характеризуются множеством своеобразных языковых явлений, проявляющихся как в фонетике, морфологии, так и в лексике. Они богаты уникальной лексикой, отражающей различные стороны повседневного обихода, уклада жизни, деятельности татар региона. Цель исследования заключается в анализе лексико-семантических особенностей речи татар Пензенской области.

Обзор литературы

Теоретической основой исследования послужили труды, посвященные изучению диалектной лексики, таких ученых, как И. А. Букринская и О. Е. Кармакова [6], А. К. Булатова [7], Ю. В. Косицина [8], С. А. Мызников [9], И. С. Насипов [10], Д. Б. Рамазанова [11] и др.

Материалы и методы

В ходе написания статьи применены такие методы, как описательный (изучение фактического материала, обобщение), сравнительно-исторический, сравнительно-сопоставительный. Иллюстративные примеры взяты из полевых материалов автора, собранных во время экспедиций, данных диалектных словарей.

Результаты исследования

Изучение диалектной лексики является одной из актуальных задач современной диалектологии. Полевые исследования по сбору лексического материала проводились по специальной анкете-вопроснику.

Как справедливо отмечает Л. Т. Махмутова, «лексический состав мишарского диалекта характеризуется общностью его основного фонда с лексикой татарского литературного языка и других современных тюркских языков» [12, с. 139–140].

Основная часть зафиксированных нами в ходе полевых исследований диалектных лексем относится к словам общетюркского происхождения (*näsel-asab* [näsel-asab] «род», *tohom* [tohom] «родственники», *babakaj* [babakaj] «дед», *anikaj* [anikaj] «мать», *tudık* [tudık] «двоюродный брат», *däday*

[*dädäj*] «дядя», *олан* [*olan*] «ребенок», *йилкә* [*jilkä*] «плечо», *үкмәк* [*ükmäk*] «хлеб», *йомшак* [*jomşak*] «пшеничный хлеб», *чыгым* [*çigit*] «творог», *кучкар* [*kuşkar*] «петух», *кочок* [*koşok*] «собака», *алма* [*alma*] «картофель» и др.).

Рассмотрим наиболее активные из них.

В речи диалектоносителей активно используется слово *танау* [*tanaw*] в значении «нос, нос человека». В литературном языке оно имеет значение «передняя часть головы животных, морда»¹. В некоторых случаях наблюдается его использование в значении «нос человека». В диалектах же, в частности западном, слово *танау* [*tanaw*] активно используется вместо литературной нормы *борын*: *Танавы очлы катыннын* «У женщины заостренный нос» (темниковский говор). Данная лексема также бытует в ряде говоров среднего диалекта татарского языка (мензелинский, златоустовский, дубьязский и др.)². Слово восходит к древнекыпчакскому *танав* < *танаг* (в нагайском, алтайском, тувинском языках *танақ* «ноздря», алтайском *таана*, хакасском *та-наа*, якутском *таныы* «ноздри»³).

В темниковском и кузнецком говорах употребительным является диалектизм *тувар* / *тывар* [*tuwar* / *tiwar*], который восходит к древнекыпчакскому *туар*, *тувар* (в турецком языке *davar* «мелкий рогатый скот», в крымско-татарском *туар* «скотина, скот», алтайском языке *тавар* / *давар* «овцы» якутском *табаар* «товар» и др.)⁴ и используется в значении «сельскохозяйственные млекопитающие животные, скотина»: *Тыварлар күп карый күршеләр* «У соседей много скота» (кузнецкий говор). В современном литературном языке лексема *туар* встречается лишь в составе парного слова *мал-туар* в значение «скотина». Слово имеет общую основу с древнетюркской лексемой *tabar* / *tavar* «добро, имущество, богатство»⁵. От данного же слова происходит и русское *товар*⁶.

В речи диалектоносителей зафиксирован глагол *утлану* «порасти сорной травой» от древнетюркского *ут*, *от* «травя, сено»⁷ (в чувашском языке *ут*, *утă*, *увтă* «сено», тувинском *от* «травя;

сено»): *Садым утланып беткән* «Мой огород порос сорной травой» (кузнецкий говор). В татарском литературном языке *ут* является устаревшим словом, редко используются его производные *утлау* в значении «пасться (о крупном рогатом скоте)», утлык «кормушка для скота». Диалектизм *утлану* зафиксирован лишь у представителей кузнецкого говора.

Активно используется лексема *йылкы* [*jilki*] «лошадь» от общетюркского *йылқы* «лошадь; табун» (в нагайском языке *йылқы* «свободно пасущиеся кони», алтайском *дылқы* «кобыла», казахском *жалқы* «лошадь», тувинском *чылгы* «табун лошадей», якутском *сылгы* «лошадь», карачаево-балкарском языке *йылқы* «животное»⁸: *Йылкыларны барчабыз тотта* «Все держат лошадей» (кузнецкий говор). Слово встречается во многих говорах западного диалекта⁹.

Параллельно используется и слово *алаша* [*alaşa*] «лошадь, конь» (*Алаша йигә беләсеңме?* «Умеешь ли ты седлать коня» (темниковский говор)) – от древнекыпчакского *алаша* «низкий»¹⁰. От этой основы произошло русское слово *лошадь*¹¹. В современном литературном языке лексическая единица *алаша* также употребляется, однако имеет более узкое значение «мерин» (мы наблюдаем процесс сужения значения слова, так как изначально *алаша* использовалось в более широком значении «лошадь, конь»).

По данным диалектологических исследований и нашим экспедиционным наблюдениям, в кузнецком и темниковском говорах используется лексема *коргоч* [*korgoç*] «оконная занавеска». Она встречается также в хвалынском, мелекесском, мордва-каратаевском говорах, сергачском – *коргыц*¹²: *Коргочны тартып куйганар* «Задернули занавески» (темниковский говор). Слово восходит к основе *кор-у* «ставить, воздвигать, строить; устраивать; составить; заряжать» общетюркский *кур-*, *қор* < *кур* «круг», древнетюркский *qur-* «строить на военное построение»¹³.

Пензенская область является зоной межъязыковых контактов. Татары издревле живут по соседству с русским, финно-угорским населением, по этой причине в речи диалектоносителей исследуемого ареала используется достаточно большое ко-

1 Татар теленең аңлатмалы сүзлеге : 6 томда. Т. 5. Казан : ТӘҖСИ, 2018. Б. 358.

2 Татар теленең зур диалектологик сүзлеге / төз.: Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыкова, Т. Х. Хәйретдинова. Казан : Татар. китап. нәшр., 2009. Б. 605.

3 Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков : материалы к этимологическому словарю : в 2 т. Т. 2 / Академия наук СССР. Институт языкознания ; отв. ред. В. И. Цинциус ; сост.: В. А. Горцевская, В. Д. Колесникова, К. А. Новикова. Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1977. С. 161.

4 Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «В», «Г» и «Д» / ред. Н. З. Гаджиева. М. : Наука, 1980. С. 114.

5 Древнетюркский словарь / авт.-сост.: Т. А. Боровкова, Л. В. Дмитриева, А. А. Зырин [и др.] ; ред.: В. М. Наделев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1969. С. 223.

6 Этимологический словарь русского языка / авт.-сост. Н. М. Шанский. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1963. URL <https://gufo.me/dict/shansky?letter=%D0%B0&page=2> (дата обращения: 9.02.2025).

7 Древнетюркский словарь / авт.-сост.: Т. А. Боровкова, Л. В. Дмитриева, А. А. Зырин [и др.] ; ред.: В. М. Наделев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1969. С. 372–373.

8 Севортян Э. В., Левитская Л. С. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й». М., 1989. С. 281–282; Эхмәтъянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда. Казан : Мәғриф-Вакыт, 2015. Т. 1. Б. 253–254.

9 Татар теленең зур диалектологик сүзлеге / төз.: Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыкова, Т. Х. Хәйретдинова. Казан : Татар. китап. нәшр., 2009. Б. 191.

10 Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М. : Наука, 1974. С. 136–137.

11 Этимологический словарь русского языка / авт.-сост. Н. М. Шанский. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1963. URL <https://gufo.me/dict/shansky?letter=%D0%B0&page=2> (дата обращения: 09.01.2025).

12 Татар теленең зур диалектологик сүзлеге / төз.: Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыкова, Т. Х. Хәйретдинова. Казан : Татар. китап. нәшр., 2009. Б. 321.

13 Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «Қ» / авт.-сост.: Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М., 1997. С. 56–157.

личество заимствованных лексем. В основном это заимствования из русского или посредством русского языка: *прәнкә* [pränkä] «пряник»; *сохарый* [soharij] «сухари»; *пүгрәп* [pügräp] «погреб» *кыриша* [kiriša] «крыша»; *гуриңча* [guriŋça] «горница, чистая половина, передняя половина дома»; *мел»нича* [mel»niça] «мельница»; *пыталак* [pitalak] «потолок» и др.

Рассмотрим некоторые из них.

В ходе полевых исследований нами был записан диалектизм *чәйләү* [čäjläü] в значении «полагать, надеяться». В основном слово используется в отрицательной форме: *Чәйләмәдем мин, кем буласыз* «Не признал, кем вы будете» (темниковский говор). Слово произошло от русской лексемы *чаять* «думать, полагать».

В речи представителей кузнечского и темниковского говоров бытует лексема *чәчәүчә* [čäčäüčä] «чечевица» от общеславянского *сочевица* – производное от *сочиво* «чечевица»¹⁴. *Чәчәүчә йыйдык тенә* «Вчера собирали чечевицу» (кузнечский говор).

Часто в речи используется лексема *уптым* от русского слова *оптом* (возникло из формы творительного падежа единственного числа существительного *опть*)¹⁵ в значении «весь, все»: *Уптым насел-асабебез шындый озыннар бес* «Все в нашем роду высокие» (темниковский говор).

Активно используется диалектизм *ахута* «желание, хотение; стремление». Лексема также бытует в хвалынском, лямбирском, камышлинском говорах татарского языка¹⁶: *Ахутагыз булса, килегез укытырга* «Если есть желание, приходите учительствовать» (кузнечский говор). Она произошла от русского слова *охота* «желание, радость, веселье».

В татарских населенных пунктах Пензенской области нами была зафиксирована лексема *шарук* «маленький шарик»: *Бак, ничек шаругым әләнә* «Смотри как крутится мой шарик» (кузнечский говор).

В диалектной речи региона также встречаются арабско-персидские заимствования, некоторые из них отсутствуют в литературном языке (*аза* [aza] «часть тела», *бәдәм* [bädäm] «туловище, тело», *каста* [kasta] «болезнь», *азраил* [azrail] «Азраиль – ангел смерти в исламской традиции», *ает* [aet] «мусульманский праздник разговения», *мисбе* [tisbe] «четки» *кифен* [kifen] «саван», *зәләмә* [zälämä] «изношенный», *факыр* [fakır] «бедный, бедняга» *дофан* / *дуфан* [dofan / dufan] «песчаная буря» и др.). Большая часть данных заимствований относится к религиозным терминам. Например, слово *аләм* в кузнечском говоре используется в значении «публика, народ»: *Авылда инде вис аләмең кубар иде* «В деревне весь народ всколыхнется» (кузнечский говор). Слово *аләм* (в литературном языке *галәм*) от араб-

ского *مرلعا* «вселенная; галактика». Очень часто нам приходилось слышать слово *асла* «несколько, ничуть»: *Минем йокым аслан келәми* «Мне совсем не спится» (темниковский говор). Лексема активно употреблялась в речи татар вплоть до конца XIX в., сейчас в литературном языке считается устаревшей формой. От арабского слова *الصلّا، الصلّا* «отноюдь не, совсем не, вообще не».

В язык представителей диалекта имеют место и финно-угорские заимствования, например слово *чирахман* «град»: *Чирахман теткән арышны* «Град побил всю рожь» (темниковский говор). Муйыл «черемуха»: *Муйыл ашап тешләрем каралды* «У меня почернели зубы от черемухи» (темниковский говор). Однако отметим, что финно-угорских заимствований сравнительно немного.

Заимствованные слова фонетически адаптированы в речи, то есть приспособлены к нормам татарского произношения, прежде всего в них наблюдается изменение труднопроизносимых сочетаний звуков на более употребительные. Это можно объяснить тем, что у каждой системы говоров имеется свой фонемный состав: заимствования подстраиваются под фонетические особенности того или иного говора. Л. Т. Махмутова справедливо отмечает, что значение заимствованных слов, как правило, совпадает с их значением в языке-источнике [13, с. 73].

Обсуждение и заключения

Лексическая система татарских говоров, распространенных в Пензенской области, представляет собой лексико-семантическую подсистему диалектов татарского языка. В ней продолжают сохраняться архаичные элементы, также присутствуют лексемы, характерные только для данного региона. Анализ лексической системы говоров, бытующих в исследуемом регионе, может дать сведения о степени сохранности самой диалектной системы, ее взаимосвязи с культурой и историей, влиянии литературного языка, особенностях формирования диалектов и т. д. В ходе этимологического анализа выявляются слова исконного древнетюркского происхождения, а также лексические единицы, заимствованные из русского, арабского, персидского и финно-угорских языков.

Список источников

1. Регионы компактного проживания татар в Российской Федерации : справочник / отв. ред. Л. М. Айнутдинова, Б. Л. Хамидуллин. Казань : Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2016. 336 с.

2. Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования : историко-этнографический атлас татарского народа / Ю. Г. Мухаметшин [и др.]. Казань : Дом печати, 2002. 248 с.

3. Милли-мәдәни мирас. Пенза өлкәсе татарлары / төз. И. И. Ямалтдинов. Казан : ИЯЛИ. 2023. 480 б.

4. Татар халык сөйләшләре : Ике китапта. 2 китап. / Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, Т. Х. Хәйретдинова [и др.]. Казан : Мәгариф, 2008. 495 б.

14 Этимологический словарь русского языка / авт.-сост. Н. М. Шанский. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1963. URL: <https://gufo.me/dict/shansky?letter=%D0%B0&page=2> (дата обращения: 19.01.2025).

15 Этимологический словарь русского языка / авт.-сост. Н. М. Шанский. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1963. URL: <https://gufo.me/dict/shansky?letter=%D0%B0&page=2> (дата обращения: 25.12.2024).

16 Татар теленен зур диалектологик сүзлеге / төз.: Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыйкова, Т. Х. Хәйретдинова. Казан : Татар. китап. нәшр., 2009. Б. 191.

5. Махмутова Л. Т. Основные характерные черты мишарских говоров на территории Пензенской области (по материалам экспедиций 1958–1960 гг.) // Материалы по татарской диалектологии. Вып. 2. Казань, 1962. С. 125–162.
6. Букринская И. А., Кармакова О. Е. Диалектная лексика в современных западных среднерусских говорах (ареальный аспект) // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2021. № 2. С. 1577–1583. URL: <https://trudy.ruslang.ru/ru/archive/2021-2/191-205> (дата обращения: 25.01.2025 г.).
7. Булатова А. К. Тюркский пласт диалектной лексики татарского языка (на материале экспедиции в Ютазинский район РТ) // Вестник Марийского государственного университета. 2024. Т. 18, № 3. С. 368–373. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-3-368-373>.
8. Косицина Ю. В. Диалектизмы в современном региолекте с. Усманка Чебулинского района Кемеровской области // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, вып. 5. С. 191–205. URL: <https://philology-journal.ru/article/phil20240228/fulltext> (дата обращения: 20.04.2024 г.).
9. Мызников С. А. Лексика финно-угорского и тюркского происхождения в русских диалектах: (Разграничение и определение конечного источника) // Известия Уральского государственного университета. 2001. № 20. С. 103–106. URL: <http://elar.ufu.ru/handle/10995/23755> (дата обращения: 24.01.2025).
10. Насипов И. С. Опыт систематизации финно-угорских заимствований в татарском языке. Казань : ИЯЛИ, 2009. 233 с.
11. Рамазанова Д. Б., Булатова А. К. Русские и европейские заимствования в татарском языке // Лексикология татарского языка : в 3 т. Т. 2. / науч. ред. Г. Р. Галиуллина. Казань : ИЯЛИ. 2022. С. 98–119.
12. Махмутова Л. Т. Некоторые материалы по лексике мишарского диалекта татарского языка // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Казань, 1979. С. 139–168.
13. Махмутова Л. Т. Татарский язык в его отношении к древнеписьменному памятнику Codex Cumanicus; по данным лексики (краткий анализ и приложение) // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Вып. 2. Казань, 1982. С. 68–153.
3. National and cultural heritage. Tatars of the Penza Region / comp. by I. I. Yamaltdinov. Kazan, Institute of Language, Literature and Art. 2023. 480 p. (In Tatar)
4. Tatar folk dialects: in two books. Book 2 / F. S. Bayazitova, D. B. Ramazanova, T. H. Khayret-dinova [et al.]. Kazan, Enlightenment, 2008. 495 p. (In Tatar)
5. Makhmutova L. T. The main characteristic features of the Misharian dialects in the Penza Region (based on the materials of the expeditions of 1958–1960). *Materialy po tatarskoy dialektologii* = Materials on Tatar dialectology. Iss. 2. Kazan, 1962. Pp. 125–162. (In Russ.)
6. Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. On the functioning of dialect lexics in Western Russian dialects. *Trudy instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* = Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute. 2021; 2: 1577–1583. URL: <https://trudy.ruslang.ru/ru/archive/2021-2/191-205> (accessed 25.01.2025). (In Russ.)
7. Bulatova A. K. The Turkic layer of dialect vocabulary of the Tatar language (based on the material of the expedition to the Yutazinsky district of the Republic of Tatarstan). *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta* = Vestnik of the Mari State University. 2024; 18(3): 368–373. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-3-368-373>.
8. Kositsina Yu. V. Dialectisms in the modern regional dialect of the village of Usmanka, Chebulinsky District, Kemerovo Region. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philology. Theory & Practice. 2024; 17(5): 191–205. URL: <https://philology-journal.ru/article/phil20240228/fulltext> (accessed 20.04.2024) (In Russ.)
9. Myznikov S. A. Vocabulary of Finno-Ugric and Turkic origin in Russian dialects: (Differentiation and determination of the final source). *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta* = Izvestia. Ural Federal University Journal. 2001; 20:103–106. URL: <http://elar.ufu.ru/handle/10995/23755> (accessed 24.01.2025). (In Russ.)
10. Nasipov I. S. The experience of systematization of Finno-Ugric borrowings in the Tatar language. Kazan, Institute of Language, Literature and Art, 2009. 233 p. (In Russ.)
11. Ramazanova D. B., Bulatova A. K. Russian and European borrowings in the Tatar language. *Leksikologiya tatarskogo yazyka* = Lexicology of the Tatar language: In 3 vol. Vol. 2. / ed. by G. R. Galiullina. Kazan, Institute of Language, Literature and Art. 2022. Pp. 98–119. (In Russ.)
12. Makhmutova L. T. Some materials on the vocabulary of the Mishar dialect of the Tatar language. *Issledovaniya po istoricheskoy dialektologii tatarskogo yazyka* = Research on the historical dialectology of the Tatar language. Kazan, 1979. Pp. 139–168. (In Russ.)
13. Makhmutova L. T. The Tatar language in its relation to the ancient written monument Codex Cumanicus; according to the vocabulary (brief analysis and appendix). *Issledovaniya po istoricheskoy dialektologii tatarskogo yazyka* = Research on the histori-

References

1. Regions of compact residence of Tatars in the Russian Federation: reference book / ed. by L. M. Aynutdinova, B. L. Khamidullin. Kazan, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2016. 336 p. (In Russ.)
2. Ethnoterritorial groups of Tatars of the Volga region and the Urals and issues of their formation: historical and ethnographic atlas of the Tatar people / Yu. G. Mukhametshin [et al.] Kazan, House of Printing, 2002. 248 p. (In Russ.)

cal dialectology of the Tatar language. Issue 2. Kazan, 1982. Pp. 68-153. (In Russ.)

Информация об авторе:

Булатова А. К. – ст. научный сотрудник отдела ареальной лингвистики, канд. филол. наук.

Information about the author:

Bulatova A. K. – Senior Researcher of the Department of Areal Linguistics, Ph.D. (Philology).

Статья поступила в редакцию 13.02.2025; одобрена после рецензирования 13.02.2025; принята к публикации 20.02.2025.

The article was submitted 13.02.2025; approved after reviewing 13.02.2025; accepted for publication 20.02.2025.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Научная статья

УДК 81'42(045)

doi: 10.51609/2079-3499_2025_16_02_125

Невербальные жанры туристического дискурса (на материале текстов туристической тематики о Тунисской Республике)

Любовь Петровна Водясова^{1*}, Елена Алексеевна Кашкарева²

^{1,2}Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева, Саранск, Россия

¹LVodjasova@yandex.ru*, <http://orcid.org/0000-0001-6767-6337>

²kashea@mail.ru*, <https://orcid.org/0000-0002-4289-4183>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению специфики туристического дискурса, в котором в зависимости от сферы и целей коммуникации и типов коммуникантов выделяется широкий диапазон жанров речи, подразделяемых в основе своей на вербальные и невербальные. Указывается, что невербальные жанры туристического дискурса находят отражение в различных типах текстов и могут быть представлены в печатной форме или в виде гиперссылок в интернете. Отмечается, что наибольшее распространение имеют путеводители, буклеты, брошюры, сайты туристических организаций, блоги, отзывы туристов и т. п. Среди их основных функций – информационная и убеждающая, которые находят реализацию в использовании специфических приемов, используемых для продуктивного воздействия на потенциального туриста (топонимы, указывающие на наиболее привлекательные объекты, описание фактов, которые могут привлечь туристов, различные стилистические и синтаксические приемы в тексте и пр.).

Ключевые слова: туристический дискурс, жанр, невербальные жанры туристического дискурса

Благодарности: работа проводилась в рамках выполнения государственного задания на оказание государственных услуг (выполнение работ) № 073-03-2025-049/1 от 25.04.2025 г. по теме «Проектирование научно-методической модели продвижения русского языка “Концепт – Язык – Профессия” (на примере Тунисской Республики)».

Для цитирования: Водясова Л. П., Кашкарева Е. А. Невербальные жанры туристического дискурса (на материале текстов туристической тематики о Тунисской Республике) // Гуманитарные науки и образование. 2025. Т. 16, № 2 (62). С. 125–131. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_125

LINGUISTICS

Original article

Non-verbal genres of tourist discourse (based on texts on tourism topics about the Tunisian Republic)

Lyubov P. Vodyasova^{1*}, Elena A. Kashkareva²

^{1,2}Mordovian State Pedagogical University, Saransk, Russia

¹Vodjasova@yandex.ru*, <http://orcid.org/0000-0001-6767-6337>

²kashea@mail.ru*, <https://orcid.org/0000-0002-4289-4183>

Abstract. The article is devoted to the consideration of the specifics of tourist discourse, in which, depending on the sphere and purposes of communication and types of communicants, a wide range of speech genres is distinguished, divided basically into verbal and non-verbal. It is indicated that non-verbal genres of tourist discourse are reflected in various types of texts and can be presented in printed form or in the form of hyperlinks on the Internet. It is noted that the most widespread are guidebooks, booklets, brochures, websites of tourist organizations, blogs, reviews of tourists, etc. Among their main functions are informational and persuasive, which are realized in the use of specific techniques used for productive influence on a potential tourist (toponyms indicating the most attractive objects, description of facts that can attract tourists, various stylistic and syntactic techniques in the text, etc.).

Keywords: tourist discourse, genre, non-verbal genres of tourist discourse

Acknowledgements: the work was carried out within the framework of the state assignment for the provision of public services (work performance) No. 073-03-2025-049/1 dated 04/25/2025 on the topic “Design of a scientific and methodological model for promoting the Russian language ‘Concept – Language – Profession’ (using the example of the Tunisian Republic)”.

Введение

Туристический дискурс – это вид коммуникативной деятельности, сферой коммуникации которой является туристический бизнес как один из важнейших секторов мировой экономики. В широком смысле это текст, включающий такие формы общения, в которых к сфере туризма относится хотя бы одна из его составляющих: субъект, адресат или содержание сообщения, в узком – это разновидность дискурса, цель которого – проинформировать туристов и популяризировать сферу туризма.

Обзор литературы

Изучением туристического дискурса активно занимаются многие известные российские лингвисты (Е. Е. Анисимова, Г. С. Атакьян, Н. П. Головинская, Т. В. Демидова, О. П. Кареева, Г. Н. Манаенко, С. В. Погодаева, А. В. Протченко, Н. А. Тюленева и др.). Так, Г. Н. Манаенко указывает, что туристический дискурс соответствует таким критериям, как среда, социальный субъект, содержание, текст. «Такие параметры, как социальный статус, ролевые отношения, социальная активность участников, мировоззрение, общая совокупность знаний в рамках критериев “социальный субъект” и “содержание”», – утверждает он, – недоступны анализу в большинстве контекстов современной туристической коммуникации, характеризующейся массовостью и анонимностью» [1, с. 37]. Е. И. Панченко среди функций туристического дискурса выделяет прежде всего информативную и связанную с ней убеждающую. «Отбор и передача информации, ее оценка осуществляются таким образом, чтобы наиболее полно информировать адресата и как результат – убедить его в целесообразности приобретения предлагаемого турпродукта или услуги» [2, с. 69].

Ряд исследователей считают, что по прагматической направленности и высокой информационной насыщенности туристический дискурс сближается с рекламным. Н. А. Тюленева, например, и квалифицирует его как «особый подвид рекламного дискурса, объединяющий различные виды рекламы туризма и нацеленный на позиционирование и продвижение туристических услуг с помощью стратегий аргументации, которые имеют лингвокогнитивный характер» [3, с. 23].

Однако, на наш взгляд, эта точка зрения является спорной: такие черты, как преобладание информативной функции, представление более полных данных о реально-потенциальной действительности, доминирование культурно-исторического и научно-популярного аспектов, а также общечеловеческих, общенациональных ценностей в представлении информации, дают возможность отграничить туристический дискурс от рекламного.

Наиболее полно отличительные характеристики туристического дискурса представлены Н. В. Филатовой. По ее мнению, он обладает следующими признаками: «1) участники: продавец (туроператор) – клиент; экскурсовод – экскурсант;

составитель текста – получатель текста; 2) место: офис, туристический автобус, музей, улица города, виртуальное пространство, текстовое пространство; 3) цели: получение прибыли – получение экскурсионно-туристической услуги; 4) ключевой концепт: путешествие; 5) стратегии: стратегия позитива; 6) материал: большой набор тем, среди которых страноведческая и историческая информация, временная организация тура, гостиничный бизнес, транспорт, обеспечение безопасности, питание и проч.; 7) разновидности и жанры: в зависимости от канала передачи информации можно выделить устную и письменную разновидности туристического дискурса; письменная разновидность включает в себя печатные тексты и компьютерно-опосредованную коммуникацию, устная разновидность делится на непосредственную и опосредованную» [4, с. 78]. С Н. В. Филатовой солидарна С. А. Погодаева, утверждающая, что адресатом в туристическом дискурсе являются потенциальный турист – или индивидуал, или турфирма, продающая туры. Среди основных характеристик адресата она выделяет многоликость, анонимность, массовость [5, с. 126].

Отметим, что наряду с адресованностью туристического дискурса, важное место занимает ответственность, подразумевающая ответные реакции в виде действий – речевых (телефонный звонок в туристическую компанию, письмо (обычно электронное) с просьбой уточнить тарифы, дату выезда и др.) и неречевых (посещение объекта туризма). Адресант, желая продолжить общение с адресатом, предлагает ему обратную связь, являющуюся одним из условий успешной коммуникации: контактные телефоны, сайт в Интернете, адрес учреждения, от лица которого он выступает, схему проезда до объекта туризма, время его работы, купоны на скидку при приобретении туристической услуги. Л. М. Михайлова уверена, что «адресант и адресат туристического дискурса как субъекты коммуникации обладают институционально-дискурсивными характеристиками, влияющими на продуцирование дискурса» [6, с. 619]. По утверждению С. А. Погодаевой, специфика туристического дискурса также состоит прежде всего в наличии «аргументативного потенциала, способствующего эффективному убеждению адресата отправиться в путешествие с целью отдыха или самообразования» [5, с. 121].

Мы считаем абсолютно правомерной точку зрения этих исследователей, поэтому к главным функциональным характеристикам туристического дискурса отнесем информативность, оценочность, побудительность, персуазивность. Отметим, что высокая степень информативности достигается за счет достоверности, достаточности, воспринимаемости и полезности представляемой информации [7]. Оценочность сопутствует положительному эмоциональному воздействию на адресата, стимулирует его дальнейшую активность. К средствам ее выражения относятся качественные имена прилагательные

(часто в форме сравнительной или превосходной степени), наречия с семантикой оценочности, имена существительные и глаголы с положительной коннотацией, выделительные и ограничительные обороты, неологизмы, заимствования, фразеологизмы, модальные конструкции, тропы, эмотивная лексика, инверсия членов предложения, эмоционально-экспрессивный синтаксис. Такая характеристика туристического дискурса, как побудительность, может быть эксплицитной (находит выражение в использовании императива) или имплицитной (используются конструкции с опативом, восклицательные предложения, одиночные и множественные риторические вопросы). Персуазивность чаще всего находит выражение в применении тропов и фигур речи, придающих дискурсу насыщенность, выразительность и эмоциональность, средств диалогизации и пр. Это достигается посредством использования личных местоимений, императивных и инфинитивных конструкций, вопросительных предложений, а также визуально-графических средств (логотип, фотографии, шрифтовые и цветовые выделения) и др.

Нельзя обойти вниманием и точку зрения Л. Р. Сакаевой и Л. В. Базаровой, утверждающих, что туристический дискурс включает в себя межкультурную коммуникацию, поэтому тексты туристической тематики представляют собой своеобразную среду, в которой культивируются образы, представляющие национальный характер того или иного народа [8].

Таким образом, *туристический дискурс*:

- используется в ситуациях общения, в которых, по крайней мере, одна из сторон представляет социальный или экономический институт, осуществляющий свою деятельность в сфере туристического бизнеса;

- может быть отнесен к разновидностям делового дискурса, т. к. в качестве его основных признаков выступают: а) официальность (участники общения находятся в официальных отношениях друг с другом: обе стороны или одна из них выполняет конкретные профессиональные функции); б) статусность (отношения участников общения предусматривают социальную дистанцию); в) наличие деловой проблемы; г) нормативность коммуникативного поведения; д) этикетность (при общении представителей организаций – официальность, нейтральность, в случае общения с туристами – эмоциональность, оценочность, доверительность, переход на дружественные отношения, психологическое воздействие и т. п.);

- обладает аргументативным потенциалом, способствующим эффективному убеждению адресата приобрести туристический продукт.

Как видим, типологический статус туристического дискурса свидетельствует о его разнообразии, что позволяет выделить в нем широкий диапазон жанров речи.

Традиционно в лингвистике жанром считается набор таких характеристик текста, как манера изложения, речевая форма и общепринятые традиционные методы построения речи и объединения речевых единиц [9; 10]. Согласно этим характери-

стикам, жанры туристического дискурса подразделяются на: 1) вербальные, зависящие от того, в какой ситуации и при каких обстоятельствах происходит общение (диалог с туроператором, экскурсия с гидом и т. д.) и 2) невербальные (письменные или печатные разновидности туристических текстов, в том числе представленные в интернет-среде). Целью нашего исследования является описание специфики невербальных жанров на материале дискурсов туристической тематики о Тунисе.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили около 400 дискурсов туристической тематики о Тунисской Республике. В качестве основного метода определен описательный, используемый для представления основных невербальных жанров туристического дискурса. Важную роль играют также метод систематизации, применяемый для описания представленного теоретического материала, и метод сплошной выборки, используемый для отбора необходимого иллюстративного материала.

Результаты исследования

Связывая жанр туристического дискурса с коммуникативными целями участников общения, В. А. Митягина дифференцирует «информационные издания, информационно-рекламные материалы туристических агентств, представляющие собой определенный текстовый минимум, необходимый для адекватной коммуникации участников дискурса» и «путеводители, энциклопедические статьи и книги об определенных странах, городах, достопримечательностях, статьи в периодических изданиях, на сайтах туристических агентств и т. п., которые расширяют дискурсивный кругозор туриста и создают предпосылки для его участия в других ситуациях и контекстах коммуникации». Она также выделяет «дневники путешествий», частные впечатления туристов, выражаемые на интернет-форумах, «заказные» впечатления известных личностей о совершенных путешествиях и т. п., отражающие и создающие такие коммуникативные контексты, которые представляют личностное измерение дискурса [11].

Все исследователи туристического дискурса единодушны в том, что среди невербальных жанров наиболее специфическим является **путеводитель**, сочетающий в себе несколько других жанров и являющийся главным источником информации о туристическом маршруте. Он призван дать сведения о менталитете, культуре, различных бытовых особенностях определенной страны, а также сообщить некоторые исторические сведения.

Н. В. Филатова квалифицирует путеводитель как «важнейший источник информации о природных, экономических и культурно-бытовых особенностях страны», визитную карточку народа, «обеспечивающую связь между представителями разных стран в культурном пространстве» [4, с. 79]. Она отмечает, что путеводители равняются на научный стиль, имея в виду высокий уровень обобщения, точность, информативность, обезличенность [4, с. 80]. Однако отметим, что эти черты проявляются не в чистом виде. Под влиянием публицисти-

ческого стиля они сильно трансформировались: информативность сочетается с лаконизмом, поэтому в путеводителях широкое распространение получили сокращения единиц измерения, временных интервалов, наименований языков, терминов. Внешним проявлением лаконизма служит расчлененное оформление синтаксических конструкций, когда заголовок может оказаться частью первого предложения текстового фрагмента. Информация обычно имеет двухуровневую подачу: графический стандарт – для основной информации, графическое и/или синтаксическое выделение – для фоновой. Точность в путеводителе соотносится с приблизительностью: *множество, несколько, не так давно, скоро, чуть-чуть*. От публицистического стиля жанр путеводителя перенял также сочетание клишированности и экспрессии.

Единых требований к содержанию путеводителя нет, однако его основные разделы чаще всего выглядят следующим образом: 1) информация о месторасположении, исторические факты; 2) транспорт; 3) жилье; 4) культурные мероприятия (программа); 5) контактная информация.

В качестве примера нами проанализирован путеводитель по Тунису, размещенный на сайте <https://34travel.me/post/tunis-guide>.

В начале путеводителя предлагается **общая информация** (сведения о месторасположении страны, исторические факты).

Далее даются сведения о **транспорте**. Составителями путеводителя отмечается, что самым популярным и удобным средством передвижения в Тунисе является такси. Они советуют перед поездкой выучить французские слова: *à droite* «направо», *à gauche* «налево», *directement* «прямо, напрямую» и называть таксистам вместо конкретного адреса какие-либо ориентиры местности (торговые центры, пляжи, парки). До прибрежных районов (La Goulette, Sidi Bou Said, La Marsa и др.) можно доехать на электричке. В Тунисе работают также наземное метро и городские автобусы. В соседние города или на пляжи можно доехать *маршрутными такси louage* или *поездами SNCFT*.

Много места в путеводителе занимают сведения о **жилье**, что абсолютно логично, так как каждый турист должен где-то разместиться. Указывается, что в Тунисе очень популярен Airbnb, с помощью которого можно снять целую виллу на побережье или квартиру, комнату – в старинных домах в Медине или в районе Сиди-Бу-Саид. Описываются отели – с современной инфраструктурой и имеющие этническую специфику, в которых можно поселиться в зависимости от своих интересов и финансовых возможностей. При их описании используются различные средства манипуляции (прежде всего, имена прилагательные в форме превосходной степени: *в самом известном районе Туниса, красивейшая территория* и пр.).

Особое внимание в путеводителе уделяется описанию обширной **культурной программы**. И это тоже понятно, так как туристы большую часть своего времени отводят на развлечения. Составители путеводителя советуют обязательно посетить та-

кие места, как французские кварталы *avenue Habib Bourguiba*, Медина (арабская часть города), квартал с руинами Карфагена, входящий в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, приморский квартал Сиди-Бу-Саид и, разумеется, не обойти вниманием пляжи.

Мы уже указывали ранее, что путеводители в большой степени обладают персуазивностью, т. е. способностью воздействия на адресата. Л. Н. Киселева также отмечает, что «все путеводители составляются таким образом, чтобы оказать должный эффект на читателя» [12, с. 449]. Так, в путеводителе по Тунису мы выделили следующие приемы, используемые для продуктивного воздействия на туриста: 1) иерархизация пространства (указываются только наиболее привлекательные объекты страны: *колонияльный Тунис, Медина, руины Карфагена, квартал Сиди-Бу-Саид, пляжи в окрестностях Бизерта* и т. д.); 2) отбор фактов (приводятся лишь те, которые могут привлечь туристов (*Тунис – не пустыня; «Зеленый Тунис», арабская Медина, оливковые роции, пляжи с бирюзовой водой и белым песком* и пр.), опускаются те, которые могут их отпугнуть (мало достопримечательностей, дорогие экскурсии и др.); 3) определенная трактовка (информация читателю предоставляется под определенным углом. С этой целью используются различные стилистические и синтаксические приемы: эпитеты, выраженные именами прилагательными в форме превосходной степени (*самый красивый отель; красивейшая территория, самые оживленные пляжи, популярнейшее место*), метафоры (*восточная часть побережья отделена... горной грядой*), сравнения (*здание отеля Hotel du Lac в виде треугольника, перевернутого острием к земле*) и др.).

К популярным и востребованным невербальным жанрам туристического дискурса относятся **туристические проспекты и брошюры**. Эти жанры считаются вторичными. Для них характерны лексика энциклопедического характера и представление информации через упрощенный синтаксис и сокращенные слова.

В туристических проспектах часто присутствуют эмфатически украшенные факты, описания, представленные в превосходной степени. Примером может служить страница из туристического проспекта <https://krv1.sletat.ru/tunis.html>: *одно из популярнейших туристических направлений, посещают около 7 миллионов, прекрасные возможности, славится превосходными современными центрами талассотерапии* и др.

В отличие от проспектов, брошюры эту же информацию подают в более расширенном виде: в них много повторений, уточнений, исторических, культурологических и географических справок, при подаче которых преобладают осложненные и сложные предложения.

Туристические проспекты и брошюры могут иметь различное информационное наполнение, разнообразную форму, однако они всегда направлены на массового потребителя. Интересную мысль в этом отношении высказывает Т. В. Демидова: «Туристы читают проспекты и брошюры не только, чтобы подготовиться к путешествию, но и после пу-

тешества, для того чтобы провести ретроспективу, запомнить случившееся или например, когда хотят написать собственный отзыв, поделиться впечатлениями, сделать заметку в личный дневник. Поэтому нельзя оставлять эту особенность без внимания, текст должен быть написан так, чтобы подойти для обеих ситуаций» [13, с. 12].

К брошюрам близки туристические **буклеты**, главным признаком которых является наличие большого количества визуальных средств – фотографий, схем, карт, логотипов и т. д. В некоторых случаях на обложке используется тиснение, что предполагает нацеленность на тактильное восприятие предмета пользователем. Одним из важных элементов буклета является карта. Это может быть карта, изображающая схему целого региона. Обычно она вставляется в буклеты, продвигающие регион как туристический объект. См., например, карту Туниса с курортами и достопримечательностями на русском языке (<https://guide.travel.ru/tunisia/map/tunisia.html>). Кроме того, в буклетах встречаются карты, изображающие город в целом или его центральную часть, отдельные фрагменты местности, на которых отмечено местоположение конкретного туристического объекта, а также карты, обеспечивающие навигацию в ограниченном пространстве (схемы музеев, выставок и т. д.).

В число «близких родственников» туристических буклетов и брошюр входят *листовка* и ее разновидности – *флаер* (маленькая листовка) и *стикер* (самоклеящаяся листовка, наклейка) и др.

К вторичным невербальным жанрам туристического дискурса относятся также **каталоги**, которые в зависимости от назначения и целевой аудитории подразделяются на представительские и информационные. Первые знакомят читателя с деятельностью туристической компании, представляют ее услуги, возможности и преимущества, вторые содержат подробную информацию о ценах, характеристиках, перечне продуктов/услуг.

Туристический дискурс может присутствовать в **статье**, в которой автор представляет какие-либо факты, явления туристического бизнеса, аргументируя и выстраивая свою позицию, **дневнике путешественника**, **разговорнике** и пр.

Благодаря интернету в последние годы состав невербальных жанров туристического дискурса активно пополняется. Среди них, пожалуй, самое видное место в интернет-среде занимает **веб-страница (сайт) туристической компании**. Интернет-сайты имеют огромную возможность постоянно обновлять информацию, размещать большее количество фотографий, нежели опубликованные издания. Кроме этого, быстрая смена изображений позволяет показать короткие фразы (гиперссылки), которые побуждают читателя кликать мышкой и переходить на новую страницу. Более того, на туристических сайтах есть возможность делать заметки или комментарии. Некоторые из них предлагают форумы, на которых можно обмениваться информацией, опытом и даже фотографиями о путешествиях. Нельзя не отметить также такие новые жанры туристического дискурса, как: а) **виртуальная экскурсия** (3-мер-

ная сцена, позволяющая получить представление о реальном объекте. Создаваемая модель осуществляет перемещения по виртуальному объекту, его вращение, размещение интерактивных элементов и пр. Таким образом, можно совершить путешествие, не выходя из дома и не прилагая никаких усилий); б) **блог туриста** (персональный сайт путешественника, в котором регулярно обновляются видео, фотографии, представлена разнообразная полезная информация. Для блогов характерны недлинные записи, упорядоченные в обратном хронологическом порядке); в) **электронное письмо** в туристическую компанию (рассылка электронных писем с почты и на почту клиента); г) **отзывы туристов** (информация о туристической поездке, транслируемая с двойной целью: сообщить нечто интересное, содержательное и одновременно оценить его. По способу выражения выделяется несколько видов отзывов – совет, благодарность, предостережение и т. п.).

Обсуждение и заключения

Таким образом, статус туристического дискурса свидетельствует о его многообразии. Это помогает нам выделить в нем широкий диапазон жанров речи, определяемых сферой, целями коммуникации и типом коммуникантов и подразделяемых в основе своей на вербальные и невербальные.

Невербальные жанры туристического дискурса находят отражение в различных типах текстов, составитель которых обычно остается анонимным. Они могут быть представлены в печатной форме или в виде гиперссылок в интернете. Наиболее специфическим жанром является путеводитель, сочетающий в себе несколько других жанров и являющийся главным источником информации о туристическом маршруте. Кроме него, имеют распространение буклеты, брошюры, блоги, отзывы туристов и т. п. Среди основных функций любого невербального жанра – информационная и убеждающая, т. к. их основная цель – убедить потенциального покупателя туристического продукта отправиться в путешествие. С этой целью используются различные приемы воздействия (лексика с положительной коннотацией, различные стилистические и синтаксические приемы и пр.).

Список источников

1. Манаенко Г. Н. Дискурс в его отношении к речи, тексту и языку // Язык. Текст. Дискурс : межвузовский сборник научных трудов. Ставрополь : Пятигорский государственный лингвистический университет, 2003. С. 26–40.
2. Панченко Е. И. К вопросу о лингвистическом статусе туристического дискурса // Лингвистика. Лингвокультурология. 2012. № 7. С. 66–72.
3. Тюленева Н. А. Лингвокогнитивные стратегии позиционирования и продвижения туристических услуг в российской и англоамериканской рекламе : дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2008. 269 с.
4. Филатова Н. В. Жанровое пространство туристического дискурса // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2012. № 2. С. 76–82.
5. Погодаева С. А. Языковые средства аргу-

ментации во французском туристическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2008. 234 с.

6. Михайлова Л. М. Основы туристического дискурса в современном английском языке // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 618–620.

7. Vodyasova L. P., Belova N. A., Biryukova O. I., Zhindeeva E. A., Kashkareva E. A., Nesterova N. A. Enhancing intercultural competence of the Russian language teacher of multi-ethnic school in the system of further education // International Journal of Applied Exercise Physiology. 2019. Vol. 8, № 2. С. 888.

8. Сакаева Л. П., Базарова Л. В. Понятия «туризм» и «туристический дискурс» в современной научной парадигме // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 6 (36-1). С. 159–161.

9. Водясова Л. П. Функционально-смысловые типы речи как коммуникативно и прагматически обусловленные разновидности монолога // Гуманитарные науки и образование. 2018. Vol. 9, № 3 (35). С. 157–162.

10. Vardanyan L. V., Vodyasova L. P., Kashtanova I. I. Representation of the concept of SAFETY in the English-language media discourse // International Journal of Applied Exercise Physiology. 2020. Vol. 9, № 2. С. 174.

11. Митягина В. А. Туристический интернет-дискурс: номинативные ошибки как негативный фактор межкультурной коммуникации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. Вып. 6 (717). С. 424–435.

12. Киселева Л. Н. Об особенностях тартуских путеводителей // И время и место. М. : Новое издательство, 2008. С. 445–454.

13. Демидова Т. В. Феномен интердискурсивности экскурсионных текстов: опыт лингвокогнитивного анализа текстов экскурсий по Нижнему Новгороду и Нижегородской области : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2009. 23 с.

References

1. Manaenko G. N. Discourse in its relation to speech, text and language. *Yazyk. Tekst. Diskurs* = Language. Text. Discourse: interuniversity collection of scientific papers. Stavropol, Pyatigorsk State Linguistic University, 2003. Pp. 26-40. (In Russ.)

2. Panchenko E. I. On the issue of the linguistic status of tourist discourse. *Lingvistika. Lingvokulturologiya* = Linguistics. Linguocultural Studies. 2012; 7:66-72. (In Russ.)

3. Tyuleneva N. A. Lingvocognitive strategies for positioning and promoting tourist services in Russian and Anglo-American advertising: dis. ... Cand. Philol. Sci. Omsk, 2008. 269 p. (In Russ.)

4. Filatova N. V. Genre space of tourist discourse. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta im. M. A. Sholokhova. Filologicheskie nauki* = Bulletin of the Moscow State Humanitarian University named after M. A. Sholokhov. Philological Sciences. 2012; 2:76-82. (In Russ.)

5. Pogodaeva S. A. Linguistic means of argumentation in French tourist discourse: dis. ... Cand. Philol. Sci. Irkutsk, 2008. 234 p. (In Russ.)

6. Mikhailova L. M. Fundamentals of tourist discourse in modern English. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* = The Humanities and Social Sciences. 2014; 2:618-620. (In Russ.)

7. Vodyasova L. P., Belova N. A., Biryukova O. I., Zhindeeva E. A., Kashkareva E. A., Nesterova N. A. Enhancing intercultural competence of the Russian language teacher of multi-ethnic school in the system of further education. *International Journal of Applied Exercise Physiology*. 2019; 8(2):888.

8. Sakaeva L. R., Bazarova L. V. The concepts of "tourism" and "tourist discourse" in the modern scientific paradigm. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2014; 6(36-1):159-161. (In Russ.)

9. Vodyasova L. P. Functional-semantic types of speech as communicatively and pragmatically conditioned varieties of monologue. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education. 2018; 9(3-35):157-162. (In Russ.)

10. Vardanyan L. V., Vodyasova L. P., Kashtanova I. I. Representation of the concept of SAFETY in the English-language media discourse. *International Journal of Applied Exercise Physiology*. 2020; 9(2):174.

11. Mityagina V. A. Tourist Internet discourse: nominative errors as a negative factor in intercultural communication. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* = Vestnik of Moscow State Linguistic University. 2015; 6(717):424-435. (In Russ.)

12. Kiseleva L. N. On the features of Tartu guidebooks. *Ivremya i mesto* = Both time and place. Moscow, New Publishing House, 2008. Pp. 445-454. (In Russ.)

13. Demidova T. V. Phenomenon of interdiscursivity of excursion texts: experience of linguacognitive analysis of excursion texts in Nizhny Novgorod and Nizhny Novgorod Region: abstract. dis. ... Cand. Philol. Sci. Tambov, 2009. 23 p. (In Russ.)

Информация об авторах:

Водясова Л. П. – профессор кафедры родного языка и литературы, д-р филол. наук, проф., Почет. работник науки и техн. РФ, Заслуж. деятель науки РМ.

Кашкарева Е. А. – зав. кафедрой русского языка и методики преподавания русского языка, канд. пед. наук, доц.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Vodyasova L. P. – Professor of the Department of Native Language and Literature, Dr. Sci. (Philology), Prof., Honorary Worker of Science and Technology of the RF, Honored Scientist of the RM.

Kashkareva E. A. – Head of the Department of Russian Language and Methods of Teaching Russian, Ph.D. (Pedagogy), Doc.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.04.2025; одобрена после рецензирования 05.05.2025; принята к публикации 06.05.2025.

The article was submitted 29.04.2025; approved after reviewing 05.05.2025; accepted for publication 06.05.2025.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Научная статья
УДК 811.111:005
doi: 10.51609/2079-3499_2025_16_02_132

Вербализация кинесических средств общения в прозе Гузель Яхиной

Лилия Махмутовна Гареева^{1,2}

¹Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия, liliyagareeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8046-9762>

²Московский государственный университет спорта и туризма (МГУСиТ), Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются особенности вербализации кинесических средств общения в романах Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза», «Дети мои», «Эшелон на Самарканд». В ходе работы был проведен анализ кинем трех основных типов, вербализованных автором в избранных для анализа произведениях. В результате исследования были выявлены и описаны типы и особенности кинесических средств, использованных Г. Яхиной, рассмотрены их функции в повествовании, проанализирована взаимосвязь невербального поведения персонажей с их характерами, особенностями происхождения и воспитания. Особое внимание в исследовании уделено применению кинесических средств при создании женских образов произведений. Проведение анализа паралингвистических средств, вербализованных в прозе Г. Яхиной, позволило сделать ряд выводов: 1) вербализация кинесических средств разных типов способствует созданию кинематографического эффекта; 2) использование вербализованных мимики, жестов, поз и движений в разных контекстах позволяет автору достоверно и точно выразить мысли и эмоции героев; 3) паралингвистические средства общения играют важную роль в воплощении живых художественных образов произведений.

Ключевые слова: кинесические средства, невербальные средства, кинема, паралингвистика, жест, мимика, движение, поза, походка, образ

Для цитирования: Гареева Л. М. Вербализация кинесических средств общения в прозе Гузель Яхиной // Гуманитарные науки и образование. 2025. Т. 16, № 2 (62). С. 132–136. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_132

LINGUISTICS

Original article

Verbalisation of kinesic means of communication in the prose by Guzel Yakhina

Liliya M. Gareeva^{1,2}

¹Moscow Financial and Industrial University “Synergy”, Moscow, Russia, liliyagareeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8046-9762>

²Moscow State University of Sport and Tourism (MSUST), Moscow, Russia

Abstract. The article deals with the peculiarities of verbalisation of kinesic means of communication in the novels “Zuleikha Opens Her Eyes”, “My Children”, “Echelon to Samarkand” by Guzel Yakhina. The author analysed the three main types of kinemes verbalised by the writer in the works selected for analysis. The study revealed and described the types and features of kinesic means used by G. Yakhina, considered their functions in the narrative, analysed the relation of non-verbal behaviour of characters with their personalities, peculiarities of origin and upbringing. Special attention in the study is paid to the use of kinesic means in the creation of female characters in the works. The analysis of paralinguistic means verbalised in G. Yakhina’s prose allowed the author to draw a number of conclusions: 1) verbalisation of kinesic means of different types helps to create a cinematographic effect; 2) the use of verbalised facial expressions, gestures, poses and movements in different contexts allows the author to express the thoughts and emotions of characters reliably and accurately; 3) paralinguistic means of communication play an important role in the embodiment of vivid artistic images in literary works.

Keywords: kinesic means, non-verbal means, kineme, paralinguistics, gesture, facial expression, movement, posture, gait, image

For citation: Gareeva L. M. Verbalisation of kinesic means of communication in the prose by Guzel Yakhina. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = *The Humanities and Education*. 2025; 16(2-62):132-136. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_132

Введение

Полноценное речевое общение редко обходится без паралингвистического сопровождения.

Паралингвистические средства могут служить источником информации о говорящем или пишущем, поскольку они способны отражать особенности его характера, говорить о его возрасте, уровне образования и социальном статусе, а также принадлежности к определенной этнической группе.

Паралингвистика, согласно Большой российской энциклопедии, представляет собой: 1) раздел языкознания, изучающий невербальные (неязыковые) средства, включенные в речевое общение и передающие, вместе с вербальными средствами, смысловую информацию о говорящем (пишущем); 2) совокупность невербальных средств, участвующих в речевой коммуникации¹.

Паралингвистические средства в тесной взаимосвязи с вербальным общением выполняют три основные функции: 1) дают сопутствующую информацию; 2) компенсируют пропущенный вербальный компонент; 3) в сочетании с речевыми конструкциями усиливают их смысл. В художественной литературе они являются важнейшим средством создания образа, позволяют автору передать тончайшие нюансы характеров персонажей и представить читателю многомерное изображение описываемых в тексте произведения событий.

Обзор литературы

Некоторые виды паралингвистических средств изучались еще в 30-е гг. прошлого века (работы Н. В. Юшманова по «экстранормальной фонетике»). Понятие «паралингвистика» было введено в 1940-е гг. А. А. Хиллом (США). Активно развиваться она начала с начала 1960-х гг., когда языкознание вышло за пределы изучения собственно языковой системы.

Согласно классификации Г. В. Колшанского, выделяются три основных вида паралингвистических средств: 1) фонационные (тембр, темп, громкость речи, заполнители паузы типа «э-э», «м-м» и др.), относящиеся к мелодике речи, а также особенностям произношения звуков; 2) кинесические средства (жесты, позы, мимика); 3) графические (почерк, графические дополнения к буквам или их заменители (&, § и т. п.)) [1, с. 32].

В художественном тексте невербальные средства играют достаточно важную эмоционально-экспрессивную роль, поскольку создают образную систему происходящего. Именно благодаря определенным выразительным жестам или действиям в представлении читателя рисуется яркая, запоминающаяся картина поведения персонажей в процессе коммуникативного акта [2, с. 358].

По мысли А. А. Алексеенко, все многообразие коммуникативно значимых проявлений двигательной активности человека можно описать с помощью языковых единиц: слов, словосочетаний, фразеологизмов, фраз и т. д. В художественном тексте функции подобных описаний значительно расширяются: репрезентирующие кинесическое поведение героев

единицы не только создают художественные образы, но и участвуют в раскрытии авторского замысла, передаче его мироощущения, эстетических взглядов. Вербализацию кинесического поведения в художественном тексте можно рассматривать как один из творческих приемов, направленных на раскрытие образов персонажей, привнесение дополнительных смыслов, выражение авторской идеи [3, с. 130].

Изучение специфики и роли паралингвистических средств различных типов в современной русской литературе представляется нам весьма актуальным и перспективным направлением исследований, так как данным вопросам в настоящий момент посвящено не так много работ. В художественном повествовании вербализация кинесических средств выполняет особую выразительную функцию, создавая неповторимые образы и эффект кинематографического воспроизведения характеров и событий.

Материалы и методы

В настоящем исследовании рассмотрены кинесические средства, их типология, особенности вербализации и роль в создании образов романов Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» (2015)², «Дети мои» (2018)³ и «Эшелон на Самарканд» (2021)⁴. Методологическую базу исследования составили теоретические и практические методы. В теоретической части применялись общенаучные методы (анализ и синтез, индукция и дедукция, системный анализ, обобщение), а также типологический и описательный методы. С целью обоснования выдвинутых положений в практической части использовался прием сплошной выборки из трех произведений Г. Яхиной, применялись элементы дискурс-анализа, позволяющего выявить прагматическую сущность кинесических средств и способов их вербализации в прозе писательницы.

Результаты исследования

В работе был проведен анализ кинесических средств, сопровождающих речь героев произведений Г. Яхиной, приведена их типология, что позволило сделать вывод относительно их роли в создании образов персонажей.

В романах писательницы уникальные характеры персонажей создаются как с помощью языковых средств, так и с помощью описания движений, поз, походки и жестов. Стиль повествования Г. Яхиной можно назвать кинематографичным, поскольку драматизм действия и живые образы сочетаются в ее романах с документальной передачей исторических событий. В описании мыслей и чувств персонажей автор использует точное наблюдение, тонкий психологизм и, помимо вербальных средств, разнообразных паралингвистических средств, в том числе и кинесических.

В языкознании обычно рассматриваются три вида кинем (под кинемой мы понимаем значимое,

1 Большая российская энциклопедия. 2004–2017. URL: <https://old.bigenc.ru> (дата обращения: 04.03.2025).

2 Яхина Г. Ш. Зулейха открывает глаза : роман. URL: <https://books.yandex.ru/reader/HA9lwAju?resource=book> (дата обращения: 04.03.2025).

3 Яхина Г. Ш. Дети мои : роман. URL: <https://books.yandex.ru/reader/AGGJSXXz?resource=book> (дата обращения: 04.03.2025).

4 Яхина Г. Ш. Эшелон на Самарканд : роман. URL: <https://books.yandex.ru/reader/eSeuJkl4?resource=book> (дата обращения: 04.03.2025).

выразительное, законченное телодвижение, имеющее определенную структуру и способ исполнения, обладающее устойчивым значением и самостоятельностью): а) кинемы, передающие движение без указания на его смысл; б) кинемы, передающие смысл без изображения движения; в) кинемы, передающие и движение, и его смысл.

Для иллюстрации использования кинесических средств всех трех типов при создании художественных образов обратимся к эпизодам вышеуказанных романов Г. Яхиной.

К кинемам первого типа относятся позы, движения и жесты с устойчивым смыслом, закрепленным языковой традицией, легко узнаваемые носителями определенного культурного кода. Данные кинемы характеризуются традиционным конкретным выражением в языке. Для их обозначения часто используются устойчивые глагольные словосочетания с именем существительным в роли зависимого слова – названием части тела, задействованной в движении (голова, глаза, брови, руки, ноги, губы и т. п.): *Зулейха... останавливается, поднимает на него заплаканные, с припухшими покрасневшими веками глаза и тут же опускает* («Зулейха открывает глаза»); *Сестры сделали пару шагов и остановились, будто привязали их к поезду невидимым поводком. Руки тянулись* вслед уходящим, *тянулись – но дотянуться уже не могли* («Эшелон на Самарканд»); *Молчать – когда Anche стала выворачиваться из-под Баховой руки, выскальзывать из объятий, стесняясь и без того редких проявлений его чувств...* («Дети мои»); – *Вот тебе, зеленоглазая, и грибы, – выпячивает* напоследок *широкую губу чернявый*. («Зулейха открывает глаза»); (*Бах*) *Бросил весла, забарабанил пальцами по губам* («Дети мои»).

Не менее частотны и предикативные сочетания с подобными существительными в роли подлежащего: *А на саму Давыдову глядела тысяча детских глаз – карих, рыжих, черных, синих, цвета травы – снизу вверх* («Эшелон на Самарканд»); *Зулейха замирает. Сердце ухает, живот сжимается ледяным комом* («Зулейха открывает глаза»). Иногда кинема выражается одной лексемой – глаголом, обозначающим изменение мимики, жест или положение тела: – *Ну а ты, кроха, будешь мне отвечать? – улынулась* малышу-двухлетке, *что сидел на краю воза...* («Эшелон на Самарканд»). *Бах кивнул – разрешил* («Дети мои»).

С помощью кинем данного типа автору удается лаконично и емко изобразить внутреннее состояние героев.

Кинемы второго типа удастся вербализовать без описания физических проявлений двигательной активности. При этом языковые единицы не содержат указания на характер движения, позы или мимики героя. Такой художественный прием в соответствии с авторским замыслом призван привлечь внимание читателя к эмоциональному состоянию персонажа, тем самым предоставляя ему возможность самостоятельно «расшифровать» смысл невербального поведения персонажей. Как правило, подобные кинемы передают психоэмоциональное

состояние героев: *Стоял и смотрел, как играет свет на рассыпанных по подушке нежных кудрях, как загорается розовым изгиб щеки и подоткнутая под нее маленькая пятерня* («Дети мои»).

Кинемы данного типа способны самостоятельно выступать в коммуникативной функции, заменяя собой целое высказывание: *Лицо заведующей сделалось не строго даже – сурово... Отвечать не стала, только вздернула гневно подбородок, а после наклонилась к стоявшему рядом Чаче* («Эшелон на Самарканд»); *Сейчас, глядя на неподвижную Anche, Бах понял отчетливо: через несколько лет она уйдет. Выпрыгнет в дверь, выскочит в окно, просочится в любую щель – но уйдет, уйдет непременно. Возможно, даже не попрощавшись* («Дети мои»).

Изобразить различные эмоции героев нередко помогают отвлеченные существительные со значением чувства (страх, удивление, радость и т. п.), эмотивные прилагательные и причастия, сравнительные обороты и придаточные предложения. Однако при этом описание движений героев отсутствует: *Сидевший истуканом Муртаза вдруг резко поворачивается к саям и с ненавистью смотрит Игнатову в глаза* («Зулейха открывает глаза»); *Ошеломленное лицо Давыдовой стремительно подбиралось: плотнее смыкались губы, выше поднимался подбородок* («Эшелон на Самарканд»); *Хозяйская Девчонка – сытая, с любопытными глазищами – вытащила откуда-то низенькую резную скамеечку, уселась на нее и таращилась на Васку, как на диковинного зверя* («Дети мои»). Конструкции с осложненной структурой помогают передать читателю мысли, чувства, внутреннюю речь персонажей.

С помощью описания кинем третьего типа передаются и внешние признаки невербального поведения, и их смысловое наполнение. Обычно так вербализуются многозначные жесты, позы, мимика или движения, которые могут быть по-разному интерпретированы в разных контекстах. В прозе Г. Яхиной весьма распространены многозначные кинемы, связанные с движением глаз, головы, рук, ног, губ и др. Так, положение стоя на коленях в разных эпизодах романа «Зулейха открывает глаза» может иметь разный смысл: *Муртаза стоит на коленях, уткнув бритую голову с проблесками седой щетины в живот матери и крепко обхватив ее большое тело* (проявление почтительности, уважения к старой матери); *Пока Муртаза чистит могилу старшей дочери, Зулейха делает шаг в сторону, опускается на колени и нащупывает под снегом еще один таиш, локтями расковыривает снег* (проявление материнского горя, молитвенная поза).

Отдельное место в системе кинесических средств, вербализованных в романах Г. Яхиной, принадлежит описанию походки персонажей. Она может меняться в зависимости от настроения, намерений, эмоционального состояния героя. Особенно ярко данная особенность проявляется в создании образа Деева, главного героя произведения «Эшелон на Самарканд». Чаше всего его движения стремительны и порывисты, что характеризует его как человека действия (это же подчеркивает его

«говорящая» фамилия): Деев уже **сбежал по лестнице вниз**, но комиссар не двигалась с места – и он **заметался по ступеням**, не понимая, **оставаться** ли ему с ней или все же **шагать** дальше. Убегать, как зайцу от лисы, – не хотелось. Или: – Их всех – можно! – Деев **подскокил** к ней вплотную, но никак не мог посмотреть на нее вровень, все время выходило снизу вверх. – Спасти – или хотя бы попытаться. Иногда он действует быстро, принимая необдуманные решения: До кремля Деев **домчал быстро**, будто не **бежал по осенней грязи**, а **скакал во всю прыть**: недавняя ссора прибавляла сил. И тем контрастнее выглядят описания его движений и походки в минуты душевной пустоты, отчаяния: **Не веря глазам, Деев падает на колени и ползет по земле, оцупывая почти вросшие в нее последние шпалы и концы рельсов, шершавые от застарелой ржавчины. Затем еще ползет, дальше, долго, в поисках продолжения путей. Ничего не находит. Вот и железной дороги больше – нет.** Этот персонаж постоянно находится в движении, даже на пределе физических сил: **Отдай, твердил Деев, ковыляя вперед. Отдай! Иногда ударял по песчаным вихрям носком башмака для остротки, но пинки отнимали много сил, и потому скоро перестал. Разгибать колени при каждом шаге было нелегко – брел, слегка согнувшись и не распрямляя ног.**

Весьма интересны кинесические средства, использованные Г. Яхиной при создании женских образов. Зулейха – неграмотная татарка, выданная замуж в возрасте 15 лет за человека на 20 лет старше нее. Ее поза и жесты подчеркивают ее постоянную зависимость от других людей, страх и неуверенность в себе. Она олицетворяет собой традиционное мусульманское воспитание и положение женщины в семье. **Приходила; глядя в пол, ставила на стол таз с горячей водой, клала рядом мотки выстиранных вчера и прокипяченных бинтов; Зулейха подхватывает свекровь за локоть, – та больно вонзает длинные узловатые пальцы ей в руку, – и ведет в баню; Зулейха... осторожно приближается и продолжает одевать свекровь. Метлой по спине – это не больно. Почти как веником. Зулейха лежит смирно, как и велел муж, только вздрагивает и царапает ногтями лэукэ при каждом ударе, – поэтому бьет он недолго. Быстро остывает. Все-таки хороший муж ей достался.**

Героиня романа «Эшелон на Самарканд» Фатима – умная и образованная мусульманская женщина, с прямой осанкой и уверенными движениями. С Зулейхой, помимо национальности, их сближает безграничная любовь к детям, религиозность, доброта и порядочность. Обе женщины пережили смерть своих детей. Фатима стала матерью не только для сирот из эшелона, но и для взрослых людей, сопровождавших их в долгом путешествии. Все ее движения, позы и жесты говорят о том, что эта гордая женщина способна принести утешение и облегчение просто одним своим присутствием. **Всех мальчишек Фатима называла Искандерами: малолеток из штабного, подростков из пассажирских вагонов. Не про себя, не тихо и в сторону, а громко и вслух. А еще обнимала и целовала. Кто бы ни**

пробежал мимо – переросток, заходивший к Белой за советом, или трехлетка, забредший следом за старшими, – все непременно сбавляли шаг рядом с Фатимой. Она тотчас оставляла дела и трепала гостя по бритой голове или щекам, а чаще просто прижимала к груди и опускала губы на прикипшую к ней колючую макушку: «Искандер ты мой, Искандер...». И даже в горе она остается несгибаемой, не плачет и не жалуется: Перекинув через локоть ветхое пальтецо, Фатима шла из вагона со спокойным, непроницаемым лицом – не глядя под ноги, не глядя в окна, да и никуда уже не глядя; Лица Фатимы теперь (Буг) не видел – только затылок с одной распушенной косой и прямую спину.

Еще одна героиня романа «Эшелон на Самарканд» – комиссар Белая – олицетворяет собой женщину-руководителя с несгибаемым характером и жесткими принципами. Это подчеркивают ее движения, мимика, жесты и походка: **А взор – начальственный, как у армейского командира. Под таким взглядом хотелось немедленно вскочить и оправиться... Белая и не думала останавливаться – стремительно шагала между раскинувшимися по полу мальчишескими телами, вертя головой во все стороны.** Большой опыт в работе с беспризорниками подчеркивают жесты, используемые комиссаром в разговоре с подопечными, которые почти сразу начинают ей доверять, идентифицируют как «свою»: **– Нож мне в сердце, гвозди в глаз! – Белая ударила себя сжатой рукою в грудь, словно вонзая кинжал между ребер, и лицо тотчас разгладилось, заулыбалось заговорщически. – А теперь помоги, – попросила Белая повторно.**

В жестах и движениях директора детского дома Давыдовой («Эшелон на Самарканд») угадывается благородное происхождение, образованность и аристократическое воспитание: **Она выцепила из кармана пенсне, насадила на нос и пару секунд изучала детскую толпу сквозь окуляры. А затем подобрала юбку – нелепым старомодным жестом, какой встретишь разве что в кино, – и пошла по ступеням вниз. Позы, движения и жесты директора также подчеркивают ее доброту и любовь к детям: Давыдова шла через молчаливую толпу, разглядывая прибывших. Протискиваться не приходилось – дети сами расступались перед ней. Большие руки Давыдовой гладили проплывающие мимо головы и плечи, кого-то трепали по щеке. И еще: Это был калмыцкий мальчик, из приемышей... Ответил на улыбку Давыдовой – немедленно. Она протянула к нему ладони – потянулся в ответ. Взяла на руки – прильнул к ней в то же мгновение. Как шло этой женщине держать на руках дитя! Нескладная и непригожая, вряд ли знавшая когда-нибудь мужскую любовь и счастье материнства, с ребенком у груди она внезапно становилась выше всего суетного и плотского. С ребенком у груди она сама была – материнство, мудрое и вечное.**

В сочетании с приемами экспрессивного синтаксиса кинесические средства усиливают эмоциональность речи героев, выражают глубину их переживаний [4, с. 225]: **Груня взглядом царицы обвела столпившихся у закрытой двери соседей (профес-**

сорской мебелью хотели пожить, шакалы!) и, ничего не сказав, ушла к себе («Зулейха открывает глаза»). Здесь конструкция *взглядом царицы обвела* поясняет смысл взгляда бывшей домработницы, тем самым усиливая эффект от описания противостояния и вражды между жильцами коммунальной квартиры. Часто синтаксические экспрессивные средства (особенно сравнительные обороты) помогают читателю наглядно представить мимику и жесты героя: *Хозяйская Девчонка – сытая, с любопытными глазами – вытащила откуда-то низенькую резную скамеечку, уселась на нее и таращилась на Ваську, как на диковинного зверя* («Дети мои»).

Все рассмотренные нами особенности вербализации кинесических средств в прозе Г. Яхиной указывают на то, что их широкое применение, уточняя и иллюстрируя вербальную составляющую, способствует повышению выразительности повествования и помогает автору создать яркие, неповторимые образы.

Обсуждение и заключения

Таким образом, вербализованные в художественном тексте разнообразные кинесические средства выполняют ряд важнейших функций, поскольку способствуют читательскому восприятию произведения, помогают раскрытию авторского замысла, созданию уникальных характеров персонажей. Писательское мастерство Гузель Яхиной проявляется в тщательном отборе языковых средств, описывающих невербальное поведение героев, позволяющих добиваться кинематографического эффекта с помощью использования кинем разных типов. Вербализация паралингвистических средств общения в разных контекстах позволяет автору создать особый художественный мир произведения.

Список источников

1. Колшанский Г. В. Паралингвистика. М. : URSS ЛКИ, 2008. 95 с.
2. Шерматова С. Н. Роль паралингвистических средств при создании образа Ильеса в повести Ч. Т. Айтматова «Тополек мой в красной косынке» // Русский язык как фактор культурно-образовательной интеграции общества. Санкт-Петербург, 2016. С. 358–361.
3. Алексеенко А. А. Вербальная репрезентация кинесических средств коммуникации в художественном тексте (на материале произведений А. П. Чехова) // Вестник Белорусского государственного педагогического университета. Серия 1. Педагогика. Психология. Филология. 2023. № 3 (117). С. 130–133.
4. Гареева Л. М. Средства экспрессивного синтаксиса в повести А. П. Чехова «Черный монах» // Litera. 2024. № 12. С. 224–232.
5. Гареева Л. М., Кравчук Т. В., Тоухар А. О. Ритмическая организация прозы А. П. Чехова // Litera. 2025. № 2. С. 332–342.
6. Современный русский язык : учебник /

С. М. Колесникова, Е. В. Алтабаева, Л. П. Водясова [и др.] ; под ред. С. М. Колесниковой. 2-е изд., испр. М. : Флинта, 2016. 559 с.

7. Пиз А. Язык телодвижений. М. : Эксмо, 2006. 272 с.

8. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М. : Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.

References

1. Kolshansky G. V. Paralinguistics. Moscow, URSS LKI, 2008. 95 p. (In Russ.)
2. Shermatova S. N. The role of paralinguistic means in creating the image of Ilyas in the story “My poplar in a red headscarf” by Ch. T. Aitmatov. *Russkiy yazyk kak faktor kul'turno-obrazovatel'noy integratsii obshchestva*. = Russian language as a factor of cultural and educational integration of society. St. Petersburg, 2016. Pp. 358-361. (In Russ.)
3. Alekseenko A. A. Verbal representation of kinesic means of communication in artistic text (on the material of A. P. Chekhov's works). *Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya 1. Pedagogika. Psikhologiya. Filologiya* = Vestnik of the Belarusian State Pedagogical University. Series 1. Pedagogy. Psychology. Philology. 2023; 3(117): 130-133. (In Russ.)
4. Gareeva L. M. Means of expressive syntax in A. P. Chekhov's short story “The black monk”. *Litera*. 2024; 12:224-232. (In Russ.)
5. Gareeva L. M., Kravchuk T. V., Touahar A. O. Rhythmic organisation of A. P. Chekhov's prose. *Litera*. 2025; 2:332-342. (In Russ.)
6. Modern Russian language: textbook / S. M. Kolesnikova, E. V. Altabaeva, L. P. Vodyasova [et al.]; ed. by S. M. Kolesnikova. 2nd ed., rev. Moscow, Flinta, 2016. 559 p. (In Russ.)
7. Pease A. Body Language. Moscow, Eksmo, 2006. 272 p. (In Russ.)
8. Kreydlin G. E. Nonverbal Semiotics: Body Language and Natural Language. Moscow, New Literary Review, 2002. 592 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Гареева Л. М. – доцент кафедры филологии, канд. филол. наук, доц.

Information about the author:

Gareeva L. M. – Associate Professor of the Department of Philology, Ph.D. (Philology), Doc.

Статья поступила в редакцию 04.03.2025; одобрена после рецензирования 13.03.2025; принята к публикации 14.03.2025.

The article was submitted 04.03.2025; approved after reviewing 13.03.2025; accepted for publication 14.03.2025.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Научная статья

УДК 811.511.152.2

doi: 10.51609/2079-3499_2025_16_02_137

Фонетическая система рузаевских говоров перхляйского типа (сравнительный аспект)

Галина Софроновна Иванова^{1*}, Наталья Васильевна Иванова², Кристина Ивановна Сайгутина³

¹Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва, Саранск, Россия, galina17-05@yandex.ru*, <https://orcid.org/0000-0001-7717-543X>

²Морская техническая академия имени адмирала Д. Н. Сенявина, Санкт-Петербург, Россия, nataliva1990@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6860-1003>

³Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, saigutina2018@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2660-7970>

Аннотация. Целью настоящей статьи является исследование фонетической системы рузаевских говоров перхляйского типа как одного из звеньев в системе мокшанских диалектов. Материалом для исследования послужили диалектные тексты, собранные во время выездов на территорию Рузаевского района Республики Мордовия в 2023–2024 гг., а также данные словарного кабинета филологического факультета Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва. В качестве основных методов были использованы синхронно-описательный и сравнительно-исторический. В результате исследования выявлено, что по фонетической системе мокшанские говоры перхляйского типа отличаются от остальных говоров центрального диалекта меньшим количеством фонем: в центральном диалекте их насчитывается 40, а в говорах перхляйского типа – 39. Система вокализма аналогична с системой юго-восточного диалекта: наблюдается сужение гласных переднего ряда; система консонантизма близка таковой центрального диалекта и несколько отличается от системы консонантизма рузаевских говоров сузгарьевского типа. Фонетическая система рассматриваемого типа говоров более инновационна по сравнению с системами других говоров рузаевского ареала, она является результатом синхронических и диахронических процессов, действующих в языке. Представленные в статье теоретические положения и выводы исследования будут иметь методологическое значение при дальнейшем исследовании фонетической системы мокшанских диалектов, а также выявлении фонетических процессов, приведших к изменениям в составах вокализма и консонантизма.

Ключевые слова: говор, перхляйский тип, фонетическая система, фонетический процесс

Благодарности: публикация подготовлена в рамках гранта РНФ 25-28-00193 «Цифровое описание мокшанских говоров Рузаевского района Республики Мордовия».

Для цитирования: Иванова Г. С., Иванова Н. В., Сайгутина К. И. Фонетическая система рузаевских говоров перхляйского типа (сравнительный аспект) // Гуманитарные науки и образование. Т. 16, № 2 (62). С. 137–143. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_137

LINGUISTICS

Original article

Phonetic system in Ruzaevka subdialects of Perkhlyay type (comparative aspect)

Galina S. Ivanova^{1*}, Natalia V. Ivanova², Kristina I. Saigutina³

¹National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia, galina17-05@yandex.ru*, <https://orcid.org/0000-0001-7717-543X>

²Admiral Senyavin Maritime Technical Academy, St. Petersburg, Russia, nataliva1990@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6860-1003>

³Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Saransk, Russia, saigutina2018@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2660-7970>

Abstract. The aim of this article is to study the phonetic system of Ruzaevka subdialects of the Perkhlyay type as one of the links in the system of Moksha dialects. The material for the study included dialect texts col-

lected during trips to the territory of the Ruzaevka District of the Republic of Mordovia in 2023-2024, as well as data from the dictionary study of the philological faculty of the National Research Ogarev Mordovia State University. The synchronic-descriptive and comparative-historical methods were used as the main methods. The study revealed that, according to the phonetic system, Moksha dialects of the Perkhlyai type differ from other dialects of the central dialect in a smaller number of phonemes: there are 40 of them in the central dialect, and 39 in dialects of the Perkhlyai type. The vocalic system is similar to the system of the southeastern dialect (there is a narrowing of the front vowels); the consonant system is close to that of the central dialect and differs somewhat from the consonant system of the Ruzaevka subdialects of the Suzgare type. The phonetic system of this type of dialect is more innovative than the systems of other dialects of the Ruzaevsky area, it is the result of synchronic and diachronic processes operating in the language. The theoretical provisions and conclusions of the study presented in the article will have methodological significance in further research of the phonetic system of the Moksha dialects, as well as in identifying the phonetic processes that led to changes in the composition of vocalism and consonantism.

Keywords: subdialect, Perkhlyai type, phonetic system, phonetic process

Acknowledgments: the publication was prepared within the framework of the implementation of the RSF grant 25-28-00193 "Digital description of Moksha dialects of the Ruzaevka District of the Republic of Mordovia".

For citation: Ivanova G. S., Ivanova N. V., Saygutina K. I. Phonetic system in Ruzaevka subdialects of Perkhlyai type (comparative aspect). *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education. 2025; 16(2-62):137-143. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_137

Введение

Данная статья является продолжением наших исследований по мокшанским говорам Рузаевского района. Она посвящена фонетической системе говоров перхляйского типа, входящих в рузаевский ареал.

Село Перхляй находится в тринадцати километрах от г. Рузаевки Республики Мордовия. Носители говора называют свое село *Пърхлей* ([pɐR'l'ej]), а в близлежащих населенных пунктах – *Перьфляй* ([pɐr'f'l'aj]). Название сложное, состоит из двух слов: *per'f* 'вокруг' и *l'aj* 'река', иначе место, окруженное реками. Согласно историческому справочнику [1], село появилось в XVII в. и первыми жителями были переселенцы из Темниковского села Конаково. На соседней территории расположены населенные пункты с носителями трех языков: мокшанского – Трусляй, Новая Муравьевка, Мордовская Пишля, Болдово, Сузгарье, Левжа; русского – Стрелецкая Слобода, Русское Баймаково, Шишкеево, Красное Сельцо; татарского – Пензятка, Берсенева, Лямбиль и др.

Все мокшанские говоры Рузаевского района, наряду с говорами Краснослободского, Старошайговского, Ельниковского районов, в свое время были отнесены к центральному диалекту, а точнее, к его краснослободско-синдровско-шайговско-левжинской группе как обладатели ряда общих признаков, не свойственных другим говорам данного диалекта. В число таких признаков были включены йотация гласного нижнего подъема *ä* в начале слова (*ääsh* 'у', 'колодец', *ääl* 'подол', *ääi* 'лёд'), расширение исторического гласного среднего подъема **e* до гласного нижнего подъема *ä* (*vär* 'кровь', *mäs* 'почему', *kär'ms* 'отрезать'), сохранение форманта *k* в отрицательных формах глагола в объектном спряжении (*ъз' му-к* 'он не нашел', *ъз' мора-к* 'он не пел') и др. [2]. Однако анализ диалектного материала показал, что не все говоры, находящиеся в относительной близости с говором села Перхляй, обладают одинаковыми признаками, в связи с этим

к перхляйскому типу говоров¹ мы относим говоры сел Перхляй, Трусляй, Новая Муравьевка, Мордовская Пишля, Болдово – всем им присущи фонетические особенности, которые объединяют их друг с другом, а также с икающими говорами юго-восточного диалекта [3].

Обзор литературы

Диалекты мокшанского языка более 100 лет вызывают интерес как у зарубежных, так и отечественных ученых, в первую очередь характером и большим разнообразием отличительных признаков, которые могут наблюдаться даже в пределах одного поддиалекта.

Огромный вклад в изучение мокшанских диалектов из зарубежных исследователей внес финский ученый Х. Паасонен. На рубеже XIX–XX вв. он издал свою монографическую работу по фонетике «*Mordwinische Lautlehre*» (1903 г.) [4] – первый самый внушительный труд по сравнительно-историческому изучению фонетики мордовских языков. Х. Паасонен описал гласные и согласные звуки в синхронии и диахронии, отдельно рассматривая первый и непервый слог слова на основе выбранных говоров, выявил фонетические процессы, оказавшие влияние на становление звуковой системы, особое внимание уделив разрушению сингармонизма и действию закона «прогрессивной палатальной аттракции», а также выпадению и примыканию гласных звуков.

По материалам его экспедиций «в мордву»,

1 Paasonen H. *Mordwinische Volksdichtung* : in 8 B. B. 1. Helsinki : Suomalais-ugrilainen Seura, 1938. 509 p.; Paasonen H. *Mordwinische Volksdichtung* : in 8 B. B. 2. Helsinki : Suomalais-ugrilainen Seura, 1939. 574 p.; Paasonen H. *Mordwinische Volksdichtung* : in 8 B. B. 3. Helsinki : Suomalais-ugrilainen Seura, 1941. 343 p.; Paasonen H. *Mordwinische Volksdichtung* : in 8 B. B. 4. Helsinki : Suomalais-ugrilainen Seura, 1947. 897 p.; Paasonen H. *Mordwinische Volksdichtung* : in 8 B. B. 5. Helsinki : Suomalais-ugrilainen Seura, 1977. 525 p.; Paasonen H. *Mordwinische Volksdichtung* : in 8 B. B. 6. Helsinki : Suomalais-ugrilainen Seura, 1977. 236 p.; Paasonen H. *Mordwinische Volksdichtung* : in 8 B. B. 7. Helsinki : Suomalais-ugrilainen Seura, 1980. 471 p.; Paasonen H. *Mordwinische Volksdichtung* : in 8 B. B. 8. Helsinki : Suomalais-ugrilainen Seura, 1981. 499 p.

которые начались 21 февраля 1889 г., было издано восемь томов текстов мордовской народной речи «Mordwinische Volksdichtung» (1938–1981 гг.). Х. Паасонен не только собирал фольклорный материал, он «фиксировал лексику в целях составления всеобъемлющего мордовского диалектологического словаря», 1-й том которого увидел свет в 1990 г. под названием «H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch» [5], где диалектная лексика в транскрипции дается с переводом на немецкий язык. Обработка диалектных текстов, собранных Х. Паасоненом, продолжается и в настоящее время.

К истории финно-угорской фонетики, в том числе мордовского вокализма, обращались В. Штейниц [6], Э. Итконен [7], дискуссия между их последователями относительно качества гласных финно-угорского языка-основы продолжается до сих пор. Исследования зарубежных специалистов были подхвачены отечественными учеными [8; 9]. Изучению фонетики мордовских языков большое внимание уделял Д. В. Бубрих, результатом его 25-летней работы стал труд «Историческая грамматика эрзянского языка» (1953), где, наряду с историей развития именных и глагольных грамматических форм, рассматриваются вопросы исторической фонетики мордовских языков в сравнительном плане. Выводы, к которым пришел ученый, важны не только для мордовского, но и для всего финно-угорского языкознания [8, с. 4]. Данная работа Д. В. Бубриха в дальнейшем оказала неоценимую помощь начинающим диалектологам².

Первую профессиональную классификацию мокшанских диалектов представил А. П. Феоктистов на основе фонетического, морфологического и территориального принципов [9], которая впоследствии самим исследователем неоднократно уточнялась [10; 11].

2 Очерки мордовских диалектов : в 5 т. Т. 1. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1961. 396 с.; Очерки мордовских диалектов : в 5 т. Т. 2. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1963. 448 с.; Очерки мордовских диалектов : в 5 т. Т. 3. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1963. 276 с.; Очерки мордовских диалектов : в 5 т. Т. 4. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1966. 382 с.; Очерки мордовских диалектов : в 5 т. Т. 5. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1968. 399 с.

В последние годы в связи с катастрофическим сокращением численности мокшанского и эрзянского населения в сельской местности исследование диалектов возобновилось с новой силой, особенно тех, особенности которых изучены поверхностно. Именно таковыми являются мокшанские говоры Рузаевского района, которые в качестве предмета специального исследования до настоящего времени не рассматривались, хотя имеются статьи, посвященные вопросам фонетики и морфологии отдельных говоров рузаевского ареала [12–15].

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составили труды ученых, в которых нашли отражение вопросы диалектологии мордовских языков вообще и мокшанского языка в частности. Анализу был подвергнут лексический материал словарного кабинета филологического факультета, собранный в разные периоды студентами и преподавателями кафедры мордовских языков во время диалектологических практик в населенных пунктах Рузаевского района Республики Мордовия, а также диалектный материал, зафиксированный во время частных выездов в села. Перхляй, Мордовская Пишля, Трусляй, Новая Муравьевка (информанты Л. И. Нарватова 1958 г.р., А. И. Ильин 1963 г.р., Н. И. Маскаева 1961 г.р., Н. В. Кубанцева 1950 г.р.). В процессе работы нами были применены два традиционных метода исследования – синхронно-описательный и сравнительно-исторический. Первый использовался в процессе наблюдения за фонетическими явлениями в речи носителей на внутрдиалектном уровне, второй – в исследовании фонетических явлений на междиалектном уровне.

Результаты исследования

Анализ диалектного материала показал, что система вокализма мокшанских говоров перхляйского типа аналогична системе юго-восточного диалекта и состоит из семи единиц: пяти гласных полного образования (*и, е, у, о, а*) и двух редуцированных (заднерядного – *ь*, переднерядного – *ь*) (в других говорах центрального диалекта 8 гласных) (табл. 1, 2).

Таблица 1

Система вокализма говоров перхляйского типа и юго-восточного диалекта

Подъем	Ряд		
	Передний	Средний нелабиализованный	Задний лабиализованный
Верхний	и (ы)		у
Средний	э	ь ь	о
Нижний			а

Таблица 2

Система вокализма говоров центрального диалекта

Подъем	Ряд		
	Передний нелабиализованный	Средний	Задний лабиализованный
Верхний	и (ы)		у
Средний	э	ь ь	о
Нижний	ä		а

В фонетической системе гласных рассматриваемого перхляйского типа говоров произошли как синхронические (внутридиалектные и междиалектные), так и исторические изменения, затрагивающие и количественный, и качественный состав гласных.

В системе вокализма к самым заметным явлениям относится отсутствие в речи носителей говора гласного *ä* переднего ряда, в то время как в соседнем левженском говоре рузаевского ареала, равно как и в других говорах центрального диалекта, гласный *ä* присутствует.

В корневой морфеме гласный *ä*, имеющий общемокшанское и даже домокшанское происхождение, в большинстве говоров центрального диалекта сохранился, а в перхляйском типе говоров он сузился (**ä* > *e*): **käd'* > перх. *кед'* 'рука', **käjы* 'злой' > перх. *кежы*, **l'äй* 'река' > перх. *л'ей*, **l'äm* 'щи' > перх. *л'ем*, **mäl'* 'желание' > перх. *мел'*, **mäшт'ä* 'грудь' > перх. *мешт'е*; ср. центр., левж. *käd'*, *käjы*, *л'äй*, *л'äm*, *mäl'*, *mäшт'ä*.

В говорах перхляйского типа, аналогично юго-восточному диалекту, сужение гласных переднего ряда охватило также общемокшанский гласный среднего подъема **e* (**e* > *u*) н: **л'ем* > перх., ю.-в. *л'им* 'имя', **кел'и* > перх., ю.-в. *кил'и* 'широкий', **кед'* > перх., ю.-в. *кид'* 'кожа', **с'ел'мь* > перх., ю.-в. *с'ил'ме* 'глаз'; ср. центр., левж. *л'ем*, *кел'и кед'*, *с'ел'mä*. Данная закономерность перестает действовать после твердого непарного перед твердым парным согласным внутри корневой морфемы: перх. *керъмс* 'отрезать', *вер* 'кровь', *мес* 'почему', *келу* 'береза', *вержы* 'среда', *келас'* 'лиса', *келда* 'блоха'; центр. *керъмс*, *вер*, *мес*, *келу*, *вержы*, *келас'*, *келда*.

Артикуляция редуцированных гласных *ъ*, *ь* в абсолютном ауслате приближается к артикуляции гласных полного образования: *ъ* > *a*, *ь* > *e*: перх. *панда* 'гора', *валда* 'свет, светло, светлый', *карга* 'журавль'; ср.: *пандъ-н'е* 'горка', *валдъ-л'* 'было светло', *каргъ-ц* 'его/ее журавль'; перх., ю.-в. *вил'е* 'село, деревня', *н'ил'е* 'четыре', *пил'е* 'ухо'; ср.: *вил'ь-з'е* 'мое село, деревня', *н'ил'ь-ндза* 'вчетвером', *пил'ь-са* 'в ухе'.

Артикуляция гласного *и* после твердых непарных *ж*, *ш* делает передвижку к заднему ряду, как в большинстве говоров центрального диалекта, это происходит как при гласном заднего ряда в первом слоге, так и при гласном переднего ряда в первом слоге: перх., центр. *пужы* 'завяты', *шукшы* 'грозится', *вишы* 'требуется, просит', *кешы* 'спрячется', *кежы* 'сердитый, злой', *вержы* 'среда', *шавшы* 'вторник'. В юго-восточном диалекте с подобным явлением можно встретиться только в словах с гласным заднего ряда в первом слоге, в то время как в другой группе слов под влиянием прогрессивной палатальной аттракции со стороны гласного переднего ряда первого слова происходит палатализация *ж* > *ж'*, *ш* > *ш'*, ср. ю.-в. *пужы*, *шукшы*, но *виш'и*, *кеш'и*, *кеж'и*, *шавш'и* и др. Следует отметить, что в рыбкинско-мамолаевских говорах центрального диалекта палатализация *ж* > *ж'*, *ш* > *ш'* наблюдается во всех случаях, независимо от качества гласного первого слога: *пуж'и*, *ш'укиш'и*,

виш'и, *кеш'и*, *кеж'и* и др.

В начале слова вместо более архаичного йотированного **йä* (ю.-в. *йе*, м.л. *ä*) употребляется *e* (в говоре с. Мордовская Пишля йотация сохранилась): перх. *ешы* 'колодец', *ел'* 'подол', *евъд'ьмс* 'испугаться', *ел'бед'ьмс* 'ошибиться', *ешэ* 'прохлада'; ср. пишл. *йешы*, *йел'*, *йевъд'ьмс*, *йел'бед'ьмс*, *йешэ*; центр. *äшы*, *äl'*, *äвъд'ьмс*, *äl'бäд'ьмс*, *äшэ*.

На морфемном стыке перед твердым парным согласным суффиксальной морфемы, подобно икающим говорам юго-восточного диалекта, наблюдается чередование *e//a*; в левженском говоре, как и в центральном диалекте, – *ä//a*: перх., ю.-в. *вал'ме* – *вал'ма-т* 'окно – окна', левж., центр. *вал'mä* – *вал'ма-т*; перх., ю.-в. *ал'е* – *ал'а-т* 'мужчина – мужчины', левж., центр. *ал'ä* – *ал'а-т*; перх., ю.-в. *пр'е* – *пр'а-т* 'голова – головы', левж., центр. *пр'ä* – *пр'а-т*. Под действие этого явления попадают также заимствования из русского языка: перх., ю.-в. *ул'ц'е* – *ул'ц'а-т* 'улица – улицы', левж., центр. *ул'ц'ä* – *ул'ц'а-т*; перх., ю.-в. *туц'е* – *туц'а-т* 'туча – тучи', левж., центр. *туц'ä* – *туц'а-т*; и имена собственные: перх., ю.-в. *вал'е* – *вал'а-т* 'Валя – Вали', левж., центр. *вал'ä* – *вал'а-т*, перх., ю.-в. *мар'е* – *мар'а-т* 'Мария – Марии', левж., центр. *мар'ä* – *мар'а-т*.

Перед твердым парным согласным, напротив, происходит синхроническое чередование *a*, который имеет более архаичный характер, с *e*, в центральном диалекте *a//ä*: перх. *вил'а-мс* – *вил'е-с'* 'свалиться – свалился', центр. *вел'а-мс* – *вел'ä-с'*; *пир'а-мс* – *пир'е-с'* 'отгородить – отгородил', центр. *пер'а-мс* – *пер'ä-с'*; перх. *пот'а-мс* – *пот'е-с'* 'дойти – подоил', центр. *пот'а-мс* – *пот'ä-с'*.

Достаточно широкое распространение в перхляйском типе говоров имеет такое фонетическое явление, как редукция гласных верхнего подъема *у*, *и* в безударной позиции, в других говорах центрального диалекта гласные полного образования *у*, *и* редукции не подвергаются:

**и* > *ь*: перх. *с'т'и'р'* 'девушка' – *с'т'ьр'н'е* 'девочка', центр. *с'т'и'р'* – *с'т'ьр'н'ä*; перх. *с'и'мьмс* 'пить' – *с'ьма'н* 'пью', центр. *с'и'мьмс* – *с'има'н*; перх. *в'ир'* 'лес' – *вьр'н'е* 'лесок', центр. *в'ир'* – *вир'н'ä*;

**у* > *ъ*: перх. *уч'ьмс* 'ждать' – *ъча'н* 'я жду', центр. *уч'ьмс* – *уч'ан*; перх. *с'уц'ьмс* 'ругать' – *с'ьц'а'н* 'я ругаюсь', центр. *с'уц'ьмс* – *с'уц'ан*; перх. *ускъмс* 'везти' – *ъска'н* 'я привезу', центр. *ускъмс* – *ускан*.

Фонетическая система согласных говоров перхляйского типа состоит из 33 единиц: *б*, *п*, *м*, *в*, *ф*, *д*, *д'*, *т*, *т'*, *ц*, *ц'*, *н*, *н'*, *з*, *з'*, *с*, *с'*, *л*, *л'*, *л^х*, *л^к*, *р*, *р'*, *р^х*, *р^к*, *й*, *й^х*, *ж*, *ш*, *ч*, *г*, *к*, *х*. В количественном отношении она тождественна системе согласных большинства говоров центрального диалекта (исключение составляют рыбкинско-мамолаевские говоры, где согласных фонем 35). «В системе консонантизма северо-западного и юго-западного диалектов, в мокшанских говорах на территории Атюрьевского, Ельниковского, Инсарского, Темниковского, Торбеевского районов как самостоятельные фонемы выступают еще палатализованные *ш'* и *ж'*» [9, с. 68].

В употреблении согласных у рузаевских гово-

ров перхляйского типа больше аналогии с другими говорами центрального диалекта: вся система согласных употребляется в середине слова; в начале слова редко встречаются фрикативные *ф, х*, звонкие шумные *б, д, д', з, з', г*, совсем не употребляются глухие “сонорные” *л^х, л^к, р^х, р^к, й^х*; в абсолютном конце слова не встречаются глухие “сонорные” *л^х, л^к, р^х, р^к, й^х*, возникшие в результате регрессивной ассимиляции на морфемном стыке; в конце непроезженных слов нельзя встретить согласные *т, т', к, ш, с, с'*, зато их достаточно часто можно найти в составе суффиксальной морфемы. Однако, несмотря на некоторую тождественность, в говорах перхляйского типа наблюдаются отличия в частотности употребления согласных, вызванные в первую очередь ассимилятивными процессами. Так, в мокшанском языке в анлауте слов большую распространенность имеют глухие согласные *т, т', к, с, с', н, ш*. Эту особенность прафинно-угорского языка лучше всего сохранил юго-восточный диалект, однако в рассматриваемом типе рузаевских говоров вместо перечисленных глухих согласных все чаще употребляются их звонкие пары: *д, д', г, з, з', б, ж*, например: ю.-в. сойн'амс, перх. зойн'амс, м.л. зойн'амс ‘звенеть’; ю.-в. кор'намс, перх. гор'намс, м.л. гор'намс ‘журчать’; ю.-в. пан'е, перх. бан'е, м.л. бан'е ‘баня’; ю.-в. пайд'ьк, перх. байд'ьк, м.л. байд'ьк ‘палка’; ю.-в. кавал, перх. гавал, м.л. кавал ‘коршун’; ю.-в. сапън', перх. запън', м.л. сапон' ‘мыло’; ю.-в. шаба, перх. жаба, м.л. шаба ‘ребенок’.

Переход анлаутных *т → д, т' → д', к → г, с → з, с' → з', н → б, ш → ж*, произошел под влиянием последующих звонких согласных (чаще всего сонорных) в результате регрессивной ассимиляции.

Согласные *ж, ш*, независимо от позиции в слове, всегда твердые, и, если за ними стоит гласный переднего ряда *е*, то он будет выступать с несколько отодвинутой назад артикуляцией: перх. *шэч'амс* ‘ступить’, центр. *ш'ят'амс*, ю.-в. *ш'ет'амс*; перх. *ужэл'* ‘жаль’, центр. *ужэл'*, ю.-в. *ужел'*; перх. *т'ужэ* ‘желтый’, центр. *т'ужэ*, ю.-в. *т'уж'е*; перх. *шэв* ‘лучина’, центр. *шэв*, ю.-в. *шэв*.

Для мокшанского языка употребление удвоенных согласных в слове – крайне редкое явление. В перхляйской группе говоров при склонении вопросительно-относительного местоимения *мезе* ‘что’ в падежных формах номинатива, генитива, датива притяжательного склонения в ряде ‘монь’, а также в форме иллатива во всех шести рядах (‘монь’, ‘тонь’, ‘сонь’, ‘минь’, ‘тинь’, ‘синь’) на морфемном стыке наблюдаются геминаты *з'з', зз*: *м'из'з'э, м'из'з'ьн', м'из'з'ьн'д'и, м'изз'ь-н, м'изз'ь-нък, м'изз'ь-т, м'изз'ь-нънт, м'изз'ь-ндзэ, м'изз'ь-ст*. Появление удвоенных фрикативных связано с выпадением редуцированного гласного конца местоименной основы, например: *м'из'э + -з'э = м'из'з'э, м'из'э + -зън = м'изз'ьн*.

Геминаты *л'л', н'н'*, связанные с выпадением редуцированного гласного основы, появляются на стыке морфем и в многократных глагольных формах 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа 2-го прошедшего времени: перх. *пил'-л'-б-н'* ‘я боялся’, *пил'-л'-б-т'* ‘ты боялся’, *но пил'-л'-б-н'* ‘он боялся’, *пил'-л'-б-ме* ‘мы боялись’, *пил'-л'-б-де*

‘вы боялись’, *но пил'-л'-т'* ‘они боялись’, ср.: центр. *пил'-л'-б-н', пил'-л'-б-т', пил'-л'-б-мэ, пил'-л'-б-д'э* ‘вы боялись’.

В начале слова нерегулярно вместо фрикативного твердого *ш* центрального диалекта, палатализованного *ш'* юго-восточного диалекта может употребляться аффриката *ч'*: перх. *ч'укад'ьмс*, ср.: центр. *шукад'ьмс*, ю.-в. *ш'укад'ьмс* ‘отряхнуть’; перх. *ч'ичав*, ср.: центр. *шычав*, ю.-в. *ш'ичав* ‘блоха’ и др.

В компонентах сложных числительных *фк'ийё, кафтуйа, колмува, н'ил'ийё, в'ит'ийё, котува, с'ис'ьмг'ё, кафксува, в'ихс'ийё* сохранились исторические дифтонгические сочетания **ий, *ув*, которые в большинстве говоров центрального диалекта исчезли: перх. *комс' ф'к'ийё* ‘двадцать один’, *комс' кафтуйа* ‘двадцать два’, *колмг'имън' колмува* ‘тридцать три’, *н'ьл'г'имън' н'ил'ийё* ‘сорок четыре’, *в'ид'г'имън' в'ит'ийё* ‘пятьдесят пять’, *кодг'имън' котува* ‘шестьдесят шесть’, *кафксг'имън' кафксува* ‘восемьдесят восемь’, *в'ихсг'имън' в'ихс'ийё* ‘девятью девять’, ср.: центр. *комс' ф'к'я, комс' кафта, колмг'емън' колма, н'ил'г'емън' н'ил'ё, кафксг'емън' кафкса* и др.

Обсуждение и заключения

Таким образом, в фонетической системе рузаевских говоров перхляйского типа сорок фонем – 7 гласных и 33 согласных. В системе вокализма, кроме гласных полного образования *а, о, у, и, э*, имеются два редуцированных – *ъ, ь*, из фонетической системы исчез широкий гласный переднего ряда *ä*.

Как показал анализ диалектного материала, фонетическая система говоров перхляйского типа включает в себе особенности двух мокшанских диалектов – юго-восточного и центрального. В области вокализма показатели юго-восточного диалекта выражены ярче, это находит отражение в первую очередь в отсутствии гласного *ä*, которому в рассматриваемых говорах соответствует *е*, возникший в результате исторического сужения гласного нижнего подъема. Переход *ä > е*, в свою очередь, вызвал последовательное сужение *е > и*, однако этот процесс не охватил позицию перед твердым парным согласным, как и в юго-восточном диалекте. В анлауте слов гласному *ä* большинства говоров центрального диалекта соответствует *е* или *йе* (пишл.).

В говорах перхляйского типа гласные верхнего подъема *и, у* в безударном положении ведут себя по-разному, так, например, в говоре с. Перхляй они остаются неизменными, в говоре с. Мордовская Пишля *и* редуцируется, а *у* сохраняется.

В области консонантизма признаки центрального диалекта проявились в отсутствии палатализованных пар у щелевых *ж, ш*, что привело к веларизации гласных переднего ряда *и, е*, стоящих в постпозиции к ним, – в юго-восточном диалекте *ж, ш* по мягкости-твердости парные (*ж – ж', ш – ш'*).

В говоре с. Перхляй встречается среднеязычный палатальный глухой сонорный *й^х*, который, как и в других говорах центрального диалекта, выступает в качестве глухой пары сонорному *й*. Однако в говорах сел Мордовская Пишля, Болдово вместо

согласного *й'* выступает твердый шипящий *ш* (ср.: в юго-восточном диалекте – *ш'*).

Во всех говорах перхляйского типа наблюдается озвончение глухих согласных *п, к, т, т', ш* в начале слова, связанное с дистактной регрессивной ассимиляцией.

Сокращения

Левж. – левженский тип говоров; м.л. – мокшанский литературный язык; перх. – перхляйский тип говоров; центр. – центральный диалект; ю.-в. – юго-восточный диалект.

Список источников

1. Города и села Мордовии : историко-экономический справочник. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1977. 374 с.

2. Feoktistov A. P. Dialects of Mordovian languages // H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch : in 4 Bd. Bd. 1. Helsinki : Suomalais-ugrilainen seura, 1990. P. LXXI–LXXXVI.

3. Иванова Г. С., Водясова Л. П. Словоизменительный потенциал указательного склонения в переходном диалекте мокшанского языка // Вестник угроведения. 2023. Т. 13, № 1. С. 63–72. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2023-13-1-63-72>.

4. Paasonen H. Mordwinische Lautlehre. MSFOu XXII. Helsingfors : Société Finno-Ougrienne, 1903. 123 p.

5. Paasonens H. Mordwinisches Wörterbuch : in 4 Bd. Bd. 1. Helsinki : Suomalais-ugrilainen seura, 1990. 557 p.

6. Steinitz W. Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus // Acta Instituti Hungarici Universitatis Holmiensis Series B. Linguistica 2. 1944. Vol. 98, № 3/4. Pp. 405–407.

7. Itkonen E. Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silbe in dem finnisch-ugrischen Sprachen, insbesondere im Mordwinischen // Finnisch-ugrische Forschungen. 1946. Bd. 29, H. 1–3. Pp. 222–337.

8. Бубрих Д. В. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1953. 272 с.

9. Феоктистов А. П. Мордовские языки и их диалекты // Вопросы этнической истории мордовского народа : труды института этнографии им Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. LXIII. Вып. 1. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1960. С. 63–83.

10. Феоктистов А. П. Мордовские языки // Основы финно-угорского языкознания. М. : Наука, 1975. С. 248–344.

11. Современные мордовские языки. Фонетика / общ. ред. Л. В. Бондарко, О. Е. Поляков. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1993. 203 с.

12. Иванова Г. С., Еремкина Н. В. Вокалические особенности мокшанских э-овых говоров Рузаевского района Республики Мордовия // Гуманитарные науки и образование. 2023. Т. 14, № 4 (56). С. 151–155. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2023_14_04_151

13. Иванова Г. С., Водясова Л. П., Иванова Н. В. Морфонологические особенности в парадигме основного склонения в сузгарьевском типе

мокшанских говоров рузаевского ареала // Финно-угорский мир. 2025. Т. 17(1). С. 21–34. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.021-034>.

14. Жебраткина И. Я., Иванова Н. В. Особенности словообразования в мокшанских переходных говорах рузаевского ареала // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15 (4). С. 1113–1117. <https://doi.org/10.30853/phil20220175>.

15. Иванова Г. С., Ишаева Л. В. Явление сандхи в мокша-мордовском языке // Гуманитарные науки и образование. 2015. № 2 (22). С. 109–111.

References

1. Cities and villages of Mordovia. Historical and economic reference book. Saransk, Mordovian Book Publishing House, 1977. 374 p. (In Russ.)

2. Feoktistov A. P. Dialects of Mordovian languages. H. Paasonen Mordovian Dictionary: in 4 Vol. Vol. 1. Helsinki, Finno-Ugric Society, 1990. Pp. LXXI–LXXXVI. (In German)

3. Ivanova G. S., Vodyasova L. P. Inflectional potential of the demonstrative declension in the transitional dialect of the Moksha language. *Vestnik ugrovdeniya* = Bulletin of Ugric Studies. 2023; 13(1):63-72. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2023-13-1-63-72>. (In Russ.)

4. Paasonen H. Mordovian phonetics. MSFOu XXII. Helsingfors, Finno-Ugric Society, 1903. 123 p. (In German)

5. Paasonen H. Mordovian Dictionary: in 4 Vol. Vol. 1. Helsinki, Finno-Ugric Society, 1990. 557 p. (In German)

6. Steinitz W. History of Finnish-Hungarian vocalism. *Acta Instituti Hungarici Universitatis Holmiensis Series B. Linguistica* 2. 1944; 98(3/4):405-407. (In German)

7. Itkonen E. On the question of the development of vocalism of the first syllable in the Finno-Ugric languages, especially in Mordovian. *Finnisch-ugrische Forschungen*. 1946; 29(1-3):222–337. (In German)

8. Bubrikh D. V. Historical grammar of the Erzya language. Saransk, Mordovian Book Publishing House, 1953. 270 p. (In Russ.)

9. Feoktistov A. P. Mordovian languages and their dialects. *Voprosy etnicheskoy istorii mordovskogo naroda: trudy instituta etnografii im N. N. Miklukho-Maklaya. Novaya seriya* = Issues of the ethnic history of the Mordvin people: proceedings of the N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnography. New series. Vol. LXIII. Iss. 1. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1960. Pp. 63-83. (In Russ.)

10. Feoktistov A. P. Mordovian languages. *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya* = Fundamentals of Finno-Ugric Linguistics. Moscow, Science, 1975. Pp. 248–344. (In Russ.)

11. Modern Mordovian languages. Phonetics / ed. by L. V. Bondarko, O. E. Polyakov. Saransk, Mordovian Book Publishing House, 1993. 203 p. (In Russ.)

12. Ivanova G. S., Eremkina N. V. Vocalic features of Moksha e-dialects of Ruzaevsky district of the Republic of Mordovia. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education. 2023;

14(4-56):151-155. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2023_14_04_151. (In Russ.)

13. Ivanova G. S., Vodyasova L. P., Ivanova N. V. Morphological Features in the Paradigm of the Main Declension in the Suzgar Type of Moksha Dialects in the Ruzaevsky Area. *Finno-ugorskiy mir* = Finno-Ugric World. 2025; 17(1):21-34. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.021-034>. (In Russ.)

14. Zhebratkina I. Ya., Ivanova N. V. Peculiarities of Word Formation in the Moksha Transitional Dialects of the Ruzaevka Area. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philology. Theory & Practice. 2022; 15(4):1113-1117. <https://doi.org/10.30853/phil20220175>. (In Russ.)

15. Ivanova G. S. Ishaeva L. V. Sandhi phenomenon in Moksha-Mordvin. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education. 2015; 2(22):109-111. (In Russ.)

Информация об авторах:

Иванова Г. С. – профессор кафедры мордовских языков и литературы, д-р филол. наук, доц., Заслуж. работник высш. шк. РМ.

Иванова Н. В. – преподаватель кафедры английского языка, канд. филол. наук.

Сайгутина К. И. – аспирант отдела языкознания.

Вклад авторов:

Иванова Г. С. – сбор и анализ диалектного материала по проблеме исследования, доработка текста.

Иванова Н. В. – сбор и обработка диалектного материала по проблеме исследования, доработка текста.

Сайгутина К. И. – сбор и обработка диалектного материала по проблеме исследования, компьютерные работы.

Information about the authors:

Ivanova G. S. – Professor of the Department of Mordovian Languages and Literature, Dr. Sci. (Philology), Doc., Honored Worker of Higher School of the RM.

Ivanova N. V. – Lecturer of the Department of English Language, Ph.D. (Philology).

Saygutina K. I. – Postgraduate of the Department of Linguistics.

Contribution of the authors:

Ivanova G. S. – collection and analysis of dialect material on the research problem, text revision.

Ivanova N. V. – collection and processing of dialect material on the research problem, text revision.

Saygutina K. I. – collection and processing of dialect material on the research problem, computer work.

Статья поступила в редакцию 04.04.2025; одобрена после рецензирования 09.04.2025; принята к публикации 10.04.2025.

The article was submitted 04.04.2025; approved after reviewing 09.04.2025; accepted for publication 10.04.2025.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Научная статья

УДК 81

doi: 10.51609/2079-3499_2025_16_02_144

Сравнительно-сопоставительный анализ фразеологизмов и пословиц с зооморфными компонентами в русской и китайской культурах

Ли Сыюй¹, Ван Дэндэн^{2*}

¹Университет Фудань, Шанхай, Китай, wuliyanalisiyu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1778-8186>.

²Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия, augustina081296@163.com*, <https://orcid.org/0000-0003-1331-6496>.

Аннотация. В статье представлен сравнительно-сопоставительный анализ русских и китайских фразеологизмов и пословиц с зооморфными компонентами, выявляются и описываются их языковые и культурные характеристики, рассматривается символизм животных. Лингвокультурологическая парадигма изучения культурно-смысловых особенностей фразеологизмов в китайском и русском языках составляет теоретическую значимость исследования, представляя собой ядро для перспективных теоретических изысканий в указанном направлении. Основу исследования составил комплекс русских и китайских фразеологических единиц, сформированный методом сплошной выборки на базе этнолингвистических материалов. Исследовательский инструментарий четко коррелируется с основными целями и задачами исследования: метод сплошной выборки, описательный, семантико-стилистический, сравнительный и компонентный анализы.

Ключевые слова: русская и китайская фразеология, пословицы, зооморфный компонент, символизм животных, сравнительно-сопоставительный анализ, языковые и культурные характеристики

Для цитирования: Ли Сыюй, Ван Дэндэн. Сравнительно-сопоставительный анализ фразеологизмов и пословиц с зооморфными компонентами в русской и китайской культурах // Гуманитарные науки и образование. 2025. Т. 16, № 2 (62). С. 144–149. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_144

LINGUISTICS

Original article

Comparative and contrastive analysis of idioms and proverbs with zoomorphic components in Russian and Chinese cultures

Li Siyu¹, Wang Dengdeng^{2*}

¹Fudan University, Shanghai, China, wuliyanalisiyu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1778-8186>

²Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia, augustina081296@163.com*, <https://orcid.org/0000-0003-1331-6496>.

Abstract. The article presents a comparative and contrastive analysis of Russian and Chinese idioms and proverbs with zoomorphic components, identifies and describes their linguistic and cultural characteristics, and examines the symbolism of animals. The linguacultural paradigm of studying the cultural and semantic features of idioms in Chinese and Russian constitutes the theoretical significance of the study, representing the core for promising theoretical research in this direction. The study is based on a set of Russian and Chinese phraseological units formed by continuous sampling method based on ethnolinguistic materials. The research tools clearly correlate with the main goals and objectives of the study: continuous sampling method, descriptive, semantic-stylistic, comparative and component analyses.

Keywords: Russian and Chinese idioms, proverbs, zoomorphic component, animal symbolism, comparative and contrastive analysis, linguistic and cultural characteristics

For citation: Li Siyu, Wang Dengdeng. Comparative and contrastive analysis of idioms and proverbs with zoomorphic components in Russian and Chinese cultures. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education. 2025; 16(2-62): 144-149. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_144

Введение

Зооморфизм – это вид языковой метафоры, который проявляется по-разному в разных странах и народах под влиянием культурных явлений (литературы, вероисповедания и пр.) и природных условий. В различных культурах имеются свои любимые образы животных, и некоторые из них ста-

новятся ориентиром, отражающим идеи и эмоции человека. Однако все люди, вне зависимости от их принадлежности к тому или иному народу, обладают одинаковыми способностями к познанию и мышлению, поэтому у них встречаются похожие ассоциации с животными. Так, в китайском и русском языках у некоторых зооморфизмов есть оди-

наковые метафорические значения, например: 1) 夜猫子, сова – человек, неспящий ночью; 2) 老狐狸, старая лиса – хитрый человек; 3) 鹦鹉, попугай – человек, который повторяет слова других, не имеет собственного мнения; 4) 蜜蜂, пчела – трудолюбивый, добросовестный человек [1, с. 12–52].

Животные занимают важное место в национальной культуре. С развитием человеческого общества появились различия между культурными и традиционными практиками в разных регионах мира, в разных странах – из-за их расположения, поэтому образы обычных животных могут нести разный смысл. Для того чтобы межкультурное взаимодействие российских и китайских граждан было эффективным, мы должны в полной мере понять сходства и различия между двумя культурами, лучше знать российские и китайские культурные представления о животных, чтобы дальше занимать важную роль в межкультурной коммуникации.

Цель исследования – анализ лингвокультурных особенностей русской и китайской зооморфной лексики во фразеологизмах и пословицах. Поставленная цель предполагает решение следующих задач: представление теоретико-методологических основ исследования фразеологии; рассмотрение символизма животных; выявление и описание языковых и культурных характеристик зооморфных фразеологизмов русского и китайского языков.

Научная новизна статьи заключается в том, что в ней подробно рассказывается о разных животных в культурах, сопоставляются сходства и описываются различия между культурами двух стран, а также создаются собственная система и комплекс понимания специфики русских и китайских фразеологизмов и пословиц.

Обзор литературы

В работе А. И. Головини рассмотрен факт того, что влияние географического положения, окружающей среды, культурного фона, религиозных убеждений и других факторов для русских и китайцев очень важно. Символическое значение животных тоже разное, а познание и оценка животных имеют свои национальные особенности. Для Китая и России характерны разные культурные традиции, но с точки зрения животных культурных коннотаций существуют определенные сходства между двумя странами [2, с. 114–118].

Е. С. Яковлева подчеркивает, что фразеологизмы представляют собой соль языка народа, они имеют яркую национальную специфику. Обозначающие человека фразеологизмы являются одним из самых употребительных видов фразеологизмов, играющим важную роль в бытовой коммуникации. В русском и китайском языках существует большой запас обозначающих человека фразеологизмов, их семантические и стилистические характеристики свидетельствуют об общности механизмов познания и мышления человечества, а их различия в структуре, метафорическом использовании и прецедентном происхождении раскрывают самобытность двух языков и культур [1].

К сожалению, на сегодняшний день среди рос-

сийских и китайских лингвистов нет единой точки зрения на классификацию эквивалентов. Ряд исследователей [3–5] при сравнении фразеологизмов из разных языков отмечают лишь наличие несхожих эквивалентов. Так, Ли Дунмэй полагает, что образы животных являются важной частью национальной культуры. С развитием и прогрессом человеческого общества у людей в разных регионах мира и разных странах из-за их расположения культурные и традиционные практики получают различия, поэтому образы одинаковых животных приобретают разный смысл [5, с. 73–76]. М. А. Гаврилюк считает, что образы животных занимают особое место в российской и китайской культуре. В настоящее время большое внимание уделяется изучению семантики образов животных на примере различных стран. Особый интерес вызывает изучение семантических единиц параллельно в России и Китае [6, с. 136–140].

Материалы и методы

Основу исследования составил комплекс китайских и английских фразеологических единиц, сформированный методом сплошной выборки на базе этнолингвистических материалов, представленных в СМИ. Использованы метод сплошной выборки, описательный, семантико-стилистический, сравнительный, компонентный анализ.

Результаты исследования

Сходства образов животных в Китае и России. Сегодня межгосударственные отношения Китая и России формируют новую модель взаимоотношений между крупными державами. Если необходимо, чтобы межкультурное взаимодействие Китая и России стало более эффективным, нужно в полной мере понять сходства и различия между культурами двух стран, лучше вникнуть в российские и китайские культурные представления о животных. Это помогает нам не только изучить российскую национальную культуру со стороны, но и занять важную роль в кросс-культурной коммуникации.

Путем сравнительного анализа символических изображений животных в китайской культуре мы можем глубже понять различия между русской и китайской культурами, а затем провести фундаментальный анализ. Понимание существенных различий между двумя культурами имеет большое практическое значение для культурного обмена и сотрудничества между Китаем и Россией. Этим определяется выбор темы и актуальность самого исследования.

Образ собаки в китайской и русской культурах. Несомненно, собака – одно из самых любимых людьми животных. Она преданная, чувствительная, послушная и симпатичная, может помогать хозяину сторожить дом и просто приносит радость одним только своим присутствием. Собака действительно имеет тесную связь с человеком. Поэтому слово «собака» как одно культурное слово широко употребляется в китайском и русском языках. Изучение символики собаки и знакомство с выражениями со словом «собака» в двух языках имеют большое

значение для того, чтобы повышать наш интерес к изучению русского языка, лучше знакомиться с русской нацией и русской культурой, способствовать культурным обменам между КНР и РФ.

Образ собаки в китайской культуре. Собака всегда занимала важное место, ее образ имел двойственное, в основном символическое значение в китайской культуре. Она верная, честная и благородная. Сейчас люди держат собак разных пород: от малых до больших, обучают их командам. Человек приютил домашнее животное и стал этому животному другом, собака дарит ему в ответ большую любовь. Люди и собаки живут вместе. В китайских пословицах (например, «В бедности собака не бросит хозяина») говорится о том, что если вы хорошо относитесь к своему четвероногому другу, то и он будет верен вам [1, с. 101–104; 7, с. 29–33].

В Китае образ собаки нередко имеет отрицательный оттенок. Она помощник в преступлениях. Это нашло отражение, например, в выражении «Каждая собака себя оценивает по хозяину». Пословица «Собака, которая кусает человека, не скалит зубы» свидетельствует о скрытости коварного врага, которого невозможно сразу заметить. С образом собаки в китайском языке связан также ряд ругательств и некорректных выражений, например «сукин сын» и «сучкина дочь» [1, с. 101–104; 7, с. 29–33].

Со времен древнего Китая собака ассоциировалась с врагом, до сих пор используется образ собаки-дьявола, китайцы называют собакой того, к кому испытывают ненависть, человека с подлыми поступками и мыслями, это слово используется с намерением усугубить оскорбление [1, с. 101–104], поэтому в китайском языке существует фразеологизм [直义] 叫的狗不咬, 摇晃着尾巴不叫的狗才咬 («Не бойся собаки, что лает, а бойся той, что молчит да хвостом виляет») [8]. И древние, и современные китайцы собакой называли слуг, заискивающих перед хозяевами, стремящихся любой ценой им понравиться и угодить. Негативный смысл выражается также во фразеологизме 只会汪汪叫的狗 · 决不是猎人的好帮手 («Способная лишь лаять собака охотнику не помощник») [8].

Образ собаки в российской национальной культуре. В русской культуре собака всегда выступает истинным другом человека, верным и преданным, охраняющим его жилище, сопровождающим хозяина на охоте. Значение образа собаки в русском языке более сложное. В основном это слово используется, чтобы передать символическое значение верности («Верный как собака»).

С одной стороны, и в Китае и в России люди часто думают, что собаки – всем друзья. С другой стороны, собак часто сравнивают с рабами и злодеями. Такой образ имеет негативные коннотации: «Собака пользуется покровительством человека» (обр. распоясаться под защитой сильного покровителя) и «Соломенная собака», «Чучело собаки» (в древнем Китае – для жертвоприношений, по окончании которых ее выбрасывали; обр. в знач.: ненужная, бесполезная вещь, хлам, никчемность), а в разговорной речи образы собаки часто исполь-

зуются как ругательства и нецензурная брань. Это подтверждает материал, представленный Да Ли в «Сборнике русских народных пословиц» [9, с. 174].

У носителей русского языка много особых вариантов употребления слова «собака», которых нет у китайцев. Например, люди, которые только изучают русский язык, часто не могут понять фразеологизм «Съесть собаку» (выражения «Собаку съесть в чем-то», 很有经验, 很内行, «Он на этом собаку съел», 这件事他很有经验) [8]. Это выражение означает «быть специалистом в определенной науке» или «очень тщательно изучать определенную проблему». Кажется, что расширенное значение не имеет ничего общего с первоначальным, но такое использование слова прослеживается еще у тех, кто жил много веков назад. Оно применялось для характеристики тех, кто читал священные книги в церкви. Когда люди слышали высокое и быстрое чтение, они всегда шутили: «Чтение священных писаний подобно тому, как когда собака лает, кажется, что он съел собаку». Поэтому в этой пословице есть и некий шутливо-саркастический элемент. Таким образом, даже образы животных с одинаковым символическим значением могут в определенной степени отражать культурные различия между русскими и китайцами [7, с. 26–29; 9, с. 174].

Образ коня в китайской и русской культурах.

Образ коня в китайской культуре. Конь играет ключевую роль в общественном развитии Китая. Лошадь тесно связана с общественным производством и жизнью человека. До сих пор люди не могут обойтись без помощи лошадей [11, с. 114–122].

В китайском языке перечень фразеологизмов, использующих образ лошадей, довольно богат, например: «Старый конь дорогу знает» (老马识途), «Заслуги, совершенные на взмыленном коне» (汗马功劳), «Многотысячные войска» (千军万马) и т. д. [8].

Мы заметили, что в китайском языке *конь* символизирует много и усердно работающего человека. В пословицах двух стран есть много общего. Китайская пословица «Стреляный воробей» похожа на русскую пословицу «Старый конь борозды не портит» [1, с. 84–88]. В традиционной русской культуре кони часто ассоциируются с полководцами, победителями, ср., например, выражение «На коне» (觉得自己是胜利者) [8].

Образ коня в российской национальной культуре. Традиционно к коням в русской культуре уважительное отношение, поскольку конь ассоциируется с силой и мощью, обеспечивающими победу и достижение желаемого результата. Поэтому многие фразеологизмы, связанные с лошадьми, в русском языке ассоциируются с такими качествами, как верность, трудолюбие. Например, фразеологизм «Рабочая лошадь» буквально означает лошадь, а в расширенном смысле – трудолюбивого человека [9, с. 172–173].

Образы коня и лошади могут образовать множество малых форм выражения любви, что показывает особое отношение русского народа к коням [10, с. 185–189]. Так, существует легенда, связанная с камнем, обнаруженным в Плесецком районе Ар-

хангельской области, вблизи села Конёво. Причем она интересна еще и потому, что обращена не к прошлому, а к будущему. Этот валун с одного из ракурсов действительно напоминает некое животное. Якобы перед концом света Конь-камень оживет и на нем поскачет Илья-пророк, трубя в рог и сзывая живых на Страшный суд. Источниками легенды, по предположению члена экспедиции, обследовавшей камень, могли стать пророчества о конце света, ходившие среди каргопольских старообрядцев-странников [9 с. 172–173; 11, с. 117–118]. В приведенной легенде обращает на себя внимание то, что народное воображение отождествило форму валуна с очертаниями коня, а не иного животного [10, с. 185–189]. Можно лишь предполагать, что именно оказало решающее влияние на такое зрительное восприятие.

Образ ворона в китайской и русской культурах. Ворона и ворон – отвратительные птицы и для русского, и для китайского народов. В русских народных пословицах и сказках является ворона является воплощением темных сил, а черта обычно называют Ворон Воронович [10, с. 185–189]. Еще считается, что вороны выклевают глаза мертвецам, и черный цвет обычно ассоциируется с воронами. В русской культуре существует пословица «Ворон ворону глаз не выклюнет» (乌鸦不啄乌鸦的眼睛; 官官相护) [6; 11, с. 116]. В китайской культуре вороны также всегда приносят плохие новости. В отличие от сорок, вороны крайне непопулярны [11]. В китайской литературе встречается пословица «Все вороны на свете одинаково черны» (天下乌鸦一般黑) [15]. В русском языке есть похожее выражение «Черный ворон – хищный враг» (黑乌鸦是凶恶的敌人) [8].

Отличительные особенности образов в Китае и России. Исследование различий между русскими и китайскими образами животных может улучшить понимание двух культур. Кроме того, оно играет важную роль в кросс-культурной коммуникации.

Образ совы в китайской и русской культурах.

Образ совы в китайской культуре. В Китае совы и тьма тесно связаны, так обычно называют тех, кто не спит ночью, например: «Он – сова, может еще готовить на кухне в три-четыре ночи» (他是个夜鬼·半夜三四点还会在厨房煮东西) [8]. Китайцы верят, что если сова залетит в дом, случится беда.

Кроме того, сова в китайской культуре ассоциируется с молнией (потому что она «очищает» ночь) и барабанами (потому что нарушает тишину). Если вы разместите изображения сов в каждом уголке дома, это отведет от него грозу и непогоду. Сова – символ энергии Ян (положительной, мужской; яркой, активной энергии) [12, с. 3602–3604].

В Китае считается, что молодые совы имеют привычку клевать глаза своей матери. Существует басня, в которой молодая сова сначала учится летать, а затем безжалостно выклеывает глаза своему родителю. Напротив, во времена династии Шан (XVI–I вв. до н. э.) образ совы имел положительную символику и ее часто изображали на различных бронзовых сосудах [2; 13]. При этом сова ассоци-

ируется с громом и июньским солнцестоянием, и в этом случае слово приобретает негативную и разрушительную окраску. Будучи ночным существом, сова обычно загадочна, поэтому в христианстве она ассоциируется со злыми духами и колдовством, а ее образ в христианской традиции стал символом слепого неверия [13].

Образ совы в русской культуре. В России сова – воплощение мудрости, что показано во многих сказках и баснях. Охотники носят с собой когти совы, потому что верят, что, если они будут убиты, их души можно будет забрать с небес с помощью этих когтей. Известно о разном отношении людей к совам. И эти птицы не обязательно предвестники плохого, как принято считать [14, с. 178–187].

Люди издавна любовались совой, уважали ее и восхищались ею. Она является символом всего хорошего. Совы часто изображаются в головном уборе и халате врача или сидящими на книге. Многие школы, университеты, библиотеки, книжные магазины и издательства сделали сову своей эмблемой. Отсюда пошло выражение «умный как сова». Во многих уголках России к совам относятся с любовью. В сказках она известна как *совушка-вдовушка, белокурая, рассудительная головушка, Ульяна Степановна, лесная барыня* [15].

Овца и коза в китайской и русской литературе.

Овца и коза в китайской литературе. Овца, овечка, баран, коза, козел – смиренные животные в Китае, а овцы олицетворяют такие качества, как белизна, доброта и красота. Но образ овцы также имеет значение трусости и слабости. Фразеологизм «Баранье естество в шкуре тигра» (обр. в знач.: форма не соответствует содержанию; внешне страшен, в действительности слаб) используется для метафорического описания человека, который выглядит могущественным, но на самом деле немогущ и слаб. В фольклорных сказаниях овцы также часто становятся пищей сильных зверей. Мы можем сказать, что, хотя овцы в Китае воспринимаются трусливыми и робкими, в целом им могут соответствовать такие слова, как «красивые, хорошие и благоприятные» [9, с. 172–173; 13].

Овца и коза в русской литературе. В русской культуре у козла четкий уничижительный образ: он коварный, неумелый, робкий и бесполезный. Это отчасти связано с Библией, в которой хорошие люди ассоциируются с овцами, а плохие, соответственно, – с козлами. Русская пословица *Пустили козла в огород по смыслу равносильна поговорке Самому ввести волка в дом* (引狼入室). Значение образов овцы и козы аналогично. «Идти на день рождения козла» означает отправиться к черту. При этом следует отметить, что русский образ овцы более выражен [5, с. 73–76; 9, с. 172–173].

Особенности образов животных в Китае и России. Большая часть зооморфной фразеологии имеет национальную специфику, отражающую историю и культуру страны. Так, в китайской фразеологии присутствуют единицы с компонентами *тигр и дракон*, а в русской культуре широко представлены фразеологизмы с компонентами *медведь*

(делить шкуру неубитого медведя, медведь на ухо наступил, два медведя в одной берлоге не уживутся), *волк* (хоть волком вой, смотреть волком, волк в овечьей шкуре и др.).

Образ дракона в Китае. О месте дракона в истории как олицетворения культуры Китая можно говорить очень долго. Дракон, пожалуй, является наиболее известным мифологическим созданием. Невзирая на то, что эти могучие существа буквально заполнили страницы и экраны европейских и американских произведений в жанре фэнтези, многие помнят, что для всего мира дракон прежде всего является знаком Китая, китайский дракон олицетворяет доброе начало, поэтому в китайском языке есть много выражений об этом существе, например: «Надеемся, что сын станет драконом» (обр. надеяться на то, что дети добьются успеха в жизни), 望子成龙; «Взлет дракона и пляска феникса» (обр. а) об исключительно красивом почерке; б) о небрежном скорописном почерке; в) плыть величаво, выплывать), 龙飞凤舞; «Бросок дракона и шаг тигра» (обр. в знач.: мужественный, воинственный вид; грозный), 龙骧虎步; «Борьба драконов и тигров» (обр. в знач.: яростная схватка, беспощадная борьба, жестокая конкуренция; схватка двух равных по силе противников), 龙争虎斗 и др. [1, с. 160–166; 8; 11].

Китайский дракон – символ добра, положительного первоисточника. Исследователи полагают, что дракон вобрал в себя свойства более древних божеств – плодородия, погоды и прочих первобытных идов. Культ дракона выражается, в частности, в традиции участия фигур драконов в различных праздничных мероприятиях. В китайской астрологии дракон имеет свой год и час. Считается, что год дракона сулит удачу, благополучие, материальный достаток, а также долголетие рожденным в этот год. Кроме того, украшения с изображением дракона имеют в Китае древнейшую историю. Одежда, украшенная драконами, была уделом исключительно элитной прослойки населения [1, с. 160–166; 9, с. 170; 11].

Наиболее знаменитым строением с изображением дракона, безусловно, является Стена Девяти Драконов – один из популярнейших объектов для туристов в парке Бай-Хэй в Пекине. Этому сооружению сотни лет, но его керамика за века ничуть не потускнела. Стена длиной в 21 м и высотой в 15 м была построена в 1756 г. Она выложена 424 керамическими плитами семи цветов. Гигантский дракон в центре стены окружен четырьмя драконами поменьше с обеих сторон. Но и это не все – в дополнение к 9 большим драконам, стена расписана и 23 малыми, так что всего она насчитывает ни много ни мало – 635 крылатых змеев [2; 11].

Образ медведя в России. Как мы все знаем, медведь – один из наиболее часто используемых талисманов россиян. Например, талисман 22-х Олимпийских игр в Москве – медвежонок Мишка. В последние два десятилетия это слово становится все более привычным для иностранцев, и оно имеет тенденцию замещать имя Иван в качестве символа русских [2; 3].

Русские любят глуповато-милого вида медведей так же, как китайцы любят свое национальное достояние – панду. Для медведей в русском языке есть множество типичных характеристик: они и сильные, и неуклюжие (например, среди русских пословиц есть выражение *Хозяин в дому, что медведь в бору*). Такая сила в глазах россиян символизирует богатыря. Почтение россиян к медведям также отражается в использовании образов медведей в именах людей: Михаил, Миша, Мишка и т. д. В сердцах китайцев медведи и глупость неразделимы. Например, выражение *Медведь разламывает кукурузу* используется как метафора для характеристики забывчивых и неуклюжих людей [1, с. 120–123].

Обсуждение и заключения

Представленное исследование является результатом комплексного сравнительно-сопоставительного анализа символизма зоонимов русского и китайского языков.

Главным результатом исследования является выделение четырех основных источников происхождения образов зооморфной фразеологии: наблюдения человека за свойствами и особенностями поведения животных; библейские сюжеты; античная мифология и история; художественные произведения.

Таким образом, цель исследования была достигнута: нами представлены теоретико-методологические основы исследования фразеологизмов и пословиц, рассмотрен символизм животных в китайской и русской культурах.

Список источников

1. Яковлева Е. С. Особенности фразеологических единиц с компонентом-зоонимом (на материале китайского и английского языков) : дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2018. 201 с.
2. Головня А. И., Юань Фан. Репрезентация фразеологизмов с компонентами, называющими представителей животного мира в русском и китайском языках // Карповские научные чтения : сб. науч. ст. / ред. А. И. Головня. Минск : Белорусский дом печати, 2011. С. 114–118.
3. Кунин А. В. О переводе английских фразеологизмов в англо-русском фразеологическом словаре // Тетради переводчика. 1964. № 2. С. 3–19.
4. Солодухо Э. М. Сопоставительный анализ заимствованной фразеологии (на материале английского, французского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1974. 24 с.
5. Ли Дунмэй. Сравнение культурных значений китайских и русских слов о животных // Вестник института Чифэн. Серия: Китайская философия и социальные науки. 2008. № 1. С. 73–76.
6. Гаврилюк М. А. Зооморфизмы китайского языка как средство аксиологической характеристики человека // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2013. № 10. С. 136–140.
7. Гоу Яньминь, Коровина С. Г. Образ собаки в русских и китайских приметах (на лексикографическом материале) // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. 2020. № 3. С. 27–33.
8. Большой словарь китайских пословиц :

энциклопедическое издание / под ред. Вэнь Дуаньчжэн. Шанхай : Шанхайское издательство лексикографической литературы, 2011. 1137 с.

9. Михайлова Ю. Н., Чжао И. Культурные коннотации зоонимов в русской и китайской фразеологии // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 168–181.

10. Белевцова Т. Б. Зооморфная метафора как отражение русской языковой картины мира // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 4. С. 185–189.

11. Шан Бофэй, Сай На, Лю Чжицян. Образы животных и птиц в русской и китайской лингвокультурах // Общество: философия, история, культура. 2021. № 11. С. 114–122.

12. Цуй Лулу. Символика птицы в русской и китайской языковой картине мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. 14 (11). С. 3600–3605.

13. Лю Гуанчжунь, Хуан Сухуа. Дискуссия о русском и китайском языках и культурных обычаях. Пекин, 1999. 231 с.

14. Мосиенко Е. О. Совы в русской поэзии // Литературоведческий журнал. 2016. С. 178–187.

15. Шведова Н. Ю. Словарь русского языка : 70 000 слов. М., 2000. 1200 с.

References

1. Yakovleva E. S. Features of phraseological units with a zoonym component (based on the material of Chinese and English): dis. ... Cand. Philol. Sci. Belgorod, 2018. 201 p. (In Russ.)

2. Golovnya A. I., Yuan Fan. Representation of phraseological units with components naming representatives of the animal world in Russian and Chinese. *Karpovskie nauchnye chteniya* = Karpov Scientific Readings: collection of scientific articles / ed. by A. I. Golovnya. Minsk, Belarus. House of Press, 2011. Pp. 114–118. (In Russ.)

3. Kunin A. V. About the translation of English phraseological units in the English-Russian phraseological dictionary. *Tetradi perevodchika* = Translator's Notebooks. 1964; 2:3–19. (In Russ.)

4. Solodukho E. M. Comparative analysis of borrowed phraseology (based on the material of English, French and Russian): abstract dis. ... Cand. Philol. Sci. Kazan, 1974. 24 p. (In Russ.)

5. Li Dunmei. Comparison of cultural meanings of Chinese and Russian words about animals. *Vestnik instituta Chifen. Seriya: Kitayskaya filosofiya i sotsial'nye nauki* = Journal of Chifeng College (Philosophy and Social Science). 2008; 1:73–76. (in Russ.)

6. Gavriluk M. A. Zoomorphisms in Chinese as a way of axiological characterization of a person. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2013; 10:136–140. (in Russ.)

7. Guo Yanming, Korovina S. G. The image of dogs in Russian and Chinese superstitious beliefs (based on lexicographical material). *Vestnik ChGPU im. I. Ya. Yakovleva* = I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin. 2020; 3:27–33. (in Russ.)

8. The Comprehensive Dictionary of Chinese Proverbs: encyclopedic edition / ed. by Wen Duanzheng. Shanghai, Shanghai Lexicographical Publishing House, 2011. 1137 p. (in Russ.)

9. Mikhaylova Yu. N., Zhao I. Cultural connotations of zoonyms in Russian and Chinese idioms. *Izvestiya UrFU. Seriya 2. Gumanitarnye nauki* = Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts. 2016; 4:168–181. (in Russ.)

10. Belevtsova T. B. Zoomorphic metaphor as a reflection of the Russian language picture of the world. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. 2019; 4:185–189. (in Russ.)

11. Shan Bofei, Sai Na, Liu Zhiqiang. Images of animals and birds in Russian and Chinese linguistic cultures. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* = Society: Philosophy, History, Culture. 2021; 11: 114–122. (in Russ.)

12. Cui Lulu. Bird Symbolism in the Russian and Chinese Linguistic Worldview. *Philological sciences. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philology. Theory & Practice. 2021; 14(11):3600–3605. (in Russ.)

13. Liu Guangzhun, Huang Suhua. Discussion about Russian and Chinese languages and cultural customs. Beijing, 1999. 231 p. (in Russ., in Chinese)

14. Mosienko E. O. Owls in Russian poetry. *Literaturovedcheskii zhurnal* = The Journal of Literary History and Theory. 2016. Pp. 178–187. (in Russ.)

15. Shvedova N. Yu. Dictionary of Russian language: 70 000 words. Moscow, 2000. 1200 p. (in Russ.)

Информация об авторах:

Ли Сыюй – аспирант филологии.

Ван Дэндэн – магистр.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Li Siyu – Postgraduate (Philology).

Wang Dengdeng – Master's Student.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.04.2025; одобрена после рецензирования 09.04.2025; принята к публикации 10.04.2025.

The article was submitted 02.04.2025; approved after reviewing 09.04.2025; accepted for publication 10.04.2025.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Научная статья

УДК 81-2

doi: 10.51609/2079-3499_2025_16_02_150

О некоторых особенностях словообразования в современном кхмерском языке

Софья Алексеевна Оборская

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир, Россия, oborskayasofi@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-9605-4219>

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются основные исследования в области словообразования кхмерского языка отечественных и зарубежных лингвистов. В целях выявления специфических особенностей словообразовательных моделей анализируются грамматики кхмерского языка на русском, английском, французском и кхмерском языках в части, касающейся морфологии и словообразования. Отмечается, что наиболее подробно данный аспект представлен в грамматике отечественного кхмериста Ю. А. Горгониева, который относил аффиксацию, фонетические щепления, повторы и словосложение к наиболее характерным для кхмерского языка способам словообразования. Данное направление дополняется темой образования неологизмов в современном кхмерском языке. Для ее всестороннего анализа рассматриваются 400 слов, извлеченных методом сплошной выборки из 35000 контекстов кхмероязычной газеты «Пномпень Пост». Автор приходит к выводу, что основными способами создания неологизмов в современном кхмерском языке являются словообразовательная и семантическая деривация, заимствования из других языков. На основании анализа контекстов газеты устанавливается, что словообразование при помощи полуаффиксов является самым продуктивным способом словообразования в современном кхмерском языке. Впервые в кхмеристике рассматривается процесс аббревиации как способ пополнения лексического состава кхмерского языка. Отмечается ведущая роль английского языка как языка-донора заимствований в XXI в. Практическая значимость настоящего исследования заключается в возможности использования полученных выводов в качестве учебных материалов по общему и сравнительно-историческому языкознанию.

Ключевые слова: кхмерский язык, лексика, неологизм, полуаффикс, словообразование, словосложение

Для цитирования: Оборская С. А. О некоторых особенностях словообразования в современном кхмерском языке // Гуманитарные науки и образование. 2025. Т. 16, № 2 (62). С. 150–155. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_150

LINGUISTICS

Original article

On certain features of word formation in the modern Khmer language

Sofia A. Oborskaia

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia, oborskayasofi@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-9605-4219>

Abstract. This article examines the main studies in the field of word formation in the Khmer language by domestic and foreign linguists. In order to identify the certain features of word-formation models, the grammar books on morphology and word formation of the Khmer language in Russian, English, French and Khmer are analyzed. It is noted that this aspect is presented in most detail in the grammar book by the Russian linguist Yu. A. Gorgoniev, who attributed affixation, phonetic splitting, reduplication and compounding to the most typical methods of word formation for the Khmer language. This area is supplemented by the topic of neologism formation in the modern Khmer language. For its comprehensive analysis, 400 words extracted using continuous sampling from 35,000 contexts of the Khmer-language newspaper “Phnom Penh Post” are considered. The

author comes to the conclusion that the main ways of creating neologisms in the modern Khmer language are word-formation, semantic derivation and loanwords from other languages. Based on the analysis of the newspaper contexts, it is proved that word formation using semi-affixes is the most productive way of word formation in modern Khmer. For the first time in Khmer studies, the process of abbreviation is considered as a way of replenishing the lexical composition of the Khmer language. The leading role of English as a donor language of loanwords in the 21st century is noted. The practical significance of this study lies in the possibility of using the obtained conclusions as teaching materials in general and comparative-historical linguistics.

Keywords: Khmer language, vocabulary, neologism, semi-affix, word formation, word composition

For citation: Oborskaia S. A. On certain features of word formation in the modern Khmer language. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education. 2025; 16(2-62):00-00. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_00 and Education. 2025; 16 (2-62): 150-155. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_150

Введение

Кхмерский язык – представитель австроазиатской семьи мон-кхмерской группы языков. В плане словообразования его принято считать преимущественно префиксально-инфиксальным.

Несмотря на то, что существует ряд грамматик кхмерского языка, которые содержат краткие сведения о некоторых моделях словообразования, типах сложных слов, потребности современной науки обуславливают необходимость в обобщении и анализе опыта отечественных и зарубежных лингвистов в области исследования данного раздела грамматики кхмерского языка и обеспечивают актуальность выбранной темы. Кроме того, данный вопрос относится к малоисследованным и требует дальнейшего изучения. Вместе с тем научная новизна настоящей работы связана с ограниченным количеством работ, посвященных словообразованию современного кхмерского языка. Целью исследования является описание актуальных словообразовательных моделей, выявление продуктивных способов словотворчества, способствующих пополнению современного кхмерского языка новой лексикой. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: изучить литературу, освещающую данный раздел кхмерского языка; рассмотреть основные классификации в области словообразования, представленные отечественными и зарубежными лингвистами; проанализировать новую лексику кхмерского языка; выявить и описать основные продуктивные способы пополнения современного кхмерского словаря.

Теоретическая и практическая значимость настоящего исследования заключается в том, что изучение кхмерского языка с новейших лингвистических позиций позволит подготовить новые научные исследования сравнительно-сопоставительного характера и использовать полученные выводы в ходе лекций по спецфилологии кхмерского языка для студентов.

Обзор литературы

Вопросы словообразования кхмерского языка затрагиваются в работах французских лингвистов Э. Эмонье (1889), Ж. Масперо (1915), А. Масперо (1952), которые указывают на существование в архаическом кхмерском языке словообразовательных аффиксов, Ф. Хафмана [1], Ф. Дженнера [2], представившего четкую классификацию аффиксов кхмерского языка, отечественных лингви-

стов Д. И. Еловкова [3], Т. Г. Погибенко [4], опубликовавших подробные и комплексные описания словообразования в кхмерском языке, а также камбоджийских исследователей Чай Сокхая [5] и Соун Асота [6], которые рассматривают процесс создания новых слов при помощи префиксов, суффиксов и инфиксов, а также путем сложения слов или основ. Автором наиболее подробной грамматики кхмерского языка, в которой системно описывается раздел словообразования, является советский лингвист Ю. А. Горгониев, рассматривавший данную проблематику с точки зрения диахронии [7].

Материалы и методы

Материалом для настоящего исследования послужили 400 слов, извлеченных методом сплошной выборки из 35000 контекстов (предложений) кхмероязычной газеты «Пномпень Пост», содержащей статьи, посвященные аспектам внутренней и внешней политики Камбоджи, бизнесу, общественной жизни и культуре и подготовленные камбоджийскими журналистами. Уникальной чертой статьи является предложенная автором транслитерация лексики кхмерского языка на русском языке, не имеющая до настоящего времени аналогов в отечественной лингвистике и апробированная им при длительной работе в стране изучаемого языка.

Результаты исследования

1. Из истории изучения словообразования в кхмерском языке. Различные грамматики кхмерского языка содержат краткие сведения о некоторых моделях словообразования, типах сложных слов. Французские лингвисты Э. Эмонье (1889), Ж. Масперо (1915), А. Масперо (1952) писали о существовании в архаическом кхмерском языке словообразовательных аффиксов. В то же время в кхмерско-французском словаре Дж. Гидона в одной статье дается не только слово с переводом, но и словоформы, предварительно являющиеся дериватом этого слова, что ставит под сомнение тезис о том, что все эти близкие по фонетическому облику слова могли быть образованы исключительно путем аффиксации.

Ф. Хафман описал процесс создания дериватов за счет аффиксации, выделив префиксы, инфиксы, суффиксы и словосложение [1, р. 147–153]. В своей диссертации, посвященной аффиксации в современном кхмерском языке Ф. Дженнер [2, р. 180–200] проанализировал ограниченный корпус лексики и дал четкую классификацию аффиксов

кхмерского языка, включающую 8 простых префиксов, 6 простых инфиксов, 5 слоговых префиксов и 1 слоговой инфикс.

Совершенно с иной точки зрения описывает кхмерскую аффиксацию российский лингвист Д. И. Еловков. При помощи метода квадрата он выделил 18 аффиксов, посчитав при этом, что общее количество слов, содержащих аффикс, составляет 6–7 % от всей кхмерской лексики (около 1000) [3, с. 56–57]. К основным функциям аффиксов кхмерского языка он отнес образование каузативов и существительных от глаголов и прилагательных.

Дж. Хайман писал, что кхмерский язык – это язык, обладающий сложной системой деривационных аффиксов, большая часть которых не имеет смыслового значения и применяется исключительно «как декорации», тем самым нарушая принцип экономии и прозрачности при передаче информации [8, р. 225–250]. Т. Г. Погибенко с учетом результатов сравнительного анализа родственных языков и диахронических свидетельств опровергла тезис Дж. Хаймана о «декоративной» морфологии кхмерского языка и доказала, что его выводы являются следствием некорректных и неполных семантического и синтаксического анализов [4, с. 256–267].

Камбоджийские лингвисты, которые занимаются в основном описанием языка в синхронном плане, упоминают в своих работах лишь процессы создания новых слов при помощи префиксов, суффиксов и инфиксов, а также путем сложения слов или основ [5, р. 250–280]. Так, Соун Асот дает следующую классификацию морфем кхмерского языка: свободные (используются самостоятельно), соединительные (используются самостоятельно или совместно со свободными морфемами) и деривационные (не обладающие автономией) [6, р. 286–287].

Наиболее подробное и комплексное описание словообразования в кхмерском языке принадлежит отечественному лингвисту Ю. А. Горгониеву, который рассмотрел данную проблематику с точки зрения диахронии. Древнее словообразование у него представлено одногласными аффиксами (префиксами и инфиксами), современное – как одногласными, так и усиленными аффиксами (с помощью присущего гласного и носового согласного или плавного *p* и присущего гласного). Функции большинства префиксов, по мнению автора, неясны.

Основная роль инфиксов – образование имен от предикативов. Ю. А. Горгониев выделял три словообразовательных носовых инфикса *-m*-, *-n*- и *-omn*-, которые хотя и сохраняют четкие значения, но все же являются непродуктивными или малопродуктивными [7, с. 56–57]. Особый интерес вызывают выделяемые автором полуаффиксы – продуктивные словообразовательные элементы, которые не утратили формальную и семантическую связи с самостоятельной лексемой. К основным чертам полуаффиксов кхмерского языка отечественный лингвист относил полную независимость от фонетической структуры корня, связь со служебными или знаменательными словами, а также наличие заимствованных элементов в числе полуаффиксов, име-

ющихся в языке. При этом отличительной чертой полуаффиксов является их словообразовательная продуктивность.

Полуаффиксы у Ю. А. Горгониева представлены:

– полупрефиксами: *a:ko:n* / *a:ko:n* «негодник»: существительное *коун* / *ko:n* «ребенок» + полупрефикс со значением негативного признака *a:* / *a:*; *nek:luk* / *nək:luk* «продавец»: глагол *лук* / *luk* «продавать» + полупрефикс *нек* / *nək* со значением лица по профессии; *ko:nkhla:* / *ko:nkhla:* «тигренок»: существительное *кхла:* / *khla:* «тигр» + полупрефикс со значением уменьшительности *коун* / *ko:n* для образования существительных; *ka:a:n* / *ka:a:n* «чтение»: глагол *а:н* / *a:n* «читать» + полупрефикс *ка:* / *ka:* со значением действия или процесса;

– полусуффиксами: *ti:nborote:x* / *cunborote:h* «иностранец»: прилагательное *бороте:x* / *borote:h* «иностранный» + полусуффикс *тиун* / *cun* (согласно этимологическому словарю, «человек»); *pholitokam* / *pholitokam* «производство»: глагол *пхолит* / *pholit* «производить» + полусуффикс *кам* / *kat* (значение согласно этимологическому словарю «дело»); *keila:ko:* / *keila:kp:* «спортсмен»: существительное *кейла:* / *keila:* «спорт» + полусуффикс со значением «деятель» *ко:* / *kp:* (значение согласно этимологическому словарю «рука»); *di:ti:mxo:lpheəvu:pni:ɣkam* / *di:ci:thv:lpheəvu:pni:ɣkam* «цифровизация»: прилагательное *ди:ти:mxo:л* / *di:ci:thv:l* «цифровой» + полусуффикс существительных *пхиву:пони:йкам* / *pheəvu:pni:ɣkam* со значением «процесс».

К другим характерным и широко распространенным способам словообразования в кхмерском языке Ю. А. Горгониев относит:

– фонетическое щепление – образование нового слова путем варьирования его различных составляющих на фоне одного общего элемента, которое не обусловлено строгими правилами и может происходить по трем моделям: изменение инициала при сохранении гласного и финали, изменение финали при сохранении гласного и инициала и изменение сразу двух элементов слога из трех: *phkar* / *phkar* «переворачивать» и *krɔlap* / *krɔlap* «переворачиваться, опрокидываться»; *snja:u* / *snja:u* «белоснежный», *snja:u* / *snja:u* «сверкающий ослепительной белизной», *skong* / *skɔŋ* «совершенно белый», *sko:* / *skɔ:* «сахар»; *sruot* / *sruot* «острый» (о предмете) и *krɔluot* / *krɔluot* «острый» (о голосе); *cham* / *cham* «быстрый» и *chal* / *chal* «стремительно»;

– повтор – способ словообразования, при котором образуется часть слова, не употребляющаяся отдельно без исходного слова, или слово, отличающееся от него лишь оттенком значения и составляющее с ним соотносительную пару: *bondaə* / *bondaə* «передвигать» и *bondaə-bondaə* / *bondaə-bondaə* «постепенно», *ka:ɣ* / *ka:u* «рыться» и *ko:ɣ* / *ko:u* «долго и упорно рыться», *tomuəl* / *tɔtuəl* «получать», *tomɣ* / *tɔtɣ* «гранат»;

– словосложение – соединение двух элементов простым соположением без фонетической трансформации на стыках: *dei-məan* / *dei-səan* «континент», *ti:-kronɣ* / *ti:-kronɣ* «город», *mxnɣai-bon* /

thɣai-bɔn «праздник» или с фонетическими изменениями: *банна:лай* / *banna:lay* «библиотека» от *бан* / *ban* «билет, карточка» + *а:лай* / *a:lay* «помещение», *ка:каба:т* / *ka:kaba:t* «крест» от *ка:к* / *ka:k* «ворон» + *ба:т* / *ba:t* «нога».

В зависимости от структурных связей внутри сложного слова в кхмерском языке Ю. А. Горгониев выделяет следующие словообразовательные модели:

– атрибутивную (главным образом образование существительных): *камхлы:нг* / *kamphlɔ:ŋ* «огнестрельное оружие» от *кам* / *kam* «спица» + *пхлы:нг* / *phlɔ:ŋ* «огонь», *кхмаудай* / *khmaʊdai* «карандаш» от *кхмау* / *dai* «черный» + *дай* / *dai* «рука», *ти:нгаек* / *sɿ:ŋaek* «чемпион» от *ти:нг* / *sɿ:ŋ* «нога» + *аек* / *aek* «первый», *тыктям* / *twkɕat* «характер» от *тык* / *twk* «вода» + *тям* / *ɕat* «сердце»;

– копулятивную (образование разных частей речи, при этом новое слово имеет ту же общекатегориальную принадлежность, что и составляющие его компоненты): *веахкат* / *veəhkat* «оперировать» от *веах* / *veəh* «потрошить» + *кат* / *kat* «резать», *крупкроан* / *kruŋkrɔan* «достаточный» от *круп* / *kruŋ* «целый» + *кроан* / *krɔan* «достаточный», *пахпоал* / *paŋpɔal* «касаться, затрагивать» от *пах* / *paŋ* «задевать» + *поал* / *pɔal* «трогать», *слоуттронг* / *slo:ttrɔŋ* «добрый» от *слоут* / *slo:t* «добрый» + *тронг* / *trɔŋ* «прямой», *тунтиам* / *cunciat* «народ» от *тун* / *cun* «человек» + *тиам* / *ciat* «нация», *тыкдей* / *twkdei* «территория» от *тык* / *twk* «вода» + *дей* / *dei* «земля»;

– глагольно-объектную (образование глаголов): *боньтиака* / *bɔŋciəka* «командовать» от *боньтия* / *bɔŋciə* «приказывать» + *ка:* / *ka:* «дело», *рутко:й* / *rutkɔ:u* «ввозить контрабандой» от *рут* / *rut* «бегать» + *ко:й* / *kɔ:u* «таможня», *тятка:* / *catka:* «организовывать» от *тят* / *cat* «расставлять» + *ка:* / *ka:* «дело», *те:ньмук* / *se:ŋmuk* «участвовать» от *те:нь* / *se:ŋ* «выходить» + *мук* / *muk* «лицо»;

– результативную (образование глаголов): *проло:нтёан* / *prɔlɔ:ŋtɕaŋ* «сдать экзамен» от *проло:нг* / *prɔlɔ:ŋ* «экзаменоваться» + *тёан* / *tɕaŋ* «прочный», *сдапба:н* / *sdapba:n* «понимать» от *сдап* / *sdap* «слушать» + *ба:н* / *ba:n* «получать», *хаельбат* / *haelbat* «уплыть» от *хаель* / *hael* «плавать» + *бат* / *bat* «исчезать».

2. О словообразовательных моделях неологизмов в кхмерском языке. Как и другие языки мира, кхмерский язык значительно пополняется новой лексикой. Появление неологизмов обусловлено необходимостью обозначения ранее не существовавших предметов, явлений и новых реалий и связано с интенсивным развитием науки, техники, производственных отношений, культуры и экономики. Язык, стремительно реагируя на все происходящее и создавая за короткое время большой массив новаций, обладает глубинным и универсальным свойством – изменчивостью [9, с. 15].

К основным способам создания неологизмов в лингвистике относят:

- словообразовательную деривацию,
- семантическую деривацию,
- заимствование из других языков [10, с. 26–37].

Все три способа ярко представлены в кхмерском языке (рис. 1). Отметим, что к неологизмам в настоящем исследовании мы отнесли такие слова, которые не представлены в новейшем толковом словаре кхмерского языка.



Рис. 1. Основные словообразовательные способы в современном кхмерском языке

1. Словообразовательная деривация. Так, одним из распространенных способов появления новой лексики в кхмерском языке является «привычное» **словообразование**, то есть образование неологизмов по известным кхмерскому языку словообразовательным моделям.

Нами были выявлены следующие способы образования неологизмов:

– приставочный: *пододела:ру:пони:йкам* / *prɔdɔdɔla:ru:pɔni:ykam* «дедолларизация»: существительное *дола:ру:пони:йкам* / *dɔla:ru:pɔni:ykam* «долларизация» + полупрефикс *подо* / *prɔdɔ*; *некди:за:нь* / *nəkdi:za:ŋ* «дизайнер»: существительное *ди:за:нь* / *di:za:ŋ* «дизайн» + полупрефикс *нек* / *nək*; *пехупоул* / *pəhu:pɔl* «многополярный»: существительное *поул* / *pɔl* «полнос» + полупрефикс *пеху* / *pəhu* (аналогичный греческому компоненту *поли-*); *ка:пхоух* / *ka:pho:h* «публикация»: глагол *пхоух* / *pho:h* «публиковать» + полупрефикс *ка:* / *ka:*; *ка:ске:н* / *ka:ske:n* «сканирование»: глагол *ске:н* / *ske:n* «сканировать» + полупрефикс *ка:* / *ka:*;

– суффиксальный: *соко:лопхиву:пони:йкам* / *sɔkɔ:lɔpɰiɰu:pɔni:ykam* «глобализация»: *соко:л* / *sɔkɔ:l* «мировой» + полусуффикс *пхиву:пони:йкам* / *phɰiɰu:pɔni:ykam*, *пипит-хокам* / *pipithɔkam* «диверсификация»: *пипит* / *pipit*: «многочисленный» + полусуффикс *кам/кат*, *чхве:ньнийум* / *chvɛ:ŋɰiɰum*: *чхве:нь/чхве:р* «идеология левых в политике»: «левый» и полусуффикс *нийум* / *ɰiɰum*, *йо:тхиву:пони:йкам* / *yɔ:thiɰu:pɔni:ykam* «милитаризация»: *йо:тхиву/уэ:thiɰ* «военный» + полусуффикс *ву:пони:йкам* / *vu:pɔni:ykam*, *тумны:лопхиву:пони:йкам* / *tumɰɰ:rɔpɰiɰu:pɔni:ykam* «модернизация»: *тумны:н* / *tumɰɰ:p* «современный» + полусуффикс *пхиву:пони:йкам* / *phɰiɰu:pɔni:ykam*;

– словосложение: *пхуепкименйо:тхиву:пони:йкам* / *phɰiɰkɰiɰɛnɰyɔ:thiɰu:pɔni:ykam* «антимилитаризация»: от *йо:тхиву:пони:йкам* уэ: / *thiɰu:pɔni:ykam* «милитаризация» + *кимен* / *kɰiɰ* «не имеется» с полупрефиксом существительных *пхуеп* / *phɰiɰ*, *нектётькоамтро:* / *nəkɕɔtɕkɔamtrɔ:* «подписчик»: *тёть* / *ɕɔt* «нажимать» + *коамтро:* / *kɔamtrɔ:* «поддерживать» с полупрефиксом *нек* / *nək*.

В настоящее время в устной речи и письменных текстах на кхмерском языке все большее распространение получает процесс активизации сокращенных наименований. Это приводит к тому,

что аббревиация становится одним из наиболее приоритетных и продуктивных способов словообразования. Чаще всего аббревиатуры встречаются в виде названий политических организаций, государственных учреждений, болезней, в средствах массовой информации, научной и публицистической литературе.

В последнее десятилетие XX – начале XXI в. аббревиатурная лексика в кхмеристике переживает период активного словообразовательного освоения. В результате этого процесса появляется заметный лексический пласт, границы которого неуклонно расширяются: *a:ziən / a:siən* «АСЕАН» (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии), *e:m / e:t* «СПИД» (синдром приобретенного иммунного дефицита), *e:tə:ɣvi: / e:ca:ivi:* «ВИЧ» (вирус иммунодефицита человека), *ko:vi:t / ko:vi:t* «ковид» (коронавирус), *na:to: / na:to:* – «НАТО» (Организация Североатлантического договора), *pri:k / pri:k* «БРИКС» (межгосударственное объединение Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР), *yo:ne:sko: / yo:ne:sko:* «ЮНЕСКО» (организации ООН по вопросам образования, науки и культуры).

2. Другим способом пополнения лексического состава кхмерского языка является **семантическая деривация** – процесс расширения семантического объема слова, приводящий к появлению полисемии. В результате слово приобретает новое значение, которое зачастую не встречается в словарях. К таким неологизмам мы отнесли: *baito:ng / baito:ng* «зеленый», новое значение – «экологически чистый», *bonxoh / bonxoh* «запускать», новое значение – «публиковать», *kononi: / kononi:* «счет в банке», новое значение – «аккаунт в социальной сети», *nekteulruom / nekco:luam* «участник», новое значение – «подписчик», *pono:k / rəpə:k* «облако», новое значение – «сеть хранения данных – облако» и др.

3. Среди неологизмов кхмерского языка встречается немало **заимствований**. В XXI в. основным языком-донором иноязычной лексики в кхмерском языке стал английский язык. Ряд семантических полей кхмерского языка, прежде всего компьютерная терминология, состоят почти исключительно из англицизмов. Наиболее часто употребляемыми являются следующие английские заимствования, охватывающие различные сферы жизни камбоджийского общества: *di:tu:txo:l / di:ci:thv:l* «цифровой» (736 контекстов), *ko:vi:t / ko:vi:t* «коронавирус» (349 контекстов), *e:lettro:nik / e:lactro:nik* «электронный» (328 контекстов), *nyukle:ə / nyukle:ə* «ядерный» (303 контекста), *pla:stik / pla:stik* «пластик» (248 контекстов), *o:nla:n / vnla:n* «онлайн» (244 контекста), *ge:m / ge:m* «игра» (153 контекста), *vi:de:ou / vi:de:o:* «видео» (149 контекстов), *i:ntɣ:net / i:ntɣ*net* «интернет» (99 контекстов), *dro:n / dro:n* «дрон» (86 контекстов).

Обсуждение и заключения

В настоящей статье обобщен материал исследований отечественных и зарубежных лингвистов в области словообразования кхмерского языка. Наиболее полной представляется, по нашему мнению, классификация Ю. А. Горгониева, который впервые в кхмеристике с опорой на созданные ранее грам-

матики дал четкое описание основных методов словообразования в кхмерском языке. В частности, он подробно рассмотрел такие понятия, как словообразование при помощи аффиксов и полуаффиксов, фонетическое щепление, повтор и словосложение по 4 моделям: атрибутивной, копулятивной, глагольно-объектной и результативной.

Анализ современной лексики кхмерского языка позволил нам сделать следующие выводы:

1. Ведущим способом словообразования в кхмерском языке является словопроизводство при помощи полуаффиксов. Из представленных примеров отчетливо видно, что чаще всего используются такие полуаффиксы, как *ka:/ka:*, который служит для образования существительных от глаголов и имеет отвлеченное значение действия, состояния, процесса; *niyom / niyom*, используемый для образования существительных со значением состояния, качества, названия учений и общественных течений (аналогичный суффиксу *-изм* в русском языке), и *phievu:poni:ɣkam / phievu:poni:ɣkam* или *vu:poni:ɣkam / vu:poni:ɣkam* (аналогичный конечно-му элементу *-зация* в словах русского языка).

2. Ранее не описанное применительно к кхмерскому языку понятие аббревиации является одним из продуктивных словообразовательных способов, играющих важнейшую роль в культурной и общественно-политической жизни камбоджийской нации.

3. В настоящее время английский язык, будучи наиболее распространенным языком международного общения, выступает основным «поставщиком» заимствований в кхмерский язык.

Полученные результаты представляются важными как для лингвистов, исследующих языки Юго-восточной Азии, так и для студентов, изучающих кхмерский язык, так как исследование кхмерского языка с новейших лингвистических позиций позволит сформировать на представленной базе новые научные исследования, посвященные как кхмерскому языку, так и родственным ему языкам. В то же время, учитывая его слабую изученность, существует необходимость продолжать исследования в целях создания более полной языковой картины, а также определения наиболее актуальных тенденций в морфологии современного кхмерского языка.

Список источников

1. Huffman F. E. An outline of Cambodian grammar: Ph. D. thesis. New York : Cornell University, 1967. Pp. 147–153.
2. Jenner P. Affixation in modern Khmer: Ph. D. thesis. Hawaii : University of Hawaii, 1969. Pp. 180–200.
3. Еловков Д. И. Структура кхмерского языка. Фонетика, фонология, лексика, семантика. Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2006. С. 56–57.
4. Погибенко Т. Г. Можно ли считать, что кхмерский язык – это язык с «декоративной» морфологией? (Критика взглядов Дж. Хаймана на кхмерский язык) // Вестник Института востоковедения РАН, 2019. Т. 2, № 8. С. 256–268.
5. Chay Sokhay. Khmer grammar.

Phnom Penh : Khmer books Edition, 2020. Pp. 250–280.

6. Soun Orsoth. Information of Khmer Grammar. Phnom Penh : Asia Euro University, 2013. Pp. 286–287.

7. Горгониев Ю. А. Грамматика кхмерского языка. М. : Наука, 2009. 315 с.

8. Haiman J. Cambodian Khmer. London : Macalester College St. Paul, 2011. Pp. 225–250.

9. Жданова Е., Рацибурская Л. Факторы неологизации в русском языке рубежа XX–XXI веков. Гданьск : Studia Rossica Gedanensia, 2020. С. 15–25

10. Вендина Т. И. Введение в языкознание. М. : Высшая школа, 2023. С. 26–37..

References

1. Huffman F. E. An outline of Cambodian grammar: Ph.D. thesis. New York, Cornell University, 1967. Pp. 147–153.

2. Jenner P. Affixation in modern Khmer: Ph. D. thesis. Hawaii, University of Hawaii, 1969. Pp. 180–200.

3. Elovkov D. I. Structure of the Khmer language. Phonetics, phonology, vocabulary, semantics. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University, 2006. Pp. 56–57. (In Russ.)

4. Pogibenko T. G. Is Khmer a language with “decorative” morphology? (On John Haiman’s vision of Khmer). *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN* = Journal of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2019; 2(8):256–268. (In Russ.)

5. Chay Sokhay. Khmer grammar. Phnom Penh, Khmer Books Edition, 2020. Pp. 250–280. (In Khmer)

6. Soun Orsoth. Information of Khmer Grammar. Phnom Penh, Asia Euro University, 2013. Pp. 286–287. (In Khmer)

7. Gorgoniev Yu. A. Khmer Grammar. Moscow, Nauka, 2009. 315 p. (In Russ.)

8. Haiman J. Cambodian Khmer. London, Macalester College St. Paul, 2011. Pp. 225–250.

9. Zhdanova E., Ratsiburskaya L. Factors of neologization in the Russian language at the turn of the 20th–21st centuries. Gdansk, Studia Rossica Gedanensia, 2020. Pp. 15–25. (In Russ.)

10. Vendina T. I. Introduction to Linguistics. Moscow, Higher School, 2023. Pp. 26–37. (In Russ.)

Информация об авторе:

Оборская С. А. – соискатель.

Information about the author:

Oborskaia S. A. – External Postgraduate Student.

Статья поступила в редакцию 13.03.2025; одобрена после рецензирования 19.03.2025; принята к публикации 20.03.2025.

The article was submitted 13.03.2025; approved after reviewing 19.03.2025; accepted for publication 20.03.2025.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Научная статья

УДК 811(045)

doi: 10.51609/2079-3499_2025_16_02_156

Габитусный анализ в роли способа достижения эквивалентности при переводе текста научной тематики

Евгений Сергеевич Чудаев

Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева, Саранск, Россия,
noopyat23@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-3017-877X>

Аннотация. Данная статья затрагивает специфику достижения эквивалентности перевода благодаря применению габитусного анализа. Автором при рассмотрении культурно-языковых особенностей текста, а также процесса перевода с точки зрения не только лингвистического, но и социального процесса выявляются наиболее выгодные переводческие стратегии и решения. В качестве материала для выполнения габитусного анализа служит научная статья «The possibility of the asteroid 2024 YR4 impacting our planet might not be ruled out until 2028, raising the prospect we'll need to prepare for the worst», опубликованная в журнале «Scientific American». В результате исследования автор выполняет габитусный анализ указанного текста, акцентируя внимание на социальной значимости перевода, а также на наличии множественных микрогабитусов, содержащихся в нем.

Ключевые слова: социальное поле, габитус, габитусный анализ, научный текст, эквивалентность перевода

Благодарности: исследование выполнено в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнеров по сетевому взаимодействию (Чувашский государственный педагогический университет имени И. Я. Яковлева и Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева) по теме «Дискурсивное взаимодействие в современном английском языке».

Для цитирования: Чудаев Е. С. Габитусный анализ в роли способа достижения эквивалентности при переводе текста научной тематики // Гуманитарные науки и образование. 2025. Т. 16, № 2 (62). С. 156–160. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_156

LINGUISTICS

Original article

Habitus analysis as a method for achieving equivalence in the translation of scientific texts

Evgeny S. Chudaev

Mordovian State Pedagogical University, Saransk, Russia, noopyat23@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-3017-877X>

Abstract. This article touches upon the specifics of achieving translation equivalence through the use of habitus analysis. Considering the cultural and linguistic features of the text, as well as the translation process from the point of view of not only the linguistic but also the social process, the author identifies the most efficient translation strategies and solutions. The material for the habitus analysis is the scientific article “The possibility of the asteroid 2024 YR4 impacting our planet might not be ruled out until 2028, raising the prospect we'll need to prepare for the worst”, published in the journal “Scientific American”. As a result of the study, the author conducts a habitus analysis of the specified text, focusing on the social significance of the translation, as well as the presence of multiple microhabitus contained in it.

Keywords: social field, habitus, habitus analysis, scientific text, translation equivalence

Acknowledgments: the study was carried out within the framework of a grant for research in priority areas of scientific activity of partner universities in network interaction (Chuvash State Pedagogical University and Mordovian State Pedagogical University) on the topic “Discourse interaction in modern English”.

For citation: Chudaev E. S. Habitus analysis as a method for achieving equivalence in the translation of scientific texts. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education. 2025; 16(2-62):156-160. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2025_16_02_156

Введение

Благодаря постоянным изменениям, происходящим в современном обществе, в особенности связанным с развитием IT-технологий и искусственного интеллекта, а также изменениям внутри не только культурной, но и языковой среды, обусловленным появлением новой лексики, терминов, профессий и т. д., профессия переводчика также подвергается определенным преобразованиям. В связи с этим вопрос об изучении и применении новых методов достижения эквивалентности текста и качества перевода в целом становится как никогда актуальным.

Сегодня процесс перевода выступает одним из ключевых инструментов, служащих для обмена информацией, выходя за пределы языковых и культурных барьеров и оказывая влияние на социальные процессы, происходящие в современном обществе. В статье рассматривается применение габитусного анализа в роли метода достижения эквивалентности перевода текста научной тематики.

Обзор литературы

Как известно, процесс проведения габитусного анализа в фундаментальной степени основывается на научных трудах французского социолога Пьера Бурдьё, создавшего термин габитус и утверждавшего, что это понятие характеризует множество черт, приобретаемых индивидом, а также диспозиций, которыми он располагает [1, с. 32]. Ключевой особенностью габитусного анализа является представление процесса перевода, отражающего не только языковые и лингвистические особенности текста, но и социально-культурные аспекты, заложенные как в передаваемое сообщение, так и в контекст всей ситуации. Как отмечает А. Н. Злобин, «используя концепцию габитуса, перевод можно рассматривать как социокультурную практику, социальное действие в социальном пространстве или социальной сфере, где происходит потребление всего того, что создается людьми в материальном производстве и науке» [2, с. 78].

Перевод научного текста обладает рядом особенностей, выделяющих его на фоне переводов другой тематики. Так, по мнению Е. В. Чаплыгиной, для выполнения качественного перевода текстов научной тематики переводчик, как правило, должен быть не только специалистом в области лингвистики, но и разбираться в той или иной отрасли науки, к которой относится текст, более того, перевод научных статей требует от переводчика знания структуры и правил оформления статьи на языке оригинала и языке перевода [3, с. 11]. Следовательно, для выполнения перевода научного текста переводчику в определенной степени необходимо иметь принадлежность к той области науки, внутри которой находится текст. Достичь этого можно благодаря погружению в другой габитус, что в свою очередь предполагает полноценное понимание описываемых процессов, терминов, моделей поведения и т. д. Иными словами, прежде чем приступить к подобному переводу, специалист должен сам примерить на

себя роль ученого, поскольку в противном случае разобраться в новом тексте и корректно передать его на другой язык будет крайне проблематично. Е. В. Гредновская отмечает, что габитус воспроизводит индивидуальные и коллективные практики в соответствии со схемами, порожаемыми историей, благодаря чему габитус обуславливает активное присутствие прошлого опыта, который существует в форме схем восприятия мыслей и действия [4, с. 118]. Следовательно, сталкиваясь с текстом, содержащим в себе неизвестные термины и методы их описания, переводчику необходимо глубоко погрузиться в габитус, являющийся чуждым и непонятным.

Материалы и методы

В качестве основания для практического применения габитусного анализа выступит статья «Newfound Asteroid May Hit Earth in 2032, Scientists Say», опубликованная в научном журнале «Scientific American» в январе 2025 г.¹.

Результаты исследования

Полагаясь лишь на владение переводческими навыками и знаниями в области лингвистики, предложение *The possibility of the asteroid 2024 YR4 impacting our planet might not be ruled out until 2028, raising the prospect we'll need to prepare for the worst* можно перевести как *Возможность того, что астероид столкнется с нашей планетой, не будет исключена до 2028 года, что повышает перспективу того, что нам придется готовиться к худшему*. Габитус квалифицированного специалиста в области астрономии предполагает использование терминологии, точных данных и научной лексики. Данный вариант перевода является вполне эквивалентным оригиналу, так как очевидны параллелизм в структурной составляющей двух сообщений, передача ситуации и способ ее описания, а также сохранение последовательности языковых единиц, однако слово *possibility* может быть переведено не только как *возможность*, но и как *вероятность*. Второй вариант перевода имеет наибольшую принадлежность к жанрово-стилистической характеристике текста и является более приближенным к научной терминологии. Помимо этого, внимания заслуживает передача слова *prospect*, поскольку наиболее употребляемым эквивалентом является *перспектива*, т. е. вторая часть предложения могла выглядеть следующим образом: «что повышает перспективу того, что нам придется готовиться к худшему». На первый взгляд может показаться, что такой перевод будет наиболее близок к оригиналу текста, однако в этом случае возникает искривленное понимание ситуации, так как слово «перспектива» все-таки имеет более положительный контекст (например, перспектива роста, перспективный человек). Иными словами, что-то такое, от чего ожидаются положительные изменения в будущем, нечто позитивное. Однако в столкновении астероида с нашей планетой ничего позитивного нет, именно поэтому пере-

1 Newfound Asteroid May Hit Earth in 2032, Scientists Say // URL: <https://www.scientificamerican.com/article/will-asteroid-2024-yr24-strike-earth-in-2032/> (дата обращения: 15.02.2025).

дача содержания с использованием такого эквивалента, как «вероятность» будет более нейтральной и корректной. По этой причине получается следующий перевод: «Вероятность столкновения астероида 2024 YR4 с нашей планетой не будет исключена до 2028 года, что повышает вероятность того, что нам придется готовиться к худшему».

Необходимо отметить, что каждый человек обладает своим собственным спектром интересов и предпочтений, в связи с чем габитус каждого из нас имеет свойство развиваться и дополняться в совершенно разных областях знаний, языка и культуры. Схожей точки зрения придерживаются А. В. Воронцов и А. И. Громов, отмечая, что «каждый агент имеет собственный вектор развития, который обладает множеством комбинаций социальных детерминаций, что делает габитус каждого агента уникальным» [5, с. 84]. Следовательно, переводчику за время своей карьеры представлено безграничное поле разных сфер деятельности, каждая из которых чем-то отличается и выделяется на фоне других. Поэтому применение габитусного анализа может оказаться полезным не только в контексте одного перевода, этот анализ предоставляет определенные знания и стратегии в случае работы с текстами похожей тематики в будущем.

Рассмотрим другое предложение выбранной статьи: *If an asteroid the size of YR4 were to hit our planet, it would not end life on Earth, but it would be devastating. At that size, the impact would be equivalent to a "10-megaton bomb," Tonry says – more than enough to cause widespread regional decimation.* Не углубляясь в знание физических процессов и терминологии, а лишь полагаясь на имеющиеся лингвистические навыки, получим следующий перевод: *Если астероид размером с YR4 ударит по нашей планете, это не приведет к прекращению жизни на Земле, но это будет разрушительно. При таком размере удар будет эквивалентен 10 мегатонной бомбе, – говорит Тонри, – этого более чем достаточно, чтобы вызвать масштабные региональные разрушения.* В данном предложении встречается характеристика мощности бомбы – 10 мегатонн. После изучения необходимого материала становится очевидно, что термин «мегатонна» был создан в ядерной физике, среди ученых это определение часто применяется с целью оценки приблизительной мощности ядерного оружия (1 мегатонна по своей мощности эквивалентна 1 миллиону тонн тротила). В свою очередь, тротил (тринитротолуол) является синтетическим взрывчатым веществом с отличительно высокой плотностью на фоне других взрывчатых веществ. Более того, он обладает большим количеством энергии при детонировании, а также весьма устойчив к воздействию влаги и изменению температуры, что впоследствии положительно сказывается на способе его хранения и транспортировки. Тротил широко используется как в военных, так и в гражданских целях: 1 тонна такого вещества при взрыве может полностью разрушить все здания в радиусе 100–200 метров. Исходя из текста статьи становится понятно, насколько ужасными могут быть последствия столкновения астероида YR4 с Землей.

10-мегатонная бомба эквивалентна 10 миллионам тонн тротила, что может полностью уничтожить все живое в радиусе нескольких десятков километров. Для того чтобы перевод данного предложения был более адекватным с точки зрения переводческого габитуса, необходимо изменить порядок слов в предложении и заменить некоторые языковые единицы лексикой научного жанра. Таким образом, после погружения в габитус физика-ядерщика и использования уже имеющегося габитуса переводчика мы можем избавиться от некоторой «шороховатости» текста и получить эквивалентный перевод: *По словам Тонри, при таком размере астероида сила удара будет сопоставима со взрывом бомбы мощностью 10 мегатонн, чего будет более чем достаточно для возникновения широкомасштабных региональных разрушений.*

Процесс выполнения габитусного анализа данного текста необходимо начинать с определения социального поля перевода. Текст относится к виду научного перевода, а также сохраняет за собой научную жанровую принадлежность, выраженную как в стилистических, так и в смысловых особенностях. Статья рассказывает о работе ученых, отслеживающих траекторию новооткрытых астероидов и вычисляющих их потенциальную опасность для нашей планеты.

Габитус участников. Агенты данного социального поля проявляют глубокое понимание физических, математических и космологических процессов. Габитус предполагает наличие знаний в разных технических областях науки и показывает паттерны поведения ученых-астрономов. Их исследования относятся к научному дискурсу и могут быть интересны не только агентам из данного социального поля или смежного с ним, но и человеку, отдаленному от данной области науки, поскольку опасность, выявленная в процессе наблюдения за небесным телом, затрагивает любого жителя нашей планеты.

Взаимодействие с социальным полем. Прежде всего данная статья оказывает влияние на научный мир, в особенности затрагивая область астрономии и астрофизики. Переводчик, погружаясь в выявленные микрогабитусы, может подчеркнуть некоторые особенности происхождения тех или иных процессов, а также специфику их эквивалентного перевода. Габитус специалиста вбирает в себя множество социальных и профессиональных аспектов, благодаря изучению используемой лексики, стратегий поведения, общепринятых наименований и методов работы.

Социальная значимость. Изученные данные могут оказать положительное влияние на международное сотрудничество нескольких государств, поскольку проблема, указанная в тексте, обладает мировым масштабом и не ограничивается только локальным интересом изучения потенциально опасного астероида. Помимо этого, информация, полученная из текста, имеет прямую пользу для научного сообщества, поскольку предоставляет точные расчеты возможного столкновения астероида с Землей, а также объясняет принцип работы алго-

ритмов, позволяющих получить указанные данные.

Наличие микро- и макрогабитусов. Габитус ученого, выраженный использованием точных данных (названный 2024 YR4 объект размером от 40 до 100 метров был замечен 27 декабря, вероятность того, что YR4 столкнется с Землей 22 декабря 2032 года, равнялась 1,3 %), использование специальной лексики, относящейся к габитусу астронома (*астероид, телескоп, планета, луна, Апофис*), габитусу физика-ядерщика (*тринитротолуол, мегатонна, взрыв*), габитусу работника МАС, выраженному в понимании процессов поиска и наименования небесных тел (*наименование астероида YR4, специальные таблицы, определяющие наименование на основе даты обнаружения небесного тела*), габитусу астробиолога, выявленный в структурировании отдельных классов астероидов в зависимости от их состава (*углеродный, каменный, металлический*). Помимо этого, в тексте довольно часто используются имена собственные и аббревиатуры: *Апофис, Аризонский университет, МАС, ЕКА, Sentry, Nasa, Atlas* и т. д.

Обсуждение и заключения

Таким образом, использование габитусного анализа как метода достижения эквивалентности позволяет проанализировать уровень компетенции переводчика, выделить его слабые и сильные стороны и определить, в каком направлении необходимо искать новые знания и опыт. Погружение в другой габитус в процессе перевода имеет теоретическую ценность и практическую значимость, поскольку габитусный анализ, выполненный на основе научной статьи об астероиде YR4, на практике показывает специфику мышления и поведения специалиста в процессе перевода, благодаря выявлению в тексте наиболее слабых (а значит, представляющих угрозу для качества перевода) деталей и стратегии работы с ними. Сопоставление разных вариантов перевода, выполненного до и после изучения новых данных, а также погружения в неизвестные габитусы, свидетельствует о достижении необходимого уровня эквивалентности текста, поскольку процессы, происходящие в контексте оригинального сообщения, становятся понятными не только автору, но и переводчику. В процессе перевода специалисту так или иначе придется столкнуться не только с наиболее выраженными габитусами, но и с теми, которые менее распространены, поскольку процесс взаимодействия общества и перевода в этом обществе подразумевает постоянное слияние разных по своей сути и структуре областей науки, знаний, терминов и культурных отличий [6, с. 394]. Точка зрения, затрагивающая вопрос влияния искусственного интеллекта на процесс перевода, находит отражение и в других исследованиях. Например, И. А. Аржанова, Л. В. Самосудова и Н. В. Еремкина отмечают, что на сегодняшний день «инструменты с элементами ИИ, даже не подготовленные для выполнения таких стандартных задач, как понимание текста, перевод и генерация текста, способны успешно их решать без уже привычной нам практики обращения к словарю» [7, с. 138]. Несомненно, профессия перевод-

чика существует уже множество веков, но именно в современном мире она может подвергнуться наиболее критическим изменениям, и задача каждого причастного к переводу специалиста – сохранить уникальность и искусство владения данным ремеслом, следовательно, крайне важно стремиться к развитию как собственных навыков и знаний, так и всей области переводоведения в целом.

Список источников

1. Бурдые П. Социология социального пространства. СПб. : Алетейя. 2007. 288 с.
2. Злобин А. Н. Габитусный компонент переводческой компетенции // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2020. № 1. С. 76–86.
3. Чаплыгина Е. В. Стратегии перевода научного текста (на примере русскоязычной научной статьи) // Перевод и межкультурная коммуникация. 2021. № 8. С. 10–16.
4. Гредновская Е. В. Габитус как «социальное тело» принуждения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2010. № 8 (184). С. 116–120.
5. Воронцов А. В., Громов А. И. Теоретико-методологические основания социологии П. Бурдые // Вестник Московского университета. Серия: Социология и политология. 2010. № 4. С. 82–102.
6. Чудаев Е. С. Алгоритм выполнения габитусного анализа перевода на примере романа «Мы» Е. И. Замятина // Казанская наука. 2024. № 12. С. 392–397.
7. Аржанова И. А., Самосудова Л. В., Еремкина Н. В. Компьютерные технологии составления и использования словарей // Гуманитарные науки и образование. 2025. Т. 16, № 1 (61). С. 134–139.

References

1. Bourdieu P. Sociology of social space. St. Petersburg, Aletheia, 2007. 288 p. (In Russ.)
2. Zlobin A. N. The habitus component of the translator's competence. *Vestnik Rossiyskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek v sovremennom mire* = Bulletin of the Russian New University. Series: Man in the Modern World. 2020; 1:76-86. (In Russ.)
3. Chaplygina E. V. Strategies for translating scientific text (based on a Russian-language scientific article). *Perevod i mezhku'turnaya kommunikatsiya* = Translation and Intercultural Communication. 2021; 8:10-16. (In Russ.)
4. Grednovskaya E. V. Habitus as a "social body" of compulsion. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social'no-gumantarnye nauki* = Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities. 2010; 8(184):116-120. (In Russ.)
5. Vorontsov A. V., Gromov A. I. Theoretical and methodological foundations of P. Bourdieu's sociology. *Vestnik Moskovskogo universiteta* = Moscow State University Bulletin. Series: Sociology and Political Science. 2010; 4:82-102. (In Russ.)
6. Chudaev E. S. Algorithm for performing habitus analysis of translation using the example of the novel "We" by E. I. Zamyatin. *Kazanskaya nauka* = Kazan

Science. 2024; 12:392-397. (In Russ.)

7. Arzhanova I. A., Samosudova L. V., Eremkina N. V. Computer technologies for compiling and using dictionaries. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education. 2025; 16(1-61):134-139. (In Russ.)

Информация об авторе:

Чудаев Е. С. — аспирант кафедры лингвистики и перевода.

Information about the author:

Chudaev E. S. — Postgraduate of the Department of Linguistics and Translation.

Статья поступила в редакцию 25.04.2025; одобрена после рецензирования 29.04.2025; принята к публикации 30.04.2025.

The article was submitted 25.04.2025; approved after reviewing 29.04.2025; accepted for publication 30.04.2025.

РЕЦЕНЗИИ, ИНФОРМАЦИЯ, МНЕНИЯ

Информационный отчет

УДК 37.047(047.5)

doi: 10.51609/2079-3499_2025_16_02_161

Научное измерение проблем профессиональной ориентации и профессионального самоопределения обучающихся: подводя итоги Всероссийской научно-практической конференции «Профессиональная ориентация и профессиональное самоопределение обучающихся: вызовы времени», посвященной памяти академика РАО, доктора педагогических наук, профессора С. Н. Чистяковой

Татьяна Ивановна Шукшина

Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева, Саранск, Россия,
TIshukshina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7786-9589>

REVIEWS, INFORMATION, OPINIONS

Informational Report

Scientific dimension of the problems of professional orientation and professional self-determination of students: summing up the results of the All-Russian scientific and practical conference "Professional orientation and professional self-determination of students: challenges of the time", dedicated to the memory of the academician of the Russian Academy of Education, doctor of pedagogical sciences, professor S. N. Chistyakova

Tatyana I. Shukshina

Mordovian State Pedagogical University, Saransk, Russia, TIshukshina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7786-9589>

11 апреля 2025 г. состоялась ставшая традиционной [1; 2], 4-я Всероссийская научно-практическая конференция «Профессиональная ориентация и профессиональное самоопределение обучающихся: вызовы времени», посвященная памяти Светланы Николаевны Чистяковой, академика Российской академии образования, выдающегося ученого-профориентолога, педагога с большой буквы, вдохновенного наставника и просто замечательного человека [3]. Конференция была организована и прошла под эгидой Российской академии образования, в частности отделения профессионального образования. Организаторами мероприятия стали Мордовский научный центр Российской академии образования при Мордовском государственном педагогическом университете имени М. Е. Евсевьева и Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И. М. Губкина.

Конференция направлена на определение современных тенденций к осуществлению профессиональной ориентации и сопровождению профессионального самоопределения обучающихся, выявление и распространение лучших практик профориентационной деятельности образовательных организаций. В ее работе изъявили желание при-

нять участие свыше 400 представителей научных и образовательных организаций нашей страны. География участников обширна: ученые-педагоги российских регионов от Калининграда до Благовещенска, зарубежные коллеги из Азербайджана, Китая, Молдовы.

Главным событием стало проведенное пленарное заседание, модератором которого выступила Т. И. Шукшина, доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе Мордовского государственного педагогического университета имени М. Е. Евсевьева, руководитель Мордовского научного центра РАО. Основные локации открылись в Мордовском государственном педагогическом университете имени М. Е. Евсевьева и Российском государственном университете нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И. М. Губкина.

Со словами приветствия к участникам конференции обратилась Ольга Юрьевна Васильева, отметив, что «одним из ключевых вопросов на современном этапе становится подготовка педагогов к деятельности по профессиональной ориентации и поддержке профессионального самоопределения молодежи. Академик РАО Светлана Николаевна Чистякова выделяла необходимость “в практике

профессиональной работы с учащейся молодежью шире использовать информационные источники и инструменты... и особое внимание уделить подготовке кадров-профориентологов в условиях непрерывного образования, обеспечивая преемственность на всех возрастных этапах подготовки детей и молодежи к жизненному и профессиональному самоопределению». Именно объединение усилий науки и практики, представителей государства и бизнеса позволит найти эффективные пути решения проблемы профессиональной ориентации, являющейся интегративной, многоаспектной, комплексной и междисциплинарной».

От РАО также выступил академик Российской академии образования, доктор технических наук, профессор, и. о. академика-секретаря Отделения профессионального образования Российской академии образования Владимир Алексеевич Зернов, отметивший высокий статус мероприятия, его несомненную актуальность и своевременность, значимость для науки и образовательной практики страны.

Приветственный адрес участникам конференции поступил из Департамента кадровой политики Министерства просвещения Российской Федерации. В нем директором Департамента Ириной Александровной Кокоевой было в частности отмечено: «Проведение этой конференции стало доброй традицией, объединяющей ведущих специалистов в области образования, науки и практики. В этом году она проходит на площадке Мордовского государственного педагогического университета имени М. Е. Евсевьева и приобретает особую значимость, будучи посвященной памяти академика Российской академии образования, доктора педагогических наук, профессора Светланы Николаевны Чистяковой – выдающегося ученого, внесшего неоценимый вклад в развитие российской педагогики и теории профориентации. Целью конференции является определение тенденций к осуществлению профессиональной ориентации и сопровождению профессионального самоопределения обучающихся, выявление и распространение лучших практик профориентационной деятельности образовательной организации. Особенно символично, что конференция проходит в Год защитника Отечества. Профессиональное самоопределение, как и служение Родине, требует ответственности, внутренней зрелости и готовности делать осознанный выбор. Эти качества лежат в основе формирования молодых людей, готовых работать с пользой для общества и страны. Воспитание молодежи на примерах трудовых и жизненных достижений, преданности делу и стремления быть полезным обществу – важная задача образования. Именно такой подход помогает вырастить поколение, которое не боится брать на себя ответственность и уверенно строит свое будущее. Уверена, что конференция станет источником продуктивных идей, научных открытий и эффективных решений, которые найдут отражение в образовательной политике и практической дея-

тельности. Желаю всем участникам успешной работы, содержательных дискуссий и вдохновения на пути к новым достижениям!».

Участников конференции также приветствовала Оксана Владимировна Шуляпова, заместитель Главы городского округа Саранск – Директор Департамента по социальной политике Администрации городского округа Саранск, кандидат педагогических наук, которая выразила уверенность в том, что «наша совместная деятельность даст продуктивные результаты в деле развития образования в городском округе Саранск и будет способствовать выстраиванию эффективной системы профессиональной ориентации и профессионального самоопределения обучающихся».

Далее участниками конференции были заслушаны доклады и выступления, которые характеризовались глубиной научных подходов к проблемам профессиональной ориентации и профессионального самоопределения в современных условиях, а также широтой исследовательского поля педагогических разработок.

Теме «“Школа новых возможностей”: сопровождение профессионального самоопределения детей участников СВО» было посвящено выступление ректора Мордовского государственного педагогического университета им. М. Е. Евсевьева, доктора педагогических наук, профессора РАО Марины Владимировны Антоновой.

Ректор РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина, академик Российской академии образования, доктор экономических наук, профессор Виктор Георгиевич Мартынов обозначил фундаментальные положения по теме «Профессиональное самоопределение: новые вызовы и традиционные ценности».

Член-корреспондент Российской академии образования доктор педагогических наук, профессор, директор Научно-образовательного центра развития образования института «Высшая школа государственного управления» Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации Владимир Игоревич Блинов посвятил свое выступление теме «Современная профессиональная ориентация и социально-профессиональная акмеология».

Научно-педагогические и методические подходы к отечественной профессиональной ориентации С. Н. Чистяковой достаточно широко применяются в Кемеровской области. Развивая идеи Светланы Николаевны, ее ученица Ольга Юрьевна Елькина, доктор педагогических наук, профессор, профессор РАО, заместитель директора по образовательной деятельности, заведующая кафедрой педагогики и методики начального образования факультета психологии и педагогики федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный университет», размышляла о том, каким образом реализуется преемственность в подготовке будущих учителей начальных классов в си-

стеме «колледж – университет».

Петр Васильевич Новиков, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Мордовского государственного педагогического университета имени М. Е. Евсевьева, выступил по теме «Субъектность как основа профессионального самоопределения обучающихся».

От научного совета Отделения профессионального образования РАО представила результаты исследования Алла Дмитриевна Иванова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии, истории и социального инжиниринга Уфимского государственного нефтяного технического университета. Ее выступление «Студенческие конструкторские бюро в вузах: профориентация для школьников и кадровый задел для индустрии» было посвящено проблеме организации студенческих конструкторских бюро и их роли в профориентационной работе.

Проблема осуществления пропедевтики профессионального выбора в дошкольном и младшем школьном возрасте стала лейтмотивом выступления Антона Юрьевича Смирнова, научного руководителя «Центра научных исследований в сфере профориентации и психологии труда», ведущего разработчика «Образовательного проекта Навигатум».

В ходе пленарного заседания состоялось награждение победителей региональной олимпиады для школьников по педагогике «Старт в профессию», которая прошла в стенах Мордовского государственного педагогического университета имени М. Е. Евсевьева. Олимпиада нацелена на раскрытие и развитие научно-творческого потенциала школьников, проявляющих способности и интерес к педагогической деятельности. Для участия в ней было подано более 40 заявок от обучающихся старших классов г. Саранска и районов Мордовии. Высокие результаты показали Дешина Анна Дмитриевна, МБОУ «Ковылкинская средняя общеобразовательная школа № 4» (победитель); Асташкина Елизавета Валерьевна, МБОУ «Инсарская средняя общеобразовательная школа № 2», Карпушкина Александра Ивановна, МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 5», г. Саранск (призеры II степени); Климова Кира Евгеньевна, МБОУ «Ковылкинская средняя общеобразовательная школа № 4», Комолятова Маргарита Дмитриевна, МБОУ «Инсарская средняя общеобразовательная школа № 2» (призеры III степени).

Участники 12 научных объединений практиковали в рамках конференции различные формы научно-практического взаимодействия: дискуссионные площадки, круглые столы, форсайт-сессия, панельная дискуссия и др., на которых обсуждались вопросы профессионального ориентирования обучающихся в условиях современных образовательных вызовов, профессиональной адаптации и профнавигации обучающихся в инклюзивной практике, были обобщены передовые профориентационные практики в естественно-научном образовании.

На пленарном заседании и научных объединениях конференции состоялся продуктивный диалог представителей науки, работников образования, органов государственной власти по вопросам сопровождения профессионального самоопределения. Ключевой темой в обсуждениях стали проблемы организации качественной профориентационной работы с обучающимися с целью формирования кадрового потенциала регионов и Российской Федерации, а также в целом для социализации молодежи.

Участники конференции отметили, что в научном сообществе идет переосмысление подходов к профессиональной ориентации. Современная и эффективная программа должна работать на опережение и способствовать развитию у обучающихся готовности к профессиональному самоопределению, поэтому одним из ключевых вопросов сегодня становится подготовка педагогов к деятельности по профессиональной ориентации и поддержке профессионального самоопределения молодежи. Именно объединение усилий науки и практики, представителей государства и бизнеса позволит найти эффективные пути решения проблемы профессиональной ориентации, являющейся интегративной, многоаспектной, комплексной и междисциплинарной.

Участники конференции приняли решение о ежегодном проведении Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти академика РАО, доктора педагогических наук, профессора С. Н. Чистяковой, «Профессиональная ориентация и профессиональное самоопределение обучающихся: вызовы времени» под эгидой РАО и совместно с Российским государственным университетом нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И. М. Губкина, а также о подготовке и издании сборника научных статей по материалам конференции. Ближайшую встречу решено провести 16 октября 2025 г. в рамках Всероссийской научно-практической конференции «Профессиональная ориентация и профессиональное самоопределение в условиях модернизации системы профессионального образования».

Участники конференции не только отметили вклад Светланы Николаевны в науку, но и выразили глубокую благодарность за ее неоценимую роль в формировании научного сообщества. Эта конференция стала данью уважения и продолжением ее идей и начинаний.

Список источников

1. Шукшина Т. И., Алехина И. Г. Вторая Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная памяти академика Российской академии образования, доктора педагогических наук, профессора С. Н. Чистяковой «Профессиональная ориентация и профессиональное самоопределение обучающихся: вызовы времени» (к 80-летию Российской академии образования) // Гуманитарные науки и образование. 2023. Т. 14, № 4 (56). С. 163–165. DOI 10.51609/2079-3499_2023_14_04_163.

2. Шукшина Т. И., Елькина О. Ю., Борытко Н. М. Традиции и новации: III Всероссийская научно-практическая конференция «Профессиональная ориентация и профессиональное самоопределение обучающихся: вызовы времени» (к 85-летию академика РАО доктора педагогических наук профессора С. Н. Чистяковой) // Гуманитарные науки и образование. 2024. Т. 15, № 2 (58). С. 162–165. DOI 10.51609/2079-3499_2024_15_02_162.

3. Жуина Д. В., Шукшина Т. И. Идеи научной школы Н. Н. Чистякова – С. Н. Чистяковой в организации научно-методического сопровождения профориентационной работы (из опыта мордовского научного центра РАО) // Профессиональная ориентация и профессиональное самоопределение обучающихся: вызовы времени : сборник научных трудов (к 85-летию академика Российской академии образования, доктора педагогических наук, профессора С. Н. Чистяковой). Москва, Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И. М. Губкина, 2024. С. 28–37.

References

1. Shukshina T. I., Alekhina I. G. Second All-Russian scientific and practical conference dedicated to the memory of Academician of the Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor S. N. Chistyakova “Professional orientation and professional self-determination of students: challenges of the time” (to the 80th anniversary of the Russian Academy of Education). *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education. 2023; 14(4-56):163-165. DOI 10.51609/2079-3499_2023_14_04_163. (In Russ.)

2. Shukshina T. I., Elkina O. Yu., Borytko N. M. Traditions and innovations: III All-Russian scientific and practical conference “Professional orientation and professional self-determination of students: challenges of the time” (dedicated to the 85th anniversary of Academician of the Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor S. N. Chistyakova).

Gumanitarnye nauki i obrazovanie = The Humanities and Education. 2024; 15(2-58): 162-165. DOI 10.51609/2079-3499_2024_15_02_162. (In Russ.)

3. Zhuina D. V., Shukshina T. I. Ideas of the N. N. Chistyakov – S. N. Chistyakova scientific school in the organization of scientific and methodological support for career guidance work (from the experience of the Mordovian Scientific Center of the RAE). *Professional'naya orientatsiya i professional'noe samoopredelenie obuchayushchikhsya: vyzovy vremeni* = Professional orientation and professional self-determination of students: challenges of the time: collection of scientific papers (on the 85th anniversary of Academician of the Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogical Sciences Professor S. N. Chistyakova). Moscow, Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University), 2024. Pp. 28-37. (In Russ.)

Информация об авторе:

Шукшина Т. И. – проректор по научной работе, д-р пед. наук, проф., руководитель Мордовского научного центра РАО (Саранск), Заслуж. работник высшей школы РМ, Почет. работник высш. проф. обр. РФ, Почет. работник науки и техники РФ.

Information about the author:

Shukshina T. I. – Vice-Rector for Scientific Work, Dr. Sci. (Pedagogy), Prof., Head of the Mordovian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Saratov), Honored Worker of Higher School of the RM, Honorary Worker of Higher Professional Education of the RF, Honorary Worker of Science and Technology of the RF.

Статья поступила в редакцию 28.04.2025; одобрена после рецензирования 05.05.2025; принята к публикации 06.05.2025.

The article was submitted 28.04.2025; approved after reviewing 05.05.2025; accepted for publication 06.05.2025.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научно-методический журнал «Гуманитарные науки и образование» принимает материалы по следующим направлениям:

– Педагогика (5.8.1 Общая педагогика, история педагогики и образования; 5.8.2 Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования); 5.8.7 Методология и технология профессионального образования);

– История (5.6.1 Отечественная история; 5.6.2 Всеобщая история; 5.6.3 Археология; 5.6.4 Этнология, антропология и этнография);

– Филология (5.9.5 Русский язык. Языки народов России; 5.9.6 Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков); 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика).

Принимаются оригинальные научные статьи на русском и английском языках, соответствующие профилю журнала и отражающие результаты теоретических и / или экспериментальных исследований автора(ов). Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы. Проверка оригинальности (не менее 80 %) осуществляется с помощью системы «Антиплагиат».

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

При оформлении статьи просим учитывать следующие требования:

Текст рукописи набирается шрифтом Times New Roman Cyr размером 14 с межстрочным интервалом 1,5, поля страниц по 2,0 мм.

Ссылки на литературу в тексте заключаются в квадратные скобки с указанием номера источника. Список источников располагается по порядку упоминания в тексте. Надписи и подписи к иллюстративному материалу приводят на языке текста статьи и, как правило, повторяют на английском языке. Внутритекстовые примечания помещают внутри основного текста статьи в круглых скобках, подстрочные – внизу соответствующей страницы текста статьи и связывают с текстом, к которому они относятся, знаками выноски (отсылки). Статья может иметь Приложение (приложения) (с собственным заглавием). При наличии двух и более приложений их нумеруют.

Тип статьи (научная статья, обзорная статья, редакционная статья, дискуссионная статья, персоналии, редакторская заметка, рецензия и т. п., краткое сообщение) указывают в начале статьи отдельной строкой слева.

Текст статьи предваряют индекс **УДК** и **DOI**.

Структура статьи включает следующие элементы:

1. Название статьи. Название (не более 10 слов, без формул и аббревиатур) должно кратко и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного научного исследования. В качестве заглавия рецензии может быть приведена библиографическая запись на рецензируемый ресурс. Подзаголовочные данные (при наличии) помещают после заглавия статьи.

2. Основные сведения об авторе(ах). Основные сведения об авторе(ах) содержат: а) имя, отчество, фамилию (полностью); б) наименование организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица) (если автор работает (учится) в нескольких организациях (учреждениях), указываются сведения о каждом месте работы (учебы); в) адрес организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (город и страна); г) электронный адрес автора; д) ORCID ID. Если в статье несколько авторов, то их имена, отчества и фамилии располагаются или по алфавиту, или в зависимости от вклада в выполненную работу (в принятой ими последовательности).

3. Аннотация. Аннотация выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. Рекомендуемый объем аннотации – не более 250 слов.

4. Ключевые слова. Ключевые слова (словосочетания) должны соответствовать теме статьи и отражать ее предметную, терминологическую область. Количество ключевых слов (словосочетаний) не должно быть меньше 3 и больше 15 слов (словосочетаний).

5. Благодарности. Автор выражает признательность организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи, приводит сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации статьи, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья.

6. Библиографическая запись на статью. Библиографическую запись на статью для дальнейшего цитирования составляют по ГОСТ Р 7.0.5, предваряя словами «Для цитирования:».

7. Представление данных пп. 1–5 в переводе на английский язык. Имя и фамилию автора(ов) приводят в транслитерированной форме на латинице полностью, отчество сокращают до одной буквы (в отдельных случаях, обусловленных особенностями транслитерации, – до двух букв).

8. Текст статьи (на русском или английском языке) с обязательным наличием следующих струк-

турных элементов:

- Введение (Introduction);
- Обзор литературы (Literature Review);
- Материалы и методы (Materials and Methods);
- Результаты исследования (Results);
- Обсуждение и заключения (Discussion and Conclusions).

9. Список использованных источников (на языке оригинала) В перечень включаются записи только те ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи. Библиографические записи нумеруют и располагают в порядке цитирования источников в тексте статьи. Список источников может сопровождаться пристатейным библиографическим списком, который помещают после перечня затекстовых ссылок.

10. References (транслитерация и перевод на английский язык структурного элемента «Список источников» (оформляется в соответствии с Vancouver Style). Транслитерируются фамилия и инициалы автора и название источника, в котором опубликована статья, причем транслитерируются только источники, написанные кириллицей.

11. Информация об авторе(ах). Указываются фамилия и инициалы автора(ов), должность, ученая степень, ученое звание. По желанию: почетные звания, членство в организациях и т. п., международные идентификационные номера.

12. About the author(s) (перевод структурного элемента «Сведения об авторе(ах)» на английский язык).

13. Вклад авторов. После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор и обработка материала, научное редактирование текста и т. д.).

14. Contribution of the authors (перевод структурного элемента «Вклад авторов» на английский язык).

Структурные элементы «Вклад авторов», «Contribution of the authors» оформляются по желанию авторов.

15. Сведения об отсутствии или наличии конфликта интересов.

16. Сведения о дате поступления рукописи в редакцию издания, дате одобрения после рецензирования и дате принятия статьи (даты указываются в редакции журнала).

Материалы, не соответствующие указанным требованиям, не рассматриваются. Рукописи не возвращаются.

Все принятые к рассмотрению статьи в обязательном порядке рецензируются. В журнале принято «двойное слепое» рецензирование.

Политика редакционной коллегии журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении клеветы, авторского права, законности и плагиата, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, и строится с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала и Кодексе поведения для издателя журнала, разработанных Комитетом по публикационной этике (COPE).

Допускается свободное воспроизведение материалов журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии со ст. 1273 и 1274 гл. 70 ч. IV Гражданского кодекса РФ. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

С дополнительной информацией можно ознакомиться на сайтах:

<http://he.mordgpi.ru> (сайт журнала);

http://www.mordgpi.ru/mordgpi_science/index.php (страница журнала на сайте вуза-учредителя).

Адрес редакции: 430007, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Студенческая, 13 б, каб. 325, ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева», редакция журнала «Гуманитарные науки и образование».

Телефоны: (834-2)-33-92-50 (главный редактор),

(834-2)-33-92-54 (зам. главного редактора),

(834-2)-33-93-09 (ответственный за выпуск).

Факс (834-2)33-92-67.

E-mail: gumanitarnie.nauki@yandex.ru.

SUBMISSION GUIDELINES

The scientific-methodical journal “The Humanities and Education” accepts manuscripts in the following spheres:

- Pedagogy (5.8.1 General pedagogy, history of pedagogy and education; 5.8.2 Theory and methodology of teaching and upbringing (by areas and levels of education); 5.8.7 Methodology and technology of vocational education);

- History (5.6.1 Domestic history; 5.6.2 General history; 5.6.3 Archeology; 5.6.4 Ethnology, anthropology and ethnography);

- Philology (5.9.5 Russian language. Languages of the peoples of Russia; 5.9.6 Languages of the peoples of foreign countries (indicating a specific language or group of languages); 5.9.8 Theoretical, applied and comparative-comparative linguistics).

Original scientific articles in Russian and English languages corresponding to the profile of the journal and reflecting the results of theoretical and / or experimental studies of the author(s) are accepted. It is not allowed to send to the editorial board already published articles or articles sent for publication in other journals. Verification of originality (no less than 80 %) is carried out with the help of the system “AntiPlagiat”

ALL SUBMISSIONS MUST ADHERE TO THE FOLLOWING FORMAT

When making an article please note the following requirements:

Use Times New Roman Cyr, font size 14; 1.5 line spacing; 20 mm margins.

Each reference should be enclosed in square brackets indicating the number of the source. List of sources is used in order of mention in the text. Inscriptions and captions to illustrative material are given in the language of the text of the article and, as a rule, are repeated in English. Inline notes are placed inside the main text of the article in parentheses, subscripts – at the bottom of the corresponding page of the text of the article and are associated with the text to which they refer, with callouts (references). An article may have an Appendix (attachments) (with its own title). If there are two or more applications, they are numbered.

The type of article (scientific article, review article, editorial article, discussion article, personalities, editorial note, review, etc., short message) is indicated at the beginning of the article in a separate line on the left.

The text of the article is preceded by the **UDC** and **DOI** index.

The structure of the article should include the following:

1. The title of the article. The title should be short and informative (less than 10 words) and should convey your essential points clearly. The title of the review can be a bibliographic record for the reviewed resource. Subtitle data (if any) are placed after the title of the article.

2. Basic information about the author(s). Basic information about the author (s) contains: a) name, patronymic, surname (in full); b) the name of the organization (institution), its subdivision where the author works or studies (without indicating the organizational and legal form of the legal entity) (if the author works (studies) in several organizations (institutions), information about each place of work (study) is indicated; c) the address of the organization (institution), its subdivision where the author works or studies (city and country); d) the email address of the author; e) ORCID ID. If there are several authors in the article, then their names, patronymics and surnames are arranged either alphabetically, or depending on the contribution to the work performed (in the sequence adopted by them).

3. The abstract. The abstract serves as an extended title of the article and tells about its content. The recommended length of the abstract is no more than 250 words.

4. Keywords. Keywords (phrases) must correspond to the topic of the article and reflect its subject, terminological area. The number of keywords (phrases) should not be less than 3 and more than 15 words (phrases).

5. Acknowledgements. The author expresses gratitude to organizations (institutions), scientific leaders and other persons who have assisted in the preparation of the article, provides information about grants, funding for the preparation and publication of the article, projects, research works, within the framework of or as a result of which the article was published.

6. Bibliographic record for the article. The bibliographic record for the article for further citation is compiled in accordance with STST R 7.0.5, preceded by the words «For citation:».

7. Submission of data p. 1–5 translated into English. The name and surname of the author (s) should be given in full in the Latin alphabet in transliterated form, the patronymic is shortened to one letter (in some cases, due to the peculiarities of transliteration, to two letters).

8. The text of the article. The main body of the article should be presented in Russian or in English with the following structural elements:

Introduction;

Materials and Methods;

Results;

Discussion and Conclusions.

9. List of sources used (in the original language). The list includes records only of those resources that are mentioned or cited in the main text of the article. Bibliographic records are numbered and arranged in the order of citing sources in the text of the article. The list of sources may be accompanied by a cited bibliographic list, which is placed after the list of behind-the-text links.

10. References (transliteration and translation into English of the structural element «List of sources» (drawn up in accordance with Vancouver Style). The surname and initials of the author and the name of the source in which the article is published are transliterated, and only sources written in Cyrillic are transliterated.

11. Information about the author(s). The surname and initials of the author (s), position, academic degree, academic rank are indicated. Optional: titles of honor, membership in organizations, etc., international identification numbers.

12. Contribution of authors. After the surname and initials of the author, his personal contribution to the writing of the article (idea, collection and processing of material, scientific editing of the text, etc.) is briefly described.

13. Information about the absence or presence of a conflict of interest.

14. Information about the date of receipt of the manuscript in the editorial office of the publication, the date of approval after reviewing and the date of acceptance of the article (dates are indicated in the editorial office of the journal).

Materials that do not meet the specified requirements are not considered. Manuscripts will not be returned.

All articles accepted for consideration are subject to mandatory review. The journal has adopted a «double blind» peer review.

The editorial board's policy is based on modern legal requirements in relation to defamation, copyright, legality and plagiarism, supports the Code of Ethics for Scientific Publishing, formulated by the Committee on the Ethics of Scientific Publishing, and is built taking into account the ethical standards of the work of editors and publishers enshrined in the Code of Conduct and Guidelines. Principles of Best Practice for Journal Editors and Code of Conduct for Journal Publishers developed by the Committee on Publication Ethics (COPE).

Free reproduction of journal materials for personal purposes and free use for informational, scientific, educational and cultural purposes in accordance with Art. 1273 and 1274 chap. 70 h. IV of the Civil Code of the Russian Federation is admitted. Other types of use are possible only after the conclusion of appropriate written agreements with the copyright holder.

For further information go to <http://he.mordgpi.ru> (website of journal; http://www.mordgpi.ru/mordgpi_science/index.php (page at the website of the institution-founder)).

The editorial board address of "The Humanities and Education": Room 325, 13b Studencheskaya Street, FSBEI HE "Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseyev", the city of Saransk, the Republic of Mordovia, 430007.

Telephone numbers: (834-2)-33-92-50 (editor-in-chief),

(834-2)-33-92-54 (editor-in-chief assistant),

(834-2)-33-94-90 (executive secretary).

Fax number: (834-2)-33-92-67.

E-mail address: gumanitarnie.nauki@yandex.ru.

Уважаемые авторы!

Осуществляется подписка на научно-методический журнал «Гуманитарные науки и образование». В журнале освещаются оригинальные статьи, содержащие результаты научной и прикладной деятельности в области гуманитарных и общественных наук, а также обзорные статьи по тематике журнала. В нем также отражаются результаты новейших научных исследований, анализ передовых гуманитарных технологий и достижений науки и образовательной практики.

С правилами оформления и представления статей для опубликования можно ознакомиться на сайте института в сети Интернет www.mordgpi.ru, либо в редакции журнала.

Журнал выходит 4 раза в год, распространяется только по подписке. Подписчики имеют преимущество в публикации научных работ. На журнал можно подписаться в почтовых отделениях или оформить online-подписку: индекс в Объединенном каталоге «Почта России» ПР718.

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций, ПИ № ФС77-39855 от 14 мая 2010 г.

По всем вопросам подписки и распространения журнала, а также оформления и представления статей для опубликования обращаться по адресу: 430007, г. Саранск, ул. Студенческая, д. 136, каб. 325. Тел.: (8342) 33-94-90; тел./факс: (8342) 33-92-67; эл. почта: gumanitarnie.nauki@yandex.ru

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЕ

Научно-методический журнал
Том 16, № 2. 2025

Редактор *И. В. Прохорова*
Компьютерная верстка *В. Е. Дерюги*
Дизайн обложки *А. Г. Чиняевой*
Перевод на английский язык *И. И. Кашиановой*

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-39855 от 14.05.2010 г.

Свободная цена

Территория распространения – Российская Федерация
Подписано в печать 23.06.2025 г. Дата выхода в свет 25.06.2025 г.
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 19,76. Тираж 1000 экз. Заказ № 48.

Адрес издателя и редакции журнала «Гуманитарные науки и образование»
430007, Республика Мордовия,
г. Саранск, ул. Студенческая, 11а
Отпечатано в редакционно-издательском центре
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева»
430007, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Студенческая, д. 13